JOANNIS DLUGOSSII

HISTORIAE POLONICAE

SELECTA EX LIBRIS X ET XI
AD PUGNAM APUD

GRUNWALDUM PERTINENTIA

ЯН ДЛУГОШ

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Г. А. СТРАТАНОВСКИЙ, Б. В. КАЗАНСКИЙ,
Л. В. РАЗУМОВСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1962

ОТ РЕДАКЦИИ

Пятнадцатого июля 1960 г. исполнилось 550 лет со дня знаменитой Грюнвальдской битвы, в которой объединенные польские, литовские и русские войска при поддержке чешско-моравских отрядов одержали блистательную победу над войском крестоносцев Тевтонского ордена, могущественного и опасного носителя немецкой агрессии, в течение почти 200 лет державшего эти народы под угрозой порабощения и захватившего многие их земли.

Самое яркое отражение Грюнвальдская битва нашла в труде крупнейшего польского историка Яна Длугоша «История Польши», написанном сравнительно скоро после знаменательной битвы (между 1455 и 1480 гг.).

Познакомить читателя с описанием Грюнвальдской битвы в труде Длугоша и является задачей данного издания. Участники издания предпочли не ограничиваться одним только разделом «Истории» Длугоша, повествующим о событиях 1410 г., но дать также и разделы, излагающие историю предшествовавшей этим событиям многовековой борьбы Польши и Литвы с Тевтонским орденом. Связанные размерами публикации, они остановились на тексте Длугоша в рамках 1386—1411 гг. В этом тексте описываются отношения между сторонами в наиболее напряженный период, после заключения Польско-Литовской унии, вызванная этими отношениями война 1409—1410 гг., знаменитая битва и ее результаты.

По мнению участников издания, такой их выбор обеспечит наиболее полное ознакомление читателя с важнейшими событиями, связанными с Грюнвальдской битвой.

Опущенные при переводе места оригинала, отмеченные в тексте многоточиями, взяты в квадратные скобки.

Оставляя в тексте применяемую Длугошем датировку событий по названиям церковных праздников, составители книги для удобства чи-

тателя перевели ее на соответствующие даты общепринятого календаря, поместив их на полях книги.

Среди иллюстраций помещены снимки нескольких трофейных знамен войска крестоносцев, заимствованные из недавно вышедшей в Польше книги К. Гурского «Banderia Pruthenorum» (Warszawa, 1958). К сожалению, составителям книги не удалось найти снимков знамен польско-литовско-русского войска.

ТЕКСТ

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1386

МАГИСТР ПРУССИИ, ПРЕНЕБРЕГШИ ПРИГЛАШЕНИЕМ, НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НА КРЕЩЕНИЕ И ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО ВЛАДИСЛАВА-ЯГАЙЛЫ, А, СОБРАВ ВОЙСКО, ВМЕСТЕ С БРАТОМ КОРОЛЯ, АНДРЕЕМ, ОПУСТОШАЕТ ЛИТВУ И ЗАНИМАЕТ ПОЛОЦКИЕ ЗЕМЛИ. НО КОРОЛЬ, ПОСЛАВ СКИРГАЙЛУ, БРАТА СВОЕГО, И ВИТОВТА С ПОЛЬСКИМИ РЫЦАРЯМИ, ВОЗВРАЩАЕТ ВСЕ ЗЕМЛИ ОБРАТНО.

[. . .] В это время великий магистр Ордена крестоносцев Пруссии Конрад Цолльнер,[1] раздосадованный предстоящим усилением как Польского королевства, так и литовских земель, ввиду слияния и союза их между собою, пылал то завистью, то опасением, как бы это не оказалось гибельным для него и для его Ордена. Несмотря на полученное через Дмитрия из Горая [2] торжественное приглашение прибыть (в Краков), чтобы воспринять Ягайлу, великого князя литовского,[3] от купели и присутствовать на торжествах его крещения, коронования и свадьбы, магистр Пруссии, зная, что Ягайло и прочие князья, его братья, и главные бояре и рыцари отбыли в Краков, собрал прусское и ливонское войска [4] и двумя отрядами вторгнулся в литовские земли. При этом в его свите находился родной брат великого князя Ягайлы, Андрей,[5] который исповедовал христианство по русскому обряду и бежал к крестоносцам, охваченный желанием с их помощью захватить верховную власть над литовцами и русскими; впоследствии польский король Владислав, взяв его

в плен, заставил претерпеть тюрьму и оковы в замке Хенцины в течение целых трех лет, как опасную для всех заразу.

Конрад Цолльнер, пайдя Литовскую землю опустевшей и покинутой жителями, разделяет свои войска на мелкие отряды, довершая опустошение страны и предавая ее грабежам и пожарам; сверх того, он овладевает без боя литовским замком Лукомлей и отдает его во владение и управление князю Андрею. Также и полочане отказываются от повиновения королю Владиславу и его братьям, литовским князьям, и отдают как свою землю, так и полоцкий замок князю Андрею.

Узнав об этом, король польский Владислав посылает в Литву братьев своих — родного, Скиргайлу,[6] и двоюродного (по отцу) Витовта,[7] придав им большое число польских рыцарей, чтобы дать отпор крестоносцам. Князья, услышав, что враги тем временем, после опустошения страны, возвратились в Пруссию, прямым путем направляются к замку Лукомле и, спустя немного дней, берут его приступом, а поставленный в нем отряд князя Андрея и крестоносцев частью обращают в бегство, частью захватывают в плен или уничтожают. После этого князья вступают в Полоцкую землю, отпавшую от короля; и в то время как ни крестоносцы, ни князь Андрей не оказали помощи полочанам, князья возвращают последним свое благоволение, казнив на плахе только виновников отпадения [. . .]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1387

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ С КОРОЛЕВОЮ ЯДВИГОЙ ПРИБЫВАЕТ В ЛИТВУ И, НИЗВЕРГНУВ ИДОЛОВ, ПРИВОДИТ К КРЕЩЕНИЮ ВСЕ ПЛЕМЕНА, РАЗДАВАЯ ОДЕЖДЫ, ПРИВЕЗЕННЫЕ ИЗ ПОЛЬШИ.

Так как Владислав, король польский, при заключении им договора с Польским королевством и королевой Ядвигой обязался клятвой обратить литовский народ и страну из идолопоклонства и языческого суеверия к поклонению единому истинному богу и к исповеданию католической веры и так как король больше всех стремлений души горел желанием распространить католическую веру, то он направляется в Литву, взяв с собой из Польского королевства Бодзанту, архиепископа гнезненского,[1] и многих набожной и примерной жизни церковных мужей, учением, заботой и деяниями которых христианская вера могла быть посеяна и могла процвести в народе, преданном языческим обрядам, в стране, где до тех пор Христос был неведом и чужд. Но не довольствуясь сопровождением церковных мужей, король Владислав берет с собой королеву Ядвигу, чтобы она увидела новую родину, страну и народ своего супруга, а также князей Мазовии Земовита [2] и Януша [3] и князя Конрада Олесницкого,[4] познанского воеводу Бартоша из Визембурга, каштелянов — сандецкого Кристина из Козеглов [5] и вислицкого Миколая из Оссолина,[6] канцлера Польского королевства Заклику из Мепдзыгожа,[7] подканцлера

Миколая из Мошкожова,[8] чашника Влодка из Харбиновиц,[9] краковских — подкомория Спытка из Тарнова [10] и подчашия Томка [11] и много других вельмож и рыцарей польских.

Король Владислав-Ягайло. Надгробие в Кракове. Деталь
(Из книги: S. Kuczyński. Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim. Warszawa 1960)

По прибытии в Литву король собирает в Вильно съезд в день Пепла.[12] Туда съехались по повелению короля его братья, князья Скиргайло Трокский, Витовт Гродненский, Владимир Киевский, Корибут Новгородский,[13] и большое число рыцарей и простого люда; и в течение многих

дней Владислав, король польский, при содействии католических князей, прибывших с ним, прилагал много стараний к тому, чтобы рыцари и простые люди, отвергнув ложных богов, которым они, обманутые тщетой языческих заблуждений, до тех пор поклонялись, согласились почитать единого истинного бога и поклоняться ему и исповедовать христианскую веру.

Варвары, однако, оказывали сопротивление этому и заявляли, что с их стороны было бы нечестиво и дерзновенно, вопреки установлениям предков, изменить себе, покинуть и ниспровергнуть своих богов, главными из которых были следующие: огонь, его они считали вечным, он поддерживался жрецами, подкладывавшими дрова днем и ночью; леса, почитавшиеся ими священными, ужи и змеи, в которых, по верованию язычников, невидимо пребывают боги.[14] Этот огонь, почитавшийся варварами, как вечный, и сохранявшийся в Вильно, главном городе и столице народа, где жрец, называвшийся на их языке «знич», берег его и питал усердным подкладыванием дров (а также давал ответы молящимся, вопрошавшим божество о будущем ходе вещей, будто бы получая их от бога),[15] король Владислав распорядился потушить на глазах у варваров. Капище и жертвенник, на котором совершалось заклание жертв, король также приказал разрушить; сверх того, он повелел вырубить рощи в лесах,[16] почитавшиеся священными, и сломать в них ограды; а ужей и гадов, которые имелись в каждом доме в качестве домашних богов, перебить и уничтожить При этом варвары только плачем и стенаниями провожали ниспровержение и гибель своих ложных богов и божеств, не осмеливаясь роптать на повеление короля.

Когда же были сломаны и уничтожены идолы [17] и литовцы воочию убедились в ложности своих богов и поняли, что были до того времени жертвами обмана, все литовское племя и народ согласились, отрекшись от древнего заблуждения, охотно и с покорной преданностью принять христианскую веру.

Спустя несколько дней, когда они были научены основам истинной веры, которые надлежит соблюдать, — молитве господней и символу веры — польскими священниками, но еще в большей степени священниками короля Владислава (ибо он знал язык племени и с ним охотнее соглашались), они были возрождены святой водой крещения. При этом щедротами благочестивого короля Владислава каждому из простых людей были розданы новые одежды — рубашки и штаны из привезенного из Польши сукна. Этой прозорливой милостью и щедростью король достиг того, что этот темный и бедно одетый народ, до того времени довольствовавшийся льняными одеждами, как только распространилась молва о такой щедрости, начал со всех областей толпами стекаться для восприятия крещения и ради получения шерстяных одежд. А так как крестить каждого верующего в отдельности стоило бы огромного труда, то все множество литовцев обоего пола, стекавшееся для крещения, было разделено по распоряжению короля на отряды и клинья; после достаточного окропления

святой водой каждому отряду и всем, из кого он состоял, давалось взамен варварских имен одно из обычных христианских, именно: первому отряду — Петр, второму — Павел, третьему — Иоанн, четвертому — Иаков, пятому — Станислав. Женщинам же, которые также составляли особые отряды, давались соответствующие женские имена, именно: Екатерина, Маргарита, Доротея, по порядку и количеству отрядов. Рыцарям же и людям подостойнее давалось особое крещение, и те сами вместе с женами, детьми и родственниками устремлялись в Вильно, чтобы принять крещение и познать основы христианской веры [. . .]

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛИТОВЦЕВ; ОБРЯДЫ ПОЧИТАНИЯ БОГОВ И ДРЕВНИЕ НРАВЫ

Хотя и мало известно, ибо никто из писателей не сохранил об этом сведений, каким образом, откуда и когда литовские и самагитские племена пришли в те северные области, в которых они теперь обитают, а также от какого племени они ведут свой род и начало, однако правдоподобным кажется предположение, которое ведет к заключению (имея в виду как звуковой состав языка, так и сходные обороты речи), что литовцы и самагитты — латинского происхождения; и, если они и не произошли от римлян, то, во всяком случае, от какого-то племени латинского имени. Утверждают, что во времена гражданских войн, которые разгорелись сначала между Марием и Суллой, а затем между Юлием Цезарем и Помпеем Великим и их преемниками,[18] они оставили древние места своего жительства и отчую землю в уверенности, что вся Италия погибнет во взаимном истреблении. Вместе с женами, скотом и домочадцами литовцы пришли на обширные и пустынные пространства, доступные одним зверям, почти постоянно подверженные жгучим морозам и называемые у писателей «пущи»,[19] в северную страну, которую они, по отчему и древнему имени [Италия] назвали Литалией (ныне она, вследствие некоторого изменения, называется поляками и русскими Литва), племени же они дали имя литалов, добавив впереди одну только букву «л», которую еще и ныне прибавляют итальянцы в своем народном языке.[20] До принятия истинной веры они почитали те же самые святыни, тех же богов и справляли те же священные обряды и празднества, которые существовали у римлян, когда те были язычниками, а именно: священный огонь, который римлянами по суеверию поддерживался непрерывно, и в Риме почитали в нем Юпитера-громовержца девы-весталки,[21] искупавшие свою небрежность, в случае угасания его, своей жизнью; также и леса, которые они считали священными и которых касаться железом признавалось у них нечестивым и гибельным, ибо всех, кто касался их железом и подымал на них руку, хитрый и лукавый сатана при божьем попущении поражал в руку, глаз, ногу или иной член тела, чтобы удержать своих приверженцев в нечестивой вере,[22] и якобы возвращал им целость только, когда его умилостивляли сожжением целиком баранов и телят;[23] также считалось, что в их лесах

пребывает бог Сильван и прочие боги, по известному изречению поэта: «Также и в лесах обитали боги»;[24] в змеях же и ужах римляне почитали бога Эскулапа, который в виде змеи привезен был в Рим на корабле из Греции, именно из Эпидавра, для прекращения сильно свирепствовавшей чумы.[25]

В таких и подобных священнодействиях литовцы, хотя и не воспроизводили в точности обряды римлян и италийцев, но все же большей частью им подражали.

Сверх того, у литовцев, пока они пребывали во тьме язычества, существовало унаследованное от предков священное празднество и обычай. в начале октября месяца, после сбора урожая, отправляться с женами, детьми и домочадцами в леса, почитавшиеся священными, и приносить в течение трех дней отчим богам быков, баранов и прочих животных в жертву и полное сожжение; а после жертвоприношений и священнодействий проводить эти три дня в празднествах, играх и плясках, предаваясь пиршествам и пьянству; и это празднество было главным и важнейшим, от которого никому нельзя было уклониться.

Также, возвратясь из вражеских земель с победой или с добычей, они воздвигали из груды дров костер, на сооружение которого каждый кидал по полену; в огне этом сжигали самого красивого и знатного пленника, полагая, что такого рода нечестивым сожжением они более всего угождают своим богам и умилостивляют их. Нам неясно, однако, унаследовали ли они этот обычай от предков или сами измыслили обряд; так как язычеству вообще свойственно в своем ослеплении возрастать в своих заблуждениях.

Кроме того, они сжигали своих покойников, что было, как мы знаем, в обычае не только у италиков и латинов, но и у прочих народов. Однако литовцы благодаря множеству лесов и рощ имели особые леса, в которых каждое селение и каждый дом и семья располагали особыми кострищами для сожжения по обычаю тел покойников. При этом к сжигаемому человеческому телу присоединяли наиболее ценных животных и вещи: коня, быка, корову, седло, оружие, пояс, ожерелье, кольцо, и все это сжигали вместе с трупом, не считаясь с тем, что вещи могли быть золотые или серебряные. Согласно этому обычаю был предан сожжению в лесу Кокивейт,[26] близ замка и селения Мижехолы, великий князь литовский Ольгерд, сын Гедимина [27] и отец Владислава, короля польского (похищенный смертью в заблуждении язычества), вместе со своим лучшим конем, одетый в затканный жемчугами и драгоценными камнями жупан, в великолепной пурпурной одежде, расшитой золотом, и с серебряным позолоченным поясом.

Как литовские, так и самагитские племена живут на земле, обращенной большей частью к самой холодной области севера, и настолько стынут от дождей и холодов, что многие гибнут от сильных морозов, и у иных особенно страдают носы, так как в последних, по-видимому, больше влаги, на которую действует холод.

Лето в той и другой областях ско редставляется в воображении, чем существует в действительности, ся оно всего два месяца; остальное время года они стынут от хол Поэтому зерно плохо созревает в этих местах и его приходится сушить па огне и придавать ему спелость искусственным жаром.[28]

Свойства земли, где они обитают, и неба, под которым живут, а также близкое общение и смешение с русскими племенами во многом изменили прежние древние склонности литовцев, но не вполне их устранили; те, кто подпали под влияние иноземных пороков, вырождались вследствие дурного влияния и вредной пищи и становились более способными к грабежам и набегам, чем к сражениям.

В давние годы занятый литовцами край находился в таком пренебрежении, безвестности и незначительности, что, ввиду их бедности и природного бесплодия почвы, князья киевские взимали с них дань одними шкурами и лыком, единственно в знак подчинения.[29] Впервые Витень, князь литовцев, подняв восстание против русских и поставив себя князем среди своих, вступил с русскими в борьбу; напав на них и действуя хитростью, он мало-помалу настолько набрался сил, что наложил иго на русских князей и даже заставил их платить себе дань, которую сам в течение многих лет до этого платил русским.[30]

Литовцы удерживают в рабстве большое число рабов; и так как рожденные от сожительства с рабами разделяют ту же участь, а некоторые, хотя и родились свободными, но, не имея возможности уплатить подати или судебные пени, которые у них весьма высоки, обращаются в рабов или продаются в рабство, то число рабов умножается со дня на день; службой же и трудом рабов литовцы накапливают имущество и богатства.[31] Наученные давними порядками, они с удивительной верностью хранят свои тайны и тайны своих государей.

ОСНОВАВ ГОРОД ВИЛЬНО, ЛИТОВЦЫ ДАЛИ ЕМУ И РЕКАМ, ПРОТЕКАЮЩИМ ПОБЛИЗОСТИ, НАЗВАНИЯ ВИЛИЯ И ВИЛЬНА ПО ИМЕНИ КНЯЗЯ СВОЕГО ВИЛИЯ, ПО БЕДНОСТИ ОНИ ПЛАТИЛИ РУССКИМ КНЯЗЬЯМ, В ЗНАК ПОДЧИНЕНИЯ, В КАЧЕСТВЕ ДАНИ ШКУРЫ.

Литовцы, самагитты и ятьвинги,[32] хотя имели различные наименования и делились на много родов, составляли тем не менее единое целое, ведя свое происхождение от римлян и италиков, и это племя в течение долгого времени безвестное и темное, выступило тогда впервые. Они стали изгнанниками, когда у римлян и италиков возгорелись междоусобные войны между Юлием Цезарем и Помпеем. Во время этих войн они были сторонниками Помпея, когда же последний сначала был побежден на полях Фарсала, а затем умерщвлен в Александрии в Египте, они, ввиду того, что некоторые из них находились в родстве с Помпеем и помогали помпеянцам усерднее, чем прочие римляне, и ненавидя победителя, Юлия Цезаря, и боясь с его стороны особенно жестоких гонений

против себя, как людей, особенно враждебных, ненавистных и ненадежных, покинули Рим в год от основания города семьсот четырнадцатый [33] и со всем имуществом и рабами удалились в северные области, где могли безопасно и безнаказанно укрываться. Об этом свидетельствует самое имя, которым они себя называют. Ибо все упомянутые племена называли себя литалами, следуя старинному обыкновению италийской речи, которое доныне соблюдают итальянцы вообще в своем народном языке, именно добавляя букву «л» перед многими словами.

И те же самые святыни, боги и священнодействия были у литовцев, что и у римлян в пору их языческого заблуждения. Вулкана они почитали в огне, Юпитера — в молнии, Диану — в лесах, Эскулапа — в ужах и змеях, в главных городах поддерживали огонь, который они называли и считали вечным. Этот огонь сохранялся жрецом, который давал даже, будучи научен бесом, двусмысленные ответы тем, кто приносил жертвы и вопрошал его; Юпитера же они почитали в молнии и называли на своем народном языке Перкун, как бы percussor.[34] Также и многие леса они чтили как священные, так что проникать в них и подымать на них руку, срубая деревья или листву, считалось преступлением; ибо того, кто срезал листву или вступал в эти леса, бес умерщвлял или изувечивал, поражая ту или другую часть тела. Наконец, почти в каждом доме они содержали гадов и змей, давая им в пищу молоко, и резали им петухов в качестве умилостивительной жертвы.

Первоначально называясь литалами, по прошествии времени от других народов получили они название литванов — путем прибавления «в» и замены «л» на «н». Будучи изгнаны из Италии междоусобными войнами и смутами, они заняли обширные пустоши между Польшей, Русью, Ливонией и Пруссией — области, в течение большей части года скованные зимней стужей.

Там они основали сначала город Вильно, который и до сего дня является столицей племени, назвав его по имени князя Вилия,[35] под водительством которого они покинули Италию и вступили в эти земли, а рекам, протекающим около города, Вилии и Вильне, дали названия по имени того же князя.

Они жили первоначально свободно, по собственным законам, ибо соседи не вмешивались в их дела, пока, размножась, не возросли числом и не опустошили нижнюю землю, обращенную к Пруссии, на их языке соответственно называемую Самагиттия (что значит «нижняя земля»), а также и землю, смежную с Польшей, которую они назвали «Яроцо нами».[36]

Русские, и прежде всего киевские князья, обеспокоенные продвижением литовцев (так как последние заняли леса, состоявшие во владении русских), принудили литовцев платить дань, однако жалкую и скромную, только в знак своей власти и господства; и литовцы платили много лет дань корой дубовых ветвей, ибо нельзя было взимать с них большего, вследствие бесплодия земли.

Язык у них латинский, отличающийся лишь незначительными различиями, так как он, вследствие общения с соседними племенами, уже склонился к свойствам русских слов. Одежда и ношение коротких волос и бороды издавна были у них в обычае. Большую часть войска у них составляют рабы, которые также строят все здания и исполняют домашние обязанности и даются как приданое зятьям; причем господа применяют к ним чрезмерную суровость и скаредность более, чем варварскую. Никогда не имеют они обыкновения давать рабам вольной. В силу того, что дети, рождающиеся у рабов, также становятся рабами, число их со дня на день увеличивается. Кроме того, часто обращение в рабство происходит и путем насилия, по клевете или в силу несправедливости, в особенности в наше время, когда верховный государь Литвы, которого эти племена по обычаю предков имеют обыкновение называть великим князем (этим именованием называли Помпея), не представлял никакой защиты притесняемым и угнетенным.

Чем богаче кто-либо, тем больше он выставляет вооруженных людей своему государю в случае войны.

Пища у этого племени скудна и сурова; ее стряпают в посуде и горшках, слепленных из муки,[37] и чаще пекут на огне, чем варят в воде.

Самые безвестные из северных племен, обязанные русским подчинением и ничтожной данью, они, как это ни покажется удивительным для всякого, собственной ли доблестью или по трусости и бездействию соседей, достигли такого успеха, что теперь повелевают русскими, под властью которых почти в течение тысячи лет находились на положении рабской черни.

Погребения у них в пору язычества не отличались от италийских всех покойников они сжигали на костре, а с ними и коня, одежду и утварь, какую умерший, как они знали, ценил больше всего; теперь они хоронят трупы в земле.

Дух у этого племени спесивый, мятежный, нечестный, дерзкий, лживый и скаредный. Неразговорчивые по природе, они покрывают молчанием собственные тайны и тайны своих государей. С детьми они шаловливы, государству своему преданы горячо и усердно, склонны к похоти, пьянству и лести, усердны и на редкость привержены к гаданию, колдовству и ворожбе. Они руководятся скаредностью и в пище скупы, кроме тех случаев, когда устраивают пышные пиры и угощения для гостей и приезжих. О празднествах и обрядах, относящихся к служению богам, заботятся преимущественно знатные лица и наместники, народ же — мало. Женщины у них отличаются большим усердием и заботой в ведении хозяйства и приращении его; они распоряжаются пищей и снедью, а также изготовляют всякого рода ткани из льна; но и они склонны к пьянству [38]

Витовт-Александр [39] держал литовские племена [40] в послушном повиновении двумя мерами, без которых всякая власть государя у них была бы сомнительной, непрочной и подобной тени, а именно страхом,

ибо он был склонен к карам, грозен и безжалостен, а также заботой своей, ибо в походах и в удовлетворении нужд каждого был он скор, щедр и великодушен.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ОТСЫЛАЕТ КОРОЛЕВУ ЯДВИГУ В ПОЛЬШУ, А САМ ПРИЛАГАЕТ ВСЯЧЕСКОЕ СТАРАНИЕ К ОБРАЩЕНИЮ В КАТОЛИЧЕСТВО РУССКИХ И ЛИТОВЦЕВ

Столь великим рвением и таким горячим и усердным благочестием охвачен был Владислав, король польский, к насаждению и укреплению в литовцах веры и церкви католической, что, отослав королеву Ядвигу в Польшу, в течение целого года пребывал в Литве. Там он лично посещал области, города, селения и деревни, склоняя и понуждая еще некрещеных к поклонению истинному богу и крестя их святой водой сам или через посредство польских князей, вельмож и священников, наставлял святыми назиданиями и спасительными заветами. Кроме того, он во многих местах воздвигал храмы, одаривал и обеспечивал церкви, часовни и святые места, так что король заслуженно может считаться просветителем и апостолом литовского племени.

Тогда же благочестивый король издал на пользу веры распоряжения и указы для оглашения, скрепив их собственноручной подписью, чтобы верные литовцы-католики избегали и гнушались браков с русскими отступниками, не повинующимися римской церкви; если же они заключат таковые, повелевалось требовать, чтобы русская жена принимала и исповедовала веру мужа-католика, а русский муж — веру жены-католички, всецело оставив греческий обряд, и принуждать их к этому телесными наказаниями.

Кроме того, король постановил освободить как настоящие, так и будущие церковные владения от всех податей, налогов, сборов, обязательств, поставок, постоев и всяческих тягот, обыкновенных и чрезвычайных.

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1388

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ДАЕТ В ЖЕНЫ ЗЕМОВИТУ, КНЯЗЮ МАЗОВИИ, СЕСТРУ СВОЮ АЛЕКСАНДРУ, ЖАЛУЯ ЕМУ НАВЕЧНО БЕЛЗСКУЮ ЗЕМЛЮ; ТАКЖЕ И БРАТА ЕГО, КНЯЗЯ ЯНУША, СОЧЕТАЕТ БРАКОМ С АННОЙ, СЕСТРОЙ ВИТОВТА.

Отпраздновав день рождества Христова в новом виленском кафедральном соборе, король польский Владислав, в сопровождении польских и литовских князей и вельмож направился сначала в Витебскую, а затем в Полоцкую области Руси, где пребывал много дней; за это время он подавил и погасил мятежные движения, о возникновении которых ему было сообщено, причем главарей мятежа наказал тюрьмой и лишением имущества.[1]

Затем, возвратясь в литовские земли, он устроил и установил порядок их управления и в качестве верховного князя Литвы поставил своего

родного брата Скиргайлу, повелев всем другим князьям повиноваться ему. Кроме того, он выдал замуж родную сестру по имени Александра, которая до крещения носила имя . . .,[2] за князя Мазовии Земовита; Дануту же, родную сестру князя Витовта, которая по принятии веры названа была Анной, дал в супруги Янушу, другому князю Мазовии, и справив обе свадьбы в Вильно, направился в Польское королевство. Заехав по пути в Луцк, он дал в держание Луцкий замок с принадлежащей к нему областью Чеславу из Курозвенк, каштеляну сандомежскому, чтобы тот управлял ими от его имени и от имени королевства Польского. Король знал, что муж его сестры Александры, князь Мазовии Земовит, имел право на польский престол и на королевство Польское по естественной преемственности и по избранию.[3] Желая примирить князя с утратой королевства, король обязался дать ему в приданое, как вечный дар, Радомскую землю. Поняв, однако, что вельможи и рыцари польские никоим образом не потерпят такого дара, король наградил его землей Белзской,[4] отписав ее в вечное владение князю в возмещение за несправедливость и утрату Польского королевства. Эта весьма плодородная земля с пастбищами, орошаемыми реками и озерами, во всех отношениях превосходившая Радомскую землю, была владением Польского королевства, так как была завоевана поляками ценой большой крови, тягот и всевозможных лишений.

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1389

ВИТОВТ, ОПАСАЯСЬ МОГУЩЕСТВА СКИРГАЙЛЫ, БЕЖИТ К КНЯЗЬЯМ МАЗОВИИ ЯНУШУ И ЗЕМОВИТУ. ПРИНЯТЫЙ ИМИ ДУРНО, ОН ОТЪЕЗЖАЕТ К МАГИСТРУ ПРУССИИ; ПОЛЬЗУЯСЬ ТАМ В ТЕЧЕНИЕ МНОГИХ ЛЕТ ХОРОШИМ ОБХОЖДЕНИЕМ, ПРИНИМАЕТ ХРИСТИАНСКУЮ ВЕРУ. ПОД КОНЕЦ ЖЕ, ЗАХВАТИВ И ПРЕДАВ ОГНЮ ТРИ СИЛЬНЕЙШИХ ЗАМКА КРЕСТОНОСЦЕВ, ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ВИЛЬНО В НАДЕЖДЕ ОВЛАДЕТЬ ЛИТОВСКИМ КНЯЖЕСТВОМ. КОГДА ЖЕ ВЗЛЕЛЕЯННАЯ ИМ НАДЕЖДА НА КНЯЖЕНИЕ НЕ ОПРАВДАЛАСЬ, ОН СНОВА НАПРАВЛЯЕТСЯ К КРЕСТОНОСЦАМ

Порядок и устройство Литовской и Самагитской земель, установленные с большим старанием и предусмотрительностью королем польским Владиславом, вскоре после отъезда последнего в Польшу начали расшатываться и рушиться. Причиной этого было большое число князей, а также непрекращающееся соперничество между братом короля Владислава, Скиргайлой, князем трокским, с одной стороны, и двоюродным братом Витовтом, князем гродненским, — с другой. Незаметно проникая в их сердца, это соперничество настолько усилилось, что они начали преследовать друг друга глубочайшей ненавистью, как непримиримые и смертельные враги. Скиргайло, князь трокский, был по натуре своей смел и свиреп, скор во всем — на язык, на руку и на дело, и всем внушал бы страх, если бы постоянное пьянство не низводило его до ничтожества и не вызывало презрения к нему, ибо в пьяном виде он бросался с оружием

на многих людей, и преимущественно на тех, кто являлся его друзьями и близкими. Протрезвившись, он лечил нанесенные им раны по правилам цирюльного искусства, которым был одарен от природы. Витовт же, князь гродненский, муж более умеренного и более сильного и всегда трезвого ума, опасался Скиргайлы, подозревая по многим признакам, что тот сильно жаждет погубить его и его родных и приверженцев оружием, ядом и любым способом, поддерживаемый в этом русскими, которые очень любили Скиргайлу, как принадлежавшего к тому же греческому обряду [1] и ввиду его родства с королем польским Владиславом. Поэтому Витовт бежит из Литвы вместе с супругой Анной,[2] со всеми боярами, рыцарями и подчиненной ему челядью, чтобы сохранить жизнь себе и своим близким, оставив в подвластных ему замках Гродно и Бресте сильные охранные отряды. Он направляется сперва к Янушу, князю Мазовии, мужу сестры своей Анны, иначе Дануты. Найдя, однако, что Януш недостаточно помнит родство и более сдержан в ласке, чем он рассчитывал, он направляется к Земовиту, другому князю Мазовии. Заметив, что вопреки надежде своей и своих спутников, прием и отношение к нему со стороны того и другого мало благожелательны и любезны (ибо князь мазовецкий Януш, на которого он полагался больше как на близкого свойственника, выполнял обязанности гостеприимства к изгою и другу менее ласково и любезно, чем это пристало положению того и другого, и даже, говорят, отнял у него золотую чашу, а такая обида никогда не могла бы изгладиться в его сердце), Витовт, покинув Мазовию и родственных князей, отъехал (как мы указали выше) к магистру Пруссии Конраду Цолльнеру и к крестоносцам, враждебным тогда королю польскому Владиславу и литовцам. Найдя с их стороны благосклонные прием и обхождение и пользуясь правом гостеприимства в течение нескольких лет, он научился немецкому языку и усвоил нравы их и правила внутреннего порядка; они же окружали его милостью и вниманием охотнее и сверх ожидания, не столько по обязанности к изгою, сколько ради собственной пользы, так как думали, что действия против литовцев пойдут успешнее, если будут исходить от его имени и под его водительством.

Последствием бегства князя Витовта из Литвы было то, что Литва и Самагиттия, разделенные пагубным расколом надвое — на сторонников короля Владислава и сторонников Витовта, — стали приходить в упадок и подвергаться разорению из-за внешних и внутренних войн и многих бедствий.

Между тем Владислав, король польский, из опасения, что литовцы и русские, сторонники Витовта, люди сомнительной верности, когда-либо предадут главный, именно Виленский замок, Витовту и крестоносцам, отправляет в Литву подканцлера Польского королевства рыцаря Миколая из Мошкожова с бомбардами, балистами и военным снаряжением. Король дает ему в управление и держание Виленский замок, отставив князя Скиргайлу и изгнав оттуда некоторых литовцев и русских, которые считались склонными к преступному предательству.

Между тем после своего бегства, пребывая изгоем у крестоносцев, Витовт, князь литовский, заключил с магистром и Орденом крестоносцев договор о вечном союзе и единении, скрепив его присягой и подписями;

Великий князь литовский Александр-Витовт С картины Я. Матейко

и чтобы союз был прочнее, князь вместе с несколькими боярами, бывшими с ним в изгнании, принял крещение в христианскую веру в Тапееве, причем восприемниками его от купели были Вигапд, командор Рагнеты, и жена старосты тапеевского.[3] Затем, отправив из Пруссии тайных послов

к королю польскому Владиславу, князь Витовт не только умилостивляет короля, но даже примиряет его с собой. Короля страшило вероломство Витовта, совершенное им по его собственному почину и по наущению крестоносцев, у которых он нашел приют, так как Витовт, конечно, сильно домогался Литовского княжества; король же опасался предательства со стороны своих приближенных, единственно в силу чего Витовт мог бы достигнуть своей цели. И вот обнадеженный королем, что тот поставит его во главе великого княжества Литовского, Витовт без ведома крестоносцев выступает из Пруссии тайным походом в Литву. Затем захватывает три замка Ордена, куда он имел доступ и откуда, как союзника и друга, крестоносцы снабжали его всем необходимым, именно: Юргенбург, Мергембург [4] и Навандж. Братья Ордена, управлявшие замками, были перебиты и брошены в рвы, упомянутые же замки преданы огню; все остальное множество людей, которых он нашел в тех замках, Витовт увел с собой в Литву пленными.

Но когда с течением времени князь Витовт увидел, что надежды его получить великое княжение в Литве, внушенные ему королем, рассеиваются, он задумал обманом завладеть Виленским замком; приготовив много повозок, он поместил в них вооруженных людей; затем, прикрыв повозки сверху тушами диких животных, отправил их в Виленский замок якобы на празднование свадьбы своей сестры, с целью захватить его. Но так как обман был раскрыт, то Витовт в страхе за свою участь вместе с супругой и друзьями бежал снова в Пруссию. Заключив с крестоносцами новый договор и обменявшись с ними грамотами и клятвами, он в течение двух лет оставался в трех замках, именно Риттерсвердере, Навгарде и Метембурге, построенных для него Орденом на границах Литвы, и с помощью войск крестоносцев разорял литовцев и опустошал их земли [. . .] [5]

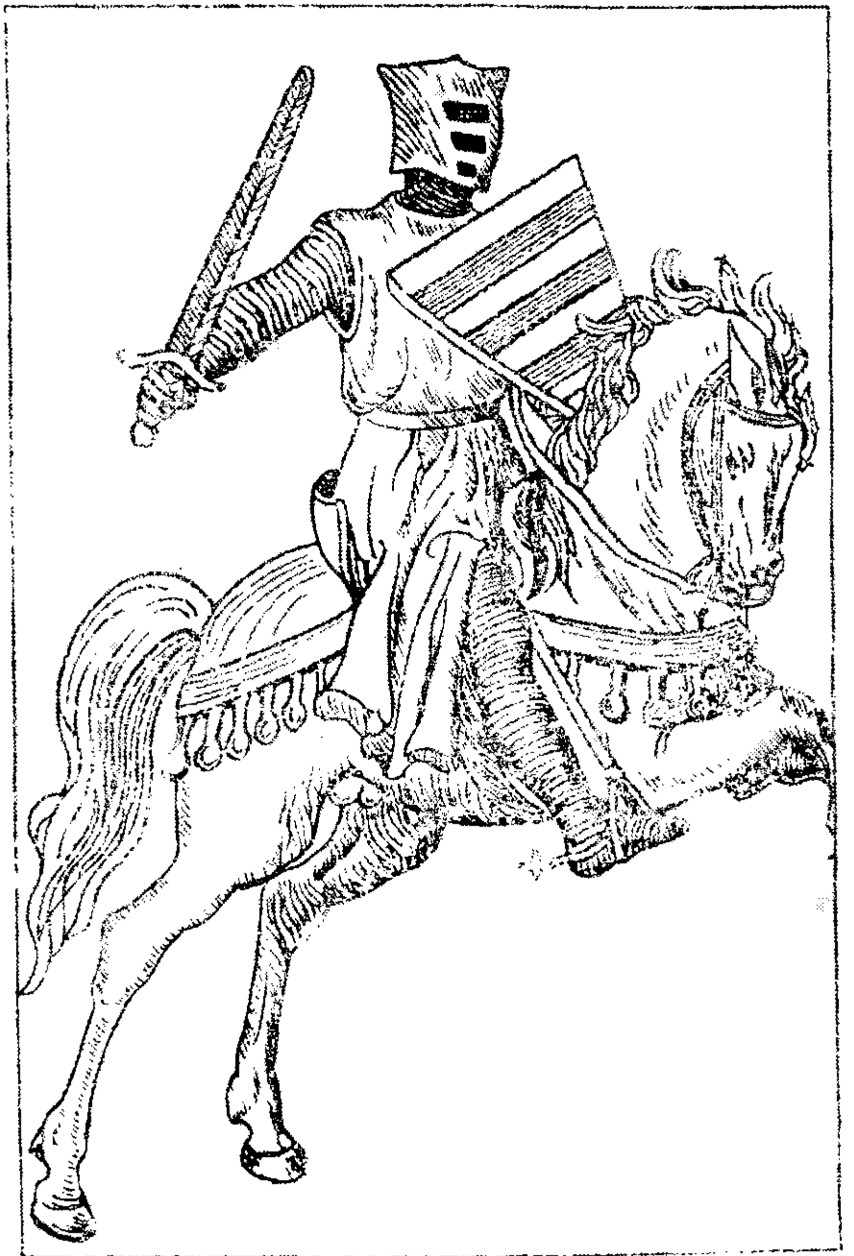
ГОД ГОСПОДЕНЬ 1390

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ЧТОБЫ УМИРОТВОРИТЬ ЛИТВУ, ОТПРАВЛЯЕТСЯ ТУДА И ОВЛАДЕВАЕТ ЗАМКАМИ КНЯЗЯ ВИТОВТА — БРЕСТОМ, МАЛЫМ КАМЕНЦОМ И ГРОДНО.

Движимый благим сочувствием к страждущей отчизне, земле литовцев, которая терпела разорение от междоусобной войны и погибала от собственного меча, так как литовцы и русские старались превзойти друг друга во взаимной ненависти и следовали то одной, то другой из борющихся сторон, Владислав, король польский, чтобы помочь ей, набрал войско из польских рыцарей и в начале февраля месяца, когда следовало бы пребывать на зимовке, а не воевать, вывел его против замков Бреста, Малого Каменца [1] и Гродно, занятых отрядами князя Витовта, которые производили из них нападения на литовские области, и окружил осадой замок Брест.

Завоевав его в течение десяти дней, польское войско возвратилось по домам как из-за скудости и недостатка продовольствия, вследствие

чего оно терпело лишения, так и из-за падежа коней. Воины знали, что если бы им пришлось идти далее вглубь, то их ожидали бы великие страдания из-за бесплодности и невозделанности почвы. Поэтому было испрошено и с трудом получено от короля разрешение возвратиться домой (король понимал, что рыцари покинут его, даже если он и не даст им такого разрешения), однако некоторые рыцари, преимущественно придворные и опытные в ратном деле, всего числом сто тридцать копий, остались с королем. Поручив Брестский замок польскому рыцарю Гинчку из Росковиц, король Владислав для выполнения своего замысла, не считаясь с малочисленностью оставшегося с ним отряда, направляется на приступ двух остальных замков князя Витовта. Ибо движимый любовью к отчизне, которую он хотел освободить, и стремлением оказать ей помощь, он не поколебался отправиться в Литву даже с малыми и слабыми силами, хотя и знал, что среди литовцев имеется много ненадежных и сомнительной верности людей. Король ведет с собой рыцарей, пошедших добровольно, правда менее девятисот, но опытных, выдающихся и отличавшихся мужеством и силой. Взяв замок Каменец после легкого приступа и передав его рыцарю Зындраму из Машковиц[2] в управление, король прибыл в начале великого поста в Гродно; затем, перейдя реку Неман, обложил замок осадой. На помощь ему при этой осаде, продолжавшейся весь великий пост, братья его Скиргайло, Владимир и другие послали литовские и русские отряды. Один из королевских братьев, греческой веры, князь Корибут Новгородский,[3] прибыл лично и, по-видимому, привел



Польский рыцарь XII—XIV вв. С изображения на печати.

(Из «Истории Польши», т. I. М., 1956)

с собой рыцарей, и притом с отличным оружием и конями, больше, чем кто-либо из литовских князей.

Между тем князь Витовт, хорошо зная, что Гродненский замок не может выдержать долгой осады, прибыл с прусскими крестоносцами и их войском для освобождения осажденных. Расположившись станом на другой стороне реки Немана напротив Гродненского замка, он пытался насыпать земляной холм и возвести на нем новую крепость. Однако этот труд оказался тщетным и не принес осажденным никакого облегчения, ибо из-за того, что королевскими рыцарями взят был приступом нижний замок, а также вследствие непрерывного обстрела из бомбард, которыми много защитников верхнего замка было ранено и убито, они, впав в страх и отчаяние, заявили Витовту, что не выдержат далее осады. Обеспокоенные этим Витовт и крестоносцы, не будучи в состоянии выполнить главного, протягивают через реку Неман железную цепь, стремясь хотя бы добиться того, чтобы при помощи такой цепи и прикрепленных к ней лодок переправить из замка раненых и больных, а взамен доставить туда новые, свежие силы и продовольствие, так как и в этом ощущался недостаток у осажденных. Но и это хитрое изобретение Витовта и крестоносцев было расстроено королевским войском, ибо польские рыцари, приняв разумное решение, срубили выше по реке значительное количество высоких сосен с густыми ветвями, спустили их вместе с корнями и сучьями в реку, и те, прибитые стремительным течением к замку, своей тяжестью разорвали цепь и разбили несколько лодок; так же потоплены были лодки, которые вместе с людьми из неприятельского стана пытались бороться с напором деревьев. Один из неприятельских воинов, чтобы избежать грозившей ему смертельной опасности, подплывает к берегу, где находился королевский лагерь; и, хотя многие рыцари из войска крестоносцев громкими и настойчивыми криками по немецки убеждали его лучше утонуть, чем плыть к вражескому лагерю, он, однако, когда один из польских рыцарей, Завиша из Рушкова,[4] протянул ему копье, ухватился за него и таким путем спасся. При этом он открыл расположение своих войск и рассказал, что они в следующую ночь намереваются бежать, покинув свой стан; это бегство действительно последовало, как сообщал беглец.

На пятый день праздника пасхи осажденные, потеряв всякую надежду, сдали замок королю Владиславу. Во время этой осады осаждавшие замок польские, литовские и русские рыцари были настолько теснимы и мучимы голодом, что поддерживали себя одним только грубым черным хлебом, а своих коней — листьями и ветвями деревьев или старой соломой, которую снимали с крыш домов, да и ее они едва находили за четырнадцать миль от замка [. . .]

ВИТОВТ С ПОМОЩЬЮ МАГИСТРА ПРУССИИ ВСТУПАЕТ В ЛИТВУ И ВЗЯВ НЕСКОЛЬКО ЗАМКОВ, ОСАЖДАЕТ ВИЛЕНСКИЙ ЗАМОК; А ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ КРИВОГО ЗАМКА ОТСЕКАЕТ ГОЛОВУ БРАТУ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА, КАЗИМИРУ, ИНАЧЕ КОРИГАЛУ, ОДНАКО ПОЛЯКИ МУЖЕСТВЕННО И СТОЙКО ОБОРОНЯЮТ ДРУГИЕ ЗАМКИ

Желая отомстить за потерю замков Бреста и Гродно и пойти войной на Литовское княжество, князь Витовт и крестоносцы собирают значительное войско из числа своих иноземных рыцарей (среди которых находился Ланкастер, старший сын английского короля Генриха,[5] с английскими и французскими рыцарями, а также маркграф Фридрих [6] со многими немецкими графами) и вторгаются около праздника святого Иоанна Крестителя в Литву тремя отрядами, из коих один вел магистр Пруссии Конрад *24 VI* Валерод [7] с иноземными рыцарями, а именно английскими, немецкими и французскими, другой — магистр Ливонии,[8] третий — князь Витовт. Устроив прежде всего с большой торжественностью рыцарский пир в Старом Ковно, они подходят к городу и замку Троки и сжигают их, затем теснят тяжкой осадой и виленские замки. Князь Витовт располагает стан свой и своего войска, набранного из литовцев и русских, вблизи Кривого замка; магистр Пруссии — на стороне реки Вильно, обращенной к Польше и к селению виленского капитула Понар; магистр Ливонии — за рекой Вильной, напротив селения Мижехолы.

Не успели еще из вражеского стана открыть какие-либо действия против осажденных, как литовцы и русские, которые считались верными королю, из расположения к князю Витовту и подговоренные им, поджигают Кривой виленский замок.[9] Так как пламя из-за вражеского приступа нельзя было остановить, то князь Казимир, иначе Коригал, родной брат польского короля Владислава,[10] бросается бежать из самого огня, но попадает живым в руки врагов, в великом множестве окружавших горящий замок, и тотчас же падает обезглавленный; насадив голову убитого на длинное копье, враги показывают ее для устрашения полякам, которые обороняли верхний Виленский замок, убеждая их сдаться и сдать замок, так как их король-де убит. Но поляки, хотя и видели, что в Кривом замке, преданном изменой, около четырнадцати тысяч поляков, литовцев и русских сделались добычей пламени либо пали от вражеского меча, все же встречают насмешками и пренебрежением такого рода угрозы. Враги непрерывно, ночью и днем, громят замок ядрами из бомбард, отчего его стены на расстоянии полета стрелы скоро были разрушены и сравнены с землей. Однако Клемент, староста виленский, чтобы представить осаждающим некоторую видимость восстановления стен, приказал развесить в этих местах шкуры, так что каждый удар ядер, теряясь в слабо натянутых пазухах кож, оставался тщетным. Со стороны крестоносцев был убит тогда Альгард граф фон Гогенштейн.

Верхний Виленский замок постигла бы та же участь, что и Кривой, если бы поляки, разделив между собой все обязанности осажденных, не запретили исполнять их литовцам и русским из-за сильного против них подозрения. При этом поляки проявили столь блистательную храб-

рость и стойкость, что на всякое место, обнаженное и разрушенное осадными орудиями, они днем и ночью вставали стеной, подставляя свои тела под ядра бомбард, и препятствовали врагам, всеми силами старавшимся прорваться к замку через проломы: на место каждого убитого тотчас вступал другой, живой.

Итак поляки оборонялись более всего двумя способами: во-первых, они заделывали проломы во внешней стене землей, навозом и шкурами животных; во-вторых, они вставали на место убитых или производили внезапные вылазки на осадные орудия и неприятельскую стражу и тем наносили сильнейший урон врагам. Истинно, что нужда действеннее всякого человеческого искусства; она заставляет применять не только привычные средства защиты, но и новые, например, заделывать разрушенные стены шкурами животных, которые без вреда выдерживали бы стрелы и ядра. Так как та и другая стороны всеми силами добивались победы, то во время этой
24 VI осады, которая длилась от праздника святого Иоанна Крестителя вплоть
29 IX до пятницы после праздника святого Михаила, с обеих сторон было такое множество убитых, что домашние собаки, откормившиеся трупами убитых людей, впали в волчье бешенство; и даже после прекращения осады, привыкнув лакать человеческую кровь, бегали стаями по сожженным и опустошенным селениям и пожирали много людей, набрасываясь даже на одиноких всадников [. . .]

КНЯЗЬ СКИРГАЙЛО, БРАТ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА, НОЧНЫМИ ВЫЛАЗКАМИ ИЗ ВЕРХНЕГО ВИЛЕНСКОГО ЗАМКА ПРИЧИНЯЕТ УРОН ВОЙСКУ ВИТОВТА ВСЛЕДСТВИЕ ЭТОГО ВИТОВТ, ПОВЕСИВ ВЗЯТОГО В ПОЕДИНКЕ В ПЛЕН КНЯЗЯ НАРИМУТА, ПРИКАНЧИВАЕТ ЕГО СТРЕЛАМИ ТОТИВИЛА, БРАТА ВИТОВТА, УБИВАЮТ ВЫСТРЕЛОМ БОМБАРДЫ ИЗ ЗАМКА ЧТОБЫ РЕШИТЬ СПОР ФРАНЦУЗОВ С ПОЛЯКАМИ О РЫЦАРСКОЙ ЧЕСТИ, В ЧЕХИЮ К КОРОЛЮ, НАПРАВЛЯЮТСЯ ДЛЯ СОСТЯЗАНИЯ ПО ЧЕТЫРЕ РЫЦАРЯ С КАЖДОЙ СТОРОНЫ, НО, ТАК КАК КОРОЛЬ НЕ РАЗРЕШАЕТ ПОЕДИНКА, ОНИ ПРИМИРЯЮТСЯ

Хотя Миколай из Мошкожова, подканцлер Польского королевства, управлял с польскими рыцарями верхним Виленским замком, однако во главе власти стоял князь Скиргайло, родной брат короля. Вместе с подчиненными ему литовцами и русскими князь причинял урон вражескому войску тайными вылазками из нижних замков,[11] чаще ночными, чем дневными, оставляя много врагов убитыми и ранеными, и постоянно возвращаясь в свой лагерь победителем.

Негодуя на эти обиды, Витовт умертвил заведовавшего королевскими замками князя Наримута, который был взят в плен при поединке, и с большей, чем подобало сану того и другого, жестокостью повесил его за ноги на дереве вязе[12] в поле где стояли прусские бомбарды; литовцы, русские и татары добили его стрелами. Жену его Юлианию, родную сестру Анны, супруги князя Витовта,[13] по прошествии времени взял в жены литовец Монивид.[14] Но и брат Витовта, князь Тотивил, внезапно погиб, пораженный бомбардой из замка, и был погребен в виленской церкви.

Пока длилась осада, между рыцарями обеих сторон возникали частые

споры и перебранки: французы обвиняли поляков в том, что те оказывают помощь варварам против верующих; поляки же возражали, что поступают свято и благочестиво, так как ради веры стали на защиту новообращенных против монахов лжеревнителей веры.[15] И обе стороны уговорились, что в доказательство правоты своего дела как поляки, так и французы вступят в рыцарский поединок при дворе Венцеслава (в то время короля римлян и Чехии) [16] в Праге в назначенный день, в равном числе, по четыре рыцаря с каждой стороны.[17] По наступлении этого дня обе стороны выполнили условие а, именно: когда четыре рыцаря со стороны короля Владислава, Ян из Влощова, каштелян добжинский, Миколай из Ваимунтова, Ян из Здакова и Ярослав Чех, со стороны же французов четыре других рыцаря явились в Прагу, они отправились в сад при зверинце, чтобы по пытать удачи в состязании. Однако по повелению Венцеслава, короля римлян и Чехии, противники были разведены и удержаны от схватки, польские рыцари — Иоганном, герцогом люксембургским, братом короля Венцеслава, а французы — Иодоком, маркграфом моравским,[18] и приведены, француз в паре с поляком и поляк с французом, к королевскому столу, где их сначала пышно приняли и угостили, а затем король Венцеслав, выступив как посредник, примирил их и привел к согласию

КНЯЗЬ ВИТОВТ И КРЕСТОНОСЦЫ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ОСАДЫ ВИЛЕН СКОГО ЗАМКА, И, УЧИНИВ ВЕЛИКИЕ ЖЕСТОКОСТИ, ВОЗВРАЩАЮТСЯ В ПРУССИЮ, ОТКУДА ВИТОВТ С ПОМОЩЬЮ КРЕСТОНОСЦЕВ ЧАСТО СОВЕРШАЕТ НАБЕГИ НА ЛИТОВЦЕВ

Как-то во время осады, когда поляки и литовцы были заняты едой. враги внезапно ворвались в нижний Виленский замок, где находится кафедральный собор святого Станислава (в ту часть, где теперь помещается епископский дом), и, когда они уже взобрались на стену, одержав почти победу, один из прусских рыцарей, занявших стену, стал кричать «Kather er Kather». [19] Но, тотчас же сброшенный со стены одним из польских рыцарей, он понес наказание за свою безрассудную смелость. Остальные враги либо устрашились его примера, либо тоже были сброшены со стены силами поляков. Тогда князь Витовт и крестоносцы, видя, что их усилия и чаяния безуспешны и обречены на провал, в пятницу после недели святого Михаила сняли осаду. Предав огню недавно воздвигнутые королем польским Владиславом католические церкви, посадив на колья детей и кормящих матерей и совершив разные другие жестокости ради мщения, они возвращаются в Пруссию, потеряв много своих людей

Так как князь Витовт просил подмоги у магистра и Ордена крестоносцев, ибо он знал, что его силы слабы, то к нему были присоединены Иоганн Рапенгейн, командор Рагнеты,[20] и Конрад фон Лихтенштейн, правитель Инстербурга,[21] со многими немецкими и иноземными рыцарями опираясь на их помощь, князь Витовт производил частые набеги на литовские и самагитские земли, забирая в плен и убивая жителей обоего пола сжигая селения и совершая много грабежей

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ПРИБЫВ В ЛИТВУ, ПОДНЯЛ УПАВШИЙ ДУХ ЛИТОВЦЕВ, ПОЧТИ ПРЕДАВШИХСЯ ОТЧАЯНИЮ, И ПОСЛЕ ОТКАЗА МИКОЛАЯ ИЗ МОШКОЖОВА ОТ ДОЛЖНОСТИ ПЕРЕДАЛ СТАРОСТВО ВИЛЕНСКОЕ И ВСЕЙ ЛИТВЫ ЯСЬКУ ИЗ ОЛЕСНИЦЫ

Король польский Владислав, чтобы помочь беде и прекратить разорение Литвы, причиненное князем Витовтом и крестоносцами, прибыл в Литву в ноябре месяце, везя с собой на возах большое количество оружия, бомбард, баллист, стрел, тканей, одежды и продовольствия; своим прибытием, а также щедротами и милостями король поднял расстроенные и почти истощенные силы литовцев и укрепил в верности как русских, так и литовцев, впадавших уже в отчаяние.

После того, как Миколай из Мошкожова, из рода Пилява, подканцлер королевства Польского, сложил с себя перед королем староство виленское и Литвы и нельзя было убедить его продолжать управление, также трудно было кого-нибудь из польских рыцарей уговорить принять на себя эту должность, ибо все, кому она предлагалась, страшились могущества и свирепости врагов, предательства и вероломства своих и, кроме того, самовластия князя Скиргайлы, брата короля. Староство виленское и Литвы по просьбе короля согласился принять на себя рыцарь Ясько из Олесницы, из рода, который называется Дембно.[22] Для того чтобы Ясько мог распоряжаться более свободно и дельно, князя Скиргайла переводят на управление Киевской областью. Упомянутому же Яську из Олесницы, старосте Литвы, король польский Владислав, возвратившись в Польшу, послал знатных вельмож и рыцарей Польского королевства и новых воинов взамен павших или возвратившихся в Польшу, а также военные орудия и продовольствие для защиты и укрепления замка.

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1391

КНЯЗЬ ВИТОВТ ПРИБЫВ В ЛИТВУ С БОЛЬШИМ ПРУССКИМ ВОЙСКОМ, БЕЗУСПЕШНО ОСАЖДАЕТ ВИЛЕНСКИЙ ЗАМОК И СЖИГАЕТ ВИЛЬКОМИР И НОВОГРУДОК ВЗЯВ В ПЛЕН НЕКОТОРОЕ ЧИСЛО ПОЛЯКОВ

В начале лета князь Витовт и магистр Пруссии,[1] собрав новое сильное войско, опять идут походом на Литву и спешат к виленским замкам, которые они пытались осаждать и взять приступом в предыдущем году, рассчитывая, что теперь легко и без какой-либо опасности для своих людей захватят их благодаря предательству литовцев и русских, подготовленному князем Витовтом. Однако староста литовский Ясько из Олесницы, руководствуясь дальновидным расчетом, предал огню город Вильно, дабы он не мог служить опорой и пристанищем врагу; затем он расположил во многих местах засеки из дубов, которые называются «пранки» или «кобылене»,[2] чтобы легче было отражать неприятеля от замков.

Когда же князь Витовт и магистр Пруссии с войском приблизились, то отряд рыцарей, выступив пешим строем им навстречу, до церкви святой Марии, бросился на вражеское войско и, оставив много врагов пover-

женными или ранеными, не потеряв ни одного из своих пленными или погибшими, возвратился невредимо в замок.

Князь Витовт и магистр Пруссии, понимая, что после отстранения князя Скиргайлы подстроенная ими измена с целью передачи или поджога замков литовцами и русскими, весьма враждебными Скиргайле, на которого они надеялись, никоим образом не совершится, так же как из-за многочисленного стойкого оборонного отряда польских рыцарей не произойдет и решительный приступ, — спустя немного дней снимают осаду. Но чтобы не показать, что столь великое войско не совершило ничего достопамятного, они, двинувшись станом, направляются на Вилькомир и Новогрудок, замки, сооруженные на реке Вилии князем Скиргайлой, и в несколько дней приступом овладевают ими, так как поляки, несшие оборону замков, никак не были в силах противиться мощи врагов. При этом многие были убиты, а Клеменс Бирово, Ян Лось, Земя и многие другие польские рыцари, взятые в плен и уведенные в Пруссию, в течение целых семи лет терпели позорный плен в замке Эльбинге. Разрушив и предав огню упомянутые замки Вилькомир и Новогрудок, магистр Пруссии и князь Витовт вернулись в Пруссию. Тем же летом князь Витовт вместе с воинами крестоносцев, которых вел крестоносец Маркквард,[3] дважды вторгнувшись в Литву, сжег Медники и Вельпу и увел с собой пленных и добычу.

КНЯЗЬ ВИТОВТ ВМЕСТЕ С МАГИСТРОМ ПРУССИИ СООРУЖАЕТ ТРИ ЗАМКА НА РЕКЕ НЕМАНЕ, А ИМЕННО НАВГАРДЕР, РИТТЕРСВЕРДЕР И МЕТЕМБУРГ, КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР, БРАТ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА, С БОЛЬШИМ МУЖЕСТВОМ НАПАДАЕТ НА ЗАМОК НАВГАРД, КОТОРЫЙ ЗАНИМАЛ ВИТОВТ, НО УХОДИТ, НЕ СВЕРШИВ ДЕЛА

После малоуспешного летнего похода, совершенного ими на Литву, князь Витовт и Конрад фон Валлероде, магистр Пруссии, предприняли вторичный поход зимой и пройдя до замка Ковно, который оберегался королевским отрядом, построили в его окрестностях три деревянных замка — все на реке Немане; одному, расположенному ближе к Ковенскому замку, они дали название Навгардер, что означает «Новый остров», другому — Риттерсвердер, что значит «Рыцарский остров»; третьему — Метембург, что значит «Пограничный замок».[4] При этом двумя новыми замками, именно Навгардером и Метембургом, управлял магистр Пруссии с помощью командоров и братьев своего Ордена, поместив туда сильную рыцарскую охрану. Замок же Риттерсвердер получил в удел и владение князь Витовт. Расположившись в нем с князьями, боярами и рыцарями, которые были его сторонниками, Витовт совершал часто тайные набеги на литовские земли (рассчитывая овладеть ими такими враждебными действиями или хотя бы вернуть свою долю наследственного владения, отнятую польским королем Владиславом), нанося урон постоянными грабежами и поджогами, причем крестоносцы из двух упомянутых замков оказывали ему помощь.

Чтобы пресечь его дерзость, Ясько из Олесницы, староста литовский, собрав из поляков, литовцев и русских значительное войско и поставив во главе его князя Александра, иначе Вигунта, брата польского короля,[5] отправляет его осаждать замок Навгард.

Вигунт прибыл туда и, не дав еще отдохнуть войску, так настойчиво и храбро пошел на приступ замка, что едва не захватил его, как это показывали рыдания и вопли находившихся там мужчин и женщин, которые плакали, ожидая неминуемой своей гибели; но так как защитников было большое множество, замок и на этот раз отстояли, но с большим трудом, что и князь Витовт часто впоследствии признавал [. . .]

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ВЫНУЖДЕН ПОСЫЛАТЬ В ЛИТВУ ВОИНОВ И ПРОДОВОЛЬСТВИЕ ПОКА НЕ ПРЕКРАТИЛАСЬ ВОЙНА МЕЖДУ НИМ И КНЯЗЕМ ВИТОВТОМ.

Все время, пока длилась война с князем Витовтом, король польский Владислав, чтобы сохранить и поддержать существование земель Литвы и Руси, замков и укреплений в них и всех жителей обоего пола, знатных и крестьян, вынужден был направлять из Польши боевые припасы, воинов и оружие и великое множество хлеба, сала, скота, проса и другого продовольствия, и притом каждый месяц в большом количестве и собственными обозами (из-за пожаров и опустошений, причиняемых князем Витовтом и прусским войском); все это предусмотрительно распределялось между замками и отдельными лицами старостой литовским Яськом из Олесницы. Действительно, если бы король польский Владислав не заботился о снабжении хлебом и не ввозил в Литву необходимого количества продовольствия, то она была бы покинута и крестьянами, и рыцарями, и крестоносцы легко могли бы вторгнуться и занять ее; ведь рыцари не могли бы оставаться на охране замков, а крестьяне — засевать поля, если бы не было обеспечено общее и равное снабжение из Польши. Страшный голод распространился на всех, и теснимые им как знатные, так и крестьяне утверждали, что они покинули бы Литву, если бы им не оказали помощи из Польского королевства всякого рода продовольствием [.]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1392

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ПРИМИРЕННЫЙ С КНЯЗЕМ ВИТОВТОМ ПРИ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ ГЕНРИКА, КНЯЗЯ МАЗОВЕЦКОГО, ИЗБРАННОГО ЕПИСКОПОМ ПЛОЦКИМ (И ВПОСЛЕДСТВИИ ЗЯТЯ ТОГО ЖЕ ВИТОВТА), СТАВИТ ЕГО ВО ГЛАВЕ ВСЕЙ ЛИТВЫ, МИНУЯ СВОИХ РОДНЫХ БРАТЬЕВ; КОРОЛЬ УДАЛЯЕТ ОТТУДА ЯСЬКА ИЗ ОЛЕСНИЦЫ СТАРОСТУ ЛИТВЫ, ПОСЛЕ ТОГО КАК ВИТОВТ РАЗБИЛ КРЕСТОНОСЦЕВ, ПРЕПЯТСТВОВАВШИХ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЮ В ЛИТВУ, И СЖЕГ ТРИ ЗАМКА КРЕСТОНОСЦЕВ

Потеряв князя Александра-Вигунта,[1] самого любезного ему из братьев, Владислав, король польский, заботясь прежде всего о благосостоянии и спокойствии родной Литовской земли, с которой его связывала великая

любовь, а затем и о безопасности остальных своих братьев, чтобы и они не подверглись отравлению, задумал примириться с князем Витовтом; король вручает Витовту кормило правления литовскими и русскими землями, так как его собственные родные братья, в большинстве предававшиеся охоте и пьянству, считались мало подходящими для управления народом.

Итак, Генрик, князь мазовецкий (который был избран вместе с тем епископом церкви плоцкой [2] и два года пользовался ее доходами, но наконец отказался от церковного поприща и взял в жены сестру князя Витовта, Рингалу),[3] был послан тайно к Витовту и как верный посредник заключил примирение между Владиславом, королем польским, и князем Витовтом. Прибыв сначала к командору Бальги [4] и Кристберга и будучи встречен им благожелательно, Генрик направился затем в замок Риттерсвердер к Витовту. За три недели пребывания там он заключил брак с Рингалой, сестрой Витовта, отпраздновал свадьбу по обычаю, и тогда же примирил Витовта с королем Владиславом.

Князь же Витовт, удостоверясь в милостивом примирении с ним короля Владислава, велел схватить и связать крестоносцев и купцов, которые находились у него в замке Риттерсвердере; затем, предав замок огню, возвратился в Литву со всеми князьями, боярами, челядью, со всем снаряжением, бомбардами и балистами и был встречен и принят благожелательно Яськом из Олесницы, старостой литовским, который получил насчет этого указание от короля.

Между тем крестоносцы, которые находились в остальных двух замках, именно Навгарде и Метембурге, узнав об отпадении Витовта, выступили с оружием против него; вступив в бой, крестоносцы потерпели поражение, а князь Витовт, завладев новой добычей, подступил к замкам, из которых вышли на него крестоносцы, и, легко завладев ими, разорил и поджег.

Узнав о возвращении Витовта, Владислав, король польский, в конце июля месяца отправился в Литву. Седьмого августа, во время пребывания короля в Острове, князь Витовт вместе со знатнейшими из своих сторонников явился к нему и с повторными и жалостными просьбами и даже со слезами смиренно умолял короля простить его и всех его сторонников.

После того как король Владислав даровал князю полное прощение за его проступки, они отправились в Вильно, где король, отстранив Яська из Олесницы от литовского староства, передал управление Литвой князю Витовту. При этом король не только возвратил князю наследственный удел [5] и отобранные земли, но и подчинил его власти все замки Литвы и Руси с правом полного распоряжения упомянутыми землями. Князь Витовт обязался клятвенно и подлежащей оглашению грамотой владеть упомянутыми землями от имени короля и королевства Польского, храня верность, и никогда не покидать королей и королевство Польское ни в счастливых, ни в несчастных обстоятельствах.[6]

Ибо Владислав, король польский, по прежнему и давнему товариществу с князем Витовтом в юности знал, что князь Витовт был мужем большого и гибкого ума и что не найти иного, более способного править Литвой и восстановить ее разрушения и опустошения, причиненные прошлыми войнами; вследствие этого он и поставил Витовта правителем Литовской земли, минуя четырех оставшихся еще у него братьев, а именно Скиргайлу, Корибута, Любарта[7] и Свидригайлу.

И король Владислав не обманулся в своих надеждах. Ибо в скором времени заботой и стараниями князя Витовта наступило приметное восстановление Литвы, и оно пошло бы еще более плодотворно, если бы Болеслав-Свидригайло, брат короля, видя, что ему предпочли Витовта, из злобной зависти не перебежал к крестоносцам. С помощью последних он, возобновив войну, стал нападать на Литву [. . .]

ПРУССАКИ СОВЕРШАЮТ ДВА ПОХОДА НА ЛИТВУ И ЗАХВАТЫВАЮТ НЕСКОЛЬКО ЗАМКОВ

Раздраженные отпадением князя Витовта и сожжением трех замков, крестоносцы с великим множеством иноземных и собственных рыцарей, под предводительством маршала Энгельгарда Раве,[8] прибывают в замок святого Иоанна. Отсюда после данного в честь иноземных рыцарей пира они отправляются к литовскому замку Сураж и в завязавшейся схватке с литовцами, которые спустились из замка, чтобы сразиться с ними, многих убивают и занимают сдавшийся замок. При этом легко могло случиться, что в плен был бы захвачен и Генрик, князь мазовецкий, зять Витовта, если бы он не позаботился заблаговременно о бегстве.

Зимой крестоносцы производят еще другой набег[9] при участии множества иноземных рыцарей, под предводительством Вернера Тетингера, захватывают два занятых литовцами замка, именно Бартен и Страмель, и, убив некоторых из жителей, уводят в Пруссию три тысячи пленников обоего пола.

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1393

ВВИДУ ВОЗНИКШИХ РАЗДОРОВ МЕЖДУ ДВОЮРОДНЫМИ БРАТЬЯМИ (ПО ОТЦУ) КНЯЗЬЯМИ ВИТОВТОМ И СКИРГАЙЛОЙ, КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ С КОРОЛЕВОЙ ЯДВИГОЙ ОТПРАВИВШИСЬ В ЛИТВУ, УЛАЖИВАЮТ НЕСОГЛАСИЕ УСТУПИВ СКИРГАЙЛЕ КИЕВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Вдобавок к врагу-изгою, Болеславу-Свидригайле, убежавшему (из Литвы), у Александра, иначе Витовта, князя литовского, оказался еще и второй, домашний враг, тем более опасный, что отличался умом, храбростью и красноречием, а именно князь Скиргайло, другой брат короля

Владислава. Скиргайло с неудовольствием и враждою переносил то, что правление и распоряжение литовскими и русскими землями вверено Витовту, а его обошли, и тайно подстрекал расположенных к нему рыцарей к ссорам и дерзким пререканиям с Витовтом; и ссоры эти уже дошли до того, что можно было ожидать открытого мятежа.

Узнав о такой беде, король польский Владислав вместе с королевой Ядвигой спешным путем прибыл в Литву. В их присутствии на шестой день после праздника святого Михаила после споров, в которых оба враждовавших князя выступали с разными речами и жалобами (причем оказалось, что дело князя Скиргайлы и его жалобы на Александра-Витовта мало справедливы), проклятая их тяжба, которая отразилась бы гибельно на других, если ее быстро не подавить, была устранена стараниями короля и королевы; упомянутые князья, рассеяв облако взаимного неудовольствия, соединились узами братской любви и согласия.

Чтобы вполне смягчить великий гнев и обиду князя Скиргайлы, король польский Владислав, в добавление к Киевскому княжеству, дает ему в управление еще Кременец, Стародуб и Старые Троки, под условием во всем повиноваться князю Александру-Витовту. И было решено с одобрения обеих сторон, что если возникнут между ними новые столкновения, соперничество и вражда, то они прибегнут для разрешения могущих возникнуть споров к польской королеве Ядвиге, которую они оба избрали себе третейским судьей; это решение и было скреплено открытыми грамотами [. . .]

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ ЛИТОВЦАМИ ЗАМОК БАРТЕН КРЕСТОНОСЦЫ ВТОРИЧНО ПРЕДАЮТ ОГНЮ

Витовт, князь литовский, послав много строительного материала и мастеров, восстанавливает разрушения, причиненные в предыдущем году крестоносцами литовскому замку Бартену. Узнав об этом, прусский магистр снаряжает крестоносное войско со многими иноземными рыцарями под предводительством маршала Вернера Тетингера, которое, перейдя с большим трудом через реку Мемель[1] и потеряв в водоворотах много знатных рыцарей, овладевает замком Бартеном и предает огню его укрепления.

Упомянутый маршал возобновляет после этого свое движение в Литву, имея в своей свите владетеля Виртембурга и много других французов и немцев. Переправившись затем через реку Мемель на судах, в течение нескольких дней он опустошает Самагитскую землю убийствами и грабежами и уводит в плен четыреста душ.

Умирает Конрад Валлерод, магистр Пруссии; в этой должности его сменяет Конрад фон Юнинген,[2] выбранный единодушно [. . .]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1394

ПРУССКИЙ МАГИСТР С КНЯЗЕМ СВИДРИГАЙЛОЙ ОПУСТОШАЮТ ЛИТВУ. ВИТОВТ НЕСКОЛЬКО РАЗ ВСТУПАЕТ С НИМИ В СРАЖЕНИЯ, НО ИСХОД ПОСЛЕДНИХ ОСТАЕТСЯ НЕРЕШЕННЫМ. КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ПОСЫЛАЯ ЕМУ В ПОДМОГУ РЫЦАРЕЙ ИЗ ПОЛЬШИ, СИЛЬНО ИСТОЩИЛ КАЗНУ КОРОЛЕВСТВА И ЕМУ ПРИШЛОСЬ ПОЖАЛОВАТЬ РЫЦАРЯМ, СЛУЖИВШИМ В ЛИТВЕ, МНОГО ВЛАДЕНИЙ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ.

Прусский магистр Конрад фон Юнинген и Орден крестоносцев сильно разгневались на Александра, иначе Витовта, князя литовского, за уход из замка Навгардера, угон крестоносцев и насилия над ними. Стараясь отомстить за этот переход на сторону короля, названный ими предательством, крестоносцы к концу июня месяца вторгаются в Литву с новым войском и бывшими у них рыцарями. В свите магистра находился родной брат польского короля Владислава, Болеслав-Свидригайло, которого сопровождало немалое число литовских и русских перебежчиков, а также большое число французских и немецких рыцарей и сто пятьдесят стрелков из Женевы; затем крестоносцы двумя отрядами опустошают Литву. Не встречая никакого сопротивления (ибо у князя Витовта не было столько сил, чтобы, не подвергая себя явной опасности, сопротивляться прусскому войску из-за сомнительной верности литовцев), магистр обложил осадой виленские замки и в течение двух месяцев прилагал большие, но тщетные усилия взять их приступом.

Между тем князь Витовт устроил засады по всем лесным дорогам, чтобы легче теснить войско магистра в невыгодных для него местах. Узнав об этом от пленных, магистр повел войско по болотистым и бездорожным местам, настилая гати на своем пути; перехватив тут одного из литовских бояр, рыцаря Шудимунта, он умерщвляет его, повесив на дереве за лодыжки. Войско крестоносцев потеряло в походе много вьючных животных и коней, которые потонули или увязли в болотах; много рыцарей также пало от стрел литовцев, нападавших на войско крестоносцев в каждом опасном месте. Король польский Владислав заранее послал в Литву на помощь князю Витовту против крестоносцев много опытных польских рыцарей, так как было известно, что крестоносцы этим летом пойдут войной на Литву под видом оказания поддержки Болеславу-Свидригайле, а на самом деле с целью завладеть страной. Из Польши также прибыло большое число добровольцев — польских рыцарей; кроме того, многие польские вельможи на собственные средства послали свои вооруженные отряды, которые хотя и не вступили в общее сражение, так как этому воспротивился Витовт (который недостаточно доверял своим), однако производили столь частые и дерзкие набеги на вражеские станы и привалы, что эти постоянные частные стычки почти равнялись общему сражению.

У Болеслава-Свидригайлы и прусского магистра оставалась единственная надежда на предательство осажденных замков русскими, преданными суеверию, которых они на своем языке называют калойрами,[1]

ибо последние, осыпанные щедротами и подстрекаемые посулами Болеслава-Свидригайлы, весьма благоволившего русской вере, взялись поджечь замки. Но когда крестоносцы лишились и этой надежды, ибо измена была раскрыта князю Витовту одним из калойров, которые собирались ее совершить, и Витовт подверг калойров различным карам и казням, — магистр Пруссии, сняв осаду, возвратился вместе с Болеславом-Свидригайлой в Пруссию. На обратном пути магистр от частых нападений князя Витовта и его людей потерял большое число рыцарей в болотистых и неудобных местах, ибо литовцы нападали на врага и ночью и многих убивали. Однако и литовцам нападение стоило крови: они лишились пятисот воинов; но еще больше пало рыцарей у магистра, ибо он неоднократно был вынужден сражаться, подвергаясь нападению и спереди и с тыла; его потери были настолько велики, что пришлось прекратить на долгое время походы на Литву, как пагубные для себя и своих.

Однако, несмотря на это, король польский Владислав не переставал посылать каждый год новых рыцарей из Польши на помощь князю Витовту, поскольку все время ожидалось, что крестоносцы пойдут войной на Литву. По этой-то причине король роздал сокровища, собранные его предшественниками, королями, в счет жалованья рыцарям, защищавшим Литву от крестоносцев и на оплату посылаемых туда оружия и орудий защиты; рыцарям же, служившим в Литве, король определил еще бо́льшие пожалования и отчуждения из королевских имений.

В то время как длилась осада, о которой мы сказали выше, люди князя Витовта, литовцы и русские, стремясь воспрепятствовать разорению и опустошению со стороны неприятеля, вступили с ним в неудачное сражение. В этом сражении, хотя они и ожесточенно сражались, все-таки были побеждены войском магистра, причем много их погибло или попало в плен. Не меньше потерь оказалось и среди воинов магистра, которые нашли смерть или в бою, или попав в засаду, когда ходили добывать корм для лошадей.

ТРОЕКРАТНЫЙ ПОХОД ПРУССАКОВ В ЛИТВУ, НЕ БЕЗ УРОНА ДЛЯ ЛИТОВЦЕВ.

Магистр Пруссии Конрад фон Юнинген, видя, что его собственный поход оказался неудачным, послал в зимнее время в Литву маршала Ордена Вернера Тетингера с войском собственных и иноземных рыцарей (ибо много рыцарей прибыло на помощь из стран Франции и Германии). Маршал сначала подступает к замку Навгардену, но находит его сожженным литовцами. Оттуда он идет к Лиде, но и жители Лиды, устрашенные его приходом, поджигают замок и разбегаются. Тогда маршал, совершив значительные опустошения (ибо никто в прежнее время не вторгался так глубоко в Литовскую землю), сгоняет множество пленных обоего пола и уводит их в Пруссию.

После этого, в свою очередь, с сильным войском своих и иноземных рыцарей, выступает Ульрих фон Юнинген, фогт самбийский и брат ма-

гистра,[2] ища славы и добычи в разорении Литвы. В то время как фогт стоял у Росситен с большой добычей, он был внезапно охвачен сильным страхом. В силу этого прекратив опустошения и оставив добычу, он в беспорядке возвращается обратно. Ибо князь Витовт вошел с многочисленным войском в Пруссию и начал опустошать огнем и мечом всю область вокруг Инстербурга, и Ульрих фон Юнинген опасался, что будет им побежден и захвачен. После его ухода Конрад фон Кибург, командор Бальги, вступает в Дрогичевскую землю и, застигнув ее жителей врасплох, захватывает большую добычу и уводит триста пленных [. . .]

ЯНУШ, КНЯЗЬ МАЗОВЕЦКИЙ, СО МНОГИМИ РЫЦАРЯМИ ЗАХВАЧЕН КРЕСТОНОСЦАМИ В ПЛЕН, В ТО ВРЕМЯ КАК ОН СООРУЖАЛ ЗАМОК ЗЛОТОРЫЮ

Януш, князь мазовецкий, воздвиг на реке Нареве, на земле и в княжестве своего удела, новую крепость, которую назвал Злоторыей. И в то время как для завершения постройки, чтобы произвести работы быстрее и лучше, он находился здесь со своими рыцарями, не боясь никаких вражеских козней, внезапно появляются граф Рудольф, командор Бальги, и Вальродер, командор Рейно,[3] с большим числом людей, посланные магистром Пруссии, Конрадом фон Юнингеном. Как враги они нападают на рыцарей князя Януша, на самого князя и на тех, которые строили замок. И овладев самим замком (который строился из дерева и не был еще закончен), крестоносцы предают огню все его укрепления, князя же мазовецкого Януша сажают на кобылу и, связав ему под брюхом той кобылы ноги, хотя он настойчиво требовал назначения ему срока явки, вместе с прочими мазовецкими рыцарями, также связанными, отвозят, чтобы представить прусскому магистру Конраду фон Юнингену, не побоявшись нанести дерзкое и несправедливое оскорбление княжеской крови и правнуку Конрада, первого основателя Ордена.[4] Им мало казалось приобрести земли Кульмскую и Прусскую, а также насильственно и вероломно овладеть Померанской землей, они хотели распространить свою волю и власть и на мазовецкие области.

Владислав, король польский, узнав о пленении Януша, отправил послов к прусскому магистру и добился немедленного освобождения его, жалуясь магистру на нарушение вечного мира.[5] И хотя король был раздражен пленением князя Януша, он все же удержался от всякой войны с крестоносцами, которую многие жаждали повести против прусской гордыни в отмщение за столь великую и столь вопиющую обиду и нарушение союза [. . .]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1396

ВЛАДИСЛАВ, КНЯЗЬ ОПОЛЬСКИЙ, ЗАКЛАДЫВАЕТ МАГИСТРУ ПРУССИИ ДОБЖИНСКУЮ ЗЕМЛЮ ЗА СОРОК ТЫСЯЧ ФЛОРИНОВ.

[. . .] Владислав, князь опольский, терзаясь чрезвычайной горечью и болью и боясь быть лишенным вслед за прочими землями также и земли

Добжинской, которая еще оставалась в его владении, для утоления своего раздражения и обиды на короля отдает ее с находящимися в ней замками Добжином, Бобровниками, Рыпином, Липно и Злоторыей в залог за сорок тысяч флоринов магистру Конраду фон Юнингену и Ордену крестоносцев Пруссии.[1] Залог этот отдавал явным ростовщичеством и являлся прямой обидой и уроном для Польского королевства: магистр и Орден крестоносцев никоим образом и ни на каком основании не могли и не должны были принимать эту землю в залог, если бы соблюдали справедливое уважение к божественному закону и к договору о вечном мире, заключенному ими с Польским королевством [. . .][2]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1397

КОРОЛЕВА ЯДВИГА ВСТРЕЧАЕТСЯ С МАГИСТРОМ ПРУССИИ В ЮНИВЛАДИСЛАВИИ, ПОСЛЕ ТОГО, КАК ТАМ БЫЛИ ПРОВЕДЕНЫ ПЕРЕГОВОРЫ О ВОЗВРАЩЕНИИ ЗЕМЛИ ДОБЖИНСКОЙ И КРЕСТОНОСЦЫ ОТКАЗАЛИСЬ ВЕРНУТЬ ЕЕ, ОБЕ СТОРОНЫ РАЗЪЕЗЖАЮТСЯ, НЕ ДОСТИГНУВ СОГЛАШЕНИЯ.

Король польский Владислав, будучи крайне недоволен передачей Владиславом, князем опольским, Добжинской земли в залог магистру и Ордену крестоносцев Пруссии и предвидя, что договор о вечном мире будет нарушен магистром и Орденом, душой и телом и всеми своими стремлениями обращается к войне. Но ему пришлось отказаться от этого намерения из-за сопротивления советников; ибо те искали случая начать войну с крестоносцами скорее для того, чтобы освободить и вырвать из их рук Самагиттию, чем ради отмщения за несправедливое занятие Добжинской земли. Поэтому, чтобы не казалось, что король и советники оставляют без внимания и предают забвению захват упомянутой Добжинской земли, постановлено было начать переговоры об этом с магистром и Орденом в Юнивладиславии. Решено также было, что на эти переговоры лучше отправиться королеве Ядвиге, чем королю Владиславу, чтобы он, душа которого была изъязвлена прежними и недавними разорениями, причиненными его родине — Литве, резкой речью не разжег войны, возникновения которой всячески избегали.

После того как королева прибыла туда с великой пышностью и с множеством прелатов и вельмож, в течение нескольких дней шли пререкания и споры с магистром Конрадом фон Юнингеном и командорами Пруссии о возвращении Добжинской земли; но все старания были тщетны, так как магистр и командоры отстраняли все законные и справедливые предложения, делавшиеся королевой Ядвигой и польскими советниками. По своему обыкновению крестоносцы выдвигали то одни, то другие отговорки, чтобы, удерживая дольше занятую ими Добжинскую землю в своем владении, присвоить ее по праву давности, подобно Померании и другим землям Польского королевства. Укорив магистра и командоров за такую их алчность и домогательство чужого, благословенная женщина, вдохнов-

ленная неким божественным предчувствием, прибавила даже, что «пока жива, она будет сдерживать воинственный пыл поляков, возбужденный настоящими и прошлыми обидами, нанесенными Польскому королевству; но пусть знают крестоносцы, что когда смерть ее похитит, их ожидают, по справедливейшему решению господа, величайшие поражения, ибо они стали злобными врагами своим господам, покровителям и основателям своего Ордена, подаянием, милостыней и пожертвованиями которых они живут и дышат, и за полученные ими благодеяния, за предоставленные земли и владения отплатили несправедливостями. Не удовольствовавшись совершенным ими захватом Померанской земли, которая принадлежала Польскому королевству от самого его основания, они направили свои алчные и ненасытные помыслы на захват Добжинской земли, которая подлежит возвращению в единое целое Польского королевства, точно так же, как и Велюньская и Остжешовская земли,[1] если крестоносцы не создадут хитрых и неправых препятствий». И хотя Конрад фон Юнинген, магистр Пруссии, со своими командорами не отрицали, что укоризненная речь королевы Ядвиги при этих переговорах в Юниводиславии отвечала истине и сами принесли королеве Ядвиге тогда чрезвычайную благодарность за то, что нашли в ней такую благородную готовность к сохранению взаимного мира, однако же их нельзя было побудить к возврату Добжинской земли иначе, как на несправедливых условиях: именно, если им отдадут сначала сорок тысяч флоринов. Вследствие этого польские советники разъехались после этих переговоров с враждебными чувствами и в сильном гневе [. . .]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1401

ВИТОВТ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЛИТОВСКИЙ, ПРЕСЛЕДУЯ НАПАВШЕГО НА ЛИТОВСКИЕ ЗЕМЛИ ЛИВОНСКОГО МАГИСТРА (КОГДА ТОТ ВОЗВРАЩАЛСЯ В ЛИВОНИЮ) И СЧИТАЯ СЕБЯ В БЕЗОПАСНОСТИ, НАНОСИТ БОЛЬШОЙ УЩЕРБ ЛИВОНЦАМ, А ТАКЖЕ РАЗОРЯЕТ И СЖИГАЕТ ЗАМОК ДВИНУ С СИЛЬНО УКРЕПЛЕННЫМ ГОРОДОМ

[. . .] Так как между великим князем литовским Александром[1] и крестоносцами Пруссии и Ливонии возникли новые раздоры, магистр ливонский,[2] вторгнувшись с войском как враг в Литву, начал всячески ее опустошать. Великий князь литовский Александр-Витовт не решался оказать сопротивления, зная, что его силы слабее, а его подданные неустойчивы и ненадежны. Однако он держал наготове своих рыцарей и воинов, приказав им собраться в Вильно. Но когда ливонцы, произведя опустошения, не опасаясь врага, возвращались из Литвы домой, Александр, великий князь литовский, пополнив свои силы рыцарями, присланными на помощь королем польским Владиславом, стал преследовать их. При этом князь так умело скрывался, что, обманывая всех их дозорных, шел прямо по следам врага и занимал на следующий день их вчерашние стоянки, где находил еще горящие очаги и остатки сена и овса.

Когда ливонское войско достигло своей земли и рыцари поспешили разойтись по домам, чтобы повидать жен и детей, великий князь литовский Александр, вступив в Ливонию, после опустошения многих ливонских селений и городов убийствами, грабежами и пожарами, захватывает укрепленный город Двину. Предоставив город в добычу своим рыцарям, он идет на приступ крепости, куда сбежалось много горожан. Хотя захватить крепость представлялось делом трудным и опасным, но князь овладевает ею, так как крестоносцы и охранявшие ее рыцари сдались и вышли с крестным ходом, неся святые дары, чтобы князь не проявил к ним жестокости. Войско Витовта обогатилось захваченной добычей, ибо там было собрано много разного добра.

Раненный стрелой при этом приступе, Петр Ритерский из Пизар, польский рыцарь герба Топор,[3] три года, терпя сильнейшие боли, носил в ноге железное острие, так как искусство лекарей неспособно было извлечь его; наконец оно, пробив мясо, само вышло на подошве ноги.

Витовт же из опасения быть застигнутым вражеским войском, предав замок и город огню, невредимо и благополучно возвратился в Литву [. . .]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1403

ПРУССКИЙ И ЛИВОНСКИЙ МАГИСТРЫ ПРИЧИНЯЮТ МНОГО УЩЕРБА ЛИТОВЦАМ ПО УКАЗАНИЯМ СВИДРИГАЙЛЫ.

[. . .] Около праздника святой Доротеи прусский магистр Конрад *28 III*
фон Юнинген и крестоносцы, собрав значительное войско из собственных и иноземных рыцарей, вторгаются как враги в литовские земли, имея в своей свите Болеслава-Свидригайлу, брата польского короля Владислава, человека шаткого и весьма переменчивого нрава, склонного к мятежам. Изгнанный князем Александром из Литвы (хотя король Владислав тщетно старался помешать этому), Свидригайло удалился к крестоносцам.

Уступая врагам по силе и не уверенный в преданности своих людей, князь Витовт больше наблюдал из Виленского замка и терпел вторжение, чем противодействовал ему; крестоносцы сначала приходят к замку Меречу и после взятия и сожжения его, сбившись с пути, сворачивают на Троки (тогда как все думали, что они идут на Гродно). Затем, задержавшись на одну ночь у пруда Дауген, они направляют путь к Заменикам и там два дня стоят станом. Оттуда они приходят к местечку Олава, в одной миле от Трок. И хотя князем Витовтом овладело сильное опасение, что они из Олавы направятся осаждать замок Троки, однако крестоносцы, оставив этот замок вправо, проходят к селению Штейгвик, расположенному на реке Страве. Отсюда через Седмилишки, Стоклишки и Неровена, опустошая огнем и грабежом все места, по которым шли и каких только могли достигнуть, за семь переходов они достигают реки Немана. Легко переправившись через него (ибо река была скована льдом), крестоносцы возвращаются близ Рагнеты в свои земли, уводя с собой,

из Литвы тысячу душ пленных обоего пола; последние, однако, были отпущены по настоянию князя Витовта, поручившегося за них, что они явятся в срок для назначения им выкупа; но и князь Витовт освободил из неволи такое же и еще большее число пленных из прусских земель по просьбе магистра и под его поручительство. Однако, когда прусское войско вышло из литовских земель, новое войско ливонского магистра неожиданно вторглось в Литву и, учинив много грабежей, пожаров и другого разорения, на следующий день после праздника святой Агнеты со множеством захваченных в плен людей вернулось около Туровно и Лаконари в Ливонию [. . .]

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ВЫЗВАВ СВОЕГО БРАТА СВИДРИГАЙЛУ ИЗ ПРУССИИ, ЖАЛУЕТ ЕМУ ПОДОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ, НАХОДИВШИЕСЯ ВО ВЛАДЕНИИ СЫНОВЕЙ СПЫТКА ИЗ МЕЛШТЫНА, И МНОГО ДРУГИХ ВЛАДЕНИЙ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ СВИДРИГАЙЛО ВНОВЬ БЕЖИТ, А ЕГО СТАВЛЕННИКИ В ПОДОЛИИ ПРОЯВЛЯЮТ НЕПОКОРНОСТЬ КОРОЛЮ ВЛАДИСЛАВУ.

Чтобы прекратить разорение литовских земель, которое до сих пор совершал Болеслав-Свидригайло, король польский Владислав через посланных к этому князю гонцов вызывает его из Пруссии. Король уплачивает большие суммы за долги, в которые князь вошел, находясь в Пруссии; затем назначает на его содержание Подольскую землю, выкупленную по соглашению от вдовы Спытка из Мелштына,[1] Елизаветы, и сыновей покойного, Яна и Спытка, за пять тысяч широких чешских грошей, а также Зыдачовскую землю и уезды Стрый, Шидлов, Стобницу, Другню, Усьце; кроме того, дает тысячу четыреста марок в год с королевских соляных копей.[2]

Однако и столь великими благодеяниями, милостями и щедротами король не смог унять непостоянную натуру Свидригайлы; не претерпев никакой обиды, князь перебежал к крестоносцам в надежде овладеть Литовским княжеством (которое крестоносцы ему лукаво обещали), рассчитывая при этом на поддержку размещенных в подольских замках охранных отрядов поляков и русских. Когда же после бегства князя король польский Владислав потребовал возвращения ему подольских замков, то русские и польские начальники этих замков дерзко ответили ему открытым мятежом [. . .]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1404

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ВИТОВТ И МАГИСТР ПРУССИИ ВСТРЕЧАЮТСЯ В РАЦЁНЖЕ; НАЗНАЧИВ УПОЛНОМОЧЕННЫХ, ОНИ ПОСТАНОВЛЯЮТ ОТДАТЬ САМАГИТТИЮ КРЕСТОНОСЦАМ, А ДОБЖИНСКУЮ ЗЕМЛЮ ВЫКУПИТЬ У НИХ ЗА СОРОК ТЫСЯЧ ФЛОРИНОВ

С наступлением праздника троицы в епископском городе Рацёнже[1] проведен был общий съезд для установления мира между королевством Польским и великим княжеством Литовским, с одной стороны, и землями

крестоносцев — с другой, и для улажения споров, возникших по поводу владения землями Добжинской и Самагитской. Когда на съезд прибыли лично Владислав, король польский, с польскими и литовскими советниками и магистр Пруссии Конрад фон Юнинген со своими командорами, обеими сторонами были назначены уполномоченные для переговоров о мире и улажения разногласий, а именно: со стороны короля польского Владислава — архиепископ гнезненский Миколай,[2] епископы — краковский Петр[3] и познанский Альберт Ястшембец,[4] каштелян Ясько из Тенчина,[5] воевода краковский Ян из Тарнова,[6] каштеляны — люблинский Михаил из Богумиловиц,[7] вислицкий Клеменс из Мошкожова, подкоморий краковский Гневош из Далевиц[8] и настоятель церкви святого Флориана, подканцлер королевства Польского Миколай Тромба;[9] со стороны же магистра Пруссии и его Ордена — епископы кульмский и помезанский Арнольд и Иоанн,[10] великий командор Конрад фон Лихтенштейн, командоры — эльбингский Иоганн фон Румпенгейм и торуньский Фридрих фон Венде,[11] брат Ордена, каноник вармийский Иоганн фон Рогетелен, рыцари Петр фон Лапиде и Петр фон Бейзен и бургомистр Торуня Готфрид Ребер.

После совещания, длившегося несколько дней, уполномоченные составляют договор о мире на тех условиях, чтобы король польский Владислав и великий князь литовский Александр-Витовт уступили свою родную Самагитскую землю магистру и Ордену крестоносцев, отказавшись от нее в их пользу грамотой и заставили самагиттов дать магистру и Ордену сыновей своих заложниками и принести присягу в верности; также, чтобы король польский Владислав выкупил у магистра и Ордена Добжинскую землю за сорок тысяч флоринов и утвердил пожалования, сделанные магистром в этой земле; также чтобы не оказывать покровительства перебежчикам и изгнанникам ни с той, ни с другой стороны и не принимать их, а пленников освободить и отпустить.[12]

Хотя эти условия мира и казались тяжелыми, однако король польский Владислав и князь литовский Витовт, всеми силами желая отвратить войну, принимают их, обещая утвердить их грамотами. Ибо уже в течение некоторого времени у короля Владислава и его советников происходило совещание о том, следует ли завоевать Добжинскую землю силой оружия или выкупить деньгами, чтобы ее завоевание не стало причиной войны, а выкуп не послужил бы побуждением к новым несправедливым захватам. Все же решили лучше выкупить ее, чем подавать повод к войне, хотя это было постыдно и тягостно для королевства.

КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА, ПРИГЛАШЕННОГО МАГИСТРОМ В ТОРУНЬ ЧЕСТВУЮТ В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ ДНЕЙ, ДОБЕСЛАВ ИЗ ОЛЕСНИЦЫ ВЫХОДИТ ТАМ ПОБЕДИТЕЛЕМ НА РЫЦАРСКИХ ИГРАХ, КОРОЛЯ ЖЕ ЖЕНЩИНА ОБЛИВАЕТ НЕЧИСТОТАМИ

Из Рацёнжа король польский Владислав, внимая многократным настойчивым просьбам прусского магистра Конрада фон Юнингена и его

командоров, с большей частью своих советников прибывает в Торунь, где ему в течение трех дней магистр оказывает блестящий прием и в его честь устроены рыцарские состязания. На них польский рыцарь Добеслав из Олесницы (иначе из Сепна) обращает на себя взоры всех зрителей силой духа и тела; по этой причине польскому богатырю, оказавшемуся победителем над всеми участниками состязания, была присуждена почетная награда. Ибо, когда Владислав, король польский, увидел, что его поляки имеют мало успеха, он приказал выступить в состязании упомянутому Добеславу. Итак, сев на коня по королевскому приказанию, Добеслав настолько превзошел своих противников, что вынудил всех их покинуть поле. Даже в третьем часу ночи только он один оставался на виду на арене, хотя против него несколько раз выступали, сменяя один другого, все новые и новые придворные рыцари магистра Пруссии.

Кроме того, в один из тех трех дней, когда король польский Владислав вместе с прусским магистром объезжал улицы города Торуня, осматривая его расположение, какая-то женщина облила короля Владислава из кухни кухонными помоями; по приказанию магистра ее схватили и приговорили к утоплению, но по милости короля жизнь была ей сохранена. Остается неясным, совершила ли она этот поступок умышленно или случайно. Многие, однако, высказывали подозрение, что упомянутая женщина нарочно плеснула упомянутые помои по наущению крестоносцев для посрамления короля, что подтверждается тем, что среди такого множества людей, которые ехали впереди и следовали за королем и магистром, никого иного, кроме короля Владислава, не задели выплеснутые помои.

КРЕСТОНОСЦЫ, ВТОРГНУВШИСЬ КАК ВРАГИ В КНЯЖЕСТВО МАЗОВИЮ, ПОСТЫДНО УДЕРЖИВАЮТ В ПЛЕНУ ЗАХВАЧЕННОГО ИМИ КНЯЗЯ ЯНУША С ЕГО ПРИДВОРНЫМИ, КОТОРОГО, НАКОНЕЦ, ОТПУСКАЮТ ПО НАСТОЯНИЮ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА

Командоры и крестоносцы прусские, без всякой обиды или притеснения, но побуждаемые одной только завистливой и высокомерной злобой, большим войском, не объявив наперед о разрыве мирных отношений, тайно вступают врагами в земли Мазовии, в княжество Яна, иначе Януша, князя мазовецкого, черского и варшавского. Они нападают на упомянутого князя Януша, спокойно и без опасения проживавшего в своем дворце вместе с супругой, сыновьями, вельможами и придворными, слугами и рыцарями, поскольку он не чувствовал за собой вины и ни в чем не причинял вреда крестоносцам. Крестоносцы захватывают его самого и всех его вельмож, рыцарей и советников, а также дворцовых людей. Они уводят в подвластные им замки и города упомянутого князя Януша, мужа благородного, добродетельного и превосходного (не говорю уже о том, что он являлся основателем и благотворителем их Ордена [13] и что они должны были его почитать даже и по личной обязанности); затем, позорно связав его и всех его людей веревками в забвении всякой человечности и приличия, подвергают их постыдному обращению.

Король польский Владислав, получив через спешных гонцов сообщение о таком новом акте, посылает к магистру Пруссии Конраду фон Юнингену знатных послов с жалобой на оскорбление и обиду, нанесенные пленением упомянутого князя Януша и его двора лично королю и всему королевству Польскому; и король добивается быстрого освобождения князя и его людей, хотя упомянутый магистр Пруссии подло и лживо уверял, будто это преступление совершено без его ведома.

ДЛЯ ВЫКУПА ДОБЖИНСКОЙ ЗЕМЛИ УСТАНАВЛИВАЕТСЯ НАЛОГ, КОТОРЫЙ СОСТАВИЛ, КАК ГОВОРЯТ, СТО ТЫСЯЧ МАРОК ДЕНЬГАМИ

Чтобы раздобыть для уплаты обещанных магистру и Ордену прусскому сорока тысяч флоринов на освобождение и выкуп Добжинской земли, король польский Владислав, выехав из Торуня и пребывая в течение целого лета в землях Великой Польши, распорядился созвать местные съезды,[14] чтобы на них вся шляхта внесла денежную помощь из своих частных доходов для уплаты этого выкупа. Осенью же, отбыв из земель Великой Польши, король провел в Новом городе Корчине накануне дня святого Мартина общий сейм всего королевства. На нем по соизволению *10 XI* и согласию всех епископов, вельмож и рыцарей всего королевства было постановлено для выкупа Добжинской земли выплатить королю с каждого занятого лана по двенадцать грошей (включая обычные два королевских гроша), [15] однако так, чтобы эта добровольная помощь не послужила в ущерб правам и вольностям рыцарей и не была бы впоследствии обращена в обязательную повинность. И с того времени начали взимать налог соответственно достатку крестьян и деревень, а также честности сборщиков и передавать в руки назначенных королем польским Владиславом сборщиков в главных городах; после подсчета оказалось, что собранная сумма достигла ста тысяч марок [. . .]

ВИТОВТ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТДАТЬ САМАГИТСКУЮ ЗЕМЛЮ КРЕСТОНОСЦАМ ПО ДОГОВОРУ, И ПОТОМУ КРЕСТОНОСЦЫ ОПУСТОШАЮТ ЛИТВУ, НО СКОРО ОБРАЩАЮТСЯ В БЕГСТВО, УЗНАВ О ПРИБЛИЖЕНИИ ПОЛЬСКОГО ВОЙСКА

Так как великий князь литовский Витовт не выполнял решения отдать Самагитскую землю магистру и Ордену Пруссии, принятого на съезде, состоявшемся в городе Рацёнже, то магистр Пруссии и крестоносцы с сильным войском вражески вторгаются в Литовскую землю; они громят ее и опустошают, а князь Витовт, хотя и тревожит неприятельское войско из засад, но все же опасается выступить против него в открытом бою, грозившем крайней опасностью.

Узнав о трудном положении князя, король Владислав направляет ему на помощь немалое число рыцарей из Польши. Последние, отыскав князя Витовта лишь по обходным и малопроходимым дорогам, воодушевляют его испытать военное счастье в бою с врагами. Но магистр

Пруссии и крестоносцы, узнав, что на помощь князю Витовту пришло польское войско и полагая его более сильным и многочисленным, чем оно было на деле, тотчас же быстрым ходом скрываются в свои края.

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1405

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ И МАГИСТР ПРУССИИ СЪЕЗЖАЮТСЯ В ГНЕВКОВЕ, ТАК КАК КРЕСТОНОСЦЫ ВЫДВИГАЮТ ПОЖЕЛАНИЕ, ЧТОБЫ КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ НЕ УПОТРЕБЛЯЛ НИ В ТИТУЛЕ, НИ НА ПЕЧАТИ НАЗВАНИЯ «ПОМЕРАНИЯ», ТО ОБЕ СТОРОНЫ РАЗЪЕЗЖАЮТСЯ, НЕ СВЕРШИВ ДЕЛА, БЕЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА

К празднику троицы король польский Владислав с советниками и магистр Пруссии Конрад фон Юнинген с руководителями Ордена [1] съехались в городе Гневкове для письменного подтверждения решений о мире, выработанных в предыдущем году в Рацёнже. Однако магистр и Орден выдвинули новое затруднение и затеяли спор о приложении печатей договаривающимися сторонами, ибо они предъявили грамоту Казимира
8 VII второго,[2] короля польского, написанную в Калише в день святого Килиана в году тысяча триста сорок третьем,[3] в которой король отказывался от права на Померанскую землю и от ее титула, обещая больше не пользоваться последним и велеть стереть его с государственной печати. Соответственно этой грамоте, крестоносцы требовали, чтобы король польский Владислав не пользовался этим титулом и велел бы устранить его из своей государственной печати; ибо, говорили они, никоим образом нельзя допустить, чтобы подлежащий заключению с ними и врученный их стороне договор был скреплен королевской печатью с титулом, включающим название «Померания»; ведь самое приложение такой печати определенно умаляло бы их право и ставило бы под сомнение отказ короля Казимира от Померанской земли. Они добавляли, что их цель в том, чтобы Померания как на деле, так и по имени признавалась землей Ордена и чтобы никто не мог предъявлять на нее никаких прав или прибавлять ее название к титулу.

Но так как король польский Владислав и его советники настойчиво отвергали и оспаривали требование магистра и Ордена,[4] они разъехались, не решив дела.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЛИТОВСКИЙ ВИТОВТ ЗАКЛЮЧАЕТ С КРЕСТОНОСЦАМИ МИР С СОГЛАСИЯ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА И ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ИМ ВЛАДЕНИЕ САМАГИТТИЕЙ, А ТАКЖЕ ЗАСТАВЛЯЕТ САМАГИТТОВ ПРОТИВ ВОЛИ ОТДАТЬ СВОИХ СЫНОВЕЙ В ЗАЛОЖНИКИ

Значительно хуже был исход другой встречи, которую провел Александр-Витовт, великий князь литовский, с упомянутым магистром Конрадом и крестоносцами Пруссии на реке Немане в местечке, называемом
28 VI Салин, расположенном ниже Ковно, накануне дня святых Петра и Павла
На эти переговоры Владислав, король польский, послал двоих советни-

ков, именно Клеменса из Мошкожова, каштеляна вислицкого, и Миколая из Бжезя, маршалка королевства Польского,[5] чтобы крестоносцы не обошли князя Витовта своими хитростями. После долгих переговоров о мире и об уступке князем Витовтом Самагитской земли Ордену обе стороны разошлись не без раздражения; некоторые крестоносцы, особенно Марквард фон Зальцбах, командор Бранденбурга, и Шимборг [6] бранили князя Витовта за преступное вероломство и поносили как князя, так и его родительницу [7] разными обидными словами и ругательствами. Однако Витовт перенес это оскорбление спокойно: он предпочел стерпеть и эти и много других недостойных поступков, чем силами одних литовцев начать войну с крестоносцами или отражать начатую ими войну, ибо в предыдущие годы такие попытки кончались неудачей.

Затем, справляя в другой раз встречу с магистром и Орденом крестоносцев, князь литовский Александр-Вотовт, уступая неотступным настояниям крестоносцев и устав от них, заключает мир скорее необходимый, чем почетный; он соглашается отказаться от Самагитской земли и силой принудить самагиттов к подчинению магистру и Ордену, причем король польский Владислав тщетно возражал и противился этому; князь жалует и записывает упомянутую Самагитскую землю магистру и Ордену прусскому в вечный дар открытой грамотой, написанной на двух языках, именно латинском и немецком, которая по ходатайству князя Александра подтверждена еще и королем польским Владиславом.

Но так как самагитты отвергали власть магистра и Ордена крестоносцев, то Александр-Витовт в силу договора, заключенного с магистром и Орденом, вступает со своим войском в Самагитскую землю, где уже стояли магистр и крестоносцы с их войском, и принуждает самагиттов подчиниться игу магистра и Ордена. Однако самагитты по мере своих сил сопротивлялись и, сильно тревожа прусское войско ночными нападениями и засадами, причинили ему большой урон, а еще больше страха, так что ему пришлось удвоить ночную стражу. А к князю Александру и его войску самагитты взывали из лесов с жалобными мольбами и плачем, чтобы тот не допускал их отделения от своего княжества и от литовцев, с которыми они составляют единое племя и единый народ как по тождеству языка, так и по сродству обычаев (ибо Самагиттия на их языке означает «нижняя» земля, получив это название в отличие от Литвы, которую и то и другое племена называют «верхней»), и подчинения их крестоносцам; так как, говорили они, будучи его собственными и верными подданными и друзьями, они никоим образом не хотят подчиняться Vakkis Ahridlis,[8] т. е. тевтонским крестоносцам, и подвергаться и впредь опустошениям и угнетению с их стороны.

Хотя эти жалостные речи возбуждали в князе литовском Витовте благое сострадание, однако, признавая за лучшее оставить договор в силе, он подчиняет Самагитскую землю магистру и Ордену Пруссии и принуждает самагиттов дать крестоносцам своих сыновей в заложники. А чтобы владение ею было для крестоносцев более спокойным и долговременным,

он выстроил на реке Невяже два замка и третий на реке Немане, при впадении реки Дубеши. Для управления последним замком магистр и Орден оставили крестоносца Михаэля Кухмейстера в качестве фогта и начальника, так как он знал языки литовский и самагитский [. . .]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1406

ТОМАШ ИЗ ВЕНГЛЕШИНА ПО ВЕЛЕНИЮ КОРОЛЯ ОТВОЕВЫВАЕТ ЗАХВАЧЕННЫЙ КРЕСТОНОСЦАМИ ЗАМОК ДРАХИМ

Желая, чтобы несправедливо занятый крестоносцами-иоаннитами [1] замок Драхим с течением времени они не обратили в собственность (как это случилось с замком Сантоком, который равным образом был отторгнут от Польского королевства теми же крестоносцами-иоаннитами)[2] и чтобы это обладание замком не оказалось долговременным, Владислав, король польский, направляет послов к магистру упомянутого Ордена с требованием или отдать замок Польскому королевству и королю Владиславу, или превратить его в ленное владение короля и королевства. Когда же магистр отвергает оба предложения, король посылает Томаша из Венглешина по прозвищу Козлероги, герба Елита, каштеляна сандомежского и старосту Великой Польши, — взять его силой. Последний, выполняя повеление короля, в течение четырех дней завоевывает его благодаря мужеству рыцарей (так как оборона замка крестоносцами была безуспешной); с этого времени он остается в подчинении и под властью короля польского [. . .]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1408

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ И МАГИСТР ПРУССИИ СЪЕЗЖАЮТСЯ В КОВНО ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА МЕЖДУ ЗЕМЛЯМИ ЛИТВЫ И ПРУССИИ, НЕ РЕШИВ ДЕЛА, ОНИ РАСХОДЯТСЯ В РАЗДРАЖЕНИИ, ОБМЕНЯВШИСЬ, ОДНАКО, ВЗАИМНЫМИ ПОДАРКАМИ

Так как семена обид и раздоров между Литвой и Пруссией постепенно разрастались, Владислав, король польский, заботясь о спокойствии
5 I своей литовской родины, провел накануне праздника богоявления переговоры с Ульрихом фон Юнингеном, магистром Пруссии, в литовском городе Ковно. С Владиславом, королем польским, туда отправились прелаты и первые вельможи польские и потратили много дней на переговоры с магистром прусским Ульрихом фон Юнингеном и его командорами (которые расположились на одном острове близ Ковно) об исправлении и устранении несправедливостей и раздоров. Так как магистр Пруссии уже тогда проявлял дух неистовый и гордый и далекий от мирных предложений, как явствовало из грубости его поведения и речей, которые он напыщенно изливал, обе стороны, не приняв никакого разумного решения, разъехались еще более озлобленными и раздраженными друг на друга, чем прежде, однако не настолько враждебно, чтобы вести себя как

враги; ибо король Владислав послал магистру Пруссии достойные короля подарки и принял в свою очередь дары, присланные магистром; поэтому обе стороны затушили на время разгорающуюся ярость и боевой пыл [. . .]

КОРОЛЬ ПОЛЬСКИЙ, ЧТОБЫ ПОМОЧЬ СТРАДАЮЩИМ ОТ ГОЛОДА ЛИТОВЦАМ, ПОСЫЛАЕТ ВИТОВТУ ДВАДЦАТЬ КОРАБЛЕЙ С ХЛЕБОМ, КОТОРЫЕ ПО ПРИКАЗАНИЮ МАГИСТРА ПРУССИИ ПЕРЕХВАЧЕНЫ У РАГНЕТЫ И НЕ ВОЗВРАЩЕНЫ; ЭТИМ ПОДАН ПОВОД ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ВОЙНЫ ПОЛЯКОВ С КРЕСТОНОСЦАМИ ВИТОВТ ЖЕ МЕЖДУ ТЕМ ЗА ОГРАБЛЕНИЕ ЕГО КУПЦОВ МАГИСТРОМ ОТБИРАЕТ ОБРАТНО ОТДАННУЮ КРЕСТОНОСЦАМ САМАГИТСКУЮ ЗЕМЛЮ

Владислав, король польский, зная, что литовская страна погибает от тяжкого и пагубного голода, ибо как озимые, так и яровые посевы были уничтожены чрезмерными дождями, побуждаемый через гонцов просьбами Александра-Витовта, великого князя литовского, приказывает обмолотить хлеб из всех королевских имений и риг в Куявской земле. Хлеб этот за несколько лет был собран деятельными хлопотами старост куявских Заклики из Мендзыгожа, канцлера королевства Польского, герба Топор, и Яна, иначе Ивана, из Обихова, каштеляна сремского. Затем король посылает в Литву двадцать больших кораблей с хлебом по реке Висле до Рагнеты, с тем, чтобы оттуда суда следовали вверх по реке Неману. Доведенные в Рагнету, эти корабли были перехвачены по распоряжению магистра прусского Ульриха фон Юнингена. Для оправдания и обеления совершенного им поступка магистр заявил, будто на тех кораблях везли оружие для варваров и язычников против христиан и верующих; на самом же деле магистр распорядился так из зависти и раздражения на то, что литовцы откажутся покупать по дорогой цене хлеб, принадлежащий ему и Ордену и хранимый с давних времен в амбарах. Этот-то незаконный захват хлеба и послужил основанием и причиной для войны, которая велась в последующие годы между королевством Польским и великим княжеством Литовским, с одной стороны, и Орденом крестоносцев — с другой. Это великое беззаконие задело Владислава, короля польского, и он начал всеми силами готовиться к войне против крестоносцев; однако советники королевства Польского убедили его, что лучше перенести обиду, чем спешить с войной. Король направляет к Ульриху фон Юнингену, магистру Пруссии, архиепископа гнезненского Миколая Куровского и каштелянов — сандомежского Миколая из Михалова,[1] калишского Януша из Тулискова [2] и накловского Винцента из Гранова,[3] настоятельно требуя, чтобы ему было представлено полное возмещение взятого хлеба. Но Ульрих, магистр Пруссии, муж высокомерный и скорый на споры и распри, нисколько не смягченный столь знатным и скромным посольством, отвечает, что им перехвачен не хлеб, а оружие, посланное язычникам против него, его Ордена и прочих христиан, и он никоим образом его не возвратит; король же и поляки поступают якобы бесчестно,

помогая варварам оружием и требуя возвращения, когда его перехватывают. После этого Ульрих фон Юнинген, магистр Пруссии, нанес вдобавок еще одну обиду Александру, великому князю литовскому, велев напасть на литовских купцов, торговавших в Рагнете, и захватить их, а имущество и разного рода товары разграбить. Не вынес Александр-Витовт, князь литовский, этого оскорбления и не счел нужным вести переговоры через послов о возвращении захваченного; оскорбленный как прежним беззаконием — захватом хлеба, так и последним, он решился с тайного согласия короля польского Владислава отнять и удержать за собой Самагиттию, пожалованную и записанную магистру и Ордену крестоносцев.

Итак, послав маршалка литовского Румбольда [4] с воинами, он берет в плен и изгоняет Михаэля Кухмейстера, фогта Самагиттии, и прочих крестоносцев и все их отряды, размещенные в недавно воздвигнутых замках; и так как самагитты по своей преданности князю Витовту стремились быть его верными подданными, то он возвратил Самагитскую землю в прежнее подчинение себе [. . .]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1409

ТАК КАК КРЕСТОНОСЦЫ ПОСЛЕ ПОТЕРИ САМАГИТТИИ НЕ МОГУТ ВЫВЕДАТЬ ЧЕРЕЗ ПОСЛОВ У КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА, ПРИДЕТ ЛИ ОН НА ПОМОЩЬ ВИТОВТУ, ОНИ ОБЪЯВЛЯЮТ ВОЙНУ ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЕВСТВУ.

Когда король польский Владислав, проезжая через землю Великой Польши, находился с очень большим числом рыцарей в городе Оборники, к нему в четверг перед праздником святого Иоанна Крестителя явились
24 VI послы Ульриха фон Юнингена, магистра прусского, а именно командоры торуньский и старогардский,[1] которых прусский магистр Ульрих с умыслом послал больше для того, чтобы поляки высказали свои намерения (как это в конце концов и произошло), чем в надежде добиться выполнения своих требований.

Послы с глубокой печалью жаловались на то, что Александр-Витовт, великий князь литовский, отнял у них землю самагитов, несмотря на то, что открытой грамотой записал ее в вечный дар магистру и Ордену и отрекся от всякого права притязать на нее, а начальников и наместников его и Ордена перебил или захватил в плен с позором и срамом. И хотя магистр и Орден снаряжали много посольств к упомянутому Александру-Витовту и многократными просьбами и настояниями добивались возвращения захваченной земли и возврата пленных, однако их старания и просьбы не оказали никакого действия, так как Александр, князь литовский, насмеялся над их настояниями и требованиями. Так как, говорили они, магистр и Орден, чувствуя себя незаслуженно обиженными, вынуждены будут по необходимости возвратить силой оружия отнятую у них землю

и отомстить за причиненный ущерб и беззакония, то они с великой настойчивостью просят короля объявить, пожелает ли он помогать в этом деле брату своему Александру, князю литовскому, чтобы магистр и Орден выяснив его намерения, могли своевременно принять меры.

Владислав же, король польский, не зная хорошенько, что сразу ответить, но понимая, что в самом посольстве заключается оскорбительное и угрожающее намерение, отвечает на это двусмысленное заявление что не может на этот раз ничего сказать ввиду важности и значительности дела и малого числа своих советников; он созовет общий сейм в Ленчице в день святого Алексия и по решению сейма даст ответ магистру и Ордену через собственных послов. Недовольные этим ответом, командоры стали открыто выражать возмущение в присутствии рыцарства, знати и народа королевства Польского, заявляя, что магистр и Орден готовы сохранить договор о вечном мире с королевством Польским, который был заключен между Казимиром вторым, королем польским, и магистром и Орденом; [2] но так как Владислав, король польский, не желает покинуть брата своего Александра, князя литовского, и хочет помогать ему в несправедливом деле, пусть рыцари и вельможи королевства Польского не гневаются на магистра и Орден, если, оскорбленный глубокой несправедливостью, он начнет войну против Польского королевства. После такого открытого заявления послы уехали в раздражении и гневе, даже не выслушав ответа. Из их слишком несдержанного для послов поведения и раздражения и проявленной ими надменной заносчивости стало совершенно ясно, что, как только наступит удобное время, крестоносцы начнут войну против королевства Польского. Таким образом, магистр и Орден, как стало известно, настолько сильно были оскорблены возвращением Самагиттии в состав Литвы, совершенным Александром-Витовтом, великим князем литовским, и уклончивым ответом Владислава, короля польского, что, хотя они не решились открыто пойти на войну с поляками, но затаили злобу и преисполнились кипящим гневом и негодованием Все это показывало, что война близка и начнется, как только представится удобный случай.

Владислав, король польский, когда посольство магистра и Ордена задало ему вопрос, стоял как бы на опасном распутье, не ведая, куда повернуться и какой ответ дать па такое заявление. Король не желал покидать князя Витовта и литовцев в их тяжелом и опасном положении, но он также не желал вовлечь в жестокую войну свое королевство ибо советники из поляков особенно страшились как бы война не возникла, а возникнув, не разрослась, и более всего прилагали старания и заботы чтобы избежать ее.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ЧЕРЕЗ ПОСЛОВ ОТВЕЧАЕТ МАГИСТРУ ПРУССИИ, ЧТО НЕ ПОДОБАЕТ ЕМУ ПОКИНУТЬ БРАТА ВИТОВТА, НО ЧТО ОН ПРЕДЛАГАЕТ НА СПРАВЕДЛИВЫХ УСЛОВИЯХ ЗАГЛАДИТЬ ОБИДЫ, НАНЕСЕННЫЕ КНЯЗЕМ ОРДЕНУ КОГДА ЖЕ МАГИСТР СТАЛ ГРОЗИТЬ ВОЙНОЙ, КОРОЛЕВСКИЕ ПОСЛЫ ОПРОМЕТЧИВЫМИ СЛОВАМИ ПОБУДИЛИ ЕГО НАЧАТЬ ВОЙНУ ПРОТИВ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА; ВСКОРЕ МАГИСТР ЗАВЛАДЕВАЕТ ЗАМКАМИ ДОБЖИНОМ, БОБРОВНИКАМИ, ЗЛОТОРЫЕЙ, БЫДГОЩЬЮ И ДРУГИМИ ГОРОДАМИ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА.

17 VII С наступлением дня святого Алексия, когда прелаты и вельможи Польского королевства съехались в большом числе в Ленчицу, где состоялся общий сейм, чтобы дать ответ магистру и Ордену прусскому, от сейма были направлены послами к магистру Ульриху фон Юнингену и Ордену прусскому архиепископ гнезненский Миколай Куровский, воевода сандомежский Миколай из Михалова и каштелян калишский Януш из Тулискова.[3]

Послы явились к магистру в Мариенбурге и дали ответ в таких словах: «Король польский Владислав, — сказали они, — полагает, что тебе и Ордену твоему небезызвестно, что Александр-Витовт, великий князь литовский, на которого ты принес жалобу по поводу отобрания Самагитской земли и прочих обид, хотя и знатнейший государь и связан с королем почти братскими кровными узами, однако является подданным Польского королевства и короля, и землю Литовскую и княжество получил только в силу королевского пожалования и соизволения и лишь пожизненно. Поэтому не подобает королю и в настоящей войне, которую вы будете вести против князя Александра и земли Литовской, и в любой другой беде покидать его, но, напротив, следует помогать ему всеми силами и средствами. Итак, пусть магистр соблаговолит воздержаться от всякой войны и в подходящем месте и в подходящее время принять участие в совещании; на этом совещании Владислав, король польский, обещает позаботиться об улажении и устранении всего, что было сделано против права и справедливости и об укреплении брата своего Александра, великого князя литовского, как государя подчиненного ему и королевству Польскому во всем, что касается мира и справедливости».

Однако на магистра Пруссии вовсе не произвел впечатления столь скромный ответ; изливая и нагромождая в напыщенных словах перед послами непрерывные жалобы на князя Александра, магистр заявил, что не будет дольше терпеть обиды по отношению к себе и Ордену и немедленно со всеми своими силами пойдет войной на Литву. Миколай же Куровский, архиепископ гнезненский, один из королевских послов, не вынеся столь сильных угроз магистра, произнес, вопреки запрещению короля и советников, необдуманное и неосторожное слово: «Перестань, — сказал он, — магистр, страшить нас, что пойдешь войной на Литву, так как, если ты решишь это сделать, то не сомневайся, что, лишь только ты нападешь на Литву, наш король вторгнется в Пруссию». Сказал ли архиепископ по своему личному почину необдуманные свои слова или, как утверждают, потому что ему было так велено, — неизвестно. Обрадованный этой речью,

магистр сказал: «Благодарю тебя, достопочтеннейший отец, за то, что ты не утаил намерения твоего короля. Ибо я, узнав и удостоверившись в нем из твоей речи, лучше нападу на голову, чем на члены, лучше на населенную землю, чем на покинутую, и лучше на города и села, чем на леса, обратив оружие, назначенное против Литвы, на Польское королевство. Ведь больше пользы мне и моему Ордену поразить голову, чем ноги, больше пользы пойти на возделанные земли, а не на поля, леса и чащи». Так сказав, он не стал медлить, ибо лишь только королевские послы удалились, магистр берется за оружие, снаряжает войско; затем, отправив Владиславу, королю польскому, находившемуся в Новом городе Корчине, послание о разрыве, в канун успения пресвятой девы Марии, облагает 14 VIII
осадой замок Добжин [4] и с помощью непрерывных ударов бомбард и частого метания зажигательных стрел завоевывает и сжигает его, а защищавших его польских рыцарей казнит. После этого он опустошает города Рыпин, Липно, Добжин и убивает много девушек и женщин, оказавшихся там. Таким образом, неловко и неосторожно произнесенная речь гнезненского архиепископа Миколая ускорила войну, наступление которой до сих пор задерживалось; и тот, будучи посредником и уполномоченным в делах мира, неуместной речью разжег войну.

После взятия Добжинского замка магистр отрубил голову захваченному в плен старосте добжинскому Яну из Пломеня, шляхтичу герба Прус, и учинил много жестокостей в отношении польских рыцарей и крестьян. Затем, проследовав к замку Бобровники, он подобным же образом после долгой осады принудил его сдаться; ибо знатные польские рыцари, посланные Владиславом, королем Польши, для защиты упомянутого замка (старостой которого был Варцислав из Готартовиц, рода и герба Лис), сдают замок магистру, хотя положение их нельзя было назвать тяжелым, ибо продовольствия у них было достаточно, а стены замка, кроме одной части, и укрепления были целы.[5] За это упомянутый Варцислав должен был после долговременного пленения претерпеть еще и в Польше тяготы тюремного заключения в темной башне. Остальные же рыцари, а именно Бартош Пломиковский, герба Помян, Миколай Рагошович и другие, сдавшие упомянутый замок, все были лишены королем Владиславом доброй славы и чести. Вследствии этого, упомянутый Бартош Пломиковский, терзаемый стыдом и душевными волнениями, впал с того времени в умопомешательство; однако впоследствии в великой
битве,[6] происшедшей в день рассеяния апостолов, он выказал высокое 15 VII 1410
мужество, но никогда уже не исцелился от своего безумия. Действительно, спустя много лет, в Кракове, он захотел, сидя верхом на коне, перескочить через цепь, ограждавшую площадь; [7] упав при этом с коня, он получил рану от меча, которым был опоясан и который выскочил из ножен от толчка при прыжке, и умер от этой раны. И не только он сам, но и потомство его впало в такое безумие.

Завоевав замок Бобровники, магистр прусский Ульрих облагает осадой замок Злоторыю и стоит перед ним восемь дней. В течение этих дней

из Торуня выводили женщин и девушек и в их присутствии производились нападения и приступ замка. На восьмой же день осады замок сдается магистру, так как бо́льшая часть рыцарей, оборонявших его, была убита ядрами бомбард и дальше нельзя было держаться. Поэтому все уцелевшие были взяты в плен крестоносцами; среди них были Добеслав Олевинский, Гебермут, Иван из Горы и другие, которых крестоносцы долгое время держали в плену. И хотя Александр-Витовт, князь литовский, ради освобождения рыцарей, взятых у Злоторыи, отпустил крестоносцам некоторых пленных, крестоносцы, однако, не сдержали обещания и задержали пленных польских рыцарей. Завладев таким образом замком Злоторыей и видя, что замок Быдгощь, который охранялся Томашем из Венглешина, старостой Великой Польши, им никак не взять (из-за неприступности, усиленной естественным его положением), крестоносцы, подкупив бурграфа замка, склонили его к сдаче. Услышав об этом, Томаш из Венглешина умер от безмерной скорби. После его кончины король Владислав отдал староство Великой Польши под начало Винценту из Гранова, каштеляну накловскому.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ОБЪЯВИВ ПОХОД И НАПРАВЛЯЯСЬ В ПРУССИЮ, ОТВОЕВЫВАЕТ БЫДГОЩЬ

Владислав, король польский, с горечью и тяжелым сердцем перенося столько тяжких обид, причиненных ему крестоносцами, и захват стольких замков, вскоре подымает в поход все свое королевство; подданным
15 IX своего королевства он велит собраться войском в Вольбоже через восемь дней по рождестве святой Марии, чтобы оттуда идти в Пруссию. Великому же князю Литвы Александру-Витовту он письменно и через гонцов неоднократно предлагает со всей силой своих людей встретиться с ним у границ Пруссии. Итак, согласно королевскому повелению в назначенный день в Вольбоже собирается большое войско со всех земель королевства Польского, а именно: Краковской, Сандомежской, Люблинской, с Руси и Подолии,[8] с которым король Владислав проходит к Ленчице и около нее в перелесках [9] стоит станом четыре дня в ожидании остального войска. Отправившись отсюда, первый привал он делает на полях селения Седлец, второй — на полях селения Кочавы, третий — около Радзейова, над озером, и там распределяет свое войско на хоругви, четвертый — в полях селения Шарлей, пятый — в Тучно над озером, в расстоянии
29 IX одной мили от Юнивладиславии, шестой — в Быдгощи. И в день святого Михаила облагает большой воинской силой замок Быдгощь и огораживает его кругом щитами или плетнями, как стенами над валом, и громит бомбардами; непрерывной стрельбой из них был убит командор и староста замка. Магистр же Пруссии, предвидя, что замок Быдгощь будет взят, посылает к Владиславу князя Конрада Олесницкого; магистр требует, чтобы король снял осаду и предлагает передать замок Быдгощь в руки Венцеслава, короля Чехии, согласившись на его посредничество.[10] Когда
4 X посланец изложил содержание своего поручения в субботу, назавтра

после дня святого Франциска, ему был дан ответ: «Если магистр пообещает осуществить на деле такую же передачу Добжинской земли и ее замков в руки упомянутого короля Венцеслава, то король не отказывается снять осаду».

Осаждая этот замок, король стоял со своим войском в течение восьми дней в бору,[11] а на восьмой день он завоевывает замок силой оружия и, восстановив разрушенное в нем, отдает в держание Мацею из Лабышина, воеводе брестскому.[12]

Между тем в дни осады прусский магистр приказал своим людям собраться в окрестностях Свеця. Узнав об этом, король Владислав послал туда несколько хоругвей своих людей; узнав об их прибытии, прусский отряд обращается в бегство, и королевское войско овладевает всеми оставленными шатрами и захватывает добычу — много вражеского оружия

В раздражении от столь многих и жестоких обид со стороны крестоносцев, Владислав, король польский, пишет разным католическим королям и государям нарочитые послания насчет своих обид; образец этих посланий мы приводим немного ниже.[13]

Между тем князь литовский Александр-Витовт в эти дни посылает к королю Польши Владиславу Якова Глиняного из Люблина, своего нотария, тайно уведомляя его светлость, что в данное время он никак не может прийти на помощь королю со своим войском. Князь просит и умоляет не гневаться на него за это и советует заключить перемирие с врагами до будущего лета, чтобы он (князь), распорядившись тем временем обо всем для войны, мог прибыть к королю на помощь с большой силой, а также лучше снабженный и подготовленный в отношении воинского снаряжения.

ВЛАДИСЛАВ, КОРОЛЬ ПОЛЬШИ, ПОДДАВШИСЬ УГОВОРАМ ПОСЛОВ ВЕНЦЕСЛАВА, КОРОЛЯ РИМЛЯН И ЧЕХИИ, А ТАКЖЕ СВОИХ СОВЕТНИКОВ, ЗАКЛЮЧАЕТ ПЕРЕМИРИЕ С КРЕСТОНОСЦАМИ ДО ДНЯ СВЯТОГО ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ И СОГЛАШАЕТСЯ НА ТРЕТЕЙСКОЕ РЕШЕНИЕ КОРОЛЯ ЧЕХИИ

После завоевания замка Быдгощи Владислав, король польский, стал обсуждать со своими советниками, что ему полезнее сделать. Большинство советников полагало, что надлежит поступать так: пусть король Владислав, собрав какое может сильное войско, вступит в Померанскую землю и опустошит ее огнем и мечом; другие же считали более полезным, заключив перемирие, возвратиться и возобновить войну будущим летом, имея в виду, что столь большое войско никак не сможет перенести суровости зимы в походе. Между тем прибыли послы Венцеслава, короля римлян и Чехии,[14] именно Конрад Старый, князь олесницкий,[15] и Енко, староста свидницкий и вратиславский,[16] и от его имени просят короля Владислава прекратить войну, согласившись на сохранение мира до праздника святого Иоанна Крестителя; в качестве третейского судьи послы предлагают самого короля Венцеслава; он-де справедливо рассудит все разногласия

возникшие между королем и магистром; затем они просят короля напра-
9 II 1410 вить к воскресенью на первой неделе великого поста в Прагу своих послов с полным наказом для получения третейского решения. Итак, склонившись на просьбы упомянутых послов короля римлян и поддавшись настояниям своих советников, Владислав, король польский, подписывает и утверждает перемирие с крестоносцами сроком до захода солнца в день
24 VI святого Иоанна Крестителя[17] и соглашается принять воскресенье на первой неделе великого поста как срок для обсуждения и заключения вечного мира при посредничестве короля римлян. Принимая во внимание силы войска, которым предводительствовал король, заключение этого перемирия казалось постыдным, но оно отвечало обстоятельствам. Однако королевские советники не могли избежать тяжких оскорблений и брани от простого народа за то, что устроили это перемирие будто бы подкупленные золотом крестоносцев. Они склонились, однако, к умеренности не из страха и не в силу подкупа, а из осторожности, хотя некоторые и порицали их решение как трусливое и вызванное подкупом.

ЖАЛОБА ВЛАДИСЛАВА, КОРОЛЯ ПОЛЬСКОГО, НА КРЕСТОНОСЦЕВ ПРУССИИ, ОБНАРОДОВАННАЯ ЧЕРЕЗ ЕГО ПОСЛАНИЯ ВО ВСЕОБЩЕЕ СВЕДЕНИЕ.

«Владислав, божией милостью король Польши, верховный князь Литвы, наследственный владетель Поморья и государь и наследственный владетель Руси[18] и проч. Праведный боже, сильный судия, благой сердцеведец, призываю и молю тебя, не попусти меня погрешить в провозглашении постигающих меня бедствий или обличить что-либо вопреки истине! Итак, узнайте, слушайте и внемлите все и каждый, короли и государи как духовные, так и светские, графы, бароны, вельможи, рыцари, городские общины и прочие, и все, кто населяет землю, исповедующие святую католическую веру. Подобно тому как в обстоятельствах, которые возникают и случаются между нами и братьями-крестоносцами Пруссии, нет у них никакого чувства уважения к нам, в силу чего они терзают и подвергают оскорблениям терпение наше, которое мы должны были миролюбиво сохранять по завету царя нашего Иисуса Христа, прикрываясь утверждениями, что и сами мы лишены его. Так, хотя они были связаны с нами прочнейшим мирным договором и крепкими грамотами и была надежда, что по крайней мере договор ни в коем случае не будет нарушаться, все же они, вопреки этому скрепленному таким образом договору, под видимостью притворной дружбы несправедливыми обвинениями и сочиненными выдумками опорочили нашу невинность пред лицом некоторых государей и многих почтенных людей. Они предательски утверждали, будто в наше время и при князе литовском Александре-Витовте вера католическая якобы мало укрепилась крещением нашего литовского народа, так как никто-де из нашего народа не был нами обращен и привлечен к вере христовой; люди же русской веры, крещенные нами, под видимостью веры католической тайно и скрытно держатся

своего вероучения. Но так как церковь не судит о скрытом, то для нас достаточно усердия чистого благочестия, которое мы прилагаем для возвышения католической веры; ибо, если бы мы знали таких, кто держится тайной веры, то мы никогда бы не отпустили их, не подвергнув строгому наказанию. И если бы совершенная любовь пребывала в сердцах крестоносцев или если бы они желали оставаться верными заключенному с нами договору, то они должны были бы откровенно указать нам тех из наших, о ком они знали или знают, как о вероотступниках. Если бы мы не исправили таковых, то по евангелию, разве не должны были они призвать свидетелей и побудить нас к исправлению этих вероотступников? И уже затем, если бы мы не приняли меры, чтобы побудить их исправиться, тогда только они должны были поведать об этом церкви. Но они сами, перевернув порядок и опустив начало, начинают с конца: они стали обращать несправедливые жалобы против нас и нашего дражайшего брата, князя Витовта. И нельзя надеяться, чтобы сами они соблюдали веру чистой и незапятнанной. А потому, распустив узду языка для пустословия, они не захотели говорить правды и, полагаясь на свободу речи, предпочли наговаривать на нас ложь и несправедливость. Мы не имеем в виду многословно доказывать правоту нашу, но хотим действительными успехами прославить плоды наших дел. Мы хотим представить воочию, на деле явить и показать, что обряды христианской веры исправлялись нашими новообращенными на литовских землях под водительством Христовым достохвально. Ведь по божьей милости мы воздвигли там кафедральные соборы и много других, приходских и монастырских церквей, одарив и наделив их навечно и в достаточной степени из наших наследственных имуществ. В этом каждый может убедиться, если захочет посетить для получения сведений эти самые части Литвы, которые мы вывели из заблуждения язычества, и увидеть собственными глазами, что то, что мы пишем, не иначе и есть в действительности. Но они, о стыд! прикрывают свой грязный позор выдуманным ими чужим позором, перекладывая собственные вины на других. Они хорошо поступили бы, если бы, прежде чем спешить вынимать соломинку из чужого глаза, вытащили бы бревно из своего. Ведь они, зная и видя правду, утверждают обратное, именно, что за двадцать четыре года, протекшие со времен крещения нашего, католическая вера мало выросла. Так вот, пусть же они скажут, как и насколько католическая вера возросла в землях Пруссии, занятых ими уже, может быть, двести лет или больше. Наверное, по сравнению с тем, что сделано в литовских землях, свершенное ими можно считать за ничто; так как ведь и те прусы, которых они крестили, при их попустительстве и как бы под личиной строгости, как это хорошо известно, вовсе не оставили языческих обрядов. И на деле крестоносцы никого из этих язычников не обращают честно в католическую веру, поскольку опыт с самагиттами, которых они должны были склонить к крещению, свидетельствует, что они за пятилетие никого не обратили в католическую веру, хотя большинство стремилось принять благодать крещения. Ибо одно

только радует крестоносцев на этом пути — любой захват чужих земель так или иначе. Отсюда мы приходим к правдоподобному выводу: если они будут обращаться с другими государями столь же неправедно, как они теперь поступают с нами, то, наверное, с трудом кто-нибудь сможет это выдержать. И без сомнения, если их с божьей помощью не обуздать, то в дальнейшем они все государства и владения подчинят таким образом своему владычеству. Есть и еще в их действиях нечто весьма прискорбное, отвратительное и достойное сожаления, именно направление их всегда противоположно должному, так как они совершенно не желают согласовать его с какими-либо установлениями гражданского закона или церковными постановлениями. Ибо самое это направление их не допускает, чтобы воля следовала за разумом, но знаменует сильнейшим образом то, что разум у них уступает и всегда подчиняется велению воли. Ибо все их стремление и воля состоят исключительно в том, чтобы удерживать свое, чужое же присваивать или домогаться его. Они хотят всегда пользоваться чужими благами, защищая свое от каждого; при захвате же чужого они не обращают внимания ни на правопорядок, ни на веление справедливости, если только они в состоянии силой завладеть чужим. От захваченного же они ни в коем случае не желают отступаться и не подчиняются никакому праву или суду, если дело идет об их захватах. И чем больше кто-нибудь из любви к миру и во имя добродетели будет унижаться перед ними, тем более они, презрев такое смирение, станут надменно попирать таких людей ногами. И поскольку мы желали бы таким образом с величайшей покорностью добродетели выразить перед самим богом-творцом наше благочестие и смиренно испрашивать его милости для поддержания и укрепления сладостного мира, сохраняя постоянно в помыслах то положение, что только в мире может быть должным образом почитаем податель мира, мы заключили поэтому с братьями-крестоносцами вечный и прочный мир. А этим миром мы надеялись совершить для самого спасителя два добродетельных деяния: одно из них состояло в том, что прекратилась бы борьба с ближними и родственными единоверцами и устранилась бы причина для всех ссор; другое же, мы полагали, заключается в том, что за время действия мирного договора мы могли бы распространять христианскую веру и привести всех неверных крещением к католическому единению. Вследствие этого, отбросив и исторгнув из сердец старые обиды, мы дали место в нем чистой любви, погасив всякое пламя обид благочестивой кротостью. Для восстановления более прочного договора и ради блага мира мы даже землю Добжинскую, принадлежащую короне польской, но несправедливо отнятую у нас и у нашей короны этими же крестоносцами и в течение нескольких лет, в нарушение договора, заключенного с королевством польским при блаженной памяти Казимире, некогда короле Польши, занятую Орденом этих братьев, выкупили за большую сумму денег. Но мы и от этого не получили пользы и во время мира не могли найти мира, ибо вскоре после утверждения мирного договора они стали тревожить нас и причинять ущерб еще более тягостными, чем преж-

ние, жалами обид. При этом, помимо множества других оскорблений, нанесенных нам, они дерзко захватили наши замки, именно Дрезденко[19] и Санток, вместе с некоторыми землями, принадлежащими нам и брату нашему Яну, князю Мазовии, и с иными нашими статьями дохода, пренебрегши всяким правом и правилами справедливости. Мы перенесли такие оскорбления с великим терпением, будучи крепко связаны и скованы путами договора, который, как мы поняли, был для нас тяжелее всякой войны. И хотя мы в многократных представлениях с приязнью побуждали их письменно и при посредстве чрезвычайных послов, чтобы они согласно статьям установленного с нами договора умерили обиды уздой справедливости, они, превращая нас из-за этого в посмешище, никоим образом не захотели этого сделать. Между тем, однако, они как бы издевательски сообщали нам, что хотят умерить эти обиды строго по справедливости; но только, как и в других случаях, они отказались довести свое намерение до конца. Поэтому нам приходится принести жалобу на них и со смущенной душой изъяснить тяжесть наших обид, которые мы описываем вашей светлости по отдельности в особом перечне. Мы настоятельно просим вашу светлость, чтобы вы соблаговолили лишить благосклонной веры слова, извещения и даже обвинения тех же крестоносцев, если они направят таковые против нас и нашего брата, князя Витовта, пользуясь проворством языка; ведь своими несправедливыми и коварными обвинениями они порочат нас, тогда как только они одни погрязли в пороке испорченности. Благоволите также, просим вас, отвратить ваш ум от их несправедливых подстрекательств; если же они будут призывать и требовать каких-либо людей из ваших владений прийти на помощь против нас и упомянутого брата нашего князя Витовта, то запретить переход туда ваших людей; ведь крестоносцы поистине вооружаются и требуют помощи вооруженной силы против верных исповедников католической веры и против тех, которые давно уже стремятся быть приобщенными к католической вере.

«Дано в Опатове в самый день святого славного мученика Лаврентия в год господень тысяча четыреста девятый». *10 VIII*

ВИТОВТ, НЕ ЗНАЯ О ПЕРЕМИРИИ, ЗАКЛЮЧЕННОМ КОРОЛЕМ С КРЕСТОНОСЦАМИ, ОПУСТОШАЕТ ПРУССИЮ И, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, СО СТРАХОМ НЕОЖИДАННО ВСТРЕЧАЕТ В СВОИХ ЗЕМЛЯХ РАЗДРАЖЕННОГО ВРАГА

Еще до получения великим князем литовским Александром от короля Владислава известия о заключении этого перемирия или приостановке военных действий упомянутый князь Александр тайно отправил своего брата, князя Сигизмунда,[20] со значительным войском литовцев в прусские земли; вступив в них и предав огню и разграблению множество селений, Сигизмунд опустошает и сжигает также города Дзядлов, Тамов и Неверке и уводит в Литву большое число людей обоего пола. Это вторжение великий князь Литвы Александр предпринял, не зная о перемирии;

однако это обстоятельство не помешало крестоносцам обвинять великого князя Витовта в несправедливости и злокозненности. Поэтому они поджидали лишь удобного времени, чтобы по своему обыкновению, в свою очередь, отплатить ему.

Итак, тайно собрав войско, они посылают его через безлюдные места, расположенные между Гродно и Бельском, через местечки Жебно, Стоки, Яскер и реку Нетупу; застигнув и перебив около Яскера людей князя, которые в безлюдном месте несли караульную службу, ибо их [присутствие] выдал дым, крестоносцы врываются в воскресенье на вербной неделе в Волковыск, где собралось немало литовцев прослушать богослужение; затем нападают и захватывают в плен всех жителей обоего пола, литовцев и русских; после этого, разграбив и предав огню это местечко, поспешно возвращаются с пленниками той же дорогой, какой пришли. Взволнованный этим неожиданным известием и охваченный сильным страхом, великий князь Александр, который находился в Слониме, на расстоянии семи миль от этого места, тотчас же, взяв с собой только супругу свою Анну, укрылся в густые леса, в окруженные водой и болотами убежища около Здитова; там он пребывал, пока не удостоверился в уходе крестоносцев.[21] Места же, по которым шло в Волковыск и возвращалось назад войско крестоносцев, обратились в этом захолустье в большую дорогу; и, как памятник этого события, эта дорога еще заметна и сохраняется и до сего дня. С тех пор принято было следить, чтобы караульные, дабы не быть обнаруженными, складывали костры только из дубовой коры, которая не дает дыма [...]

ПОЛЬСКОЕ ВОЙСКО РАСПУСКАЕТСЯ И СОЗЫВАЕТСЯ СЕЙМ В НЕПОЛОМИЦАХ, НА ЭТОМ СЕЙМЕ ВАРЦИСЛАВА ИЗ ГОТАРТОВИЦ ПРИСУЖДАЮТ К ВЕЧНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ И ВЫБИРАЮТ ПОСЛОВ К ЧЕШСКОМУ КОРОЛЮ, ТРЕТЕЙСКОМУ СУДЬЕ.

По заключении перемирия (которое все же вызвало большое недовольство и огорчение простого люда и неосведомленных людей, которые клеветали на советников, будто те заключили перемирие, будучи подкуплены) Владислав, король польский, распустив войско, выезжает из
11 XI Быдгощи и через Жнин направляется в Познань; оттуда, объявив о созыве общего сейма в селении Неполомицы, король следует в Краков, и в день святого Мартина проводит общий сейм в Неполомицах. Перед собранием епископов и вельмож королевства учреждается грозный суд над Варциславом из Готартовиц, который, поступая как предатель, не будучи вынужден к этому никакой крайностью, сдал замок Бобровники крестоносцам. Варцислав в оправдание своего преступления ссылался на то, что передачу упомянутого замка он произвел с ведома Миколая Куровского, архиепископа гнезненского, и по его поручению; было представлено для тщательного рассмотрения письмо по этому предмету; в конце концов, однако, открылось, что этот Варцислав действовал нечестным образом и обвинен по заслугам. В силу этого, как виновный и преступник, заслу-

живающий наказания, он был передан королю Владиславу, который распорядился отправить его на вечное заключение в замок Хенцины, в следующем же году, когда была одержана победа над крестоносцами, король освободил его, как и всех других заключенных. Этот Варцислав прожил, однако, недолго после освобождения.

На этом же сейме были намечены и выбраны знатные послы, епископы и вельможи, для поездки в Прагу к воскресенью первой недели великого поста, чтобы заслушать третейское решение о споре между Владиславом, королем Польши, и крестоносцами; и им были даны тогда все указания по этому делу [...] 9 II

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, СОВЕЩАЯСЬ [С КНЯЗЕМ ВИТОВТОМ] О ПОДГОТОВКЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ КРЕСТОНОСЦЕВ И О СООРУЖЕНИИ МОСТА НА ЛОДКАХ, ВМЕСТЕ С ТЕМ ОТПРАВЛЯЕТ В ПЛОЦК, ЗАСОЛИВ, ПОЙМАННЫХ НА ОХОТЕ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ, КАК СЪЕСТНЫЕ ПРИПАСЫ ДЛЯ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ, ЗА ОДИН ДЕНЬ ОН ВОЗДВИГАЕТ ХРАМ В ЛЮБОМЛЕ

Покинув Неполомицы, Владислав, король польский, спешит в Литву, чтобы провести свидание в Бресте-Русском [22] с Александром, великим князем литовским, о котором король известил князя заранее. Справив 24 XI
праздник святой Екатерины в Люблине, король прибыл ко дню святого 30 XI
Андрея в Брест, где литовский князь Александр принял его величество с должным почтением, выехав навстречу за милю. Там король Польши Владислав с Александром, великим князем Литвы, в строжайшей тайне определяют весь ход будущей войны против крестоносцев при участии одного только Миколая Тромбы, подканцлера королевства Польского. На помощь себе в предстоящей войне они привлекают даже татарского хана [23] с татарским племенем, которого Александр, князь литовский, привел в Брест. Здесь же они, кроме того, устанавливают, в какой день и в каком месте польским и литовским войскам соединиться и каким способом перейти Вислу. Кроме того, они решают построить никогда еще не виданный навесной мост на лодках; сооружение этого моста поручено было королем Владиславом Доброгосту Черному из Одживол, старосте радомскому, шляхтичу герба Наленч. Строился же этот мост в Козеницах на королевские средства тайно неким искусным мастером Ярославом, потратившим на его постройку всю зиму. Распорядившись обо всем нужном для ведения будущей прусской войны, Владислав, король польский, направляется из Бреста в Каменец-Русский [24] в сопровождении великого князя литовского Александра [...] Из Каменца король Владислав отправляется на охоту в Беловеж, на другую сторону реки Льсны; между тем Александр, великий князь Литвы, отъезжает в Литву с татарским ханом, которого всю зиму и почти до праздника святого Иоанна Кре- 24 VI
стителя удерживал в своей стране со всеми его людьми и женами. Владислав же, король Польши, занимаясь охотой и пребывая у Беловежа в продолжение восьми дней, добыл много лесных зверей и, засолив в бочках, переслал их по Нареву и Висле в Плоцк про запас для будущей войны

Прибыв через Каменец, Кобрин и Ляски в Холмскую землю своего коро-
25 XII левства, день рождества Христова он проводит в Любомле, где сооружает всего за один день деревянную приходскую церковь для проживавших там католиков, обеспечивает ее содержанием и поручает освятить ее Григорию, епископу владимирскому, иначе луцкому,[25] брату Ордена проповедников. Потому-то в ту зиму Владислав, король Польши, и отложил свою обычную поездку в Литву, так как Александру, великому князю Литвы, было бы затруднительно заботиться об устройстве помещений для короля и распоряжаться отправкой всего необходимого для войны; но и королю Польши Владиславу нужно было позаботиться в своем Польском королевстве о многом, и это не позволило ему, как обычно, направиться в Литву [...]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1410

ВЛАДИСЛАВ КОРОЛЬ ПОЛЬСКИЙ, ОКАЗЫВАЕТ ГЕРМАНУ, ГРАФУ КИЛИЙСКОМУ, ЛЮБЕЗНЫЙ ПРИЕМ

Справив праздник рождества Христова в Любомле, Владислав, король польский, отъезжает в Любохню, Тур, Шацко и Ратно и возобновляет занятия охотой, запасая мясо настигнутых зверей для прусской войны
Из Холмской земли король проследовал в Парчов, затем в Люблин,
30 I Казимеж, Сецехов, и в четверг перед мясопустом прибыл в Козеницы,
чтобы встретить приехавшую туда из Кракова королеву Анну;[1] а из Ко-
2 II зениц к мясопусту уехал в Едльню. Туда к нему прибыл двоюродный
(по отцу) брат королевы Анны, Герман, граф килийский,[2] чтобы посетить короля Владислава и сестру свою, королеву Анну. В его присутствие, соответственно своему достоинству и достоинству королевства, Владислав назначил придворное празднество и распорядился устроить различные рыцарские состязания, развлечения и пляски. Упомянутого же Германа, графа килийского, Владислав, король польский, содержал при своем дворе, обильно снабдив его всем необходимым; при отъезде же из Едльни в Ильжу, Опатов и Сандомеж отпустил графа, обласкав и одарив в Сандомеже по-королевски подарками большой ценности. При этом посредничество и уговоры этого графа убедили и побудили короля провести вместе с двоюродным братом своим, великим князем литовским Александром, личное свидание с Сигизмундом, королем Венгрии,[3] в Кежмарке

ПОСЛЫ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА, КНЯЗЕЙ МАЗОВИИ И АЛЕКСАНДРА, ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКОГО, ВЫСМЕЯВ НЕСПРАВЕДЛИВОЕ ТРЕТЕЙСКОЕ РЕШЕНИЕ КОРОЛЯ ВЕНЦЕСЛАВА, ПОКИДАЮТ ПРАГУ.

С приближением срока, когда Венцеслав, король римлян и Чехии, своим третейским решением должен был прекратить разногласия короля Владислава с магистром и Орденом крестоносцев, в Прагу направляются

с большой пышностью познанский епископ Альберт Ястшембец, маршалок Польского королевства Збигнев из Бжезя, каштелян накловский Винцент из Гранова, воевода Великой Польши Енджей из Брохоциц и королевский нотарий Дунин из Скшинна [4] — от лица короля Владислава и от имени королевства Польского, а также литовский рыцарь Бутрим и великокняжеский нотарий Миколай Цебулка [5] от имени великого князя Литвы Александра, от лица же и от имени князей Мазовии — Сциборий Рогаля из Санкоцина, маршалок Януша, и Плихта, маршалок Земовита. Прибыв туда, королевские и княжеские послы, так же как и послы крестоносцев, представили свои предложения, статьи и наказы Венцеславу, королю римлян и Чехии, как общему посреднику и избранному судье; они надеялись, что Венцеслав разберет это дело соответственно собственному своему достоинству и важности спора. Король же, питая отвращение к делам и редко бывая трезвым, занят был своими развлечениями и нимало не заботился о доверенном его совести деле, требовавшем справедливого решения, и уклонялся от его рассмотрения по достоинству. Однако, чтобы сам король римлян своим явным легкомыслием не навлек на себя порицания перед столькими послами и чтобы, кроме того, послы королевские, княжеские и крестоносцев не разъехались, не достигнув цели (тем более, что послы крестоносцев склоняли на свою сторону как просьбами, так и подкупом его самого и его советников), Йодок, маркграф моравский, глубоко враждебный королю польскому Владиславу и его сторонникам (за то, что тот часто оказывал помощь оружием и войском его противнику, другому моравскому маркграфу Прокопу),[6] вмешался вместе с несколькими чехами и немцами в решение этого дела. Йодок составил определенные, и притом грубые и отзывавшие явной несправедливостью, статьи для вынесения предварительного третейского решения и побудил упомянутого Венцеслава, короля римлян и Чехии, объявить решение согласно содержанию этих статей.[7] Предупрежденные об этом, посланники польского короля Владислава, а также князей Литвы и Мазовии, представили соглашение ограниченное и неполное, сохраняя за собой право на полное соглашение, с условием, а именно, чтобы объявление несправедливого решения не могло задеть и стеснить в чем-либо короля и князей. Итак, спустя много дней, назначается день той и другой стороне для оглашения третейского решения.[8] С наступлением этого дня обе стороны собираются в королевском дворце для слушания решения. И вот, после призыва соблюдать тишину, причем король Венцеслав, стоя, занялся вырезыванием какой-то деревяшки, нотарий, взойдя на возвышение, начал объявлять решение по-немецки. Лишь только он начал чтение, как посланники Владислава, короля польского, и князей Литвы и Мазовии, не испросив никакого разрешения, стали уходить из палаты, хотя некоторые из них так же хорошо понимали по-немецки, как и умели говорить на нем. Венцеслав, король римлян и Чехии, спросил их, почему они уходят, и получил ответ: «Потому, что здесь чтение происходит по-немецки, мы же — поляки и не понимаем немецкого языка и уходим отсюда в дру-

гое место, чтобы услышать чтение на польском языке». На его предложение подождать немного, чтобы спокойно выслушать то же объявление на чешском языке, они сказали: «А мы и чешского не знаем». Тогда король Венцеслав заметил. «Оба языка звучат одинаково, и кто говорит на одном, понимает и другой». — «Но, светлейший король, — возразили они. — при одинаковом звучании они не имеют одинакового значения, ибо где чешский язык словом syedlak означает земледельца и селянина, по-польски под этим словом понимают мастера-седельника и ремесленника» Дав этот остроумный и полный насмешки ответ королю Венцеславу, они удалились из палаты и не пожелали слушать объявление решения на каком бы то ни было языке, будучи уверены в его незаконности и несправедливости. Однако Венцеслав, король римлян и Чехии, переслал решение королевским и княжеским послам за своею печатью. Оно, между прочим, содержало две смехотворные статьи, ибо сам король римлян Венцеслав, или, вернее Йодок, маркграф моравский, определял, что земля Добжинская, занятая крестоносцами, подлежит со всеми замками и владениями передаче в его же (Венцеслава) руки; а он, имея ее в своем владении, должен в течение года обдумать и, обдумав, решить, кому должно принадлежать право владения этой землей. Так же смехотворна была статья о том, что Польское королевство больше никогда впредь не должно избирать себе короля из Литвы или из восточных стран, но лишь одного из западных государей.[9] Из этого одного ясно обнаруживается опрометчивость и несправедливость решения, так как оно распространялось на предмет, чуждый спору и вовсе не нужный. Не получили посланники польского короля Владислава и князей Литвы и Мазовии у Венцеслава, короля римлян и Чехии, и никакой иной любезности, кроме того, что он пригласил их к столу и распорядился устроить после пиршества пляску, в которой его супруга, королева, в короне плясала вместе с девушками и женщинами, держа себя с большим блеском [...]

ВИТОВТА, КОТОРЫЙ ОТПРАВИЛСЯ ВМЕСТО КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА В КЕЖМАРК ДЛЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ МИРНОГО ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО МЕЖДУ ВЕНГРАМИ И ПОЛЯКАМИ, СИГИЗМУНД, КОРОЛЬ ВЕНГЕРСКИЙ, НАСТОЙЧИВО, НО ТЩАТЕЛЬНО СКЛОНЯЕТ ХИТРЫМИ РЕЧАМИ И ОБЕЩАНИЕМ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ОТСТУПИТЬ ОТ ВЕРНОСТИ КОРОЛЮ ВЛАДИСЛАВУ

24 II В понедельник, на третьей неделе поста, Владислав, король польский, прибыл из Сандомежа в Пшишов, где, снова занявшись охотой, добыл много онагров и зубров, которые по-польски называются лосями;[10] затем, наполнив их мясом пятьдесят бочек, отправил по воде в Плоцк про запас вместе с прочими для предстоящего похода. Из Пшишова, следуя через
2 III Ланженско, Конки и Ярослав, к воскресенью на четвертой неделе поста
9 III король прибыл в Пшемысль, а к воскресенью на пятой неделе поста — в Леополь. Отбыв оттуда и быстро проехав через Подольскую землю,

которой тогда владел от имени короля и королевства Петр Влодковиц *16 III*
из Харбиновиц, краковский подчаший, герба Сулима, он к вербному
воскресенью прибыл из Каменца в Галич; отсюда же к празднику пасхи *23 III*
возвратился в Леополь. Находясь там, он уведомлен был о свидании,
которое намечал иметь с ним в Кежмарке венгерский король Сигизмунд.
Вследствие этого, предупредив брата своего, Александра, великого князя
Литвы, спешным гонцом о выезде на упомянутое свидание в Кежмарк
(с тем, чтобы и тот лично принял в нем участие), король отбыл из Леополя
и через Гродек и Медику приехал в Ланцуту; сюда во вторник после свя- *1 IV*
той недели прибыл к нему Александр, великий князь Литвы. Итак, в сопровождении своего брата Витовта, великого князя Литвы, польский
король Владислав, проехав через Женов, Ропчицы, Пильзно, Беч и Гре-
бов, ко второму воскресенью после пасхи прибыл в Новый Сандец, куда *6 IV*
уже собралось, по повелению короля, большое число польских епископов
и вельмож, и как король, так и князь были помещены в каменном доме Герцдорфа. После доклада совета о настоящем положении дел было решено по многим различным соображениям, что король не поедет одновременно с князем в Кежмарк. Вследствие этого польский король Владислав посылает в Кежмарк для свидания с венгерским королем Сигизмундом великого князя Литвы Александра с большой свитой епископов, вельмож и рыцарей польских, а сам остается тем временем в Новом Сандеце один. Основной причиной, почему устраивалось упомянутое свидание, было желание укрепить и утвердить венгерского короля Сигизмунда в соблюдении условий мира с Польским королевством, заключенного на шестнадцать лет [11] (из которых оставалось еще четыре года), чтобы свободнее предпринять поход против крестоносцев, не оставляя в тылу возможного врага. Когда Александр, великий князь Литвы, свиделся в Кежмарке с Сигизмундом, королем венгерским, князь просил его о соблюдении этого перемирия; Сигизмунд же, король венгерский, в качестве окончательного ответа сказал, что ему нельзя будет сохранить условия мира, если крестоносцы подвергнутся нападению. Он обещал, однако, что в случае возникновения войны, постарается решительным вмешательством ее прекратить, направив к магистру и Ордену знатных чрезвычайных послов. Ведь Сигизмунд, король Венгрии, уже тогда рассчитывал захватить верховную власть в Римской империи и старался снискать расположение к себе государей Германии какими только мог способами. Поэтому и с магистром крестоносцев Ульрихом фон Юнингеном и Орденом он стряпал тайные переговоры, обещая оказать им большую помощь войском против короля польского, если только магистр и Орден выплатят ему определенное количество золота; подобными выдумками и обещанием на словах помышлял он выманить золото у крестоносцев.[12]

Между тем при этих переговорах, которые велись между венгерским королем Сигизмундом и великим князем Литвы Витовтом о соблюдении перемирия, Сигизмунд, венгерский король, задумал смертоносному яду подобный, коварный план, посредством которого он мог бы отторгнуть

Витовта, великого князя Литвы, от верности и подчинения Владиславу польскому королю. И вот, отведя Александра, великого князя литовского в тайное место и удалив всех свидетелей, король начал усиленно побуждать его хитрыми и ловкими уговорами вступить с ним в союз и связь, покинув брата своего Владислава, короля польского; при этом Сигизмунд обещал властью своей, как короля римлян, сделать Витовта королем в Литве и освободить от подчинения, верности и присяги Владиславу, королю Польши (ибо курфюрсты империи, ввиду смерти Руперхта Клема, герцога баварского и пфальцграфа рейнского, уже избрали его королем римлян, будучи недовольны легкомыслием Венцеслава, брата его, короля Чехии); [13] король сулил ему также всяческую дружбу и верную и бескорыстную помощь против Владислава, короля польского, и любых других противников в любом необходимом случае, дав в этом клятву. Но Александр, великий князь литовский, хотя и заметил хитрый умысел в словах короля Сигизмунда, однако, считаясь с обстоятельствами времени и места, дал благожелательный ответ. Уйдя же в отведенное ему помещение, он с своей свитой поспешно сел на коней и, не откланявшись королю Сигизмунду (который поднес ему немалой ценности подарки), выбрался из Кежмарка. Узнав о внезапном и неожиданном отъезде князя, Сигизмунд, венгерский король, пустился вслед за ним и, едва настигнув его в одной миле от селения Бяла, простился с ним, но не снизошел до каких либо переговоров, понимая, что его убеждения будут отвергнуты. Хотя этот ядовитый замысел тогда был провален и отставлен, однако по прошествии времени король Сигизмунд вновь вернулся к нему и оживил его, неся несчастье и готовя гибель королевству Польскому и великому княжеству Литовскому.[14]

В те же дни, когда происходило упомянутое совещание, в городе Кежмарке случайно возник широко распространившийся пожар, от которого польские вельможи и рыцари понесли значительные потери лошадьми, вещами и имуществом.

Итак, великий князь литовский Витовт, возвратясь из Кежмарка в Новый Сандец к Владиславу, королю польскому, раскрыл ему содержание всех переговоров, которые имел с Сигизмундом, королем венгерским, и разоблачил все коварство, которым тот пытался соблазнить его к отпадению и к принятию новой короны. После вторичного, в строжайшей тайне проведенного обсуждения приготовлении к войне против крестоносцев, князь Витовт, получив разрешение короля Владислава, быстро двигаясь на подводах,[15] спешит в Литву, и на третий день после выезда из Сандеца прибывает в Люблин, на четвертый же — в Брест; [16] там его возвращения ожидала супруга, княгиня Анна; все подвластные ему земли князь приводит в движение и велит подняться в прусский поход [...]

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ПОВЕЛЕВ ВЗЯТЬСЯ ЗА ОРУЖИЕ ПРОТИВ КРЕСТОНОСЦЕВ, РАЗМЕЩАЕТ СТРАЖУ ДЛЯ ОХРАНЫ ГРАНИЦ КОРОЛЕВСТВА СО СТОРОНЫ ВЕНГРИИ

Владислав, король польский, рассудив, что у него не остается никакой надежды на мир с крестоносцами, предписал всем вельможам, рыцарям и подданным своего Польского королевства и подчиненных ему владений взяться за оружие и следовать в Пруссию против крестоносцев, о чем разослал грамоты и указы.[17] Но, желая обеспечить надежность границ королевства со стороны Венгрии, он оставляет старостой в городе и замке Сандеце каштеляна люблинского Яна из Щекоцина, рыцаря герба Одровонж. Король передает ему всех рыцарей из Сандецкого и Щижицкого округов, а также рыцарей земли Бечской, которую тогда он отдал в управление Томасу, епископу агриенскому, и его брату Ладиславу де Людонку, бежавшим от короля венгерского Сигизмунда,[18] освободив их от прусского похода и обязав оказывать помощь для предстоящей защиты и сражений; затем он повелевает всем подчиняться власти упомянутого Яна из Щекоцина в случае вооруженного нападения короля Венгрии Сигизмунда на границы королевства Польского.

ИНОЗЕМНЫЕ РЫЦАРИ ВЕРБУЮТСЯ ДЛЯ ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

В субботу на третьей неделе после пасхи Владислав, король польский, 1 IV
распорядившись об обеспечении сандецких отрядов, выезжает из Сандеца и, совершая путь через Чхов и Бохню, во вторник на четвертой неделе после пасхи, прибывает в Краков. Пробыв там пятнадцать дней, он осво- 1, IV
бождает и отпускает остальных рыцарей и придворных своих по домам 20 IV
для приготовления к прусскому походу. Кроме того, он призывает и нанимает за плату нескольких опытных в военном деле чехов и моравов, которые считались умеющими руководить войском, вести отряды и выбирать места, удобные для расположения войска; среди них наиболее выдающимися были: Сокол, Жолава, Збиславек, Костка, Станиславек и многие другие. Ведь хотя Владислав, король польский, не сомневался, что наберет сильное, храброе и многочисленное войско из собственных рыцарей, однако он склонился к найму иноземных рыцарей по многим причинам и разумным основаниям, весьма здраво выставленным его польскими советниками; последние убеждали короля вызвать для ведения войны сильную и многочисленную подмогу из иноземцев, в особенности по тому соображению, что, если победа достанется королю, то побежденные несомненно вынуждены будут уплатить победителям и воинское жалованье и все, что от них потребуют; если же нет, то, будучи взяты в плен или побеждены, иноземцы не смогут требовать должного им жалованья. Но при этом возникало опасение, как бы иноземные рыцари, нанятые королем и подлежащие найму, думая прежде всего о деньгах, не перешли бы на сторону врага, увеличивая его силу. Долгий был об этом спор между польскими советниками; Ян из Тарнова, краковский воевода

(мнению которого, как человека на редкость опытного, следовали и другие), убеждал лучше привлечь за жалованье своих же, не обязанных воинской службой, рыцарей, как более верных отечеству, не щадя сил, ревностно стремящихся к победе. Однако одержало верх мнение Збигнева из Бжезя, тогдашнего маршалка Польского королевства, что предпочтительнее нанять иноземных и пришлых рыцарей и что это будет выгоднее государству; ведь в случае победы они будут удовлетворены не из средств короля или королевства, но из вражеской добычи; в случае же поражения, не останется ни тех, кто стал бы требовать, ни тех, с кого требовать.

ПОСЛЫ КОРОЛЯ ВЕНГЕРСКОГО СИГИЗМУНДА ЕДУТ В ПРУССИЮ, ЧТОБЫ УСТАНОВИТЬ МИР МЕЖДУ ПОЛЯКАМИ И КРЕСТОНОСЦАМИ.

Нельзя оставить в стороне и то, что король польский Владислав до отбытия своего из Нового Сандеца отправил к королю римлян и Венгрии Сигизмунду [19] двух послов, именно рыцаря Завишу из Олесницы, знавшего венгерский язык, и нотария Станислава Цолека,[20] с настоятельной просьбой соблюдать заключенный с ним и утвержденный договор о перемирии. Король, которому наскучили столь частые послы Владислава, короля польского, ответил, что решил ради восстановления мира между королем польским Владиславом и крестоносцами лично отправиться в Пруссию, если только Владислав, король польский, разрешит проезд через свое королевство и обеспечит ему безопасный пропуск; он обещал, что по восстановлении мира между королем и крестоносцами не только будет честно соблюдать перемирие в течение остающихся по договору лет, но даже вступит с королем и королевством Польским в договор о вечном мире. Когда королевские послы возвратились с этим ответом, Владислав, король польский, желая любым способом избежать военного столкновения с крестоносцами, посылает Станислава Цолека, нотария, к венгерскому королю Сигизмунду с письмом, содержавшим полную гарантию безопасности проезда, обещая и ручаясь всецело обеспечить на деле безопасное следование по своему королевству Польскому. Но король римлян и Венгрии Сигизмунд, переменив свое намерение и обещание, данное Владиславу, королю польскому, отказался лично ехать в Пруссию, уверяя, что занят. Однако он отправил двух баронов своего королевства, а именно Николая де Гара, палатина венгерского королевства, и Сцибория из Сцибожиц, трансильванского палатина, родом поляка, герба Остоя; [21] к ним король присоединил Георгия фон Керсдорфа, силезца,[22] будто бы для предотвращения войны, на деле же, чтобы выманить сорок тысяч флоринов, которые магистр и Орден крестоносцев обязались дать королю Сигизмунду в случае объявления им войны Владиславу, королю польскому. Эти послы Сигизмунда, короля римлян и Венгрии, прибыли в Краков еще во время пребывания в Кракове польского короля Владислава, имея с собой двести всадников; король Владислав оказал

им самый любезный прием и, одарив их, разрешил ехать в Пруссию через свое королевство, дав трех сопровождающих, которые должны были не только обеспечивать им безопасный проезд, но и заботиться по королевскому повелению о самом щедром удовлетворении всех их потребностей по всему Польскому королевству. Владислав же, король польский, велел послам Сигизмунда, короля римлян и Венгрии, ехать в Пруссию, полагая, что послы либо установят мир и прекратят войну, либо будут свидетелями умеренности требований короля и того, что вся вина за войну ляжет на крестоносцев; сам же он возьмется за оружие и подымет его лишь за правое дело и в самом крайнем случае.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ВЫСТУПИВ В ПРУССКИЙ ПОХОД, ОСТАВЛЯЕТ В КРАКОВСКОМ ЗАМКЕ АРХИЕПИСКОПА ГНЕЗНЕНСКОГО МИКОЛАЯ КУРОВСКОГО СВОИМ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПО ВСЕМ ДЕЛАМ С ВЛАСТЬЮ, РАВНОЙ КОРОЛЕВСКОЙ.

Распорядившись и позаботясь обо всем, что он считал нужным для ведения прусской войны, и оставив в Краковском замке Миколая Куровского, архиепископа гнезненского (который во время прусского похода, замещая короля, имел попечение о всех возникавших делах), король польский Владислав в четверг, перед праздником пятидесятницы, выезжает 8 V
из Кракова и через Могилу, Прошовицы и Вислицу прибывает в Новый город Корчин. Там он также распустил оставшихся рыцарей и придворных для подготовления к прусской войне, а сам с королевой Анной и небольшим числом юношей и тех рыцарей, которых оставлял для охраны королевства, провел праздники пятидесятницы, святой троицы и святого тела Христова в Новом городе Корчине. Сюда прибыла к нему теща его, родительница польской королевы Анны, княгиня Анна фон Дек, дочь Казимира II, короля польского (ибо по смерти первого мужа, графа Вильгельма Килийского, она второй раз была замужем за князем фон Деком). Пробыв несколько дней у зятя, и получив пожалованные королем подарки, она вернулась домой.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ОТПРАВЛЯЯСЬ НА ВОЙНУ, С ВЕЛИКИМ СМИРЕНИЕМ ПРЕДАЕТСЯ МОЛИТВАМ И ПОСТУ В МОНАСТЫРЕ СВЯТОГО КРЕСТА НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

Справив праздник тела Христова и его восьмидневное отдание [23]
в Новом городе [Корчине], Владислав, король польский, в субботу перед 17 VI
днем святого Вита выезжает из Нового города, чтобы отправиться на войну против крестоносцев. Через Стопницу и Шидлов он прибыл в Слупю и там оставался два дня. В течение этих дней он поднимался на рассвете и отправлялся пешком в монастырь Святого креста на Лысой горе, где целый день, преклонив колена, проводил в молитве и творил милостыню, предавая себя и свое дело защите господа и Святого креста. Он возвращался после молений из монастыря ради подкрепления сил только в сумерки, утомленный постом и молитвой в течение целого дня.

С НАЧАЛОМ ПРУССКОЙ ВОЙНЫ, ПОЛЬСКИЕ РЫЦАРИ, ОСТАВИВ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА И ОБШИРНЫЕ ИМЕНИЯ, КОТОРЫМИ ОНИ БЫЛИ ПОЖАЛОВАНЫ В ВЕНГРИИ, ПРИБЫВАЮТ К СВОЕМУ КОРОЛЮ ВЛАДИСЛАВУ.

В то время многие польские рыцари находились при дворе и на службе у короля римлян и Венгрии Сигизмунда, в том числе: Завиша Черный [24] и Ян Фарурей, родные братья, наследные владетели Гарбова, герба Сулима; Томаш Кальский герба Роза; Альберт Мальский, герба Наленч; [25] Добеслав Пухала из Венгров, герба Венява; [26] Януш Бжозоговый, герба Гжималя; Скарбек из Гур, герба Габданк, и некоторые другие. Узнав, что их государь и природный господин Владислав, польский король, предпринял поход против крестоносцев и что, с другой стороны, между его светлостью и королем Сигизмундом, которому они служили, возникли вражда и раздоры, способные, в конце концов, породить бурю войны, они получают отпуск от короля Сигизмунда (хотя он подарками и различными обещаниями пытался отклонить их от этого намерения и удержать у себя), затем они уходят от короля, оставив все владения, дарованные им королем Сигизмундом в Венгрии, и, отказавшись, сверх того, от его легковесных милостей и весьма щедрых посулов, прибывают к Владиславу, польскому королю, чтобы сражаться против его врагов, крестоносцев и любых других. Король Владислав оказал им благосклонный и ласковый прием, вознаградив их высокое благородство милостями, достойными их верности. Поэтому он и отдал в управление королевский замок Быдгощь Янушу Бжозоговому, смелому и счастливому рыцарю; отсюда тот многократно одерживал победы над крестоносцами и частыми нападениями причинял им много бед. Но и другие рыцари из этого числа часто блистали геройской доблестью в бою с крестоносцами и во многих других сражениях.

ПОЛЬСКИЕ ОТРЯДЫ, НЕСШИЕ ОБОРОНУ ЗАМКОВ, ПРЕДАВ ОГНЮ НЕСКОЛЬКО СЕЛЕНИЙ КРЕСТОНОСЦЕВ, ПРИНУЖДАЮТ МАГИСТРА УЛЬРИХА ПРОСИТЬ О ДЕСЯТИДНЕВНОМ ПЕРЕМИРИИ.

Ввиду истечения срока перемирия между королевством и магистром и Орденом, король польский Владислав выслал дополнительно четыреста конных рыцарей и придворных в Юнивладиславский замок для его защиты и охраны рубежей королевства от вражеского нападения; юнивладиславский староста Боровец снабжал их и их коней всем необходимым. Также и других рыцарей и придворных король поместил в Бресте [27] для защиты против врагов. Так как срок перемирия [28] истекал в день
24 VI святого Иоанна Крестителя, то накануне этого дня те и другие, объединившись вместе около Торуня в бору,[29] который называется Слушовским, расположились в засадах; после захода солнца они подожгли хижины на берегу реки Вислы, а также селения Нешаву, Мужинов и много других, очень красивых и хорошо расположенных селений, принадлежавших тогда магистру и Ордену крестоносцев, в то самое время как магистр Пруссии Ульрих сидел за столом, обедая с Николаем де Гара, палатином

Венгрии, и Сцибориeм из Сцибожиц, послами Сигизмунда, короля римлян и Венгрии, и со многими командорами. Этот пожар (который представлял красивое, правда, но тяжелое для наблюдавших зрелище) произвел слишком тягостное впечатление на прусского магистра Ульриха, который увидел в нем не ущерб, а позор. Допустив много оскорбительных выражений против польского короля и его рыцарей за этот проступок, магистр, говорят, сказал венгерским баронам: «Что это за переговоры вы ведете с нами, якобы посредничая о мире, и сколь они коварны, когда у меня на глазах совершаются пожары, убийства и грабежи моих владений[3]». На это он получил от венгерских баронов подобающий ответ: «Этот малый и незначащий пожар не повредит переговорам об установлении мира, ибо война имеет свои условия и свое право. Ты обращаешь внимание на небольшой ущерб, нанесенный тебе королевством Польским, но не принимаешь во внимание ущерб, убийства и пожары, которые ты причинил королевству Польскому опустошением и занятием Добжинской земли этого королевства. Итак, чтобы легче и успешнее при нашем посредничестве завязать переговоры о мире, нам кажется благоразумным установить между вами на несколько дней перемирие». Магистр Пруссии охотно согласился с этим советом и обещал со своей стороны соблюдать перемирие в течение десяти дней, письменно подтвердив свое согласие, весьма необходимое и выгодное королю польскому Владиславу и его королевству. Ведь за время перемирия все рыцари и старосты королевства готовились к войне, не обращая внимания на врага; между тем пограничные области не подвергались вражескому вторжению, пока Владислав, король польский, придя со всеми своими силами и вторгнувшись во вражеские земли, не обеспечил всем своим землям бо́льшую безопасность.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ УТВЕРЖДАЕТ ДЕСЯТИДНЕВНОЕ ПЕРЕМИРИЕ ПО ПРОСЬБЕ ПОСЛОВ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЯ

Выехав из монастыря Святого креста на Лысой горе в четверг, в день святых Гервасия и Протасия, Владислав, польский король, приехал *19 VI* в Бодзенцин. Там он пребывал два дня из-за приезда послов от князей столпенского, щецинского и магнопольского,[30] которые предложили королю помощь против крестоносцев, великую и сильную на словах, по существу же и на деле притворную и достойную смеха. Отделавшись от них, король Владислав пошел в субботу из Бодзенцина на Ближины *21 VI* и в воскресенье прибыл в Жарнов, в понедельник — в Сулейов; во вторник, в день святого Иоанна Крестителя, прослушав обедню в Сулейов- *24 VI* ском монастыре и пообедав там, он прибыл в город Вольбож, где его уже встретили, по королевскому повелению, некоторые епископы, советники и почти вся сила польского войска, кроме войск и рыцарей Великой Польши, присоединившихся к королю позднее у Вислы; сюда съехались также и чешский барон Сокол с другими иноземными рыцарями, нанятыми за плату; а также собрались обозы и телеги с бомбардами и съест-

ными припасами и прочее военное снаряжение. Между тем как король Владислав стоял тут три дня, пребывая в постоянных совещаниях с советниками, к его светлости прибыли гонцы от баронов Венгрии Николая де Гара и Сцибория из Сцибожиц с сообщением, что заключено перемирие между королем и крестоносцами на десять дней, считая со дня святого Иоанна Крестителя, и с просьбой королю распорядиться соблюдать его запретив на это время тревожить нападениями вражеские земли. Король Владислав принимает эти условия, ибо они были весьма выгодны для него и его сторонников, так как за время перемирия войска его Польского королевства и великого княжества Литовского могли собраться и достигнуть земель крестоносцев.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ С ВОЙСКОМ ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ ПРУССИИ И, ПОЛУЧИВ ИЗВЕСТИЕ О ПРИБЫТИИ АЛЕКСАНДРА, ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТВЫ, ПЕРЕХОДИТ РЕКУ ВИСЛУ ПО МОСТУ, СООРУЖЕННОМУ НА ЛОДКАХ.

26 VI В четверг после дня святого Иоанна Крестителя, после завтрака, Владислав, король польский, с ополчением и рыцарскими отрядами своих войск выступает из Вольбожа и делает первую стоянку в Любохне, в пятницу — в Высокиницах, а в субботу — у архиепископского железного рудника и большого рыбного пруда, называемого Сеймицы; здесь молния убила много коней и одного человека, а другого оставила полумертвым; в палатке же рыцаря Добеслава из Олесницы уничтожила целое блюдо жареной рыбы, стоявшее на столе перед многими едоками, но никому из сидящих не причинила вреда. В воскресенье, в праздник святых апостолов
29 VI Петра и Павла, король достиг Козлова, селенья, принадлежавшего епископу познанскому, которое лежит над рекой Бзурой; здесь он получил извещение от Александра, великого князя Литвы, о том, что князь Александр со своими и татарскими силами явился к реке Нареву и просит короля выслать ему навстречу для сопровождения несколько хоругвей польского войска; князь боялся продвигаться за Нарев, опасаясь врагов Король Владислав тут же отправил ему двенадцать хоругвей польских
30 VI рыцарей. В понедельник, на следующий день после праздника святых Петра и Павла, король Владислав, снявшись станом из селения Козлово, подошел к Висле выше Червинского монастыря, к месту, где был наведен мост, сооруженный на лодках у Козениц; и в тот же день он перешел мост и реку, и за ним последовало все королевское войско в предписанном порядке, с телегами, нагруженными бомбардами и продовольствием, и прочим обозом. Туда собрались уже не только силы и цвет всего войска Польского королевства, но и оба князя Мазовии, Януш и Земовит, со своими войсками, а также наемные рыцари. Перейдя реку Вислу по пловучему мосту, Владислав, король польский, расположил свой стан на другом берегу той же реки Вислы, куда в тот же день подошел великий князь Александр со своим войском и татарским ханом,[31] имевшим с собой только

триста воинов. Владислав, король польский, выехал навстречу князю за четверть мили, со свитой князей и рыцарей своих и, благосклонно приветствовав его, проводил в лагерь. В этом месте Владислав, король польский, и князь Александр стояли станом в течение трех дней, пока не подошло все войско со всех земель, подвластных королевству Польскому, и не переправилось по мосту через реку. Король Владислав поставил у входа на мост лучший отряд из вооруженных рыцарей, чтобы не допустить давки и беспорядка среди вступающих на мост; кроме того, он оградил обе стороны моста толстыми бревнами, которые называются «кобылене»,[32] чтобы никто не мог занимать их; все вынуждены были подходить к входу на мост раздельным порядком, каждый отряд со своими повозками, людьми и конями. После того, как мост выдержал переправу и все королевское войско перешло реку Вислу, самый мост, по королевскому повелению, тут же был разобран и отвезен в Плоцк, чтобы там храниться до возвращения короля и войска.

ИАКОВ, ЕПИСКОП ПЛОЦКИЙ, СВОЕЙ РЕЧЬЮ ПЕРЕД СОБРАВШИМСЯ ВОЙСКОМ ВООДУШЕВЛЯЕТ ПОЛЬСКИХ РЫЦАРЕЙ НА БОЙ

В течение трех дней пребывания короля Владислава и князя Александра на реке Висле оба они провели со своими вельможами и рыцарями в Червенском монастыре день посещения пресвятой девы Марии, выпавший на среду. *2 VII* Иаков же, епископ плоцкий,[33] в качестве пастыря этой епархии, отслужив торжественную обедню, произнес также слово на польском языке [34] ко всему войску, собравшемуся в огромном числе у храма; будучи человеком на редкость образованным и обладая даром речи, он много рассуждал о войне справедливой и несправедливой, многими и очевидными соображениями доказывая, что война, предпринятая королем против крестоносцев, будет справедливейшей, и своим удивительным даром убеждения воодушевил сердца всех внимавших ему рыцарей на защиту королевства и родины, на мужественный бой с врагами.

ДОБЕСЛАВ СКОРАЧОВСКИЙ, ГОНЕЦ ПОСЛОВ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЯ, ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ТОРУНЬ ОТ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА И РАССКАЗЫВАЕТ ПРАВДУ О ПОЛЯКАХ, НО МАГИСТР УЛЬРИХ ЕГО ОСМЕИВАЕТ

В течение этих же дней к королю Владиславу прибыл гонцом от венгерских баронов Николая де Гара и Сцибория из Сцибожиц Добеслав Скорачовский с просьбой от имени своих господ соблаговолить назначить день и место, когда и куда они могли бы явиться к его светлости, чтобы выяснить мнение короля по поводу переговоров о мире, мнение магистра Пруссии и его приближенных им уже было известно. Король Владислав, обсудив ответ, сказал гонцу: «Мы назначаем срок прибытия твоим господам, желающим приехать к нам, в ближайшие субботу и воскресенье; *5 и 6 VII* точное же место назначить не можем, потому что войско никогда не остается в определенных местах и не может заранее означать свои переходы какими-

либо установленными местами». Когда же упомянутый Добеслав возвратился в Торунь к баронам Венгрии и передал королевский ответ, магистр Пруссии Ульрих с большой тщательностью стал расспрашивать у этого Добеслава, прибыл ли тот из стана короля польского и в каком месте его покинул? Тот ответил: «Был я в королевском стане в течение двух дней и оставил короля в стане у монастыря в Червинске, после перехода через реку Вислу»; когда затем магистр спросил, соединился ли с ним князь Литвы Витовт, Добеслав сказал: «В тот день, когда я прибыл в королевский стан, прибыл и великий князь Литвы Александр с сильным, блистательным и многочисленным войском и присоединил свои силы к королевским». Тогда магистр сказал: «В войске Витовта можно найти больше людей с ложками, чем с оружием». Добеслав же ответил: «Поверь, мне, пожалуйста, магистр, что войско князя Витовта не только большое и сильное, но и снабжено отличным оружием». Магистр сказал: «Мы лучше тебя знаем его и сколь велико войско князя, и каково оно, и какую силу оно представляет людьми, оружием и конями; нам хорошо это известно по частому опыту. Но расскажи, прошу, нам о мосте, который, говорят, польский король соорудил висящим в воздухе». Добеслав сказал: «Видел я мост, с высоким искусством построенный из лодок, но держится он не в воздухе (так как воздух доступен только птицам), а на реке Висле; и на моих глазах все королевское войско переправилось по нему, как по суше, а также и огромные бомбарды, и не было заметно колебания моста под их тяжестью». Магистр же Пруссии Ульрих, считая донесение Добеслава шуткой, обратившись к венгерским баронам, со смехом сказал: «Это пустяки, и все, что осмелился рассказывать этот человек, очень похоже на выдумку. Ибо надежнейшие наши разведчики принесли известие, что польский король находится и разъезжает около реки Вислы и пытается, правда, но не в силах переправиться через нее. Уже много его воинов при попытке перейти ее вброд погибло в волнах; Витовт же стоит у реки Нарева и не осмеливается ее перейти». Услышав это, Добеслав Скорачовский, возражая на слова магистра, сказал: «Так как ты считаешь, что я сообщаю неправильные сведения, хотя я на все, о чем ты меня спрашивал, ответил тебе честно, то пошли со мной кого-нибудь более надежного, кого имеешь среди людей твоих, и в течение трех дней я докажу, что все, что я сообщил, истинно». Тогда магистр ответил: «В этом нет нужды, ибо истина объявится на деле и воочию. Ты ведь говоришь как поляк и сверх должного возвышаешь силу и деяния твоего короля».

МЕЖДУ ТЕМ, КАК КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ СТОИТ СТАНОМ В ЖОХОВЕ, ЯНУШ БЖОЗОГЛОВЫЙ БЛАГОДАРЯ ВОЕННОЙ ХИТРОСТИ ПОБИВАЕТ ОХРАННЫЙ ОТРЯД ГОРОДА СВЕЦЕ И ПРИВОЗИТ МНОГО ДОБЫЧИ ИЗ ПРУССИИ.

3 VII В четверг, на следующий день после праздника посещения пресвятой девы Марии, Владислав, король польский, двинул свои и великого князя литовского Александра-Витовта войска от места на Висле у Червенского монастыря; идя к вражеским землям, он остановился станом у селения

Жохова. На остановке в пути ему сообщили о сильном поражении, которое Януш Бжозогловый, староста Быдгощи, нанес крестоносцам и их войску. Последний, ввиду истекающего срока десятидневного перемирия, всегда стремясь напасть на врага, собрал немалый отряд воинов и направился ночью к вражескому замку и городу Свеце; расположив затем в подходящем месте засаду, сам с некоторым числом своих воинов безнаказанно стал производить грабежи и поджоги на виду Свеце. Увидя это, охранявшие [город] Свеце крестоносцы, тотчас вскочили на коней и погнались за обратившимся в бегство Янушем Бжозогловым, полагая, что он явился только с таким небольшим отрядом воинов; он же, искусно избегая встречи с ними, завлек врагов до самого места засады. Когда же рыцари, скрывавшиеся в засаде, выскочили и враги были окружены сзади и спереди и у них уже не осталось никакой надежды или возможности ускользнуть, они воспламеняются отчаянием на борьбу и дают бой, более ожесточенный, чем можно было бы ожидать при их числе. В конце концов, однако, они все были либо взяты в плен, либо убиты. Не считая погибших, в числе пленных оказалось пять братьев Ордена. Этот почин являлся вместе с тем предзнаменованием, предвещая исход войны и предсказывая в равной мере военный успех полякам, а крестоносцам — жестокое поражение.

Итак, опасаясь отваги Бжозоглового, которую он обычно проявлял в своих действиях, магистр и крестоносцы, чтобы тщательнее оберечься и отражать его хитрые засады, оставляют в Свеце командора свеценского, Генриха Плауэнского,[39] со всеми рыцарями Свеценского округа, присоединив к нему еще несколько отрядов наемных рыцарей, чтобы воспрепятствовать нападениям и грабежам Бжозоглового, ибо они считали, что на открытый бой он ни за что не отважится. Выступив из Жохова в пятницу, в четвертый день июля, Владислав, король польский, провел целый день в лугах какого-то неизвестного селения; отсюда с наступлением ночи были видны огни пожаров, зажженных воинами короля уже на неприятельских землях; они горели в различных местах очень ярко. Хотя оставалось еще четыре дня пути до вражеских земель, однако многие из королевского войска, нарушая воинские правила, вопреки приказам короля и князей, самовольно отправлялись тайком во вражеские земли; они разоряли их грабежами, убийствами и поджогами и приносили ночью в лагерь отнятые у врагов прекрасные доспехи; днем же они не осмеливались это делать из опасения наказаний.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ОБЪЯВИВ ОБ УСЛОВИЯХ МИРА, ПОДНИМАЕТ ДУХ СВОЕГО ВОЙСКА ИЗВЕСТИЕМ О ПРИБЛИЖЕНИИ ВРАГА

В субботу, в пятый день июля, король Владислав стал лагерем у селения Ежово и там принял венгерских баронов Николая де Гара и Сцибория из Сцибожиц, которые призывали его и великого князя Литвы Александра согласиться на мир и назвать его условия. Вместе с ними прибыл и Георгий Керсдорф разведать силу и расположение войск короля и князя Александра. В следующее же воскресенье, которое было шестого июля,

польский король Владислав после совещания с князем Александром и советниками дал ответ на предложение венгерских баронов; король сказал, что ему никогда не были чужды и далеки мирные намерения; так же и теперь он не отвергает любого справедливого мира, чтобы не пришлось проливать крови католиков. Но мир только тогда будет справедливым, если за великим княжеством Литовским останется целиком его древняя и природная земля Самагитская, земля же Добжинская, несправедливо занятая магистром Пруссии и крестоносцами, будет возвращена королю и королевству Польскому; что же касается нанесенного ущерба, то он обещает подчиниться третейскому разбирательству и решению Сигизмунда, короля римлян и Венгрии. Венгерские бароны были удовлетворены и обрадованы, надеясь, что магистр и Орден крестоносцев охотно согласится на предложенные условия, как наиболее справедливые, и даже приняли угощение королевским обедом. После обеда король снялся лагерем и в тот же день прибыл к одному селению, расположенному над рекой Вкрой. Александр же, великий князь Литвы, в этот день занимался построением литовского войска; разделив его по стародавнему обычаю предков по клиньям и хоругвям, он поставил в каждом клине в середину рыцарей на худших конях или недостаточно хорошо вооруженных, которых окружали другие на более сильных конях и отлично вооруженные. Такие клинья, сомкнутые и скученные, не допускали разреженности рядов, но один клин держался раздельно от другого на большом расстоянии. Под конец великий князь Литвы Александр присвоил этим клиньям сорок знамен, которые мы называем хоругвями, и велел каждому клину и отряду следовать под своим знаменем и подчиняться своему начальнику. Владислав же, польский король, поднялся с венгерскими баронами на высокий холм, с которого можно было видеть все польское и литовское войско, так как ниже на широком пространстве простирались ровные поля. Под холмом еще проходило литовское войско, уже построенное в ряды, и упомянутый силезец Григорий Керсдорф внимательным образом оценивал, какой оно силы. Кроме того, в тот же день, по велению короля, был пущен слух о внезапном появлении врагов, и все королевское войско стало вооружаться, хотя не было никаких оснований опасаться появления врага. Король велел сообщить эту весть войску и взволновать его этим ложным слухом, дабы сила польского и литовского войска не ослабела от сознания безопасности, от сна и бездействия, но чтобы, всякий час ожидая появления врагов, оно стояло, всегда готовое к отпору и сражению.

ВЕЛЬМОЖИ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО, И В ОСОБЕННОСТИ АЛЬБЕРТ ЯСТШЕМБЕЦ, ЕПИСКОП ПОЗНАНСКИЙ, НЕ ОДОБРЯЮТ СВИРЕПОСТИ ТАТАР И ЛИТОВЦЕВ

В понедельник, седьмого июля, снявшись лагерем, Владислав, король Польши, прибыл в селение Бендзино, расположенное над рекой Вкрой, и там стоял станом два дня. Хотя эта область, которую обходит и обтекает упомянутая река Вкра, принадлежит и принадлежала ранее кня-

жеству Мазовии, однако ею владел магистр Пруссии и крестоносцы; она была заложена за пять тысяч марок широких грошей князем Мазовии Земовитом. Поэтому литовцы и татары опустошали эту область, как вражескую, с варварской жестокостью убивая не только взрослых, но и отроков и даже младенцев, плачущих в колыбелях. Других же с их матерями они насильно уводили в плен, в свои палатки, как врагов и чужеземцев, хотя все жители этой области были людьми польского племени и языка. Матери же только что убитых младенцев приходили к королевскому шатру с распущенными волосами и с громкими воплями оплакивали умерщвление своих детей. Взволнованные этим, епископы и вельможи польские все приходят к королю с просьбами и мольбами, выступая с жалобой в отношении как убитых, так и взятых в плен, с которыми обошлись суровее, чем допустимо по обычаям войны. Прося прекратить варварскую жестокость и вернуть пленных их родным, они заявляют, что в противном случае они все покинут военную службу и столь нечестивый лагерь, который, в конце концов, поразит божье возмездие. Послушавшись их, Владислав, король Польши, с Александром, великим князем Литвы, приказали (и это было правильно) освободить пленных и затем, собрав их всех точным числом к шатру епископа познанского Альберта Ястшембца, возвратить родным и освободить; кроме того, они назначили смертную казнь за повторение таких жестокостей. Достопочтенный же отец Альберт Ястшембец, познанский епископ, вышел из своего шатра и милостиво разрешил собрать в нем женщин и малых детей и содержать в течение следующей ночи. Отсюда епископ перестал сопровождать короля; он сопутствовал королю из Польского королевства вплоть до этого лагеря и с его позволения возвратился в королевство Польское.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ СО СВОИМ ВОЙСКОМ, РАЗВЕРНУВ ЗНАМЕНА, СО СЛЕЗАМИ ВЗЫВАЕТ К БОГУ, ВОЗЛАГАЯ ВИНУ ЗА ВОЙНУ НА ВРАГОВ, НАЧАЛЬСТВО НАД ВОЙСКОМ ОН ПОРУЧАЕТ ЗИНДРАМУ ИЗ МАШКОВИЦ, АЛЕКСАНДР ЖЕ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЛИТОВСКИЙ, ВЕЛИТ ПОВЕСИТЬ ДВУХ ЛИТОВЦЕВ, СОВЕРШИВШИХ КОЩУНСТВО

В среду, девятого июля, выступив из селения Бендзино, войска Владислава, короля Польши, и Александра, великого князя Литвы, под их счастливым водительством и руководством достигли вражеских земель и с божией помощью, пройдя две мили бором, прибыли на ровное место какого-то поля, раскинувшегося далеко во все стороны; здесь впервые были раскрыты и развернуты с редкостным и особенным всеобщим благоговением и сосредоточенностью воинские знамена, числом восемьдесят два,[36] как собственно королевские и Александра, великого князя Литвы, так и князей Мазовии Земовита и Януша и вельмож Польши. Король Польши Владислав, взяв большое знамя, на котором весьма искусно был выткан белый с распростертыми крыльями и раскрытым клювом, увенчанный короной орел, являющийся гербом всего королевства Польского, со слезами на глазах произнес, развертывая его, такую молитву: «Ты,

всемилостивейший боже, которому ведомы тайны всех сердец прежде, чем их замышляют, ты видишь с небес, что я начал настоящую войну, которую и веду, будучи вынужден к ней и полагаясь на помощь имени твоего и сына твоего Христа. Ибо всеми возможными стараниями, жертвами и ухищрениями я жаждал сохранить мир со всеми католиками, и в особенности с крестоносцами, хотя за их вину и за подлый и незаконный захват земель моего королевства я был на них сильно разгневан; но так как они презрели мои законные и справедливые условия, то я полагаю, что добьюсь мира от этих гордых и высокомерных сердец только оружием и железом. Итак, во имя твое, в защиту справедливости и народа моего развертываю я эту хоругвь. Ты, всеблагий боже, будь мне и народу моему милостивым защитником и помощником и не с моей руки взыскивай за пролитую кровь католическую и за ту, которая еще будет пролита, но с рук врагов моих, которые возбудили, подняли войну и питают ее». Эту молитву, излитую с такой набожностью и смирением, король произнес настолько громко, что стоящее кругом множество рыцарей могло ее слышать, и она исторгла слезы у большой части войска: можно было видеть, что большинство предалось рыданиям и плачу. Подобную же набожность проявили и великий князь Литвы Александр, и князья Мазовии, и польские вельможи, развертывая свои знамена. Когда знамена были распущены и развернуты, все войско громко запело отчий гимн «Богородица».[37] Все чехи и моравы, считавшиеся опытными в военном деле, отказывались взять на себя руководство и распоряжение королевским и княжескими войсками, ввиду их многочисленности, и исполнять должность военачальника из опасения, чтобы на их голову не пала ответственность за неудачный исход начальствования. Тогда руководство и распоряжение ими было поручено краковскому мечнику Зиндраму из Машковиц, знатному вельможе из рода, гербом которого было изображение солнца, человеку хотя и небольшого роста, но деятельному и воодушевленному. Ибо никто из чехов и моравов, служивших у короля, не почитал себя подходящим распоряжаться и начальствовать над таким большим войском. Итак, распустив знамена на упомянутой равнине, король Владислав двинулся вперед и в тот же день разбил лагерь между двух озер (из них одно называется Тщино, а другое — Хелст), около города Лютерберга, уже разграбленного и сожженного его войском. В тот же день произошел новый и неслыханный случай: видя, что литовцы и татары грабят безчинствуя церкви и совершают варварские насилия над женщинами и девушками, а при ограблении одной из церквей выбросили из алтаря святые дары на потеху и посрамление, вельможи и рыцари Польши с сильной болью в сердце и опасаясь, что из-за таких гнусностей и сами они и все войско понесут кару справедливым божьим судом, приходят с повторной жалобой к Владиславу, королю Польши, и Александру, великому князю Литвы; они рассказывают о варварских жестокостях, заявляя, что никоим образом не потерпят их; и если таковые не будут пресечены и наказаны должной карой, они не станут под знамена в строй, пока не последует

должное возмездие. Разгоряченный их криками и резкими нападками, король Владислав велел произвести строжайший розыск грабителей церквей и осквернителей святейших даров. Когда же ему были представлены двое литовцев, наиболее виновных, то, по велению великого князя литовського Александра, их заставили самих себя повесить. Исполняя веление князя Александра, они сначала ставят виселицу, сколоченную собственными руками; затем без всякого понуждения всходят на нее и, наконец, сами накидывают себе на шею петлю; при этом один понукает другого, который, казалось ему, слишком медлит, скорее выполнить приказание, пока гнев князя не воспламенился сильнее. Все войско видело это, и такой страх напал после этого на всех, что никто уже не дерзал совершать насилия в церквах и простирать хищную руку к церковной утвари. Ибо как и во всякое время, так в особенности тогда, когда предстоит война, не подобает участвовать в беззаконных деяниях; и следует не только от больших и отвратительных преступлений с большой тщательностью очиститься и отвратиться, но даже и от малейших проступков, чтобы божественное величество, умилостивленное справедливыми и праведными деяниями, щедро даровало счастливый исход и желанную победу.

В ТО ВРЕМЯ КАК ПОЛЬСКОЕ ВОЙСКО СТОЯЛО У ОЗЕРА РУБКОВО, ИЗБИРАЮТСЯ ВОСЕМЬ СОВЕТНИКОВ И ДВОЕ ПРОВОДНИКОВ, [В ЗАДАЧУ] КОТОРЫХ ВХОДИЛО ДАВАТЬ СОВЕТЫ ОБО ВСЕМ, ЧТО КАСАЕТСЯ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ, И ОБ УДОБНЕЙШИХ ПУТЯХ

В четверг, накануне праздника святой Маргариты, который приходился на десятый день июля, Владислав, король польский, снявшись с лагеря от озер у города Лютерберга и рано утром пройдя еще до росы две мили, прибыл к большому озеру Рубково, вблизи замка и города Куженпика, и стал лагерем над озером. Войско же прусского магистра расположилось станом недалеко от королевского лагеря, за рекой Дрвенцой, оба берега которой крестоносцы за много дней до того укрепили частыми высокими кольями, чтобы королевское войско не могло перейти реки. И вот несколько польских рыцарей, узнав, что войско крестоносцев находится вблизи, подъезжают, чтобы их подразнить, и, завладев пятьюдесятью вражескими конями, которые стояли на водопое на реке Дрвенце, и сбросив их седоков, невредимыми достигают королевского лагеря. Увидев их, королевское войско, подкреплявшееся едой или отдыхавшее, решив по внешности захватчиков коней, что это враги, приходит в сильное движение, оставя завтрак, все по собственному почину вооружаются, наполняя воздух пылью, между тем как солнце сверху палило сильным жаром. Наконец, избавившись от напрасного страха, войско успокоилось. С наступлением же вечера, когда жар солнца ослабел, Владислав, король польский, созвав главных советников, выбрал из них только восьмерых, чтобы они давали советы о всем ходе войны (тогда как прочие держались бы в своих палатках) и заботились и распоряжались всем необходимым; в их руках должна была находиться высшая власть и право принимать

решения на войне. Итак, он избирает и назначает первым из них брата своего, великого князя Литвы Александра, а затем краковского каштеляна Кристина из Острова[38] и Яна из Тарнова, воеводу краковского, Сендзивоя из Остророга, воеводу познанского,[39] Миколая из Михалова, воеводу сандомежского, Миколая, настоятеля святого Флориана, подканцлера, Збигнева из Бжезя, маршалка королевства Польского, и Петра Шафранца из Песковой Скалы, краковского подкомория.[40] Эти восьмеро в строгой тайне обсуждали и назначали все необходимое, а особо — указания, каким именно путем идти войску и в каких местах на следующий день ставить лагерь. Были приглашены два проводника, а именно: Троян из Красностава и Ян Грюнвальд из Парчева, оба родом из Пруссии, хорошо знавшие там все тропы, места и дороги; они постоянно стояли у дверей совета и допускались иногда к нему, когда надо было рассудить что-либо о привалах и переходах на завтрашний день. Кроме того, предусмотрено было и строжайше запрещено кому бы то ни было из войска выступать, пока не выступит маршалок Польского королевства Збигнев с малым королевским знаменем (иначе proporzec); [41] за ним должны следовать все, но никто не смел выступать впереди. Также не смел никто во всем войске трубить, кроме одного королевского трубача, по первому звуку трубы которого перед зарей или на рассвете или в какое-либо другое время войско поднималось и вооружалось; по второму же звуку трубы седлали коней, а по третьему — войско трогалось с места и выступало, следуя за идущим впереди маршалком и тем знаменем, под которым состояло.

Итак, князь Александр-Витовт, муж на редкость деятельный, путем переговоров, расспросов и совещаний с семью вышеупомянутыми советниками, призывая иногда проводников и людей, знакомых с местностью, разузнавал, какое место назавтра займет войско для лагеря, какой самый безопасный, короткий и сухой путь оно на следующий день изберет, снявшись лагерем, и на каком найдется удобный водопой, пастбище и достаточно дров.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ОТПРАВИВ ГОНЦА К ПОСЛАМ КОРОЛЯ ВЕНГЕРСКОГО, НАСТАИВАЕТ НА МИРЕ С КРЕСТОНОСЦАМИ. НЕ ДОБИВШИСЬ МИРА, ИБО МАГИСТР И КРЕСТОНОСЦЫ ЖАЖДУТ ВОЙНЫ, ОН ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ ПЕРЕЙТИ РЕКУ ДРВЕНЦУ, КОТОРУЮ ВРАГИ ДЕРЖАЛИ В ОБОРОНЕ

Хотя Владислав, король Польши, после нескольких предложений мира теперь и сам все помыслы обращал на войну, однако в тот день он посылает своего рыцаря Петра Корцбога, знатного мужа герба Корцбог (в котором изображены три карпа), к венгерским баронам, находившимся тогда недалеко в лагере магистра Пруссии и крестоносцев, требуя от них ясного ответа по поводу возможности заключения мира с магистром и Орденом и спрашивая, остается ли какая-либо надежда на заключение и возобновление мира. Тот, согласно повелению и наказу короля, прибыв

в лагерь крестоносцев, является к венгерским баронам и просит их дать окончательный ответ. Тогда последние приходят к магистру и командорам и всяческими доводами побуждают их к миру. Они внушают им и доказывают при этом, что условия мира, предложенные королем польским, справедливы и почетны, и усиленно упрашивают их не отказываться принять мир на справедливых условиях, пока дело не дошло до сражения, ибо Марс [42] один и тот же для обеих сторон и исход войны еще неизвестен. Магистр же прусский Ульрих фон Юнинген, удалившись на тайный совет, пригласил нескольких лиц, а именно: маршала Ордена Фридриха Вальрата,[43] великого командора Конрада Лихтерштена,[44] командоров — эльбингского Вернера Тетингера, торуньского Шворцборга,[45] мевенского графа фон Венде,[46] нешавского Готфрида Гоцфельда,[47] тухольского Генриха,[48] старогардского Вильгельма Ниппена,[49] шонзеевского Николая Вильца,[50], грудзендского Вильгельма Эльфекеча,[51] энгельсбергского Бурхарда Вобека, бродницкого Балдуина Штольма,[52] члуховского Арнольда фон Бадена, остеродского Печенгайна,[53] щитновского Альберта фон Эчбора,[54] бранденбургского Маркварда фон Зальцбаха, торуньского графа Иоганна фон Зейпа и других, и с ними некоторое время совещался о мире и войне. А так как магистр Ульрих, как и его командоры, по пустому суеверию полагали, что никакой враг никогда на них не нападет и не победит (ибо они обладают некими мощами святых), то в своей гордыне они склонялись более к войне, чем к миру; и магистр Пруссии дал через посредство маршала Вальрата венгерским баронам такой ответ: «Сиятельные мужи, мы не отказывались бы подчиниться вашим убеждениям и доводам и вступить в мирные переговоры с королем Польши, если бы сам король, прежде чем сделать вражеское вторжение в наши земли, искал мира, находясь на земле своего королевства. Теперь же, когда король Польши домогается мира после того, как он напал на земли нашего Ордена и причинил нам пожарами и грабежами столь тяжкий ущерб, мы считаем позорным, после такого ущерба и пожаров, вступать с ним в переговоры о каком-либо мире; ведь с того времени, как Орден наш поселился на этих землях, никто и никогда из королей и государей, как и сам он, не мнил для себя возможным вторгнуться со столь враждебным войском в земли нашего Ордена. Поэтому мы не можем дать себя склонить к заключению мира с названным королем и не поддадимся никаким убеждениям, никаким просьбам и доводам, пока не отомстим нашим карающим мечом за учиненные нашему Ордену разорения и пожары. Итак, нашим разногласиям и спорам положат конец не наши слова, хотя бы произнесенные от имени цезаря, и не посредничество какой-либо другой власти, но меч и оружие; после того как мы видели, что опустошаются наши области и горят наши дома, мы погасим наши пожары вражеской кровью».

Услышав такой высокомерный и издевательский ответ, бароны Венгрии снова и снова упрашивают, уговаривают и настаивают, чтобы при посредничестве Сигизмунда, короля римлян и Венгрии, крестоносцы дали себя склонить и принудить к переговорам и заключению мира и, утишив свои

страсти, не отказывались испробовать любые средства примирения. Однако магистр и командоры, возбужденные неразумным пылом гнева и гордости, продолжали настаивать на данном ими, хотя и резком и противном всякой справедливости ответе; один только граф фон Венде, командор мевенский, среди стольких ненавистников мира, убеждая заключить мир, сказал: «Давно испытал я на опыте, что несет с собой мир и что — война, и мне кажется лучшим и более здравым, какие бы обиды и ущерб, причиненные как-либо королем Польши, ни остались невозмещенными, отбросив желание победы и мщения, прийти к мирным переговорам. Ибо часто, даже когда войска сходятся и готовы вступить в бой, бывает, что начинаются переговоры и заключают мир. И так как исход войны сомнителен и может даже все перевернуть стремительным наплывом опасностей, то я полагаю, что верный мир лучше надежды на победу». Недовольный этими словами и не будучи в силах сдержать порыв души, Вернер Тетингер, командор эльбингский, стал нападать на графа фон Венде, командора мевенского. «С таким расположением души, какое ты здесь выказываешь, командор мевенский, — сказал он, — тебе пристало бы оставаться дома под крышей, так как ты более пригоден для ухода за больными братьями Ордена, чем для военных дел». Мало задетый такой насмешкой, граф Венде возразил: «Что касается меня, то я не поколебался честно и с пользой высказаться за мир и в своей речи признать, что мир лучше всякой войны, так как я считаю отвратительным, чтобы в наши дни проливалась кровь католическая, когда не испытаны мирные средства, которые предлагаются. И хотя я стою за мир и больше всего желаю мира, но если по божьему попущению придется вступить в бой при враждебном нам Марсе, то я буду сражаться отважно, как подобает человеку благородной крови; ты же относись предусмотрительнее к тому, что и как ты советуешь и больше всего смотри, как бы ты, так грозно рассуждающий о войне в этих стенах, не пустился бежать из предстоящего сражения, подобно зайцу, напялившему на себя шлем». Затем один из баронов Венгрии, Сциборий из Сцибожиц, прервав ссору командоров, начал разными способами снова и снова склонять к миру, говоря, что он старый воин, бывалый в сражениях, испытавший много превратностей и случайностей войны, и что он полагается на себя, но, во всяком случае, пока возможно, не отвергает мира. Но он получил на это от магистра Пруссии Ульриха такой ответ: «Ты говоришь, Сциборий, — сказал он, — как поляк: ибо мы знаем, что ты родом из Польши, именно из Куявской земли, поэтому-то ты на благо и пользу твоего народа убеждаешь и советуешь принять мир, а мне и Ордену никоим образом принять его нельзя».

В этом деле воочию виден большой порок крестоносцев: они превозносились высокомерием и хвастались обладанием столь великими силами и средствами, что считали, будто не найдется на свете среди королей такого, который мог бы равняться в войне и мире с ними; и они полагали, что и все другие должны признавать за ними столько же, сколько они самонадеянно возомнили о себе сами в сердцах и мыслях; в таком своем ослеп-

лении они забывали, что еще не бывало человека, всеми признанного безупречным и могучим, которому бы не угрожала опасность даже от слабого.

Бароны венгерские, понимая, что магистр и его командоры по натуре не склонны принять мир даже на справедливых условиях, отсылают обратно королевского гонца Петра Корцбога; они сообщают Владиславу, королю польскому, что они с своей стороны приложили все свои старания, способности и труды и будут и еще прилагать их, насколько будет возможно; но они, однако, еще не получили согласия магистра и его командоров на мир, хотя еще не оставили надежды его устроить; и обещают послать завтра через их собственного гонца извещение королю об окончательном намерении магистра и крестоносцев. Когда Петр Корцбог возвратился к королю с ответом венгерских баронов, а также объявил все то, что сам он, Петр Корцбог, увидел и угадал в войске крестоносцев, то Владислав, король польский, понял, что у него не остается больше никакой надежды на мир. Ведь до этого дня как Владислав, король польский, и Александр, князь литовский, так и их приближенные и советники еще желали мира и надеялись на него; сохраняя эту надежду, королевское войско приближалось к берегам реки Дрвенцы и к лагерю крестоносцев, чтобы, если еще удастся, вступить в переговоры о мире, считая, что легче будет договориться о средствах к миру, когда войска той и другой стороны будут расположены на противоположных берегах. Но король, благодаря сообщению Петра Корцбога, был предупрежден и осведомлен, что магистр Пруссии, упорно стоя на своем и не терпя ничьего здравого совета, отвергает все возможности заключить мир; а также, что река Дрвенца по обоим берегам ее укреплена высоким частоколом, так что без боя ее нельзя перейти; а так как сильное вражеское войско обороняло бы столь укрепленные берега бомбардами, стрелами и любыми средствами, то возникало сомнение, следует ли королю идти тем путем, которым он начал идти, и надо ли переправляться, построив мосты, через реку Дрвенцу, или лучше, взяв немножко наискось, пойти назад; наконец король последовал лучшему и более здравому совету: решил идти назад и переправиться через реку посуху у ее истока, рассудив, что более выгодно (как это и оказалось) перенести небольшое промедление и тягость отступления, чем подвергнуть войско и рыцарей опасности вести бой на следующий день в открытом сражении, переправляясь через реку; идя же назад, вверх по реке, войско будет избавлено также от ненужного труда по наведению мостов. Разумность столь здравого совета была легко признана, и наконец он был приведен в исполнение.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ПОЛУЧАЕТ ПОСЛАНИЕ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА О РАЗРЫВЕ МИРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В пятницу перед праздником святой Маргариты, одиннадцатого июля, королевское войско, выступив по звуку трубы на рассвете, идет назад той же дорогой, по которой пришло, и прибывает на место своей стоянки

близ города Лютерберга, где стояло на отдыхе в прошедшую среду. Оттуда, оставив справа дорогу, по которой пришло из Мазовии, оно повернуло свой путь налево и, следуя по холмистым местам, расположилось в палатках близ города Дзялдова в селении Высокое. И так как, утомленное долгим и трудным путем, войско нуждалось в отдыхе, то стояло в том же лагере в течение двух дней, именно пятницу и субботу. В эти дни к польскому королю Владиславу прибыл Фрыч фон Рептки, силезец, явившийся от имени венгерских баронов Николая и Сцибория. Будучи введен на тайное совещание, он сказал: «Светлейший король, хотя венгерские бароны добросовестно и настойчиво делали магистру Пруссии и Ордену посреднические представления о мире, однако все их старания и труды были тщетными. Ведь магистр Пруссии Ульрих, влекомый в непредвиденную им пучину своей гордыней, не принял никаких справедливых и здравых предложений, но, поправ те и другие, решил следовать внушению своего воинственного пыла; он не дал утишить этот свой пыл ни справедливостью, ни по праву, ни по соглашению, ни по чьим-либо третейским решениям, но предоставил ему разрешиться только силой оружия. Но так как Сигизмунд, король Венгрии, посольство которого исполняют мои бароны, является в то же время наместником [55] Римской империи, то не подобает ему покидать в настоящей крайности магистра и Орден крестоносцев, подвластный Римской империи; вследствие этого, по повелению венгерских баронов, я представляю твоей светлости послание Сигизмунда, короля венгерского, которым он разрывает с твоим превосходительством мир, принимая сторону магистра и Ордена».[56]

Король же Владислав, получив окончательный ответ о том, что нет надежды на мир, и послание короля венгерского Сигизмунда о разрыве, распорядился скрывать то и другое в тайне под строгой доверенностью, чтобы разрыв с королем венгерским Сигизмундом не дошел до сведения рыцарей и, ослабив их мужество, не отклонил их сердца от выполнения воинского долга.

Гонец Фрыч доверительно дал понять королю Владиславу от имени венгерских баронов, чтобы тот не придавал никакого значения разрыву с венгерским королем Сигизмундом, так как послание последнего о разрыве, приобретенное магистром и Орденом крестоносцев за весьма дорогую цену, именно за сорок тысяч флоринов, составлено только для устрашения и не породит никаких последствий. Затем он поощряет короля продолжать начатое им, не обращая внимания на какое бы то ни было устрашение, и, не откладывая, как можно скорее сразиться с крестоносцами; ведь последние силами, людьми, оружием и в любом отношении обнаруживали, что они слабее его, так что милостью божьей король одержит верную победу. Он заверял, что венгерские бароны до сего дня заботились о выгоде не магистра и Ордена, но короля своего Сигизмунда и своей собственной. Это сообщение Фрыча было сочтено честным и добросовестным (каким оно и было); ведь упомянутые венгерские бароны были отправлены королем Сигизмундом в Пруссию не с целью заключения упомянутого мира (так

Владислава. Скиргайло с неудовольствием и враждою переносил то, что правление и распоряжение литовскими и русскими землями вверено Витовту, а его обошли, и тайно подстрекал расположенных к нему рыцарей к ссорам и дерзким пререканиям с Витовтом; и ссоры эти уже дошли до того, что можно было ожидать открытого мятежа.

Узнав о такой беде, король польский Владислав вместе с королевой Ядвигой спешным путем прибыл в Литву. В их присутствии на шестой день после праздника святого Михаила после споров, в которых оба враждовавших князя выступали с разными речами и жалобами (причем оказалось, что дело князя Скиргайлы и его жалобы на Александра-Витовта мало справедливы), проклятая их тяжба, которая отразилась бы гибельно на других, если ее быстро не подавить, была устранена стараниями короля и королевы; упомянутые князья, рассеяв облако взаимного неудовольствия, соединились узами братской любви и согласия.

Чтобы вполне смягчить великий гнев и обиду князя Скиргайлы, король польский Владислав, в добавление к Киевскому княжеству, дает ему в управление еще Кременец, Стародуб и Старые Троки, под условием во всем повиноваться князю Александру-Витовту. И было решено с одобрения обеих сторон, что если возникнут между ними новые столкновения, соперничество и вражда, то они прибегнут для разрешения могущих возникнуть споров к польской королеве Ядвиге, которую они оба избрали себе третейским судьей; это решение и было скреплено открытыми грамотами [. . .]

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ ЛИТОВЦАМИ ЗАМОК БАРТЕН КРЕСТОНОСЦЫ ВТОРИЧНО ПРЕДАЮТ ОГНЮ

Витовт, князь литовский, послав много строительного материала и мастеров, восстанавливает разрушения, причиненные в предыдущем году крестоносцами литовскому замку Бартену. Узнав об этом, прусский магистр снаряжает крестоносное войско со многими иноземными рыцарями под предводительством маршала Вернера Тетингера, которое, перейдя с большим трудом через реку Мемель[1] и потеряв в водоворотах много знатных рыцарей, овладевает замком Бартеном и предает огню его укрепления.

Упомянутый маршал возобновляет после этого свое движение в Литву, имея в своей свите владетеля Виртембурга и много других французов и немцев. Переправившись затем через реку Мемель на судах, в течение нескольких дней он опустошает Самагитскую землю убийствами и грабежами и уводит в плен четыреста душ.

Умирает Конрад Валлерод, магистр Пруссии; в этой должности его сменяет Конрад фон Юнинген,[2] выбранный единодушно [. . .]

конец. Однако оставленные ядра для бомбард дают некоторое основание предполагать внезапное отступление или бегство. Дело требует, однако, более глубокого и надежного расследования и не следует сразу принимать за верное бегство такого большого войска». К этому некий старый рыцарь из войска магистра с откровенной смелостью добавил: «Берегись, магистр, как бы этим бегством, о котором нам сообщают, королевское войско не намылило тебе голову и как бы ты не отказался от ложного мнения, которое тебя радует, только тогда, когда поймешь, что королевское войско вторглось в твои города». Эти слова так подействовали на магистра, что он сразу стал заботиться уже не о преследовании короля, а о защите городов; выступив с своим войском, он подходит к замку Братиану и там располагает лагерь; сам же, укрывшись с венгерскими баронами в стенах замка, велит построить двенадцать мостов через реку Дрвенцу, по которым можно было бы перевести его войско. Отсюда с частыми, но скрытыми остановками магистр направляется к лагерю врагов, полный самонадеянности и спеси, вследствие речей льстецов, уверяющих его, что грядущее сражение будет иметь желанный для него исход.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ТАЙНО ОБЪЯСНЯЕТСЯ С ГОНЦОМ ВЕНГЕРСКИХ ПОСЛОВ ФРЫЧЕМ, ОБВИНЯЕТ КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА В ЗАБВЕНИИ ЕГО БЛАГОДЕЯНИЙ И ЗАТЕМ ОСВЯЩАЕТ СВОЕ ВОЙСКО ПРИЧАЩЕНИЕМ ТЕЛА ГОСПОДНЯ

В воскресенье, в день святой Маргариты, тринадцатого июля, Владислав, король польский, по окончании служения обедни, на месте своей стоянки близ Дзялдова, в селении Высоком, вызвав гонца венгерских баронов Фрыча на тайное совещание, дал ему следующий ответ. «Никогда мы не подумали бы, что у брата нашего Сигизмунда, короля Венгрии, могла бы вспыхнуть такая вражда против нас, чтобы он должен был ради крестоносцев разорвать с нами, которые связаны с ним не только кровью и родством,[57] но и договором, и предпочесть даже кровным связям проклятую жажду золота, забыв о боге, забыв о справедливости! Ведь он обещал нам иное через послов и в письмах, уверяя, что со всяческим старанием и усердием как лично, так и через послов будет вести переговоры о мире между нами и крестоносцами. Ведь мы, положившись на его королевское слово, милостиво приняли его послов, Николая и Сцибория, прибывших в наше королевство и приезжавших в Пруссию в качестве ходатаев для переговоров о мире; мы снабдили их всем необходимым; однако мы не замечаем, чтобы на все это он ответил нам также искренне и любезно. Мы видим на опыте, что брат наш, король Венгрии, подыскивает время и удобный случай напасть на нас и наше королевство и захватить наши владения; с совсем иными чувствами — приязнью и любовью — относились мы к нему в его двукратной беде: в первый раз, когда он был разбит турками и было даже неизвестно, в плену ли он, убит или жив.[5] В другой раз, когда его же венгерские бароны, захватив его в плен, обрекли на смерть, а нас избрали, как полагалось, править Венгерским

королевством и частыми посланиями и посольствами настаивали, чтобы я соблаговолил прибыть и принять как можно скорее правление Венгерским королевством; мы же, двинув тотчас наше войско, выступили в Венгрию, чтобы освободить его всеми нашими силами.[59] Итак, отвечает ли он на наши благодеяния по-рыцарски, в этом да рассудит нас бог и каждому из нас да воздаст по заслугам. Мы же не боимся его угроз и поднимемся на свершение нашего правого дела, поскольку мы поняли, что не осталось больше надежды на заключение мира, хотя мы даже и сегодня всеми силами и стремлением нашего сердца готовы были бы согласиться на мир если бы кто-либо пожелал выступить посредником. Но, может быть, только милосерднейший бог, свидетель нашего смирения и миролюбивого сердца и гордыни врагов, сам примет на себя ведение этого дела и решит его исход по своему тайному помыслу». В этот же день польский король Владислав и почти все польское войско приняли святое напутствие, то есть причастие тела и крови Христовой, имея в виду, что вскоре они сойдутся с врагом лицом к лицу в общем сражении, как это и случилось. Понимая, что мира, к которому он много раз всячески стремился, он не может добиться, король обратил все помыслы на войну, хотя в силу кротости своей души предпочитал бы мир на справедливых условиях войне; после того, как не оставалось уже никакой надежды на мир, богобоязненный, благочестивый и набожный король стал молиться о ниспослании ему небом успеха в битве и скорой победы над врагами.

ПОЛЯКИ БЕРУТ ПРИСТУПОМ ГОРОД ДОМБРОВНО, УКРЕПЛЕННЫЙ ПРИРОДОЙ, УСЛОВИЯМИ МЕСТНОСТИ И ВОЕННЫМ ИСКУССТВОМ

Отпустив Фрыча, гонца венгерских баронов, король Польши Владислав в день святой Маргариты, справив обедню, снялся лагерем из Дзялдова, LVII приказав выступить двумя часами раньше телегам и обозам, и повернул путь на город Домбровно. Этот город (который по-немецки назывался Гильгенбург) был окружен стеной и башнями и омывался озером и рекой с их изгибами; король расположил лагерь на равнине почти в полумиле от Домбровно, над озером, называемым Домбровское озеро,[60] так как в тот день жар солнца был сильнее обычного. К вечеру, когда жара спала, много рыцарей выходят из королевского лагеря к городу Домбровно посмотреть на город и его расположение. А так как войска, пришедшие для защиты города, опасаясь нападения на них и на город, выступают навстречу, то тотчас возникает тяжелая схватка; эта схватка разгорелась до того, что польские рыцари, одержав верх над врагами и принудив их бежать в город, затем, скопившись в большом числе, бросаются, без приказания короля, на приступ города. Город был защищен не только высокими и крепкими стенами с башнями и выступами вокруг, но и своим местоположением: бо́льшую часть его окружало озеро, так что город был огражден его водами, а проход в город по суше был мал и тесен и пересечен глубоким рвом. В королевском лагере поднимается сильный крик; услышав его, король Владислав велит через глашатая

прекратить приступ города из опасения, что его рыцари пострадают и не смогут принести пользу в предстоящем сражении. Однако воины не обращают внимания на королевское запрещение, и все спешат массой на приступ, ибо сама судьба этого желала. Со своей стороны горожане стойко сопротивляются, отгоняя подступающих к стенам выстрелами из бомбард и камнями. Но польские рыцари в большом числе бросаются в озеро и стараются разбить и подкопать стены города; другие, приставив лестницы, взбираются по ним и в самое короткое время завладевают большим населенным городом, полным всякого достатка и богатств, добытых за годы долгого мира, городом, куда стеклись из нескольких ближайших областей знать и простой люд со своим имуществом и добром; и всеми этими благами овладевают победители. Добычей из упомянутого города обогатилось почти все королевское войско, наполнив еще и свои телеги продовольствием в необыкновенном изобилии, ибо трудно даже поверить, каким количеством имущества и продовольствия был полон этот город. Еще не вся добыча была вывезена, как город был подожжен и многие люди, которые искали убежища в церкви, погибли во вспыхнувшем пламени. Много тысяч пленных обоего пола было там взято, приведено в королевский лагерь и передано рыцарями королю польскому Владиславу. Многие, сверх того, подверглись резне, и никто не избежал гибели или плена, кроме тех, которые в челнах и лодках бежали по озеру. Тут не оказывали никакого уважения к возрасту, никакой жалости к нему, ибо поляки здесь не столько следовали праву войны, сколько, горюя о Добжинской земле, выжженной врагами, изливали свою ненависть к крестоносцам.

Услышав из донесений разведчиков, что польский король Владислав взял приступом и сжег Домбровно и решил вести свое войско на Мариенбург, магистр Пруссии Ульрих в сильном гневе решил, что нельзя дальше откладывать битву, а надо как можно раньше вступить в сражение всеми решительно силами, и двинулся сколь мог поспешно, чтобы напасть на короля. Не меньшая ярость пылала и в сердцах командоров и крестоносцев, негодовавших на выпавшее им на долю несчастье; ибо они, которые некогда захватили Поморье, Куявию и Добжинскую землю и их замки, подчинив их своей власти, а также предали огню больше половины польского королевства, теперь, когда Марс отвернулся от них, должны будут видеть разорение Пруссии, разрушение городов и осаду Мариенбургского замка.

ПОЛЬСКИЕ СТОРОЖЕВЫЕ ОТРЯДЫ ПОД НАЧАЛЬСТВОМ МАЦЕЯ ИЗ ВОНСОША ОПУСТОШАЮТ ПОМЕРАНИЮ, НО ТЕРПЯТ ПОРАЖЕНИЕ ОТ КРЕСТОНОСЦЕВ.

В тот же день Мацей из Вонсоша,[61] воевода калишский и староста пакловский, с отрядами, оставленными ему для защиты границ, именно со всеми рыцарями, стоявшими между рекой Велной и Померанией, вступил вражески в Померанскую землю и стал производить в ней грабежи и опустошения. Фогт же Новой марки, Михаэль Кухмейстер, чтобы вос-

препятствовать разорению Померании, выйдя навстречу воеводе Мацею, вступает с ним в бой. И хотя польские рыцари храбро бились за победу, однако, когда упомянутый воевода Мацей (был он из знатного рода, герба Топор) обратился в бегство, то все остальное войско, оставив сражение, разбежалось. В этой битве был взят в плен Ярослав Ивинский, хорунжий познанский, известный испанский рыцарь,[62] из рода Гжималя, вместе со многими другими, почитавшими бегство позорным. Однако это поражение было тогда сохранено в тайне и о нем доведено до сведения короля только тогда, когда он после победы осаждал Мариенбургский замок. И он сумел бы скрыть его, если бы оно не разгласилось благодаря пленению рыцаря Ярослава.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ОТПУСКАЕТ НА СВОБОДУ ВЗЯТЫХ В ДОМБРОВНО В ПЛЕН, ОСТАВИВ У СЕБЯ ЗНАТНЕЙШИХ. ЧУДЕСНЫЕ ЗНАМЕНИЯ НА НЕБЕ

Хотя польский король Владислав решил в понедельник после дня святой Маргариты, четырнадцатого июля, перевести лагерь и войско в следующее по пути место, однако он пробыл этот день на той же стоянке единственно ради того, чтобы собрать остававшиеся запасы вещей и продовольствия, спрятанные в кладовых и погребах города Домбровно, и распорядиться участью пленных, взятых в Домбровно. Итак, удержав в плену братьев-крестоносцев, а также знатнейших из местных мужей, он освобождает из плена всех горожан, простых людей, селян, также всех благородных женщин и девушек и всех женщин любого состояния и, сверх того, снабжает их надежной охраной, чтобы кто-либо из его войска не обидел освобожденных мужчин и женщин, не насмеялся над ними или не напал на них. Когда день уже склонялся к закату, король повелел на следующий день объявить поход, а рыцарям разойтись по шатрам и отдыхать, чтобы, поднявшись до восхода солнца, быть в состоянии лучше выполнить приказы, которые он распорядится объявить. Наступившая ночь была тихой и спокойной в королевском лагере; в войске же крестоносцев она была иной, ибо сильный ветер, налетев, свалил все палатки наземь; поэтому крестоносцы провели ночь почти без сна. Стало известно также, что в ту же ночь луна, которая тогда светила полным кругом, явила необыкновенное знамение, предвещая победу королю, что доказали и подтвердили события на следующий день. Некоторые рыцари, стоявшие ночью на страже, заметили, будто на лунном круге некоторое время шел жестокий бой между королем, с одной стороны, и монахом — с другой, и что, наконец, монах, побежденный все же королем, был сброшен с диска луны и стремглав низринут вниз. Это знамение, ставшее благодаря многим рассказам известным на другой день, подтверждал Бартоломей, настоятель клобуцкий,[63] и духовник короля, уверявший, что собственными глазами наблюдал это видение. Было ли оно указанием, предсказывавшим победу, или своеобразным воздушным явлением или же каким-либо иным явлением, происшедшим в силу скрытых причин, — для нас неясно.

Сı того, передавали сообщение нескольких рыцарей из крестоносного
вс , не легкомысленное и не пошлое, но основательное и веское,
а но, что на следующий день в течение всего времени, пока шло сра-
жı видим был ими над польским войском облаченный в епископское
од е почтенный муж, который благословлял сражавшихся поляков
и ›янно ободрял и сулил им верную победу.[64] Эти видения были при-
зн чудесными знамениями, которые несомненно знаменовали пред
ст ю победу короля.

›РОЛЬ ВЛАДИСЛАВ НЕ МОЖЕТ ОТОРВАТЬСЯ ОТ МОЛИТВЫ, ХОТЯ РАГ ПОЧТИ НАСЕДАЕТ

вторник, в день рассеяния апостолов, пятнадцатого июля, Влади-
сл король польский, решил выслушать обедню на рассвете на месте стоянки, однако из-за порывистого ветра невозможно было с такой быстротой, как было велено, ни укрепить, ни даже развернуть шатер для совершения богослужения, ибо как только шатер развертывали, он падал. Накануне ночью был ливень с громом и молнией, однако над лагерем крестоносцев дождь лил еще сильнее, чем над королевским, так что ветром разбросало почти все палатки (примета завтрашнего поражения); когда же прояснилось, ветер усилился еще более. Таким образом, непогода помешала установить часовню у королевского шатра, и король, по совету великого князя Александра, снялся лагерем из-под города Домбровно, затем пройдя пространство в две мили (между тем как вокруг горели вражеские селения) и выйдя на поля селений Танненберга и Грюнвальда, которые станут знамениты происшедшим затем сражением, он велел расположить стоянку войска среди кустарника и рощ,[65] которых было множество в той местности, и распорядился поместить на высоком холме над озером Любеном шатер часовни, чтобы прослушать богослужение, пока войско займется устройством стоянки. Между тем прусский магистр Ульрих фон Юнинген уже достиг селения Грюнвальда, которое он прославит своим поражением, и находился неподалеку, все еще, однако, незамеченный королевскими дозорными. И вот когда натянули шатер часовни и король спешил на богослужение, является Ганек из Хелма, рыцарь герба Остоя, с известием, что видел в нескольких шагах вражеское войско; на вопрос же короля, сколько их, Ганек отвечает, что видел только одно из их знамен и тотчас прискакал сообщить об их прибытии. Еще не кончил он свой рассказ, как прибыл Дерслав Влостовский, рыцарь герба Окша, и добавил, что видел два знамени врага. Не успел и этот закончить речь, как прибыл третий, за которым последовали четвертый, пятый и шестой, донося в один голос, что неприятельские ряды, уже готовые к битве, стоят близко. Однако король Владислав, ничуть не смущенный столь близким и внезапным появлением врагов, почитал достойным исполнить дело божие прежде воинского; войдя в часовню, он прослушал с благоговением две обедни, отслуженные его духовниками — Бартоломеем, священником клобуцким, и Ярославом, калишским настоятелем; молясь

о помощи свыше, он прослушал богослужение более торжественно и чинно, чем обычно. Не довольствуясь этим, он, преклонив колени и склонившись, долгое время в молитве, просил царя небесного, чтобы поход был благополучен для него и его народа и чтобы счастливой была битва и скорее наступила победа над врагом. И хотя другой вождь, великий князь Литвы который мог все что угодно перенести легче, чем промедление, тревожил короля Владислава различными просьбами и настояниями, сначала через гонцов, затем лично сам, побуждая громким голосом, чтобы тот, не заботясь о богослужении и молитвах, встал и поспешил на бой, так как вражеское войско, говорил он, готовое к сражению, уже несколько времени стоит в боевом строю и будет опасно, если оно ринется и нападет первым; однако ни просьбы, ни мольбы, ни, наконец, предупреждение об опасности не могли оторвать короля от богослужения и молитвы до их полного завершения. Вражеское прусское войско, хотя и уступавшее в силе, могло бы одержать победу или, во всяком случае, причинить королевскому войску огромный урон, если бы, находясь под оружием и готовое к бою, немедленно напало на безоружное, не имевшее ни распоряжений, ни порядка и занятое к тому же устройством лагеря войско короля. Однако крестоносцы думали, что королевское войско стояло среди рощ и кустарников не случайно, а умышленно, чтобы завлечь их в засаду; и единственно из боязни короля, направляемые роковой судьбой, они воздержались от нападения на королевское войско, пока все его рыцари не явились в строй под свои знамена. Поэтому нет ничего удивительного в том, что набожному и благочестивейшему королю, который ставил дело божие выше всех побед и опасностей, божество даровало славную победу, ибо известно, что крестоносцы пренебрегали этими обрядами и ни во что их не ставили.

Полагают, что королю перед битвой, во время битвы и после битвы благоприятствовали ветры, обратившие в лицо врагам свое дуновение и пыль; так что справедливо к нему можно приложить известные стихи поэта Клавдиана:

> О, возлюбленный богом, с тобою в союзе и воздух
> Ибо на звук трубы являются ратовать ветры.[66]

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ОТРЯДОВ, ЗНАМЕН И ГЕРБОВ ЗЕМЕЛЬ КОРОЛЕВСТВА И МУЖЕЙ, КОТОРЫЕ УЧАСТВОВАЛИ В ПРУССКОЙ ВОЙНЕ

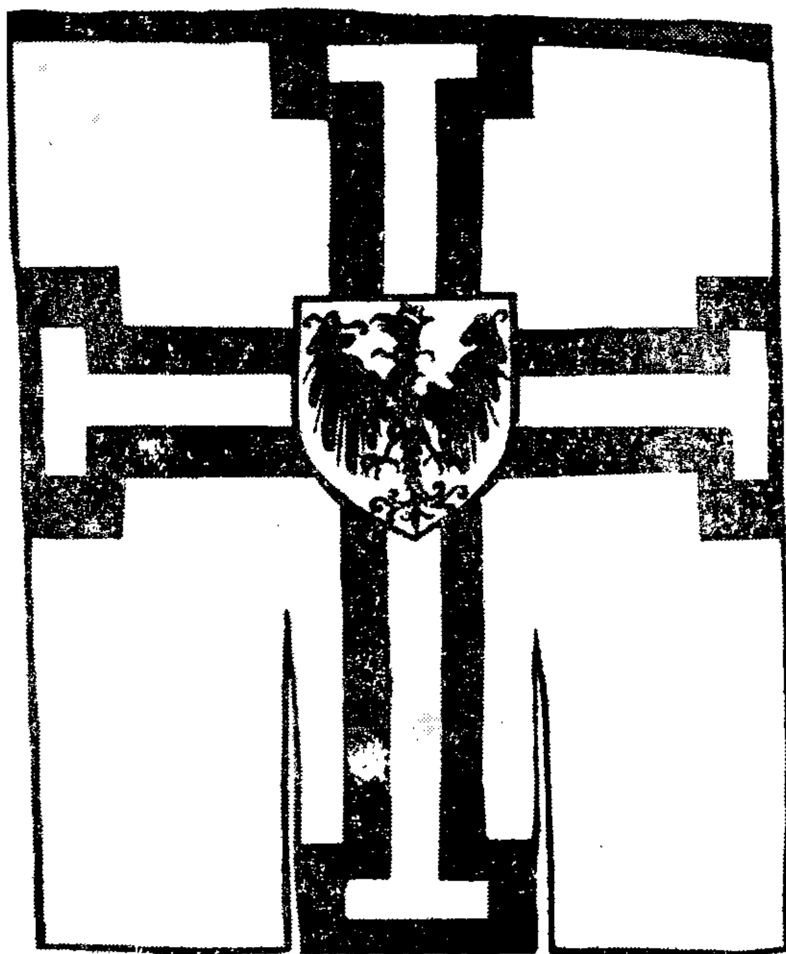
Между тем как польский король Владислав упорно продолжал слушать богослужение и возносить молитвы,[67] все королевское войско, построенное по отрядам и знаменам — польское под командованием Зиндрама из Машковиц, мечника краковского, литовское же под командованием одного великого князя литовского Александра, — подошло с поразительной быстротой и встало боевым строем напротив врага; и тогда как польское войско заняло левое крыло, литовское держало правое. Но в такой крайности всякая быстрота казалась медленной. Было известно, что польское войско имело в этой битве пятьдесят знамен, которые мы

называем хоругвями, составленных из известных и опытных рыцарей, кроме литовских хоругвей, числом сорок. Первой хоругвью была большая хоругвь Краковской земли, на знамени которой был белый орел, увенчанный короной, с распростертыми крыльями, на красном поле; в ней заняли ряды все виднейшие вельможи и рыцари Польши и все заслуженные и опытные воины, превосходя все прочие мощью и числом; предводителем ее был упомянутый Зиндрам из Машковиц, а знаменосцем рыцарь Марцин из Вроцимовиц из рода Полукозы; впереди, в ее первом ряду, в силу их превосходства и заслуг стояли девять [68] рыцарей, а именно: Завиша Черный из Гарбова, герба Сулима; Флориан из Корытниц, герба Елита; Домарат из Кобылян, герба Гжимала; Скарбек из Гур, герба Габданк; Павел Злодзей из Бискупиц, герба Несобя; Ян Варшовский, герба Наленч; Станислав из Харбиновиц, герба Сулима; Якса из Тарговиска, герба Лис. Вторая хоругвь — Гонча, на знамени которой были два желтых [69] креста на лазурном поле; ее вел Енджей из Брохоциц, рыцарь герба Озория, а впереди ее стояли пять рыцарей, а именно: Ян Сумик из Набжоз, герба . . . ,[70] который шестнадцать лет служил у турецкого султана в должности паши, Бартош и Ярослав из Пломикова, герба Помян; Добеслав Оквия, герба Венява, и чех Зигмунт Пиква. Третья хоругвь — дворцовых чинов,[71] имела на знамени воина в доспехах, сидящего на белом коне и потрясающего мечом в руке, на красном поле; ее вели Енджей Цолек из Желехова, герба Цолек,[72] и Ян из Спрова, герба Одровонж; в первом ее ряду были следующие рыцари: Мщуй из Скшинна, герба Лебедь; Александр Горайский, герба Корчак; Миколай Повала из Тачова, герба Повалов; Сасин из Выхуча, также герба Повалов. Четвертая — святого Георгия, имевшая на знамени белый крест на красном поле; под ним были все наемные чехи и моравы, а предводителями были чехи Сокол и Збиславек, знаменосцем же был чех Ян Сарновский, так как король Владислав хотел оказать честь чешскому народу. Пятая хоругвь — земли Познанской; на ее знамени был белый орел без короны на красном поле. Шестая — земли Сандомежской, которая имела на одной половине знамени три серые полосы или черты на красном поле, а на другой — семь звезд на лазурном поле. Седьмая — калишская, имела на знамени бычью голову на шахматной доске, украшенную королевским венцом; [73] из ноздрей быка свешивалось круглое кольцо. Восьмая хоругвь, земли Серадзской, имела на одной половине знамени половину белого орла на красном поле, а на другой — половину огненного льва на белом поле.[74] Девятая хоругвь, земли Люблинской, имела на знамени оленя с длинными рогами [75] на белом поле. Десятая — земли Ленчицкой, имела знаменем половину черного орла и половину белого льва на желтом поле.[76] Одиннадцатая, земли Куявской, имела на одной половине знамени половину черного орла на желтом поле, на другой — половину белого льва на красном поле.[77] Двенадцатая — земли Леопольской, имела на знамени желтого льва, всходящего как бы на скалу, на лазурном поле. Тринадцатая — земли Велюньской, имела на знамени косую снежно-белую

черту, разделяющую равномерно красное поле;[78] ввиду редких рядов этой хоругви король для ее пополнения присоединил к ней наемных рыцарей из Силезии. Четырнадцатая хоругвь, земли Пшемысльской, имела на знамени желтого орла с двумя головами, повернутыми равномерно в разные стороны, на лазурном поле. Пятнадцатая — земли Добжинской, имела на знамени изображение старика до бедер, с головой, украшенной короной, и с рогами, на желтом поле. Шестнадцатая хоругвь, земли Холмской, имела на знамени белого медведя, стоящего между двумя зелеными деревьями, на красном поле.[79] Семнадцатая, восемнадцатая и девятнадцатая — земли Подольской, которая имела три знамени, ввиду многочисленности своего населения; каждое из них имело солнечный лик на красном поле.[80] Двадцатая — земли Галицкой, имела на знамени черную галку с короной на голове на белом поле. Двадцать первая и двадцать вторая — князя Мазовии, Земовита, имели на знамени белого орла без короны на красном поле. Двадцать третья — князя Мазовии, Януша, имела знамя, разделенное на квадраты белого и красного цвета, расположенные крест-накрест; с белым орлом на двух из них и с вороном на остальных двух. Двадцать четвертая — Миколая Куровского, архиепископа гнезненского, имела на знамени реку, отмеченную наверху крестом, на красном поле. Двадцать пятая — Альберта Ястшембца, епископа познанского, на знамени ее была подкова с крестом в середине, на лазурном поле; предводителем ее был рыцарь Яранд из Брудзева. Двадцать шестая — Кристина из Острова, каштеляна краковского, имела на знамени медведя, уносящего деву в короне, на красном поле.[81] Двадцать седьмая — Яна Тарновского, воеводы краковского, имела на знамени серп луны, охватывающий звезду, на лазурном поле. Двадцать восьмая — Сендзивоя из Остророга, воеводы познанского, имела на знамени головную повязку, свитую в круг и перевязанную узлом посредине, с расходящимися концами, на красном поле. Двадцать девятая — Миколая из Михалова, воеводы сандомежского, имела на знамени белую розу на красном поле. Тридцатая — Якуба из Конецполя, воеводы серадзского,[82] имела на знамени белую подкову, передней стороной опущенную вниз и отмеченную крестом, на красном поле.[83] Тридцать первая — Яна, иначе Ивана, из Обихова, каштеляна сремского, имела на знамени голову зубра с висящим из ноздрей круглым кольцом, на желтом поле. Тридцать вторая — Яна Лигензы из Бобрека, воеводы ленчицкого,[84] имела на знамени изображение головы осла на красном поле. Тридцать третья — Енджея из Тенчина, каштеляна войницкого, на ее знамени был двуострый топор на красном поле. Тридцать четвертая — Збигнева из Бжезя, маршалка польского королевства, на знамени ее была львиная голова,[85] изрыгающая пламя, на лазурном поле. Тридцать пятая — Петра Шафранца из Песковой скалы, краковского подкомория, на ее знамени был белый конь, опоясанный черной подпругой посредине, на красном поле. Тридцать шестая хоругвь — Клеменса из Мошкожова, каштеляна вислицкого, на ее знамени изображены были два с половиной желтых креста на желтом поле.[86] Тридцать

седьмая — Винцента из Гранова, каштеляна ремського[87] и старосты Великой Польши, имела на знамени серп луны со звездой в середине, на лазурном поле. Тридцать восьмая — Добеслава из Олесницы, имела на знамени белый крест с тройной чертой в виде W в четвертом углу на красном поле. Тридцать девятая – Спытка из Ярослава, имела на знамени серп луны со звездой посредине, на лазурном поле. Сороковая — Марцина из Славска, имела на знамени в верхней части черного льва, в нижней части — четыре камня,[88] на коричневом поле. Сорок первая — Доброгоста из Шамотул, имела на знамени повязку, свитую в круг и перевязанную посредине узлом, с расходящимися концами, на красном поле Сорок вторая — Кристина из Козеглув, каштеляна сандецкого,[89] имела на знамени стрелу с двойной поперечиной, украшенную крестом, на красном поле. Сорок третья — Яна Менжика из Домбровы,[90] имела на знамени две рыбы, называемые форелями, одну на белом поле, другую — на красном. Сорок четвертая — Миколая, подканцлера королевства Польского, имела на знамени три трубы на белом поле.[91] Сорок пятая — Миколая Кмиты из Висниц, имела на знамени красную реку, украшенную крестом. Сорок шестая — братьев и рыцарей Грифов, имела на знамени белого грифа[92] на красном поле; ее предводителем был Сигизмунд из Бобова, краковский подсудок.[93] Сорок седьмая — рыцаря Заклики Кожеквицкого, имела на знамени белую черту в виде двойного W, снабженную крестом, на красном поле. Сорок восьмая — братьев и рыцарей Козлероги, имела знаменем три копья,[94] пересекающиеся на красном поле; ее предводителем был Флориан из Корытниц,[95] каштелян вислицкий и староста шедецкий. Сорок девятая — Яна Енчиковца, барона моравского, имела на знамени длинную белую стрелу, разведенную на конце, на красном поле, которая у поляков называется Odrowansz; ее предводителем был Гельм мораванин, и в ней служили одни мораване, которых прислал в подмогу польскому королю Владиславу упомянутый Ян Енчиковец, помня о милостях, оказанных его отцу Енчику королем Владиславом. Пятидесятая — Гневоша из Далевиц, краковского подстолия,[96] имела знаменем белую стрелу, разведенную посредине[97] направо и налево, с косым крестом над развилкой, на красном поле; в ней служили только наемные рыцари, не из поляков, а из чехов, моравов и силезцев, приведенные помянутым подстолием Гневошем; герб же и знатный род, носящий оружие с этими знаками, носит у поляков искаженное усеченное название Стшегомя; вместо чего следует лучше произносить «тши гуры», то есть «три горы», по названию силезского города «Тшигоры», иначе «Тшегом», так как он тогда состоял в их владении, отчего и носит название по своему происхождению. Пятьдесят первая – Сигизмунда Корибута, литовского князя,[98] имела знаменем коня с всадником в доспехах на красном поле. Кроме того, были в литовском войске Александра Витовта, великого князя Литвы, хоругви, под которыми стояли только рыцари литовские, русские, самагитские и татары. Эти хоругви, однако, имели более редкие ряды и меньше оружия, чем польские; так же и конями они не могли сравняться с поля-

ками. Знамена же, определенные таким хоругвям, были почти все одинаковы, ибо почти каждая имела на знамени воина в доспехах, сидящего на белом, иногда черном, либо гнедом, либо пегом коне и потрясающего мечом в простертой руке, на красном поле. Только десять из них имели другое знамя и отличались от остальных тридцати: на них на красном поле были нарисованы знаки, которыми Витовт обыкновенно клеймил своих коней, которых имел множество; так как знаки эти нельзя описать как предметы, их можно изобразить таким образом: [знак].[99] Назывались же хоругви по именам земель литовских, а именно: Трокская, Виленская, Гродненская, Ковенская, Лидская, Медницкая, Смоленская, Полоцкая, Витебская, Киевская, Пинская, Новгородская, Брестская, Волковыская, Дрогичинская, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская, некоторые же носили названия по именам литовских князей, которые по повелению князя Витовта предводительствовали ими, а именно: Сигизмунда Корибута, Лингвеновича Симеона,[100] Георгия.[101]



Знамя великого магистра Ордена

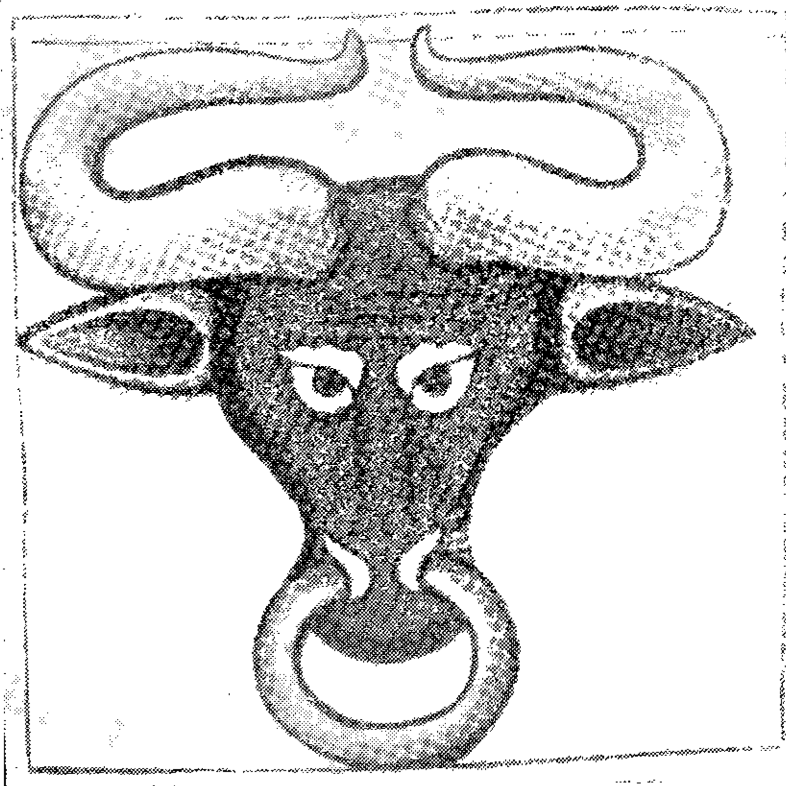
ОПИСАНИЕ ЗНАМЕН И ОТРЯДОВ КРЕСТОНОСНОГО ВОЙСКА[102]

Прусское войско как рыцарской силой, так и числом знамен уступало польскому. Два знамени или хоругви имел магистр: одно первое, большое, в котором состояли все отборные рыцари; другое – малое; оба имели знаменем черный крест с черным же орлом в середине.[103] Третья хоругвь, тоже всего Ордена, имела знаменем широкий черный крест на белом поле, ее предводителем был Фридрих фон Валлерод, маршал Пруссии. Четвертая — Конрада Белого Контнера, князя олесницкого,[104] имела знаменем черного орла на желтом поле; из всех князей Силезии он один со своими воинами лично участвовал в битве, хотя нельзя сомневаться, что почти все князья Силезии участвовали в ней желанием и сочувствием. Пятая — князя Казимира Щецинского, имела знаменем грифа на белом поле;

князь тоже лично со своими воинами помогал магистру и крестоносцам. Шестая хоругвь — святого Георгия, имела знаменем красный крест на белом поле;[105] ее предводителем был Георг Керцдорф, и она рыцарскую доблесть предпочитала бегству. Седьмая — епископа помезанского,[106] имела на знамени изображение святого евангелиста Иоанна в виде желтого орла, между двумя желтыми посохами; ее вел Марквард фон Репембург. Восьмая хоругвь — епископа и епископства самбийского,[107] имела знаменем три красных клобука на белом поле; ее вел Генрих граф Каменецкий из Миснии. Девятая хоругвь — епископа и епископства кульмского, иначе ризенбургская, имела на белом знамени обнаженный красный меч, скрещенный с красным же посохом; ее предводителем был Дитрих фон Зовембург.[108] Десятая хоругвь — епископа и епископства Вармийского,[109] иначе гейльбергская, имела верхнюю половину знамени красную с белым изображением агнца божия, держащего над собой одной ногой маленькое знамя; из груди агнца кровь струится в поставленную перед ним чашу; а другую половину — просто белую. Одиннадцатая хоругвь — великого командорства, имела знамя с широкой белой полосой на красном поле; ее предводителем был Конрад Лихтенштейн, великий командор. Двенадцатая хоругвь — города Кульма, имела на одной половине знамени белые волны, на другой половине — красные с добавлением черного креста и черной же черты поверху; знаменосцем ее был Николай, по прозванию Пикш,[110] хорунжий кульмский, которого потом магистр крестоносцев Генрих фон Плауэн, преемник Ульриха фон Юнингена, казнил как нарушившего верность; предводителями же были рыцари Януш Ожеховский и Конрад Репловский. Тринадцатая хоругвь — казначея Ордена, имела знаменем белый ключ на красном поле; предводителем ее был Морейн, казначей крестоносцев.[111] Четырнадцатая хоругвь — командорства и города Грудзендза, имела знаменем черную голову зубра на белом поле; ее предводителем был Вильгельм Эльфенштейн, командор

Знамя епископа помезанского.

Грудзендза. Пятнадцатая — командорства и города Бальги, имела знаменем красного волка на белом поле.[112] Шестнадцатая — командорства и города Шонзее — имела знаменем две красные рыбы, изогнутые так, что они соприкасались ртами и хвостами, на белом поле; ее предводителем был Никлош Вильц, командор Шонзее. Семнадцатая хоругвь — города Кинсберга имела знаменем белого льва с желтой короной на голове, на красном поле; над ним помещен был черный крест на белом поле; ее предводителем был вице-маршал или вицекомандор кинсбергский. Восемнадцатая хоругвь — командорства Старогардского, имела на знамени четыре квадратных поля, частью черных, частью белых, расположенных крест-накрест. Ее предводителем был Вильгельм Ниппен, командор Старгарда.[113] Девятнадцатая хоругвь — командорства и города Тухоли, имела на знамени два поля — красное и белое, разделенные каждое посредине продольными черными чертами; ее предводителем был Генрих,[114] командор тухольский, спесь, ослепление и дерзость которого дошли до того, что, отправившись в этот поход, он приказывал, куда бы он ни шел, нести перед собой два обнаженных меча. Когда некоторые честные и скромные люди советовали ему не вести себя так надменно, то он обязался клятвой, что не вложит этих мечей в ножны, пока не обагрит их оба кровью поляков. Двадцатая хоругвь — замка и командорства нешавского, имела знаменем в средине белое поле, а с обеих сторон — черные; ее предводителем был Конрад Гоцфельд,[115] командор нешавский. Двадцать первая хоругвь — рыцарей и наемников из Вестфалии, имела на поле две скрещенных красных стрелы. Двадцать вторая — фогства и города Рогозьно, имела на белом поле три розы на красной косой полосе; ее предводителем был Фридрих Вед, рогозьненский фогт.[116] Двадцать третья — командорства и города Гданьска, имела на знамени два креста: именно один красный на белом поле и другой белый — на красном; ее предводителем был Иоганн Шоменфельд, командор гданьский.[117] Двадцать четвертая — командорства и города Энгельсберга (который по-польски зовется Копшиво), имела на красном поле изображение белого ангела с распростертыми



Знамя командора г. Грудзендза.

крылами и руками ее вел Бурхард Вобек, командор энгельсбергский. Двадцать пятая — командорства и города Бродницы, имела знаменем красного рогатого оленя на белом поле; ее предводителем был Балдуин Штолл,[118] командор бродницкий Двадцать шестая — замка Братиана и города Нове Място, имела знаменем три коричневых оленьих рога, соединенные в круг, на белом поле; ее предводителем был Иоганн фон Редере, фогт братианский. Двадцать седьмая — города Брунсберга, имела знаменем два креста, один белый на черном поле, другой — черный на белом. Двадцать восьмая — наемных рыцарей, имела знаменем две скрещенных стрелы одну заостренную, другую же без железного острия, а только с древком; та и другая — красные, на белом поле. Двадцать девятая — наемных рыцарей, имела знаменем белого волка на красном поле в ней состояли швейцарские воины, пришедшие на помощь магистру прусскому и Ордену собственным иждивением Тридцатая — командорства и города Ласина, иначе Ленкена, имела знамя в три поля: верхнее — красное, нижнее — черное, а среднее — белое; вел ее Генрих Кушечке фогт ласинский [119] Тридцать первая — командорства и города Члухова, имела на знамени в верхней части, на красном поле, изображение белого агнца божьего, держащего над собой одной ногой белое маленькое знамя; из груди его струится кровь в чашу; а в нижней части - только белое поле; вел ее Арнольд фон Баден, командор члуховский. Тридцать вторая — города Бартенштейна, имела знаменем белую секиру на черном поле. Тридцать третья — командорства и города Остероды; ее знамя составляли четыре квадратных поля, именно белые и красные, расположенные крест-накрест; ее вел Пенценгаун, остеродский командор [120] Тридцать четвертая — рыцарей Кульмской земли, имела на знамени красные и белые волны с черным крестом над ними ее вел граф Иоганн фон Зейн, командор торуньский. Тридцать пятая — командорства и города Эльбинга, имела на знамени два белых креста, один в верхней части, другой — в нижней, на красном поле;[121] вел ее Вернер Теттинген, командор эльбингский. Тридцать шестая — иноземных рыцарей из нижней Германии, имела знаменем широкую черную косую полосу на белом поле Тридцать седьмая — командорства и города Торуня, имела на знамени замок с тремя красными башнями и черными воротами с двумя открытыми желтыми створками, на белом поле; вел ее вице-командор торуньский Тридцать восьмая — собранная из рыцарей, прибывших с Рейна, имела знаменем на белом поле косую широкую черную черту Тридцать девятая — города Гнева, иначе, по-немецки, Меве, которую вел Иоганн граф фон Венде, командор гневский; [122] его подручными были жители и горожане Гневского округа; она была набрана из рыцарей, прибывших из Франконии; на ее знамени были две белых скрещенных стрелы на красном поле, одна заостренная, другая без железного острия, только с древком Сороковая — города, называемого Свента Секирка, по-немецки Хейльгебейт, имела знаменем на черном поле белую секиру. Сорок первая — командорства и города Брунсвика, имела знаменем на лазурном поле

красного льва с белыми полосами в трех местах, именно на груди, животе и на одной ноге, и с желтой короной на голове.[123] Сорок вторая — командорства и города Гданьска, имела в верхней части знамени красный крест на белом поле, в нижней — белый крест на красном поле, предводителем ее был вице-командор гданьский.[124] Сорок третья — состоявшая из рыцарей из Миснии, имела в верхней части знамени белый крест на красном поле, а в нижней — красный крест на белом поле. Сорок четвертая — командорства и города Щитно, имела знамя, разделенное наискось на белое и красное поле; вел ее Альберт фон Эчбор, командор Щитна, иначе Ортельсбурга. Сорок пятая — командорства и города Рагнеты, имела знаменем три красных клобука на белом поле, ее вел граф Фридрих фон Цоллерн, командор Рагнеты.[125] Сорок шестая — города Книпова, имела в верхней части знамени красную корону на белом поле, а в нижней части — белый крест на красном поле.[126] Сорок седьмая — состоявшая из ливонцев, имела знамя в три поля: верхнее светло-голубое, посредине — белое и нижнее — красное. Сорок восьмая — фогства и города Тчева, имела знаменем четыре белых и черных чередующихся поля, наподобие частокола; ее вел Матиас фон Беберах, тчевский фогт.[127] Сорок девятая — города Большого Ольштына, иначе Мельзак, имела знамя из трех полей: вверху — черное, посредине — белое и нижнее — красное.[128] Пятидесятая хоругвь — наемных рыцарей, имела знамя с четырьмя квадратными полями, двумя лазурными и двумя красными, расположенными крест-накрест. Пятьдесят первая — командорства и города Бранденбурга, имела знаменем красного орла на поле; ее вел Марквард фон Зальцбах, командор бранденбургский. Хоругвь же командорства и города Свеца, знамя которой состояло только из белых и красных полей, расположенных крест-накрест, не участвовала в настоящей битве, ибо командор свеценский Генрих фон Плауэн со всеми местными воинами и рыцарями Свеценского командорства был оставлен на месте, чтобы защищать Померанскую землю от нападения и опустошения, которого опасались со стороны Януша Бжозоглового из замка Быдгощи, так что командор свеценский со своей хоругвью и воинами не мог принять участия в битве.

ПОДКАНЦЛЕР УПРЕКАМИ УДЕРЖИВАЕТ ЧЕХОВ ОТ ОТПАДЕНИЯ

В этот день триста чехов-наемников без согласия и без ведома короля ушли было из королевского лагеря, неизвестно из страха ли, или подкупленные врагами. Встретив их уходящими, Миколай, подканцлер Польского королевства, следовавший за королевским лагерем, на вопрос, куда они направляются и по какой причине уходят, получил ответ, что король не производит им выплату выслуженного жалованья. «Я знаю, — сказал подканцлер, — что король Владислав щедро заплатил все, что вы выслужили, и даже прежде чем вы выслужили, так что побудила вас к вашему нынешнему уходу не обида, на которую вы должны бы были жаловаться прежде всего королю и его советникам, но страх и

малодушие, когда вы узнали, что у короля сегодня будет сражение с врагами». Эта резкая речь столь сильно задела и уязвила чехов, что они оставили мысль об уходе, и, возвратившись в покинутый ими королевский лагерь, вскоре поспешили на битву, чтобы вместе с королевскими рыцарями вступить в схватку с врагами.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ВЗОЙДЯ НА ХОЛМ, ОСМАТРИВАЕТ ВРАЖЕСКОЕ ВОЙСКО И ОТСЫЛАЕТ В ОБОЗНЫЙ ЛАГЕРЬ НЕСПОСОБНЫХ К СРАЖЕНИЮ

Закончив полностью свои молитвы, Владислав, король польский, уставший от просьб и криков уже не только великого князя Литвы, Александра, но и своих рыцарей, призывавших его вооружиться на битву, встает с колен, надевает вооружение, облачась с головы до ног в блестящие доспехи; тут его осаждают рыцари новыми, еще более громкими криками с требованием скорее подать знак к битве, ибо ничего не казалось им достаточно скорым. Хотя как польское, так и литовское войска, построенные в боевом порядке, вышли на бой, и вражеские силы стояли напротив, на расстоянии не более полета стрелы, при оружии и готовые к бою, и хотя между ними завязывались уже предварительные стычки в отдельных поединках, однако поляки считали противным чести вступить в бой с врагом, пока король не подал знака.

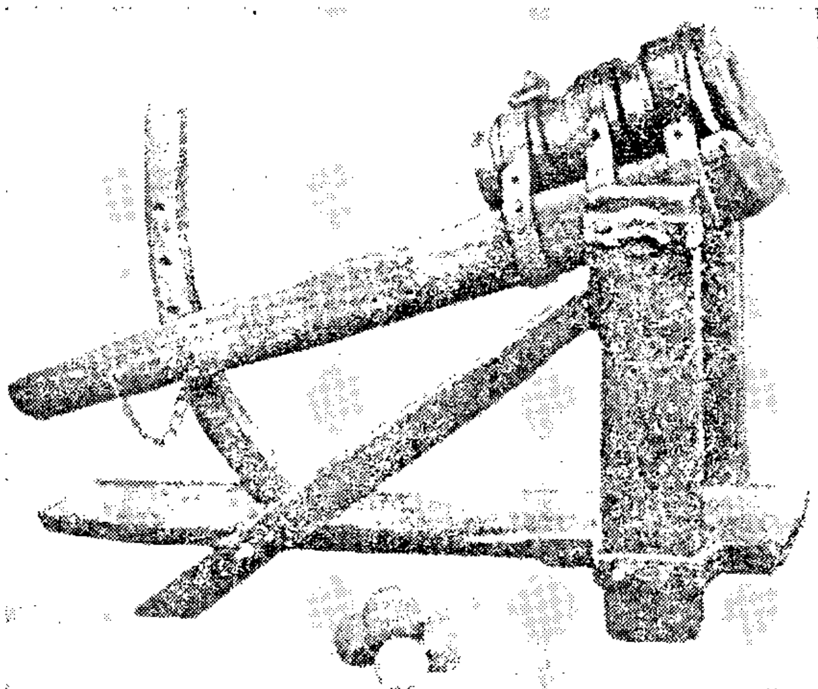
Польские рыцари непоколебимо решились или победить, или умереть. Прусское же войско не обладало такой твердостью духа, так как состояло из смешения воинов разных языков и народностей и, кроме того, из толпы ремесленников, слуг и обозной прислуги, бесполезных на войне.

Итак, король, облачившись в доспехи, сел на коня, и без всяких знаков королевского достоинства (за исключением того, что перед ним несли малого размера знамя с вышитым на нем белым орлом) проследовал на высокий холм, чтобы осмотреть вражеское войско; взойдя на вершину, находившуюся между двумя рощами, где была широкая поляна, откуда легко можно было полностью обозреть врагов, король, оценивая скорее на глаз, чем разумным расчетом, свои и вражеские силы, приходит то к радостным, то к грустным для себя предвидениям; насмотревшись вдоволь на численность вражеского войска, он спустился с холма и препоясал большое число поляков рыцарским поясом,[129] разжигая в них краткой, но веской речью боевой пыл и наставляя каждого в долге чести; затем король, как был, на коне, снова совершил исповедание грехов Миколаю, подканцлеру Польского королевства.[130] Затем, сменив коня, он сел на сильного и выносливого, выбранного из тысяч, мерина, рыжеватой, иначе czisawy, [131] масти, с маленькой и узкой лысинкой на лбу, и потребовал шлем. Взяв его и держа в руках, он велел Миколаю, подканцлеру королевства Польского, со всеми священниками и нотариями и прочей толпой невоенных людей, бесполезных в сражении, идти в обоз и ожидать его прибытия, которое последует, когда войско будет построено. Ибо по тайному и здравому суждению было решено, чтобы король не подвергал себя

опасности битвы, держась в обозе и лагере. И вот, исполняя решение своих советников, Владислав, король польский, велел подканцлеру Миколаю отправиться вперед в лагерь, подавая надежду, что и сам туда прибудет, чтобы не быть вынуждену и самому, если бы он не подал надежды, что и сам последует за ним, по настоянию советников удалиться к обозу.

ПРУССКИЙ МАГИСТР УЛЬРИХ, ОСМОТРЕВ СВОИ И ВРАЖЕСКИЕ ВОЙСКА, ПРОЛИВАЕТ СЛЕЗЫ, ВЫЗЫВАЯ ЭТИМ ПОРИЦАНИЕ ВЕРНЕРА ТЕТТИНГЕНА, КОМАНДОРА ЭЛЬБИНГСКОГО.

В это время магистр крестоносцев Ульрих фон Юнинген, увидя, что и королевские и его войска в великом множестве сошлись и стоят в боевом строю, по отрядам, готовые к сражению, устрашился и, сменив самонадеянность, которая обуяла его до дерзости, на тревогу, удалился в сторону и не только предался скорби, но даже дал волю обильно текущим слезам. Между тем такое поведение магистра очень не понравилось его командорам, толпа которых его окружала; эльбингский командор Вернер Теттинген, подойдя к нему, при всех стал попрекать, убеждая вести себя как мужчина, а не как женщина, и лучше подать пример мужества, чем малодушия своим рыцарям, ожидающим от него знака к битве. Без гнева снеся этот попрек, магистр Ульрих отвечает, что он пролил слезы, которые все видели, не по какой-либо робости или малодушию, а в силу своей набожности и истинной скорби о том, что именно при его магистерстве и правлении будет пролито столь много христианской крови, что даже тот, кто не станет очевидцем, сможет получить об этом представление. Он страшится также, как бы уже пролитая кровь и та, что сейчас будет пролита, не была бы взыскана с него, и поэтому он не в силах скрыть тревоги или скорби и горестных предчувствии. Он добавил также, что как муж решительный пойдет в битву без страха и в час испытаний будет тверд до конца, на чью бы сторону ни выпал жребий. А Вернер Теттинген пусть лучше смотрит за собой, заботясь лучше о себе и о своей особе, звании и положении; пусть он не мнит о себе и о своих силах столь надменно и высоко-



Бомбарда.

мерно, чтобы, когда наступит битва, не пасть с тем бо́льшим позором, чем надменнее он превозносится над прочими.

Это предостережение не было напрасно: ведь магистр Пруссии Ульрих пал, сражаясь грудью с врагом, почитая недостойным пережить поражение своего войска; Вернер же Теттинген, командор эльбингский (который позорно бежал с поля битвы и не мог остановиться в своем бегстве пока не достиг Эльбинга), станет для всех примером хвастливости и надменности, не оставшихся безнаказанными.

СПОКОЙНО ПРИНЯВ ЗАНОСЧИВОЕ ПОСОЛЬСТВО УЛЬРИХА, МАГИСТРА ПРУССИИ, И ПРИСЛАННЫЕ ИМ ДВА ОБНАЖЕННЫХ МЕЧА, КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ НАЗНАЧАЕТ СЕБЕ ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ И ПОВЕЛЕВАЕТ ДАТЬ ЗНАК К БИТВЕ.

Получив королевский приказ, Миколай, подканцлер Польского королевства, выступил было впереди короля к обозу; между тем, когда король уже хотел надеть шлем на голову и ринуться в битву, вдруг возвещают о прибытии двух герольдов; один из них нес знамя короля римлян, именно с черным орлом на золотом поле, а другой — князя щецинского, с красным грифом на белом поле. Герольды выступили из вражеского войска, неся в руках два обнаженных меча без ножен, требуя, чтобы их отвели к королю, и были приведены к нему под охраной польских рыцарей, во избежание оскорблений. Магистр Пруссии, Ульрих, послал их к королю Владиславу, чтобы побудить его немедленно завязать битву и сразиться в строю, прибавив к тому же еще и дерзостные поручения. Увидя герольдов и предполагая, что они, как это и было, пришли с каким-то новым и необычным посольством, Владислав, король польский, велел вызвать обратно подканцлера Миколая и выслушал объявление герольдов в присутствии его и некоторых вельмож, несших личную охрану короля, а именно: князя Мазовии Земовита младшего,[132] племянника по родной сестре короля, Яна Менжика из Домбровы, чеха Золавы, секретаря Збигнева из Олесницы,[133] Добеслава Кобылы, Волчка Рокуты, Богуфала, начальника кухни, Збигнева Чайки из Новодвора, носителя королевского копья, носителя малого знамени Миколая Моравца и Данилки из Руси, носителя королевских стрел; ввиду того, что великий князь Литвы Александр спешил на бой и был занят построением своих войск, вызвать его не удалось. Оказав королю подобающее уважение, послы изложили на немецком языке цель своего посольства, причем переводил Ян Менжик таким образом: «Светлейший король! Великий магистр Пруссии Ульрих шлет тебе и твоему брату (они опустили как имя Александра, так и звание князя) через нас, герольдов, присутствующих здесь, два меча, как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дольше, затягивая сраженье и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоего строя, то магистр Пруссии, Ульрих, чтобы выманить тебя в бой, готов

отступить, насколько ты хочешь от ровного поля, занятого его войском; или выбери любое Марсово поле, чтобы дольше не уклоняться от битвы».[134]

Так сказали герольды. И в самый момент этого объявления замечено было, что войско крестоносцев, в подтверждение сказанного герольдами, отступило на значительное расстояние, чтобы видно было, что оно на деле подтверждает достоверность заявления герольдов. Это заявление было, конечно, глупым и не подобающим набожности крестоносцев: как будто бы им было ведомо, что успех находится в их власти и что́ кому судьба определит в этот день. Владислав же, король Польши, выслушав дерзкое и заносчивое посольство крестоносцев, принял мечи из рук герольдов и, без всякого раздражения и негодования, а со слезами, без какого-либо осуждения, но с удивительным, как бы небесным смирением, терпением и скромностью дал герольдам ответ: «Хотя у меня и моего войска достаточно мечей и я не нуждаюсь во вражеском оружии, однако ради большей поддержки, охраны и защиты моего правого дела и эти посланные моими врагами, жаждущими моей и моего народа крови и истребления два меча, доставленные вами, я принимаю во имя бога и прибегну к нему, как к справедливейшему карателю нестерпимой гордыни, к его матери, деве Марии, и заступникам моим и королевства моего, святым Станиславу, Адальберту, Венцеславу, Флориану и Ядвиге.[135] Я буду молить их обратить гнев свой на них, как на столь же дерзких, сколь и нечестивых врагов; ведь врагов моих нельзя утишить и умиротворить ни справедливостью, ни смирением, ни предложениями моими, пока они не прольют кровь, не растерзают утробу и не наденут нам на шею ярма. На надежнейшей защите божией и его святых и их поддержке и заботе покоится моя уверенность, что они поддержат меня и мой народ силами своими и своим заступничеством и не допустят, чтобы я и народ мой были повержены столь лютыми врагами, у которых столь часто я искал мира. И в настоящий момент я не отверг бы мира, если бы он был возможен на справедливых условиях; я отвел бы даже теперь занесенную для битвы руку, если бы даже видел в этих двух мечах, принесенных вами, явное небесное знамение, предвещающее мне победу в бою. Выбора же поля битвы я для себя не требую и не притязаю на это, но как подобает христианину, человеку и королю, установление его я предоставляю божественной воле, чтобы получить то место для сражения и тот исход войны, какие будут определены божественной милостью и счастьем нынешнего дня; я уверен в том, что всевышний положит ярости крестоносцев конец, которым и ныне и на будущее время укрощена будет их столь нечестивая и нестерпимая гордыня, ибо я твердо знаю, что вышние силы будут стоять за правое дело. Поле, на котором мы стоим и где нам предстоит сразиться, Марс, равный для обеих сторон, и справедливый судия подавят и унизят великую, превозносящуюся до небес гордыню моих врагов, по упованию моему, что бог окажет помощь мне и моему народу в предстоящей битве». (Упомянутые два меча, дерзостно посланные крестоносцами в помощь польскому королю, хранятся и по сей день в королевской сокровищнице в Кракове,

служа всегда новым и неувядающим напоминанием на будущее время о дерзости и поражении одной стороны и о смирении и торжестве другой.)

Сказав это и передав герольдов под охрану рыцаря Дзивиша Мажацкого, герба Елита, а подканцлеру снова велев следовать в лагерь, король надевает шлем на голову и во имя господа приказывает войску выступать и дать сигнал к бою, а рыцарям начинать сражение. Король призывает и молит всевышнего обратить свой гнев на крестоносцев, как на нарушителей договоров и людей безбожной гордыни, презирающих всяческую справедливость, а доблесть его рыцарей воодушевить и поддержать, ибо кротчайший король даже под скрежет и звон оружия и под резкие звуки труб стремился к справедливому решению, готовый отставить все орудия войны, лишь бы заключить мир на справедливых условиях. Однако, выслушав оскорбительное и заносчивое посольство крестоносцев, король отказался от этой мысли; он отложил всякую надежду на мир, которую хранил до этого часа, считая тщетным свое старание при том, что крестоносцы всюду трубили о своей великой гордыне. Это был, бесспорно, наилучший король, побеждавший врагов своих не столько мечом, сколько кротостью и справедливостью, сражаясь больше церковными службами и молитвой, чем оружием. Так положено было и по зрелом обсуждении решено, чтобы Владислав, король польский, не становился ни в какую определенную хоругвь, под каким бы знаменем она ни была; главнейшей заботой в тот день было всячески охранять его жизнь, и было дано весьма ясное распоряжение, чтобы сам король держался в удаленном и надежном месте, неизвестном не только врагам, но даже своим, огражденный свитой и отборной охраной войска из телохранителей и рыцарей. Были поставлены также в разных местах быстрые кони, сменяя которых король мог бы избегнуть опасности в случае победы врагов, потому что короля одного оценивали в десять тысяч рыцарей. В отряде королевских телохранителей было (как мы упомянули выше) маленькое знамя с белым орлом в качестве герба; его знаменосцем был Миколай Моравец из Куношовки, герба Повала. Сам же отряд телохранителей состоял из шестидесяти рыцарей-копьеносцев.[136] Главными королевскими телохранителями были следующие: Земовит младший, князь Мазовии, сын Земовита старшего, племянник короля по родной сестре; Федушко, иначе Феодосий, литовский князь,[137] со значительным отрядом воинов, и Сигизмунд-Корибут, литовский князь, племянники короля по отцу: эти три князя были его родственниками. Кроме того, при короле были Миколай, подканцлер королевства Польского, герба Тромба, впоследствии гнезненский архиепископ; Збигнев из Олесницы, герба Дембно, впоследствии краковский епископ и кардинал; Ян Менжик из Домбровы, герба Вадвиц, впоследствии воевода леопольский; Ян Золава, чешский барон, герба Товачов; Бенян Веруш из Бялы, главный королевский спальник, герба Веруша; Генрих из Рогова, герба Дзялоша, впоследствии подскарбий Польского королевства; [138] Збигнев Чайка из Новодвора, герба Дембно, который нес королевское копье; Петр Мадаленский, герба, имеющего два

плужных лемеха, повернутых спинками друг к другу на голубом поле, называемого по-польски...; [139] чех Ян Сокол и многие другие. Александр же Витовт, великий князь Литвы, предоставивший охрану своей жизни и свободы одному богу, скакал, разъезжая по всему как польскому, так и литовскому войску, часто сменяя лошадей, с немногими спутниками, но без всяких телохранителей; князь восстанавливал во многих местах расстроенные ряды литовского войска, и возобновлял бой, и громким криком и возгласами до самого конца всячески, но тщетно удерживал своих от бегства.

ПОЛЯКИ И КРЕСТОНОСЦЫ СХОДЯТСЯ, И ПРОИСХОДИТ ЖЕСТОЧАЙШАЯ БИТВА.

Лишь только зазвучали трубы, все королевское войско громким голосом запело отчую песнь «Богородицу», а затем, потрясая копьями, ринулось в бой. Войско же литовское, по приказу князя Александра, не терпевшего никакого промедления, еще ранее начало сражение. Уже Николай, подканцлер королевства Польского, направляясь вместе со священниками и нотариями в королевский лагерь и проливая обильные слезы, повернул в сторону, потеряв из виду короля, когда один из нотариев предложил ему несколько приостановиться и дождаться столкновения столь могучих войск, — зрелища, конечно, редкостного, какого никогда потом не увидеть! Согласившись на его предложение, Николай обратил лицо и взоры на завязавшееся сражение. В это самое время оба войска подняв с обеих сторон крик, который обычно издавали, устремляясь в бой, сошлись посреди разделявшей их равнины, причем крестоносцы после по крайней мере двух выстрелов из бомбард старались разбить и опрокинуть польское войско; однако усилия их были тщетны, хотя прусское войско бросилось в бой с более сильным натиском и криком и с более высокого места. На месте столкновения стояло шесть высоких дубов; на ветви их взобралось много людей (неизвестно — из королевского войска, или из войска крестоносцев), чтобы видеть сверху столкновение передних рядов и успехи того и другого войска. Когда же ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение, и такой резкий лязг мечей, что его отчетливо слышали люди на расстоянии даже нескольких миль. Нога наступала на ногу, доспехи ударялись о доспехи, и острия копий направлялись в лица врагов; когда же хоругви сошлись, то нельзя было отличить робкого от отважного, мужественного от труса, так как те и другие сгрудились в какой-то клубок и было даже невозможно ни переменить места, ни продвинуться на шаг, пока победитель, сбросив с коня или убив противника, не занимал место побежденного. Наконец, когда копья были переломаны, ряды той и другой стороны и доспехи с доспехами настолько сомкнулись, что издавали под ударами мечей и секир, насаженных на древки, страшный грохот, какой производят молоты о наковальни, и люди бились, давимые конями; и тогда среди сражающихся самый отважный Марс мог быть замечен только по руке и мечу.

ЛИТОВЦЫ, ПОКАЗАВ ТЫЛ, БЕГУТ ДО САМОЙ ЛИТВЫ.

Сойдясь друг с другом, оба войска сражались почти в течение часа с неопределенным успехом; и так как ни то, ни другое войско не поддавалось назад, с сильнейшим упорством добиваясь победы, то нельзя было ясно распознать, на чью сторону клонится счастье или кто одержит верх в сражении. Крестоносцы, заметив, что на левом крыле против польского войска завязалась тяжелая и опасная схватка (так как их передние ряды уже были истреблены), обратили силы на правое крыло, где построилось литовское войско; войско литовцев имело более редкие ряды, худших коней и вооружение, и его, как более слабое, казалось, легко было одолеть. Отбросив литовцев, крестоносцы могли бы сильнее ударить по польскому войску. Однако их расчет не вполне оправдал надежды. Когда среди литовцев, русских и татар закипела битва, литовское войско, не имея сил выдерживать вражеский натиск, оказалось в худшем положении и даже отошло на расстояние одного югера;[140] когда же крестоносцы стали теснить сильнее, оно было вынуждено снова и снова отступать и, наконец, обратилось в бегство. Великий князь литовский Александр тщетно старался остановить бегство побоями и громкими криками. В бегстве литовцы увлекли с собой даже большое число поляков, которые были приданы им в помощь. Враги рубили и забирали в плен бегущих, преследуя их на расстоянии многих миль, и считали себя уже вполне победителями. Бегущих же охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство, только достигнув Литвы; там они сообщили, что король Владислав убит, убит также и Александр, великий князь литовский, и что, сверх того, их войска совершенно истреблены. В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство,[141] и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптано в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками; и только они одни в войске Александра Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и геройство в сражении;[142] все же остальные, оставя поляков сражаться, бросились врассыпную в бегство, преследуемые врагом. Александр же Витовт, великий князь литовский, весьма огорчаясь бегством своего войска и опасаясь, что из-за несчастной для них битвы будет сломлен и дух поляков, посылал одного за другим гонцов к королю, чтобы тот спешил без всякого промедления в бой; после напрасных просьб князь спешно прискакал сам, без всяких спутников, и всячески упрашивал короля выступить в бой, чтобы своим присутствием придать сражающимся больше одушевления и отваги.

РЫЦАРИ ЧЕШСКИЕ И МОРАВСКИЕ, ИЗ ТРУСОСТИ ИЛИ ПО УМЫСЛУ СВОЕГО НАЧАЛЬНИКА ЯНА САРНОВСКОГО, УХОДЯТ ИЗ РЯДОВ ВОЙСКА В БЛИЖАЙШИЙ ЛЕС, ЗАТЕМ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В БОЙ ИЗ-ЗА УПРЕКОВ ПОДКАНЦЛЕРА, А ИХ НАЧАЛЬНИК ТЕРЯЕТ ВОИНСКУЮ ЧЕСТЬ.

В то же время обратилась в бегство также и хоругвь святого Георгия на королевском крыле, в которой служили только чешские и моравские наемники и которую дали вести чеху Яну Сарновскому. Со всеми чешскими и моравскими воинами хоругвь ушла в рощу, где Владислав, король Польши, жаловал верных воинов рыцарской перевязью, и стояла в этой роще, не думая возвращаться в бой. Подканцлер Польского королевства Миколай заметил ее, но счел не за чешскую, а за хоругвь рыцаря Добеслава из Олесницы и его рода и семьи (ибо белый крест, изображенный на их хоругви, имел некоторое сходство с белым крестом, который носил в качестве герба на знамени Добеслав из Олесницы). Охваченный великим негодованием, подканцлер выбегает из королевского лагеря вместе с нотариями и священниками и прибывает к самому месту стоянки хоругви, и, считая, что там находится Добеслав из Олесницы, обращает к нему брань и укоры в таких словах: «Как ты мог, неверный и бессовестный рыцарь, обратиться в позорное бегство в то время, как кипит битва за твоего короля и твой народ, а твои соратники яростно сражаются, находясь в крайней опасности? И тебе не стыдно укрываться в этом лесу и прятаться, уклоняясь от сражения, тебе, который некогда так часто одерживал победы в личных поединках, благодаря твоей исключительной телесной силе. Подобает ли это твоей чести? Ты пятнаешь себя и весь твой род столь безмерным преступлением, что не найдешь никогда достаточно сильнодействующих вод, чтобы смыть его». Сильно задетый такой речью, упомянутый знаменосец, чех Ян Сарновский, полагая, что она обращена к нему, подняв забрало своего шлема, ответил вице-канцлеру Миколаю: «Не страхом и не своей волей, почтенный отец, но натиском и потоком бегущих из сражения и стоящих под моим знаменем я занесен сюда». Однако стоявшие под знаменем чешские и моравские рыцари — Явор, Сигизмунд, Раковец из Ракова и другие — сказали: «Свидетельствуем тебе, достойный муж, что нас погнал в этот лес с поля битвы этот негодяй, наш начальник, и чтобы никто не осудил нас за преступное бегство, мы возвращаемся в бой, покинув нашего начальника и знамя, которое он несет». Сказав это, они немедленно покидают Яна Сарновского и знамя и сколь возможно быстрее возвращаются на поле сражения и присоединяются к рядам польских рыцарей.[143] Упомянутый же чех Ян Сарновский лишился с того времени чести, так что даже его собственная жена, по возвращении его из королевства Польского после битвы, упорно не желала принимать его ни в замок, ни на ложе, ставя ему в вину подлое бегство. Под тяжестью таких оскорблений и укоризн он прожил недолго и угас, зачахнув от постоянной тоски и печали. Ведь измена и малодушие, обнаруженные им в тот день в отношении Владислава, короля польского,

когда этот рыцарь добровольно бежал с поля битвы, дошли до всеобщего сведения и стали известны и при дворе Сигизмунда, короля венгерского, и среди чешских и моравских баронов; этот поступок нельзя было ничем изгладить, смыть или стереть из памяти даже с течением времени. А совершилось ли бегство и отпадение упомянутого Яна из малодушия или он был подкуплен золотом крестоносцев, в точности неизвестно.

ПОЛЯКИ СНОВА ВОДРУЖАЮТ ЗНАМЯ, УПАВШЕЕ ПОД НАТИСКОМ ВРАГОВ. ПРУССАКИ, ВОЗВРАТИВШИСЬ ПОСЛЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИТОВЦЕВ, ВОЗОБНОВЛЯЮТ БИТВУ, И ОДНОГО ИЗ НИХ, КОТОРЫЙ СО ВСЕЙ СИЛОЙ УСТРЕМИЛСЯ НА КОРОЛЯ, УБИВАЕТ БЕЗОРУЖНЫЙ ЗБИГНЕВ ИЗ ОЛЕСНИЦЫ, КОРОЛЕВСКИЙ НОТАРИИ.

После того как литовское войско обратилось в бегство и страшная пыль, застилавшая поле сражения и бойцов, была прибита выпавшим приятным небольшим дождем, в разных местах снова начинается жестокий бой между польским и прусским войсками. Между тем как крестоносцы стали напрягать все силы к победе, большое знамя польского короля Владислава с белым орлом (которое нес Марцин из Вроцимовиц, хорунжий краковский, рыцарь герба Полукозы) под вражеским натиском рушится на землю. Однако благодаря весьма опытным и заслуженным рыцарям, которые состояли при нем и тут же задержали его падение, знамя подняли и водрузили на место; если бы отборный отряд храбрейших рыцарей не встал около него грудью, защищая его своими телами и оружием, то знамя не удалось бы снова водрузить. Чтобы загладить это унижение и обиду, польские рыцари в яростном натиске бросаются на врагов и всю ту вражескую силу, которая сошлась с ними в рукопашном бою, опрокинув, повергают на землю и сокрушают. Между тем возвращается войско крестоносцев, преследовавшее бегущих литовцев и русских; ведя с собой множество пленных и держа себя победителями, крестоносцы, очень довольные, спешат в прусский лагерь. Но, видя, что бой принимает неблагоприятный оборот для их оружия и сил, они бросают пленных и добычу и скачут в бой на подмогу своим, которые к тому времени сражались уже менее охотно. С подходом новых воинов борьба между войсками становится ожесточенной. И так как с обеих сторон пало множество воинов и войско крестоносцев понесло тяжелые потери рыцарями, а к тому же его отряды смешались и предводители их были перебиты, то появилась надежда, что оно обратится в бегство. Однако, благодаря упорству крестоносцев Ордена и рыцарей чешских и немецких, замиравшее уже было во многих местах сражение снова возобновилось.

В то время как битва между тем и другим войсками еще продолжала кипеть, Владислав, король польский, стоял, наблюдая издали мужество сражавшихся; возложив упование на милость божью, король молча ожидал бегства и окончательного разгрома врагов, которые, как он видел, в нескольких местах были уже опрокинуты и повержены. Между тем в сражение вступили шестнадцать свежих вражеских хоругвей (под столь-

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

...ЛТИЙСКОЕ МОРЕ

ПОМЕРАНИЯ (ПОМОРЬЕ)

ВАРМИЯ

Гданьск

Пассарга

Эльбинг (Эльблонг)

Тчев

МАРИЕНБУРГ

Старгард

Моронг

Дзежгонь

Гнев

Остерод (Оструда)

Хойницы

Члухов

Тухоля

Гогенштеин (Ольштынек)

Висла

Танненберг

Грюнвальд

Грудзендз

Братнан

Кужентник

Домбровно

Свеце

Кульм (Хелмно)

Радзин

Высокая

Короново

Бродницы

Дзялдово

ЗЕМЛЯ КУЛЬМСКАЯ

Лютерберг (Лидзбарк)

Быдгощь

Нотець

Торунь

Древенца

ЗЕМЛЯ ДОБЖИНСКАЯ

ЗЕМЛЯ МИХАЛОВСКАЯ

Рыпин

Бендзино

МАЗОВЕЦКОЕ

Злоторыя

Ежово

Дрезденко

Липно

Юнивладиславия (Иновроцлав)

Бобровники

Раценж

Вкра

КУЯВЫ

Радзейов

Брест-Куявский

Жохово

Плоцк

Гчезно

Висла

Червинск

КНЯЖЕСТВО

ВАРШ...

Познань

Козлово

ВЕЛИКАЯ ПОЛЬША

Варта

Бзура

Ловичь

Ленчица

Сеймицы

Высокиницы

Любохня

Ка...

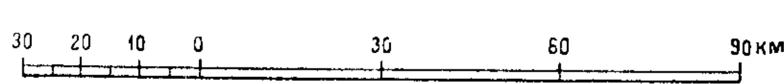
ВОЛЬБОЖ

Вроцлав (Вратислав)

Одер (Одра)

МАЛАЯ ПОЛЬША

Новый гор...



КРАКОВ

кими же знаменами), целых, еще не испытавших военного счастья; повернув ряды в сторону, где стоял король Польши только с телохранителями, они, казалось, устремились на него, потрясая копьями. Король же, полагая, что вражеское войско бросилось на него в расчете на малочисленность его охраны, и страшась крайней опасности, отправляет Збигнева из Олесницы, своего нотария, к расположенным поблизости воинам, стоявшим под знаменем дворцовых рыцарей; король приказывает спешно идти на помощь, чтобы отвратить грозную опасность, которой подвергнется жизнь их короля, если они не подоспеют достаточно быстро. Но и эта хоругвь как раз собиралась вступить в бой. Поэтому королевский рыцарь Миколай Келбаса, герба Наленч, один из стоявших под этим знаменем, обнажив саблю против королевского вестника, нотария Збигнева, грозным голосом бранит его, приказывая удалиться. «Разве ты не видишь, несчастный, что на нас нападают враги, а ты понуждаешь нас, оставив предстоящее сражение, идти на защиту короля! Что же это — как не бежать из строя и, отступая, подставлять спину врагу, чтобы когда наши силы будут сломлены, подвергнуть нас и короля явной опасности?» Получив отпор такими упреками, Збигнев из Олесницы уходит из дворцовой хоругви, в середину которой он зашел; тотчас же королевские воины сходятся с врагом и, сражаясь с величайшим мужеством, теснят и опрокидывают его. Между тем Збигнев из Олесницы, возвратившись к королю, сообщает, что все рыцари пойдут в сраженье и добавляет, что те, кто сражается или собирается вступить в бой, не могут принять ни совета, ни приказания. К прочим же хоругвям, ведшим бои, сказал королю Збигнев, он не подходил, так как из-за шума и суматохи они не могли бы принять ни совета, ни повеления. Тогда малое королевское знамя, которое носили за королем, с белым орлом на красном поле в качестве герба, из осторожности унесли, чтобы не выдать пребывания здесь короля, и спрятали по распоряжению королевских телохранителей; короля же Владислава заслонили конями и людьми, обступившими его, чтобы не догадались, что он там стоит. Король Владислав стремился в бой с большим пылом и давал коню шпоры, порываясь ринуться в самую гущу врагов, так что его с трудом удерживали обступившие телохранители. Из-за этого чеха Золаву, одного из телохранителей, слишком грубо схватившего королевского коня за узду, чтобы он не мог ехать дальше, король ударил концом своего копья, но не сильно; король требовал пустить его в бой, пока его не отговорили и не удержали просьбами и решительным сопротивлением все телохранители, заверявшие его, что они пойдут на любую крайность, прежде чем это произойдет. Между тем рыцарь прусского войска, немец родом, которого звали Диппольд Кикериц фон Дибер, из Лузации, с золотой перевязью, в белом тевтонском плаще (который по-польски мы называем jakka),[144] с ног до головы облаченный в доспехи, выскочил на рыжей лошади из рядов большой прусской хоругви (находившейся в числе упомянутых шестнадцати); затем подскакав к самому месту, где стоял король, и потрясая копьем на виду всего вражеского войска,

стоявшего под шестнадцатью знаменами, казалось, собирался напасть на короля. Между тем король Владислав, стараясь отразить его нападение, и сам взмахнул копьем; Збигнев из Олесницы, королевский нотарий, без доспехов и безоружный, предупредив удар, грозивший королю, обломком копья поразил рыцаря в бок, сбросив его с коня на землю. Король Владислав ударил врага, который беспомощно бился лежа на спине, копьем в лоб, открытый своротенным вверх шлемом, не причинив вреда; охранявшие короля рыцари тут же убили врага, а пешие воины сняли с него оружие и доспехи. Мог ли кто-нибудь совершить в той битве что-либо более удачное? Конечно, не было совершено ничего более мужественного, ничего более отважного, чем подвиг Збигнева; ведь он отважился без оружия и доспехов напасть на вооруженного с головы до ног, юноша — на мужа, и притом еще неопытный воин — на заслуженного рыцаря; обломком копья он преодолел длиннейшее копье и, сбросив грозного врага с коня, отвратил не только от своего короля, но и от целого войска опасность, которая могла возникнуть в случае ранения или смерти короля. Телохранители короля наперерыв стали превозносить перед королем отвагу Збигнева, и Владислав, польский король, выразил сильное желание отличить его, опоясав рыцарской перевязью в награду за этот славный подвиг. Однако благородный юноша не допустил, чтобы король отличил и облек его такой честью; он возразил королю Владиславу, собиравшемуся возложить на него знаки рыцарского достоинства, что он подлежит зачислению в ряды не светского воинства, а церковного; и он предпочитает навсегда остаться лучше воином Христовым, чем короля земного и смертного. Тогда король Владислав сказал: «В этом ты избрал лучшую долю. И если я останусь жив, я не премину выдвинуть тебя для облечения высшим духовным саном, чтобы вознаградить твой подвиг». И с этого времени король еще больше полюбил Збигнева, оказывая ему перед всеми исключительное благоволение и милость; затем, по прошествии времени, взысканный милостью короля, он возведен был в сан епископа краковского, после того как совершенная тогда погрешность, поставленная ему на вид, была отпущена папой Мартином пятым.[145]

ПОСЛЕ РАЗГРОМА И РАССЕЯНИЯ ПРУССАКОВ ИХ ЛАГЕРЬ ПОДВЕРГАЕТСЯ РАЗГРАБЛЕНИЮ, НАЙДЕННЫЕ ТАМ ОКОВЫ, УГОТОВАННЫЕ ПОЛЯКАМ, НАЛАГАЮТСЯ НА ШЕЮ ВРАГОВ, ВИНО ИЗ РАЗБИТЫХ ПО ПОВЕЛЕНИЮ КОРОЛЯ БОЧЕК, СМЕШАННОЕ С КРОВЬЮ УБИТЫХ, ТЕЧЕТ КРАСНЫМ ПОТОКОМ

Отряд крестоносцев, стоявший под шестнадцатью знаменами (из которого скорее опрометчиво, чем с дерзновенной отвагой, выехал мисненский рыцарь Кикериц,[146] чтобы напасть на короля), видя, что упомянутый рыцарь Кикериц убит, тут же начал поворачивать назад, при этом один крестоносец, ведший хоругви, сидя на белом коне, понуждал копьем находившихся под знаменами рыцарей к отступлению, крича по-немецки: «Herum, herum!» [147] И, повернув, отряд поехал в правую сторону, где

стояла большая королевская хоругвь, уже разгромившая врагов, с некоторыми другими королевскими хоругвями. Бóльшая часть королевских рыцарей, увидев войско под шестнадцатью знаменами, сочла его за вражеское (как это и было), прочие же, склонные по слабости человеческой надеяться на лучшее, приняли его за литовское войско из-за легких копий, иначе сулиц, которые в нем имелись в большом количестве, и поэтому не сразу напали на этот отряд, стоя в нерешительности; между тем среди них нарастал спор о возникшем сомнении. Желая его разрешить, Добеслав из Олесницы, рыцарь герба Крест, который называется Дембно, один погнал коня на врага, потрясая копьем; против него выехал из прусского войска крестоносец, ведший конные хоругви и пешие отряды, и, поскакав навстречу Добеславу, ехавшему на него, отбил кверху копье, направленное Добеславом, своей метательной сулицей, пропустив копье над головой. Так как сперва Добеслав Олесницкий метнул копье, которого крестоносец избежал одним небольшим отклонением и опущением головы, — даже подняв свое копье вверх, — и тем увернулся от удара Добеслава, пытавшегося его поразить. Добеслав же, видя, что промахнулся и считая безрассудным сражаться со всем вражеским отрядом, поспешно поскакал назад, к своим. Крестоносец погнался за ним, пришпорив коня, и, в свою очередь размахнувшись, пустил гибельное копье в Добеслава и нанес коню Добеслава сквозь покрытие (которое мы называем kropyerz)[148] рану в бедро, однако не смертельную; затем он ускакал, чтобы не быть в свою очередь захваченным польскими рыцарями, и присоединился к своим.[149] Тогда польские ряды, отбросив одолевавшее их сомнение, под многими знаменами обрушиваются на стоявших под шестнадцатью знаменами врагов (к ним сбежались и другие уцелевшие из хоругвей, разбитых под другими знаменами) и сходятся с ними в смертельном бою. И хотя враги еще некоторое время оказывали сопротивление, однако, наконец, окруженные отовсюду, были повержены и раздавлены множеством королевских войск; почти все воины, сражавшиеся под шестнадцатью знаменами, были перебиты или взяты в плен. Когда этот вражеский отряд был разбит и повержен и стало известно, что в нем пали великий магистр Пруссии Ульрих, маршалы Ордена, командоры и все виднейшие рыцари прусского войска, то остальная масса врагов повернула назад и, раз показав тыл, обратилась уже в явное бегство; Владислав, король польский, и его войско одержали, хотя и позднюю и трудную, но полную и несомненную победу над магистром и Орденом крестоносцев. Тогда-то рыцарь Георгий Керцдорф, который в войске крестоносцев нес знамя святого Георгия, предпочел лучше честно сдаться в плен, чем постыдно бежать, и, пойдя с сорока соратниками навстречу польскому рыцарю Пшедпелку Копидловскому, герба Дрыя, преклонив колена к земле и сдав знамя, был взят в рыцарский плен, как он и просил о том. Захвачены были также в плен и оба князя, которые с собственными воинами и под своими знаменами участвовали в сражении на стороне крестоносцев: Казимир Щецинский — Скарбком из Гур, а Конрад Белый

Олесницкий — чехом Иоштом из Зальца. Кроме того, взяты были в плен и многие другие рыцари разных войск и народностей. Бо́льшая же часть рыцарей, которая разбежалась из прусского войска и искала защиты в прусском обозе при стане, подверглась нападению королевских воинов, ворвавшихся в прусский обоз и стан; они были перебиты или захвачены в плен; и вражеский стан, полный разного добра, обоз, и все имущество прусского магистра и его войска также были разграблены польскими рыцарями. При этом в крестоносном войске было найдено несколько телег, нагруженных только оковами и цепями, которые крестоносцы везли с собой, чтобы заковывать пленных поляков, предвещая себе, не испросив божьего соизволения, верную победу и помышляя не о битве, а о торжестве; найдены были и другие телеги, нагруженные сосновой лучиной, смазанной жиром и смолой, и, сверх того, обернутой в пропитанные жиром и смолой тряпки, чтобы (при наступлении темноты) с помощью их преследовать побежденных и бегущих; при этом крестоносцы наперед возомнили в своей спесивой уверенности в победе, не считаясь с могуществом божьим, будто они совершат дело, которое находилось в руках божьих. Однако этими цепями и оковами сами они были связаны поляками, ибо праведный бог попрал их самонадеянность. То было дело, достойное созерцания, и зрелище удивительное для оценки судьбы дел человеческих: свои же оковы и цепи сковали собственных господ, а вражеские повозки, превышавшие количеством несколько тысяч, в течение четверти часа были разграблены королевским войском так, что от них не осталось даже и малейшего следа. Было, кроме того, в прусском стане и в обозе много бочек с вином, к которым королевское войско после разгрома врагов, утомленное сражением и летним зноем, сбежалось было, чтобы утолить жажду; некоторые рыцари для утоления жажды черпали вино шлемами, другие перчатками, иные даже сапогами. Но Владислав, король польский, из опасения, чтобы войско его, опьяненное вином, не стало бесполезным, так что в случае нападения его легко мог бы победить даже слабый враг, и чтобы от чрезмерного питья на него не напали болезнь и бессилие, велел разбить и уничтожить бочки с вином. Когда они по приказу короля были разбиты, вино полилось на трупы павших, которых на месте вражеского стана были немалые кучи, образуя в смешении с кровью убитых людей и коней красный поток; было видно, как он протекал до луга селения Тамберга,[150] образуя своим течением русло и берега наподобие дождевого потока. От этого, говорят, возник повод для распространения в народе выдумок и басен, будто в этом сражении было пролито столько крови, что она текла как поток. Затем в небольшой роще, засаженной деревьями (которые мы называем multicoraces),[151] недалеко отстоявшей от вражеского стана, было найдено семь вражеских знамен, брошенных беглецами и только воткнутых в землю как бы на ее попечение; их немедленно доставили к королю. Командор тухольский Генрих, который требовал, чтобы перед ним носили два меча и никакими добрыми советами его нельзя было отговорить от этой спеси, был настигнут преследователями

в то время, когда, позорно бежав с поля битвы, добрался до селения Вельгнова; он был жалким образом умерщвлен отсечением головы и понес злосчастную, правда, но заслуженную кару за свою безрассудную гордыню.

Некоторым же благочестивым и богобоязненным людям и тем, кому было даровано это узреть по божьему соизволению, видим был в воздухе во время битвы некий почтенного вида муж в епископском облачении, непрерывно благословлявший польское войско, пока шла битва и пока победа не склонилась к полякам. Считают, что это был блаженнейший Станислав, епископ краковский, покровитель поляков и первомученик, предстательством и помощью которого поляки, как известно, одержали столь славную победу.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БЕГУЩИХ ВРАГОВ ПОЛЯКАМИ И ЧИСЛО ПЛЕННЫХ И УБИТЫХ.

Разграбив вражеский обоз, королевское войско подошло к холму, где раньше находился привал и стан врагов, и увидело много конных отрядов и клиньев обращенных в бегство врагов, сверкавших на солнце доспехами, в которые почти все они были одеты. Пустившись по собственному почину преследовать их и вступив в какие-то зыбкие луга, королевское войско бросилось на врагов. Затем, преодолев сопротивление немногих смельчаков, остальных рыцарей (по приказанию короля стараться не пускать в ход оружия) привели невредимыми, без насилия и увечья. Тогда Владислав, король польский, велел рыцарям по данному знаку преследовать бегущих, но при этом, насколько возможно, избегать резни. Преследование растянулось на много миль, и лишь немногие спаслись, успев убежать; большинство же было захвачено и также приведено в стан, где победители обошлись с ними милостиво, на следующий день передав их королю. Множество врагов захлебнулось в суматохе и давке в пруду, отстоявшем в двух милях от поля битвы. Наступившая ночь прекратила преследование.

В этой битве пало пятьдесят тысяч врагов, взято в плен было сорок тысяч.[152] рыцарских знамен было захвачено, как сообщают, пятьдесят одно; победители весьма обогатились, завладев вражескими доспехами. Хотя трудно, я думаю, точно подсчитать, сколько пало врагов, но известно, что дорога на протяжении нескольких миль была устлана телами павших, земля пропитана была кровью убитых и самый воздух оглашался стонами и воплями умирающих.

ДВА БРАТА ОРДЕНА КРЕСТОНОСЦЕВ ЗА ДЕРЗКИЕ СЛОВА, НАГЛО БРОШЕННЫЕ ВИТОВТУ, КНЯЗЮ ЛИТОВСКОМУ, НАКАЗАНЫ ИМ СМЕРТЬЮ ПРОТИВ ВОЛИ КОРОЛЯ

Когда королевское войско по приказу короля пустилось преследовать бегущих врагов, король польский Владислав, взойдя на возвышенный холм, расположился там, чтобы наблюдать зрелище дальнейшей удачи, которое являл тот день: преследованием и отводом пленных врагов поль-

скими рыцарями. Там короля встретил впервые после победы великий князь литовский Александр. Во все время битвы князь действовал среди польских отрядов и клиньев, посылая взамен усталых и измученных воинов новых и свежих и тщательно следя за успехами той и другой стороны. Он сообщил как большую и приятную новость, что в сражении захвачены двое братьев Ордена крестоносцев, а именно Маркվард фон Зальцбах, бранденбургский командор, и Шумберг; эти крестоносцы во время свидания между упомянутым Александром, великим князем Литвы, и магистром и Орденом близ Ковно на реке Немане оскорбили обидными и грязными словами упомянутого князя Александра и его родительницу, говоря, что она-де была не особенно целомудренна. Князь добавил, что он решил наложить на них подобающее им наказание, казнив их отсечением головы. Владислав же, польский король, не возгордился счастьем победы, но со своим обычным милосердием и скромностью запретил упомянутому князю Александру учинять какое-либо наказание захваченным и сдавшимся в плен врагам: «Не подобает, — сказал он, — дорогой брат, проявлять жестокость к врагам, которых мы одолели в бою не нашей доблестью, но соизволением милостивого бога; не следует мстить пленным за наши обиды и оскорбления, но, справив благодарственное молебствие всевышнему богу за дарованное торжество, надлежит проявлять к несчастным побежденным всяческую кротость и милосердие. Ведь довольно и того, что по справедливому божьему приговору мы уже обуздали и покарали их, и теперь нам надлежит пощадить тех, кого пощадили сила и военное счастье». Князь литовский Александр последовал бы королевским увещеваниям, если бы его снова не раздражили, побудив привести в исполнение задуманную месть, дерзкие, заносчивые и надменные речи упомянутых крестоносцев Шумберга и Маркварда. Упомянутый князь Александр, оскорбленный словами людей, которые, находясь в плену, осыпали его угрозами, считая недостойным вести скромные речи и просить прощения, велел их обезглавить в следующее же воскресенье, в двадцатый день июля, в стане около Моронга, причем король польский Владислав ничуть не препятствовал князю. Когда Александр-Витовт указывал крестоносцу Маркварду на теперешнее его положение и участь, браня за оскорбительные слова о своей матери, Марквард, забыв о своей доле и о давнем гневе князя, которого ему бы следовало смягчить кроткими словами, раздражил князя. Он весьма заносчиво сказал князю: «Ничуть не страшусь я теперешней участи; успех склоняется то на ту, то на другую сторону; переменится счастье и подарит нас, побежденных, завтра тем, чем вы, победители, владеете сегодня». Оскорбленный такими словами, слишком дерзкими для пленника, великий князь Витовт, хотя и не замышлял против него никакой жестокости, велел отправить командоров Маркварда и Шумберга на казнь. Многие обвиняли Маркварда за то, что он, нуждаясь в милосердии, возбудил гнев и ненависть; я же не берусь разбираться, правильно или неправильно поступил князь Александр, излив ярость на сдавшихся в плен крестоносцев.

ВО ВРЕМЯ ОТДЫХА ПОЛЬСКОГО ВОЙСКА, КОГДА ГОЛОС ГЛАШАТАЯ ПРИЗЫВАЛ СОВЕРШИТЬ БОГОСЛУЖЕНИЕ, ПРИХОДИТ ИЗВЕСТИЕ, ЧТО УБИТ МАГИСТР ПРУССИИ УЛЬРИХ

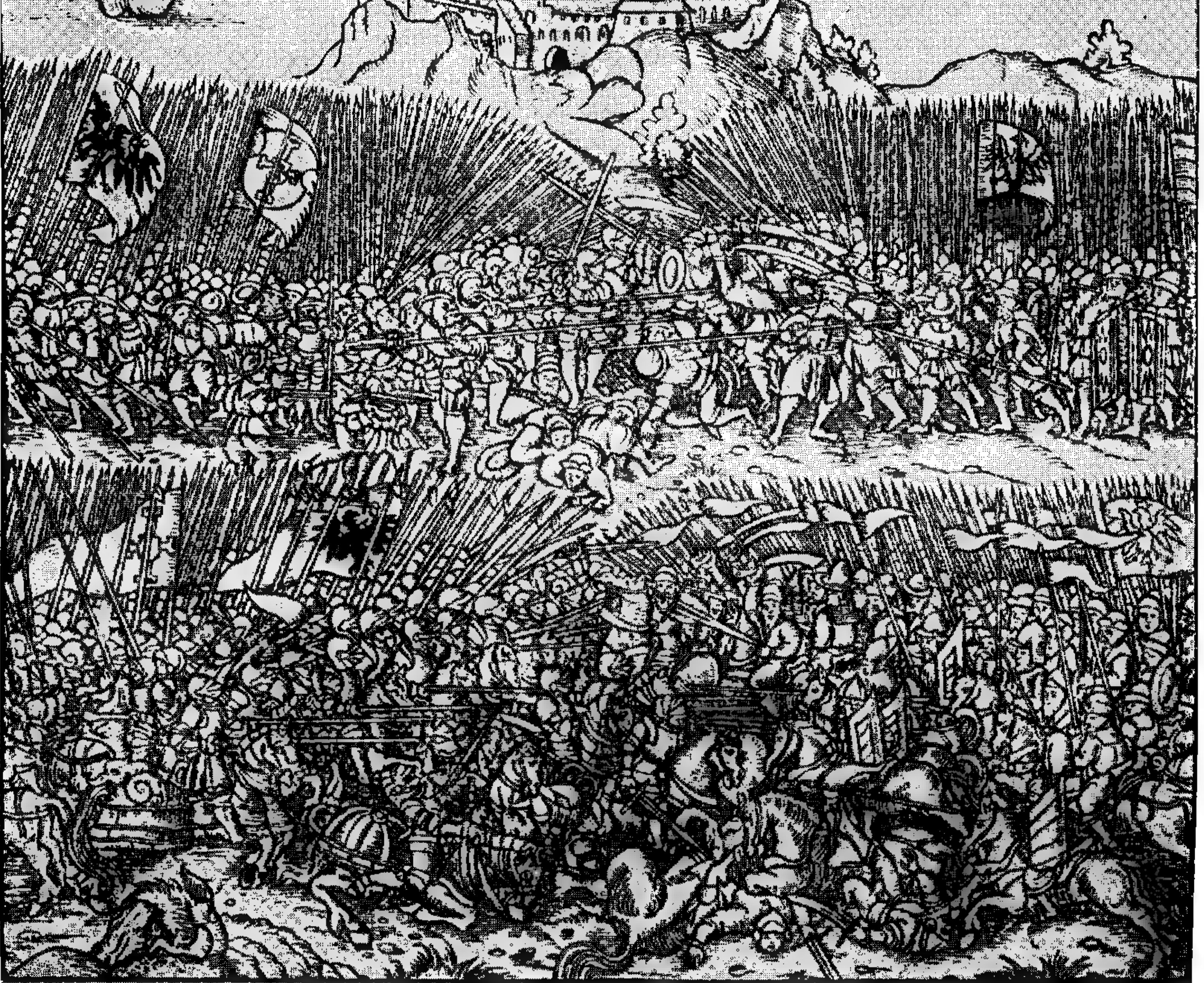
Солнце клонилось к западу, когда Владислав, король Польши, покинул холм, на котором стоял некоторое время, и место битвы; пройдя расстояние в четверть мили по направлению к Мариенбургу, причем за ним следовал многочисленный обоз, король разбил стан над озером; туда собралось и все войско, возвратясь после преследования врагов. Все были охвачены общей безграничной радостью, потому что, одержав над гордым и сильным врагом великую и на много веков достопамятную победу, возвратили родину в руки всевышнего бога, спасши ее от жестокого и беззаконного вторжения и захвата крестоносцами, а самих себя — от неминуемо угрожавшей гибели или пленения.

Всю следующую ночь возвращались после преследования врагов королевские воины с пленными и добычей без числа и сдавали пленных и вражеские знамена королю, в ту ночь бодрствовавшему и наблюдавшему за караулами; он приказывал стеречь их до завтрашнего дня. Когда же пришли в стан у упомянутого озера, король Владислав сошел с коня и усталый от трудов и жары расположился на покой, пока устраивали шатер, в тени кустов желтой ежевики, на ложе из ветвей клена, имея при себе одного только нотария Збигнева из Олесницы. От громких криков, которые король издавал во время битвы, убеждая и возбуждая рыцарей к бою, голос его стал до того хриплым, что в этот и на следующий день с трудом можно было понять его слова, и то только вблизи. Когда же установили шатер, король вступил в него и только тогда, впервые сняв доспехи, велел поскорее приготовить обед; ведь ни король, ни войско его в тот день не отведали никакой пищи и голодали все до самого вечера, и лишь с заходом солнца король и войско принялись за еду. При заходе солнца выпал дождь, продолжавшийся всю ночь, и много раненых из того и другого войска, королевского и прусского, оставленных на поле боя, которые могли бы выжить, если бы их оттуда вынесли и ухаживали за ними, погибло от холода. Затем по распоряжению короля, в начале ночи, королевский глашатай Богута объявляет приказ всему войску собраться на следующий день к королевской часовне прослушать торжественное богослужение и воздать благодарение всевышнему богу за дарованную победу; знамена же и пленных немедленно представить королю или своим начальникам и должностным лицам; в приказе значилось также, что и следующий день будет проведен на той же стоянке. Между тем Мщуй из Скшинна принес известие Владиславу, польскому королю, что Ульрих, великий магистр Пруссии, убит; в доказательство смерти магистра он показал королю Владиславу нагрудный золотой ковчежец со святыми мощами, который слуга упомянутого Мщуя, по имени Юрга, снял с убитого. Король Владислав с тяжким вздохом и стоном прослезился, дивясь повороту счастья и судьбы, или скорее человеческого высокомерия. «Вот, — сказал он, — о мои рыцари, сколь мерзостна гордыня пред богом;

тот, кто вчера хотел подчинить своей власти многие страны и королевства, кто считал, что не найдется равного ему по могуществу, повержен и лежит без всякой помощи своих сподвижников, убитый самым жалким образом, свидетельствуя, сколь гордыня ниже смирения». Отверзая затем уста во славу создателя, король сказал: «Слава тебе, всемилостивый боже, который смирил, поразив, гордого, и десницей доблести своей сломил врагов моих и ныне прославил десницу свою на мне и на народе моем».

СВОЕЙ МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ ПОЛЯКИ УПУСКАЮТ СЛУЧАЙ ЗАВОЕВАТЬ МАРИЕНБУРГСКИЙ ЗАМОК

Между тем, как одни королевские советники, рассудив, решили, чтобы Владислав, король польский, со всем своим войском провел на месте битвы три дня, как победитель, другие возражали и по весьма здравым соображениям и основаниям настоятельно требовали без всякого промедления, ночью и днем, быстрым походом двигаться на Мариенбург. Если бы король не отверг этот совет, как бесполезный, но, произведя отбор, послал бы лучшие войска и как можно скорее двинул их на осаду Мариенбургского замка, то легко завоевал бы главный замок, пока сердца защитников его были охвачены ужасом и горестью; он овладел бы мирным путем, не прибегая к оружию, также и остальными, которые немедленно сдались бы. Этот совет оказался бы не только разумнее по замыслу, но и удачным по исходу; ведь когда в замке Мариенбург стало известно о разгроме, то все охранявшие замок (а их было немного) пришли в смятение от великого страха; если бы король на другой или третий день после победы подступил с войском к замку, его защитники помышляли бы скорее о сдаче, чем о сопротивлении. И хотя бы Владислав, король польский, и его советники тщательнее это предложение обсудили! Но охваченные радостью великого дня и полагая, что с войной покончено, они не последовали совету, который должен был по всем основаниям быть самым мудрым; ведь природа отказалась даровать им оба блага, именно и проницательность, и счастье, и вот оказалось, что король и советники не сумели воспользоваться ни одержанной победой, ни удобным моментом и благоприятным случаем, ибо если бы после разгрома сил крестоносцев король-победитель сразу же двинул победоносное войско на осаду и приступ Мариенбургского замка, то без сомнения это принесло бы величайшую пользу его делу, а ему лично — славу завершения войны. Как величайшую ошибку короля оценивали опытные в военном деле люди также и то, что он пренебрежительно отверг совет послать рыцарей для захвата крепости Мариенбурга. Это было бы легко сделать, пока она стояла почти пустой, лишенная защитников, до прихода туда Генриха фон Плауэна, командора Свеца, с отрядом; в особенности же пока вся охрана крепости, к тому же немногочисленная, потеряв голову от только что пережитого страшного разгрома, была охвачена сильным трепетом, впав в оцепенение. Произошло ли это потому, что, предавшись радости, в упоении настоящим, поляки сочли за лучшее заниматься захватом



Грюнвальдская битва.
(Из Хроники" М Бельского Изд. 1597 г).

добычи и пленением врагов, чем завоевывать крепости; либо потому, что они в своем большинстве полагали справедливым и законным пребывать три дня на месте торжества; либо потому, что, как известно из опыта и по природе вещей, никому обычно не дается в удел полного счастья; либо же, наконец, это могло случиться по той причине (как я склонен скорее полагать), что некий высший жребий, щадя тогда Орден крестоносцев, сохранил такую возможность до более подходящего времени, предназначенного для завоевания Мариенбургской крепости.

КОРОЛЬ ЗАБОТИТСЯ О ПОГРЕБЕНИИ МАГИСТРА ПРУССИИ И ПРОЧИХ, ПАВШИХ В БОЮ, КАК СВОИХ, ТАК И ВРАГОВ. ВЕРНЕР ТЕТТИНГЕН БЕЖИТ С ПОЛЯ БИТВЫ

В среду, на другой день после дня рассеяния апостолов, шестнадцатого июля, после дождя воссиял ясный день, и Владислав, король Польши, немедленно, на рассвете же, велел отыскать среди трупов тела прусского магистра Ульриха, маршала, командоров и прочих знатных особ павших в бою, чтобы предать их с подобающими почестями церковному погребению; ведь король почитал одинаково славным и победить врага и проявить милосердие к нему в несчастье и поражении. Труп магистра Пруссии Ульриха с двумя ранами (одной — в лоб, другой — в сосок) был доставлен королю Болеминским, жителем Кульмской земли, одним из пленников, которому было поручено это дело (ибо он был наиболее близок, как оказалось, среди всех к прусскому магистру); были доставлены также труп маршала Фридриха Валлероде, труп великого командора Конрада Лихтенштейна и трупы командоров Иоганна фон Зейна торуньского, графа Иоганна фон Венде мевского и Арнольда фон Баден члуховского. Рассматривая их, а также одеяние и раны, от которых они пали, король не произнес ни одного слова порицания или оскорбления и не проявил насмешки или злорадства; а напротив, с залитым слезами лицом он скорбел по своей доброте об их гибели; затем велел обернуть их чистой тканью и отправить на телеге, покрытой пурпуром, в Мариенбург для погребения.[153] Тела же других командоров и знатных и благородных особ он распорядился похоронить в деревянной приходской церкви в Тинбарге,[154] раненых, которые могли еще выздоровсть, король приказал лечить, полагая, что получит больше славы от победы и возбудит меньше зависти, если украсит ее в глазах всех добродетелью умеренности. Выказывая этим поведением двоякую милость к побежденным своей любезностью и лаской, король Владислав явил величайший пример мягкости и обходительности не только в глазах собственных народов, но также врагов и чужеземных народов: победу свою он более украсил в надлежащей мере справедливостью и скромностью, чем отравил желчью зависти.

В той же церкви были погребены и тела павших в польском войске, которых отыскивали и находили родные и друзья; и победителям оказано было не более пышное погребение, чем побежденным. Еще живых раненых

как из польского, так и из прусского войска привезли в стан, где им предоставили всевозможный уход и лечение.

После подсчета стало известно, что в королевском войске пало только двенадцать знатных рыцарей; среди них можно выделить следующих: Якубовского, герба Роза, и Имрама Чулицкого, герба Червня. Поэтому поистине достойно удивления, что при столь малых потерях среди польских рыцарей было разгромлено столь сильное и многочисленное войско, причем все выдающиеся рыцари в войске крестоносцев были перебиты или взяты в плен. Вернер Теттинген, командор эльбингский, противник мира, бежал с поля битвы, забыв о своих заносчивых словах (как ему и предсказал командор мевский, граф фон Венде); проезжая через стан крестоносцев, он не решился никому довериться и свое бегство прекратил, только достигнув Эльбинга. Затем, покинув Эльбинг, он смешался с толпой беглецов в Мариенбурге. Командор же мевский, граф фон Венде, раненный в грудь, был найден павшим на поле битвы.

По моему суждению, Владислав, король Польши, более достойно и славно поступил бы, если бы не отправлял в Мариенбург тела магистра, маршала и командоров Пруссии, а повелел похоронить их в какой-нибудь из соборных, монастырских или приходских церквей своего королевства: так его славная победа сияла бы все новым блеском от постоянного их лицезрения.

КОРОЛЬ ПРИГЛАШАЕТ НА ПИР СВОИХ ВЕЛЬМОЖ И ДВУХ ПЛЕННЫХ ВРАЖЕСКИХ КНЯЗЕЙ

Затем в королевской часовне (где были и хоры, и шатер наподобие церкви) совершались громогласно церковные службы, слушать которые собралось все польское войско. Первой была совершена обедня благословенной владычице нашей Марии, вторая — святому духу и третья — пресвятой троице, на других же алтарях совершались обедни за упокой душ усопших, убитых накануне. Шатер часовни со всех сторон был обставлен вокруг вражескими знаменами и хоругвями; они были принесены для осмотра польскими рыцарями и прикреплены к часовне; развернутые и распущенные знамена от легкого дуновения ветра издавали сильный шум. В тот же день Владислав, король польский, устроил великое пиршество, на которое пригласил и обильно угощал как собственных князей и вельмож, именно Александра, великого князя литовского, Януша и обоих Земовитов, старшего и младшего мазовецких, так и пленных — князей Конрада Белого олесницкого, Казимира щецинского и прочих более знатных (ибо упомянутые два князя, Конрад Белый олесницкий и Казимир щецинский, были взяты в плен, сражаясь на стороне крестоносцев): однако со стороны короля им был оказан прием и проявлено более ласковое обхождение, чем это соответствовало их положению пленных. Их легко отпустили на свободу, хотя их злодейское деяние требовало бы достойного возмездия.

Между тем венгерские бароны Николай де Гара и Сциборий из Сцибожиц, находясь в Мариенбургском замке, вместе с оставленными для защиты замка крестоносцами Ордена, проявляли чрезвычайное беспокойство об исходе предстоящей вскоре битвы и о том, кому выпадет успех. В это время туда прибыл бежавший с поля боя, усталый и запыхавшийся человек, который на распросы венгерских баронов, откуда он пришел и с какими новостями, ответил, что спешно прискакал из стана магистра Пруссии и что Владислав, король Польши, победил прусского магистра в великой сече; он добавил, что все крестоносное войско уничтожено. Между тем как венгерские бароны старались яснее понять, каким порядком началась битва и как она окончилась, крестоносцы, охранявшие Мариенбургский замок, перехватив это донесение и изменив его, распустили слух, что между польским и прусским войсками еще не дошло до общего столкновения, а происходили лишь отдельные стычки. Но когда венгерские бароны выехали за ворота замка, внезапно прибыл отряд беглецов с поля битвы, которые подтвердили первое сообщение о поражении. Один из них был рыцарь Петр Свинка, некогда хорунжий добжинский, который еще до начала войны перешел от Владислава, короля Польши, к магистру Пруссии; он рассказал полностью весь ход сражения, приведший к победе короля и поражению крестоносцев. Когда свита Сцибория из Сцибожиц (почти все они были поляки) при этой новости возликовала в безмерной радости, Сциборий, как муж предусмотрительный, велел хранить эту благую весть про себя. Когда же она разгласилась и стала общим достоянием, он запретил своей свите выражать радость, пока они находятся в стенах прусского замка. Крестоносцам, находившимся в Мариенбурге, победа Владислава, короля польского, сначала показалась столь невероятной, что первого вестника о поражении крестоносцев они сочли не только лжецом, но чуть ли не сумасшедшим. Потом, когда прибывавшие один за другим утверждали одно и то же, они, наконец, поверили. Сердца их исполнились горести и уныния, и все они обратили свои помыслы на то, чтобы покинуть замок Мариенбург, используя для бегства любой подходящий случай. И если бы Владислав, король польский, одержав победу, быстрым переходом приступил к Мариенбургу (как ему весьма предусмотрительно и здраво советовали некоторые), то без всякого ущерба и опасности для себя и войска он в первый же день по прибытии овладел бы замком, который сдался бы или легко был бы взят приступом. Ибо крестоносцы, духовные и светские, и прочие защитники Мариенбургского замка, как безумные, бегали по дворам, домам и горницам много дней и ночей, предаваясь плачу и скорбным жалобам; и так как всеми защитниками овладел трепет и помыслы о бегстве, то замок был бы сдан, если бы кто-нибудь приложил усилия вырвать его из рук людей, охваченных трепетом [. . .]

ПОСЛЕ ПОДСЧЕТА ПЛЕННЫХ ОДНИХ ПОЛЯКИ ОТПУСКАЮТ НА СВОБОДУ, СВЯЗАВ КЛЯТВЕННЫМ ОБЕЩАНИЕМ, ДРУГИХ ЖЕ ОТДАЮТ ПОД СТРАЖУ, КОРОЛЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЛИТОВСКИЙ ОСМАТРИВАЮТ ТРУПЫ УБИТЫХ, В ПОЛЬШУ ПОСЫЛАЮТ РАДОСТНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЕ.

После проведенного с большой торжественностью королевского пиршества всем рыцарям был отдан приказ сдать пленных и построить их на одной открытой со всех сторон равнине. Там Владислав, король польский, разместил отдельно шестерых нотариев для переписи имен, рода и положения пленных. Итак, пленных приводили и представляли сначала королю, затем — нотариям: отдельно — крестоносцев Ордена, отдельно — прусских рыцарей, отдельно — кульмских, отдельно — ливонских, отдельно — жителей прусских городов, отдельно — чехов, отдельно — моравов, отдельно — силезцев, отдельно — баварцев, отдельно — мисненцев, отдельно — австрийцев, отдельно — рейнцев, отдельно — швабов, отдельно — фризов, отдельно — лужичан, отдельно — тюрингенцев, отдельно — поморян, щецинцев, кашубов,[155] саксонцев, франконцев, вестфальцев Ведь столько народов и племен собралось в великом множестве, чтобы уничтожить народ и самое имя поляков! И хотя каждая из упомянутых народностей была представлена большим количеством воинов, однако чехи и силезцы превосходили числом остальных. Итак, после отделения каждой народности подходил королевский нотарий и, приказав всем встать в круг, сам, стоя в середине, записывал их имена, звания, должности, положение и происхождение. Когда все полностью были переписаны, пришли двое королевских вельмож — Збигнев из Бжезя, маршалок Польского королевства, и Петр Шафранец, краковский подкоморий; каждого пленного в отдельности они обязали новым обещанием и новой клятвой в том, что, верные рыцарскому слову и чести, они явятся лично в ближайший день святого Мартина в Краковский замок к ленчицкому воеводе Яну Лигензе из Пиецлав, краковскому судье Яську из Олесницы и к подстаросте краковскому Пшедборию из Пшеход. После принятия пленными этого обязательства Владислав, польский король, проявил не свойственную для победителя умеренность: почти всем, за исключением немногих пленных, разрешил уйти под простое рыцарское слово; князей же Казимира щецинского и Конрада олесницкого, а также Кристофера Керцдорфа, чеха Венцеслава Дунина и всех крестоносцев Ордена он задержал, распределив по королевским замкам: в Ленчицу, Серадзь, Хенцины, Люблин, Сандомеж, Леополь, Пшемысль и другие, повелев тщательно стеречь и смотреть за ними. В промежутке, пока переписывали пленных, Владислав, король Польши, сев на коня, проехал с братом своим, великим князем Литвы Александром, на место битвы, посмотреть на павших; при этом рыцарь Болемшиский давал объяснения и показывал их королю, хотя король и сам узнавал некоторых, в особенности графа фон Венде, и опознавал трупы павших и поверженных. После осмотра король только в сумерки вернулся в стан Оттуда он отправил нарочным гонцом спальника своего

Миколая Моравца, герба Повала (из селения Куношувка близ Ксёнжа), в Польское королевство с посланием, объявлял супруге своей, королеве Анне, а также Миколаю Куровскому, архиепископу гнезненскому, и вельможам, охранявшим Краковский замок,[156] университету[157] и краковскому городскому совету,[158] что он учинил великую сечу с крестоносцами, одержав великую победу; король повелевал также отслужить богу благодарственные молебствия во всех храмах. Во свидетельство же победы и радостных событий гонец Моравец вез с собой по повелению короля хоругвь епископа помезанского, с гербом, изображавшим святого Иоанна Крестителя в образе орла. По прибытии его в Краков и объявлении о победе короля, весь город огласился великим ликованием и радостью и славословиями богу в церквах и всю ночь в ознаменование радости сиял огнями. Когда затем весть о торжестве распространилась по всему Польскому королевству, все города и села Польши оглашались ликующими кликами людей, праздновавших в безмерной радости счастливую победу.

ГОРОД ГОГЕНШТЕЙН С ЗАМКОМ СДАЕТСЯ КОРОЛЮ; ОТ ЕПИСКОПА ВАРМИЙСКОГО ПРИБЫВАЕТ К КОРОЛЮ ПОСЛАНЕЦ, УМОЛЯЯ ПОЩАДИТЬ ЦЕРКОВНОЕ ИМУЩЕСТВО.

В четверг, в день святого Алексия, семнадцатого июля, король польский Владислав, освободив и отпустив всех пленников, число которых, как считали, превысило сорок тысяч, одаривает их с королевской щедростью пищей и одеждой в дорогу; кроме того, он дает пленникам надежных провожатых, чтобы довести их до ближайшего города Остероды. Затем король выступает со своим войском и, дойдя до замка и города Гогенштейна, располагается станом. Замок и город Гогенштейн отдались во власть короля, который пожаловал их в держание Яну Кретковскому, герба Доленга. Этой-то умеренностью, милостями и кротостью, проявленными королем Владиславом к пленным и побежденным, он, думается, еще блистательнее воспользовался результатом победы; он снискал величайшую награду и величайшую хвалу за свою доброту, освободив закованных и несчастных пленников, вместо того чтобы изливать на них ярость. В тот же день приехал к королю посланец епископа вармийского Иоанна[159] с просьбой считать его самого и имущество его епископата сданными королю и не позволять опустошений и поджогов. Но король, отвечая посланцу, отказался выполнить просьбы епископа и отдать такое распоряжение, так как и сам посланец сочтен был человеком, не заслуживающим доверия; однако король сказал, что не отвергнет просьбы, если епископ явится сам лично для того, чтобы сдаться и сдать свое имущество.

КОМАНДОР СВЕЦЕНСКИЙ ГЕНРИХ СПАСАЕТ МАРИЕНБУРГ, СОЗДАВ ВЕСЬМА МОЩНУЮ ОБОРОНУ

Генрих, командор Свеца, узнав, что магистр крестоносцев Ульрих фон Юнинген убит и все его войско разбито и что дела Ордена находятся в угрожающем положении, принял самое здравое решение. Чтобы избежать

Прибыв через Каменец, Кобрин и Ляски в Холмскую землю своего коро-
25 XII левства, день рождества Христова он проводит в Любомле, где соору-
жает всего за один день деревянную приходскую церковь для проживав-
ших там католиков, обеспечивает ее содержанием и поручает освятить ее
Григорию, епископу владимирскому, иначе луцкому,[25] брату Ордена
проповедников. Потому-то в ту зиму Владислав, король Польши, и от-
ложил свою обычную поездку в Литву, так как Александру, великому
князю Литвы, было бы затруднительно заботиться об устройстве поме-
щений для короля и распоряжаться отправкой всего необходимого для
войны; но и королю Польши Владиславу нужно было позаботиться в своем
Польском королевстве о многом, и это не позволило ему, как обычно,
направиться в Литву [...]

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1410

ВЛАДИСЛАВ КОРОЛЬ ПОЛЬСКИЙ, ОКАЗЫВАЕТ ГЕРМАНУ, ГРАФУ КИЛИЙСКОМУ, ЛЮБЕЗНЫЙ ПРИЕМ

Справив праздник рождества Христова в Любомле, Владислав, король
польский, отъезжает в Любохню, Тур, Шацко и Ратно и возобновляет
занятия охотой, запасая мясо настигнутых зверей для прусской войны
Из Холмской земли король проследовал в Парчов, затем в Люблин,
30 I Казимеж, Сецехов, и в четверг перед мясопустом прибыл в Козеницы,
чтобы встретить приехавшую туда из Кракова королеву Анну;[1] а из Ко-
2 II зениц к мясопусту уехал в Едльню. Туда к нему прибыл двоюродный
(по отцу) брат королевы Анны, Герман, граф килийский,[2] чтобы посетить
короля Владислава и сестру свою, королеву Анну. В его присутствие,
соответственно своему достоинству и достоинству королевства, Владислав
назначил придворное празднество и распорядился устроить различные
рыцарские состязания, развлечения и пляски. Упомянутого же Германа,
графа килийского, Владислав, король польский, содержал при своем
дворе, обильно снабдив его всем необходимым; при отъезде же из Едльни
в Ильжу, Опатов и Сандомеж отпустил графа, обласкав и одарив в Сан-
домеже по-королевски подарками большой ценности. При этом посред-
ничество и уговоры этого графа убедили и побудили короля провести
вместе с двоюродным братом своим, великим князем литовским Александ-
ром, личное свидание с Сигизмундом, королем Венгрии,[3] в Кежмарке

ПОСЛЫ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА, КНЯЗЕЙ МАЗОВИИ И АЛЕКСАНДРА, ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКОГО, ВЫСМЕЯВ НЕСПРАВЕДЛИВОЕ ТРЕТЕЙСКОЕ РЕШЕНИЕ КОРОЛЯ ВЕНЦЕСЛАВА, ПОКИДАЮТ ПРАГУ.

С приближением срока, когда Венцеслав, король римлян и Чехии,
своим третейским решением должен был прекратить разногласия короля
Владислава с магистром и Орденом крестоносцев, в Прагу направляются

СДАВШИЙСЯ ЗАМОК ПРУСМОРК КОРОЛЬ ОТДАЕТ В УПРАВЛЕНИЕ МРОЧКУ ИЗ ЛОПУХОВА

В воскресенье, перед праздником святой Марии Магдалины, двадцатого июля, король, выступив с войсками из Моронга, остановился на отдых, расположив стан у селения и озера Чолпе, близ замка Прусморка. Туда прибыло к королю много крестоносцев Ордена, оставленных для защиты этого замка. Смиренно умоляя короля о пощаде, они передают ему замок Прусморк; король же назначает его в держание Мрочку из Лопухова, герба Ласки, рыцарю Великой Польши. Но так как, по рассказам, в этом замке были спрятаны некоторые замечательные и ценные вещи и много сокровищ, то король послал в замок Прусморк своего нотария Яна Соху, герба Наленч, наблюдать за Мрочком в замке и составить список всех вещей и ценностей замка. Когда Ян Соха, проверив упомянутого Мрочка и переписав вещи, возвращался, его убили по дороге (свои или враги, осталось неизвестно) со всеми сопровождавшими. Упомянутому рыцарю Мрочку предъявили тяжкое обвинение в том, что он подстроил это убийство, чтобы из донесения Яна королю не стало известно состояние описанных вещей и сокровищ замка Прусморка. Во время ведения королем осады Мариенбурга был наряжен суд над Мрочком по обвинению его братьями и родственниками убитого Яна Сохи в убийстве; но Мрочек оправдался, принеся рыцарскую клятву.

ПОЛЯКИ ОВЛАДЕВАЮТ ЗАМКОМ ДЗЕЖГОНЕМ, ПОЛНЫМ ВСЕВОЗМОЖНЫХ ЗАПАСОВ, НО ПОКИНУТЫМ ЛЮДЬМИ, И УВОЗЯТ ОТТУДА В ПОЛЬШУ СТАТУИ

В понедельник, в день святой Праксебы, двадцать первого июля, Владислав, король Польши, выступив с войском, расположился станом над озером Долстат, вблизи города и замка Дзежгоня. Во вторник же, в день святой Марии Магдалины, двадцать второго июля, он подошел к замку и к городу Дзежгоню. Вступив беспрепятственно в замок (так как братья Ордена и прочие, оставленные для его охраны, услышав о приближении короля, в сильном страхе разбежались из замка), король нашел там горячие кушанья, накрытые обеденные столы, а также кладовые и погреба, полные вина, овса, пива, рыбы, мяса и всякого рода иного продовольствия; кроме того, там был найден склад одежды (на немецком языке траппария), полный пурпурных и дорогих тканей и одеяний, подобающих Ордену крестоносцев, из которого король щедро одарил рыцарей. С разрешения короля все королевское войско набрало себе всего в изобилии как из предметов одежды, так и продовольствия, найденного в замке Дзежгоне, нагрузив на свои повозки пиво, вино, мясо, рыбу, хлеб и прочие припасы. В тот день король прослушал обедню в замке Дзежгоне, но и следующий день, именно среду, двадцать третьего июля, он тоже провел там. Прекраснейшие же статуи, все вырезанные из дерева, которые нашли в замковой часовне, он распорядился отвезти в ко-

ролевство Польское и принес в дар сандомежской церкви святой Марии краковской епархии вместе с серебряным, позолоченным крестом, взятым позднее в Бродницах. Все это в сандомежской церкви сохраняется и по сей день в качестве памятного дара на вечную славу.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, НЕ ПРИДАВ ЗНАЧЕНИЯ ПОСЛАНЦАМ КОМАНДОРА ГЕНРИХА ФОН ПЛАУЭНА, НАПРАВЛЯЕТСЯ С ВОЙСКОМ К МАРИЕНБУРГСКОМУ ЗАМКУ.

В четверг, накануне дня святого апостола Иакова, двадцать четвертого июля, Владислав, король Польши, отдав замок Дзежгонь во власть и управление маршалку Збигневу из Бжезя, выступил с войском и расположился станом на полдороге между Мариенбургом и Дзежгонем, над селением и озером Старытаргом. Туда явились к королю два рыцаря из Мариенбургского замка и просили предоставить безопасный проезд посланцам Генриха фон Плауэна, которые прибудут в большом числе; но король ответил, что по милости божьей он завтра сам прибудет в Мариенбург и тогда дарует безопасность скольким угодно послам. Для того чтобы город Мариенбург в случае его захвата не превратился для короля Польши в опорный пункт и крепость для его войска, откуда удалось бы еще теснее окружить Мариенбургский замок, последний был в тот же день сожжен по приказу командора Генриха фон Плауэна.

ЛЕГКИЕ СТЫЧКИ ПОЛЯКОВ С ВРАГАМИ У ГОРОДА МАРИЕНБУРГА

В пятницу, в день святого апостола Иакова, двадцать пятого июля, Владислав, король Польши, выслав вперед к замку Мариенбургу несколько рыцарских хоругвей с повелением занять удобные места для предотвращения засады и иных опасностей, расположился станом сначала над озером Грюнгау, а оттуда благополучно подошел к Мариенбургу и немедленно со всех сторон обложил замок осадой. Польское войско король разместил у верхней части замка к востоку и югу, литовское же поставил в нижней части; кроме того, в особом месте, к югу от замка, он расположил воинов земель своего королевства — Подолии и Руси. В течение всего дня между королевскими рыцарями и врагами шли легкие стычки за сожженный уже город Мариенбург; враги едва успели защитить город от вступления в него польских рыцарей; ведь не трудно было быстро овладеть городом, не защищенным естественными укреплениями и покинутым разбежавшимися жителями.

МАРИЕНБУРГСКИЙ ЗАМОК ЕДВА НЕ БЫЛ ВЗЯТ БЛАГОДАРЯ ОТВАГЕ НЕСКОЛЬКИХ ПОЛЬСКИХ РЫЦАРЕЙ. НАКОНЕЦ, КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ВЕЛИТ НОЧЬЮ УСТАНОВИТЬ БОМБАРДЫ В ГОРОДСКОЙ ЦЕРКВИ И ДОЛГО, НО ТЩЕТНО ОСАЖДАЕТ ЗАМОК

В субботу, на следующий день после праздника святого апостола Иакова, двадцать шестого июля, в то время как королевские воины из двух хоругвей (именно большой хоругви и хоругви олесницкой) по жре-

бию, поочередно несли стражу, к вечеру дело дошло до сражения. Королевские войска старались ворваться в город Мариенбург, враги же с большим мужеством препятствовали этому, причем мало-помалу пало большинство врагов; остальные же осажденные были вынуждены ввиду численного превосходства поляков отказаться от города Мариенбурга и укрыться в замок. Первым вошел в город Мариенбург Якуб Кобылянский,[161] рыцарь герба Гжималя, вторым — Добеслав из Олесницы, рыцарь герба Дембно, за ними последовали другие. Упомянутые двое рыцарей Якуб и Добеслав, решив не прекращать схватки, тут же, по взятии города, потрясая копьями, громкими криками стали призывать к приступу замка и стремительно добежали до церкви и почти до самых стен. Если бы остальные королевские воины поддержали их с такой же отвагой, то замок Мариенбург можно было бы взять в тот же час (доступ к замку был тогда еще открыт благодаря незаделанному большому пролому, через который рыцари могли бы ворваться). Так как все враги, охранявшие замок, разбежались, укрывшись в башни и в более надежные места, пребывая в сильном страхе и скорби, как если бы замок уже был взят, то поэтому полякам представлялся прекрасный случай захватить Мариенбургский замок. Эта возможность была упущена поляками,судьба благоприятствовала крестоносцам. С наступлением сумерек враги сожгли мост, который они держали в своих руках, через реку Вислу напротив Тчева, из опасения как бы оттуда польские рыцари не напали на замок. Это послужило к большой пользе королевского войска, так как фуражиры из королевского лагеря могли, пересекая реку Вислу, каждый день безопасно спускаться в Жулавы. Упомянутый широкий пролом, который мог, очевидно, представлять угрозу проникновения в замок, враги в течение всей следующей ночи заделывают, укрепляют и замыкают крепчайшими дубовыми бревнами.[162] Но и польский король Владислав в ту же ночь, установив большие бомбарды в городской церкви, непрерывной стрельбой из них бьет по замку. Поставлены были и другие бомбарды среди литовского войска: одни вдоль городских стен, другие у начала моста, сожженного с другой стороны Вислы; из всех них весьма сильно били по замку с четырех сторон. Королевский шатер с часовней и преддверием был помещен на высоком холме над Вислой, откуда король мог обозревать все свое войско и замок. Осаду же эту Владислав, король Польши продолжал в течение целых двух месяцев. В это время туда прибыл епископ познанский Альберт Ястшембец навестить его светлость; прибытие епископа было приятно королю и его вельможам, так как он отличался блеском ума и энергии. Однако во время пребывания там епископ занемог лихорадкой, которая не оставляла пастыря год и шесть месяцев, и он по повелению короля был вынужден возвратиться в свою епархию.

БÓЛЬШАЯ ЧАСТЬ ПРУССИИ СДАЕТСЯ НА МИЛОСТЬ КОРОЛЯ ПОЛЬШИ И ПРИСЯГОЙ ОБЯЗЫВАЕТСЯ ЕМУ НА ВЕРНОСТЬ ОТМЕННАЯ ВЕРНОСТЬ КОРОЛЮ ЭЛЬБИНГЦЕВ

Во время осады Мариенбургского замка знать и рыцари земель Пруссии, Кульма и Померании, а также горожане почти всех главных городов, находящихся в упомянутых землях, а именно: Гданьска, Эльбинга, Торуня, Кульма, Кинсберга, Свеца, Гнева, Тчева, Новой Бродницы, Брандебурга, а также четыре епископа, Иоанн вармийский, Арнольд кульмский, Генрик помезанский и Иоанн самбийский,[163] прибыли лично к Владиславу, королю Польши, и сдались со всеми своими владениями, то есть замками и городами, принеся присягу на верность, почитание и повиновение с возложением руки на евангелие. Однако знать и горожане упомянутых земель и городов, попавшие в плен к королю во время битвы, своими просьбами добились, чтобы их отпустили из плена прежде совершения ими обряда почитания и принесения присяги на верность; они заявляли, что нельзя им совершать обряды присяги и повиновения, пока они признаются пленными. По просьбе же рыцарей и горожан Владислав, король Польши, подтвердил их прежние права и вольности и к прежним добавил еще новые. Среди же всех прусских горожан отменной была верность и преданность королю эльбингских горожан. Последние после бегства командора эльбингского Вернера Теттингена с поля битвы и изгнания из Эльбингского замка, куда он укрылся, сдали Владиславу, королю Польши, Эльбингский замок с нетронутым имуществом и запасами продовольствия вместе с городом. Владислав, польский король, отдал замок в держание Яну из Тарнова, краковскому воеводе. Вступив во владение им, упомянутый воевода нашел там много ценных вещей и передал из них Владиславу, королю Польши, сто золотых и серебряных сосудов.

ЖЕСТОКАЯ БИТВА КОРОЛЕВСКОЙ СТРАЖИ С ВРАГАМИ, ПРЕДПРИНЯВШИМИ ВЫЛАЗКУ ИЗ МАРИЕНБУРГСКОГО ЗАМКА

Во время осады, когда рыцари трех хоругвей, именно Добеслава из Олесницы, Кмиты из Висниц и Грифов, несли стражу при бомбардах, вражеские рыцари, произведя вылазку из замка, пытались прорваться к месту охраны у бомбард. Но королевские рыцари из упомянутых трех хоругвей, предупредив их нападение, выходят им навстречу к реке Висле, где возникает сильная схватка, причем враги, потеряв значительную часть своих людей, успевают укрыться в замок; польские рыцари неотступно преследуют их вплоть до круглой башни, убивают и захватывают в плен. Чтобы отбросить преследователей, враги обрушивают стену замка, поврежденную королевскими бомбардами; при падении этой громады задавило многих польских рыцарей. Других враги осыпали стрелами, пуская сверху большое количество их, однако никому не нанесли смертельных ран. Ловчему сандомежскому Петру из Олесницы ударами камней так сильно помяло шлем, что последний можно было снять с головы лишь с помощью кузнечных молотов.

СДАВШИЕСЯ ЗАМКИ И ГОРОДА КОРОЛЬ РАСПРЕДЕЛЯЕТ МЕЖДУ СВОИМИ РЫЦАРЯМИ.

Приняв сдавшиеся прусские замки и города, Владислав, король польский, распределил их между своими рыцарями для управления. Так, Бродницкий замок он отдал Миколаю из Михалова, воеводе сандомежскому; Миколай, вступив во владение им и найдя в замке много серебряных и золотых вещей, а также превосходные книги, в частности пять частей «Зерцала» Винцента,[164] а также замечательные картины, украшенные золотом и серебром ларцы, кресты и украшения и много других драгоценностей, все честно представил королю. Хотя часть этих драгоценных вещей король пожаловал в дар краковской церкви, в частности «Зерцало» Винцента, однако самые замечательные предметы и драгоценности он распределил между виленским собором и приходскими литовскими церквами. Также замок Копшивно, иначе Энгельсберг, отдан был Добеславу из Олесницы; также замок и город Тчев — Петру Венглю; также замок Грабин — Альберту Мальскому; также город Гданьск — Янушу из Тулискова, каштеляну калишскому; также замок и город Гнев — Павлу из Вшерадова, каменьскому каштеляну; также город Торунь — Винценту из Гранова, каштеляну накловскому, а когда он там скончался от яда (как многие утверждали), поставил на его место Збигнева из Бжезя, маршалка Польского королевства; также замок Венцлав и Старгард,[165] где хранилась голова святой Варвары, которую Владислав, польский король, не разрешил увезти оттуда, хотя его осаждали многочисленными просьбами; также город и замок Грудзендз — Мосьцицию из Стеншева, каштеляну познанскому; [166] также замок Голуб — Немсте из Щитников; также замки Остерод и Нидборг — князю мазовецкому Янушу; также замки Дзялдов и Щитно — князю мазовецкому Земовиту; также замки Кужентник и Братиан — Яну Кретковскому; также замок Ковале — Миколаю, подканцлеру королевства Польского; также Свеце, только город, ибо замок еще удерживали враги, — Добеславу Пухале; также замки и города Бытов и Гаммерштейн — Богуславу, князю слупскому; последний, прибыв к его светлости (во время осады Мариенбургского замка), подписал открытую грамоту в том, что будет верно служить и помогать королю и короне польской со своими воинами, горожанами и всеми подданными; по его просьбе и поручительству Владислав, король Польши, разрешил отпустить взятого в плен его родного племянника, князя Казимира щецинского; также замок и город Лемберг дан в держание Петру Хелмскому и его братьям; также замки Кинсберг и Голанд с городами — великому князю Литвы Александру; также рыбные ловли за Эльбингом, богатые рыбой, — Яну Тумиграле; также замок Рогозьно — чеху Гинчку; также замок и город Тухолю — Янушу Бжозоголовому; также Штум — Андрею Брохоцкому. Ибо все города, селения и замки земель Пруссии, Померании, Михаловской и Кульмской уже отдались под власть короля Владислава, кроме замков Мариенбурга, Радзина, Гданьска, Свеца, Плохова, Бранденбурга, Бальги,

Рагнеты, Тройпеды, иначе Мемеля; однако замок Радзин осаждало королевское войско. Замок же Гданьск добился того, что король не подверг его осаде, заключив с королем договор, которым предусматривалось, что после завоевания замка Мариенбурга Гданьск должен будет сдаться королю.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, УПОЕННЫЙ ПОБЕДОЙ, ПОБУЖДАЕТ НА ОТВАЖНУЮ ЗАЩИТУ ЗАМКА МАРИЕНБУРГА КОМАНДОРА ГЕНРИХА ФОН ПЛАУЭНА, КОТОРЫЙ ЯВИЛСЯ, ПРОСЯ ПОЩАДЫ И ПРЕДЛАГАЯ СПРАВЕДЛИВЫЕ УСЛОВИЯ МИРА.

В течение всего месяца июля, когда Владислав, король Польши, занят был осадой Мариенбургского замка, успех неизменно сопровождал короля и его войско во всех их военных действиях и сражениях; и в дальнейшем король надеялся на большие успехи. В начале же августа месяца командор Генрих фон Плауэн отправил к королю Польши Владиславу посланцев с просьбой разрешить ему явиться из Мариенбургского замка для переговоров и получил разрешение. Когда командор Генрих фон Плауэн с двоюродным братом своим мирянином Генрихом фон Плауэном и несколькими чехами и силезцами, прибыв, предстал перед королем, князьями и вельможами у черты города, велено было его спросить, с какими предложениями он пришел и чего домогается. Командор произнес такую речь: «В великой битве и в страшной кровопролитной сече хоругви и войска наши и Ордена нашего недавно были побеждены и разгромлены тобой, могущественнейший и сиятельнейший король! Поэтому сокрушенные невзгодой и сломленные несчастной судьбой, с решением которой согласились, конечно, силы небесные и адские (тогда как магистр Пруссии Ульрих и его командоры в безумии отвергли мир, предложенный тобой на справедливых условиях и хотели устрашить тебя дерзкими заявлениями и двумя обнаженными мечами), мы пришли к тебе, почитая тебя победителем кротким и миролюбивым, с просьбой и мольбами в чаянии получить надежду, поддержку и милосердие от твоей милости. И вот я, которому это ближе всего, ибо я действую за магистра, молю и призываю твое непобедимое величество страстями господа нашего Иисуса Христа и его кровью, пролитой во спасение рода человеческого, и матерью его, благословенной девой Марией и чистейшим млеком Девы, грудью которой, наполненной с неба, питался и вскормлен был сам господь наш Иисус Христос, да удостоит твое превосходительнейшее величество, утишив бурю своего негодования, отвратить, наконец, бич мщения от нас и нашего Ордена и не стремиться навсегда уничтожить наш Орден после того, как ты достаточно смирил нашу спесь и заносчивость. Мы же ныне и впредь будем удовлетворены, если твоя милость соизволит выслушать наши просьбы, и открыто признáем, что мы и наш Орден получили от твоего величества вечное благодеяние, если твое превосходительство, приняв земли Померании, Кульмскую и Михаловскую с их замками, городами и селениями (по праву, составу и принадлежности входящие в твое Польское коро-

левство и из-за которых часто возникала война между королевством и Орденом), оставит Ордену земли Пруссии, приобретенные от варваров кровопролитными войнами и вашего польского народа и прочих католических народов, чтобы Орден крестоносцев, основанный для защиты христиан от язычников, не оказался полностью искорененным в прусских областях.[167] Когда это посольство и просьба командора Генриха фон Плауэна были доложены большому совету,[168] то, ввиду того, что в этой просьбе подозревали больше коварства, чем смирения, мнения князей и вельмож разошлись: постоянные удачи лишили советников способности вынести правильное решение; они не взвесили того, что чреда вещей скоротечна и переменчива и что никогда счастье не благоволит только одной стороне. Предложение понравилось советникам меньше, чем королю, так как советники считали, что замок Мариенбург не вынесет долгой осады и что, если Ордену крестоносцев оставить землю Пруссии, то он будет опять стремиться при случае завоевать земли, от которых отказывался: жадность получить больше, чем предлагали, вела поляков по неверному пути, и они следовали человеческой слабости. Также и король Владислав, веря, что удачи последуют одна за другой, в надежде приобрести большее потерпел крушение даже в том, что ему предлагалось. Великое счастье поражает слепотой умы людей! Ведь именно эти счастливые успехи и победа, одержанная в битве под Грюнвальдом, побудили короля Владислава вознестись заносчивостью победителя, согласиться на ответ слишком высокомерный для победоносного короля. Итак, было решено дать Генриху фон Плауэну ответ такого рода, по повелению короля объявленный ему Збигневым из Бжезя, маршалком Польского королевства: «Если бы ты, — сказал он, — командор Генрих, искренне пришел просить мира, то не определял бы нашему королю того, что по божескому и человеческому закону всегда принадлежало королю и его королевству и что возвращено ему после законной сдачи; тебе следовало бы, конечно, предложить передачу других замков, которые отказываются сдаться, и, прежде всего — Мариенбургского замка; знай, что как те, что уже сдались, так и те, что отказываются сдаться, являются наградой победителю. Итак, королю не за что тебя благодарить. Но если ты покинешь Мариенбургский замок, то король наш будет тебе благодарен за уступку его и после сдачи Мариенбургского замка не откажет Ордену крестоносцев в подобающем возмещении соответственно тому, какое Орден имеет в германских землях». На это командор Генрих сказал: «Значит, это окончательное решение короля и мы не должны надеяться на более милостивое?» Когда же маршалок Збигнев ответил, что объявленные им условия окончательные и что если командору нужен мир, то пусть представит более тщательно обдуманные предложения, командор добавил «Я надеялся было, что король охотно примет мои справедливейшие просьбы и представления, сжалившись над нашим несчастьем. Впрочем, я считаю, что настоящее посольство и униженные просьбы искупили гнев сил небесных, излитый на нас за нарушение договора, и я вовсе не покину

Мариенбургского замка. Мало того, полагаясь на помощь всемогущего бога и заступничество блаженной девы Марии, я постараюсь защитить его всеми силами и не допущу, даже если придется погибнуть, с такой легкостью уничтожения моего Ордена». На этом собравшиеся разошлись, и король вернулся в свой шатер, а Генрих — в Мариенбургский замок. Между тем, как полагали, представление командора Генриха, столь покорное и смиренное, принесло большую пользу стороне крестоносцев; оно искупило, либо смягчило гнев сил небесных, в какой-то мере еще тяготевший над крестоносцами за нарушение договора; королевской же стороне принесло вред из-за гордости. Ответ этот показал, как безрассудно оскорблять кого бы то ни было, пока еще неясен жребий победителя и побежденного до окончания войны. Ведь с того дня счастье мало-помалу перестало благоволить королю и его войску, а дела Ордена стали принимать более благоприятный оборот. Так, через несколько дней враги произвели вылазку из замка, напав на рыцарей земли Велюньской, которые не особенно старательно охраняли бомбарды; им удалось взять в плен одного начальника, многих они ранили и повредили несколько бомбард. Еще немного позднее, когда такую же стражу несла хоругвь князя Мазовии Януша, бомбарда при своем откате ударила в стену сожженного в городе каменного дома; стена, отвалившись, раздавила своей тяжестью двадцать рыцарей, стоявших под ней. Но не только тогда, но и впоследствии неудача сопровождала большинство королевских дел и начинаний, особенно по сравнению с прежним временем, когда королю даровано было великое счастье. В довершение всего в королевском войске развелось такое множество мух от трупов павших лошадей, от кишок домашнего скота, а также от навоза и от гниющей падали, что это не только причиняло тошноту, но и принесло великое мучение войску. Продовольствия же всякого рода имелось великое, почти невероятное изобилие, какого никто не мог бы иметь в собственном доме и хозяйстве; так что ни в чем не было недостатка. Коней почти из всего войска отвели на остров Жулаву, и они паслись подобно диким животным на покинутых жителями нивах селений. Сторожившие их конюхи, входя в дома бежавших поселян, не только подкреплялись и питались. Так как в каждой кладовой было много всякого продовольствия, то, отвозя продовольствие на рынки соседних городов, они выручали много денег, которые отправляли домой, купив себе прежде всего одежды. Во многих селениях Пруссии и Померании найдены были также большие запасы зерна, спрятанного в ямах, которые поселяне заботливо устраивали из-за частых войн. Во время осады Мариенбургского замка польским войском всякого рода продовольствия и всего необходимого было в таком же изобилии, как и в своей стране и в собственных домах, так как по всей Прусской земле царило спокойствие.

МАГИСТР ЛИВОНИИ, ЧТОБЫ ПОМОЧЬ В ЗАЩИТЕ МАРИЕНБУРГСКОГО ЗАМКА, РЕШАЕТ ОСУЩЕСТВИТЬ ЭТО ХИТРОСТЬЮ, ОБЕЩАНИЯМИ ОН СКЛОНЯЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТВЫ АЛЕКСАНДРА НА СВОЮ СТОРОНУ ПРИХОДСКИЙ СВЯЩЕННИК ГОРОДА ГДАНЬСКА, ПОКИДАЯ МАРИЕНБУРГСКУЮ КРЕПОСТЬ, ВЫНЕС С СОБОИ ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ ПОЛНОЦЕННЫХ ЗОЛОТЫХ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ СОСЕДНИМ КОМАНДОРАМ ПРИЧЕМ ПОЛЯКИ НИЧЕГО ОБ ЭТОМ НЕ ПОДОЗРЕВАЛИ.

Магистр Ливонии Герман фон Винтклшенк, намереваясь тайно помочь Мариенбургскому замку, о крайне стесненном положении которого он узнал, прибыл в Прусскую землю с отрядом в пятьсот вооруженных людей;[169] желая остаться незамеченным, магистр расположился в потаенном месте около города Кинсберга. Узнав от разведчиков о прибытии магистра, король Владислав послал против него великого князя литовского Александра, присоединив к силам князя двенадцать хоругвей польских рыцарей. Встретив магистра близ реки Пассарии за Голандом, Александр на следующий день собирался напасть на него. Однако ливонский магистр Герман, рассудив, что лучше служить делу Ордена хитростью, чем силой оружия, просит (как задумал уже давно) князя Александра вступить с ним в переговоры. Получив согласие, он лично прибывает в стан князя и без всяких свидетелей вступает в переговоры и обсуждает с ним условия тайного соглашения. Предлагая Александру отказаться от Самагитской и Судавской[170] земель (из-за которых началась война) и никогда больше не притязать на них, магистр при помощи щедрых посулов переманивает князя на сторону Ордена; ибо князь больше жаждал воссоединения своей литовской родины, чем польской. Итак заручившись благосклонностью великого князя литовского Александра, магистр отослал свое ливонское войско в замки Бальга и Бранденбург, сам же только с пятьюдесятью всадниками, во главе с князем Александром, двинулся в королевский стан у Мариенбурга, чтобы выполнить обещания и тайный уговор с князем Александром. По прибытии туда он по ходатайству и при содействии того же великого князя Александра, прельстившегося на тайные посулы, получил дозволение вступить в Мариенбургский замок якобы для того, чтобы склонить крестоносцев к сдаче в согласии с требованием короля. Пробыв там несколько дней и проведя переговоры и совещания с Генрихом фон Плауэном о возвращении потерянных замков, городов и земель, а также о тайном соглашении, заключенном с литовским князем Александром, магистр уехал. И с этого времени упомянутый командор Генрих фон Плауэн, проникнувшись великой отвагой и энергией, которые возбудил в нем упомянутый магистр Ливонии Герман, сделался упорным, заносчивым и надменным, не желая и слышать никакого упоминания о мире. Поэтому при переговорах с ним о мире от имени короля его никак нельзя было склонить к соблюдению тех условий, принять которые сам же он ранее умолял. Теперь король, взвеся хотя и поздно, какую выгоду он отверг, соглашался принять их. Король знал, что настроение Александра, великого князя Литвы, уже сильно переменилось и что князь решительно против продолжения осады, имея

в виду обратить передачу земель Польскому королевству на пользу Литвы.[171] Добавилась к этой и другая беда королю и королевству Польскому. Когда упомянутый магистр Ливонии Герман покидал Мариенбургский замок, с ним выехал приходский священник из Гданьска, брат Ордена крестоносцев, человек весьма преклонного возраста, будто бы для того, чтобы избежать тягот осады, на что король легко дал позволение. Его отъезд таил страшную опасность и нанес впоследствии великий ущерб делу короля; ибо через этого приходского священника Генрих фон Плауэн (считая иной путь ненадежным) переслал тридцать тысяч полноценных золотых для распределения между гданьским, члуховским и свецским командорами; последние по его распоряжению и наказу, в конце концов, позаботились о наборе на это золото значительного отряда наемных рыцарей из чехов, венгров, силезцев и немцев. Из этого любой человек по здравому суждению поймет, какую опасность может принести позволение на въезд или выезд из замка и города во время осады.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЛИТОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ПОД ПРЕДЛОГОМ ТОГО, ЧТО ЕГО ВОЙСКО СТРАДАЕТ ОТ ПОНОСА, СНИМАЕТ ОСАДУ МАРИЕНБУРГСКОГО ЗАМКА; КРОМЕ ТОГО, ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ И КНЯЗЬЯ МАЗОВИИ.

8 IX Приближался день рождества владычицы нашей девы Марии, приходившийся в понедельник; Александр, великий князь литовский, подбирал различные предлоги и уловки, благодаря которым мог бы возвратиться со своим литовским войском в Литву, сняв осаду Мариенбургского замка. Князь утверждал, в частности, что войско его страдает поносной болезнью от непривычной ему изысканной пищи и что если в скорости не уйдет, то недуг распространится еще больше; хотя это и было правдой, однако при добром желании эту болезнь можно было пресечь простыми средствами. И хотя Владислав, король польский, старательно путем множества посулов пытался отговорить князя от его намерения, но, в конце концов, видя перемену его настроения и неискренность, разрешил князю уйти со всем войском. Получив это королевское разрешение, Витовт выступил со своим войском в четверг после рождества святой Марии и снял осаду Мариенбурга. Однако князь не решился идти без сопровождения королевского отряда, боясь нападения ливонцев или других крестоносцев и их наемников. Вследствие этого король Владислав предоставил ему шесть хоругвей своих войск из поляков, проводив князя до пределов Литвы, королевский отряд возвратился невредимым к осадному стану.[172] Несколько позже ушли также мазовецкие князья Земовит, Януш и Земовит младший со своими войсками. Король, однако, с остальными войсками своего королевства, численность которых после ухода князей Литвы и Мазовии, конечно, уменьшилась, продолжал осаду. Таким образом, крестоносцы с целью отвратить осаду Мариенбургского замка и предстоящий в скором времени его захват, если бы осада продолжилась, подали князю Александру-Витовту небезосновательную

надежду на возвращение Самагиттии. К этому князь с великой жадностью стремился, причем его надежда не расходилась с действительностью; прельстившись этой приманкой, Витовт переменил свое настроение и волю и задумал бросить осаду и, прекратив войну, уйти домой; Витовт стал не тем, чем был прежде. Кроме того, князь Витовт начал сильно опасаться за свое положение: как бы король, мирным путем овладев всей Пруссией, не лишил его литовского княжения.

ПОЛЯКИ, ОСАЖДАЮЩИЕ ЗАМОК МАРИЕНБУРГ, ОТВЕРГАЮТ СГОВОР С ЧЕХАМИ О СДАЧЕ ЕГО ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ, СЧИТАЯ ЭТО ПОСТЫДНЫМ.

Между тем чешские наемники, защитники Мариенбургского замка, видя, что осада затягивается надолго, встревоженные этим, завели с Владиславом, королем польским, через посредство чеха Яська Сокола, королевского рыцаря, сношения и переговоры о предательской сдаче Мариенбургского замка; уже король и предатели условились, что в ту ночь, когда они будут нести стражу, откроют ворота и впустят королевское войско в замок; в награду за предательство они получат после того сорок тысяч флоринов и полную безнаказанность. Однако, когда это дело рассматривалось тайным советом, то королевские советники признали нечестным и постыдным захватывать неприятельские замки обманом, коварством, предательством и золотом, когда имеется оружие, которым без стыда для себя и для кого-либо другого можно их завоевать; и переговоры о захвате Мариенбургского замка подкупом, которым, как мы видим, очень часто пользовались и честные воители, прекратились.

РАЗЛИЧНЫЕ МНЕНИЯ О СНЯТИИ ОСАДЫ МАРИЕНБУРГА.

После этого в королевском стане распространился возникший по ложному представлению слух, будто венгерский король Сигизмунд, с большими войсками и силами вторгся в пределы королевства Польского, истребляя все грабежами и пожарами. Этот слух сломил мужество королевского войска, и оно стало проявлять склонность к возвращению; и среди вельмож было немало таких, которые настоичиво советовали отступить. Сильно пораженные этим новым обстоятельством и слухами о нем, рыцари и горожане Пруссии, в необыкновенном рвении и любви к Владиславу, польскому королю, приходят лично к нему и убеждают его светлость ни за что не прерывать осады Мариенбургского замка, так как, говорят они, продолжая осаду и овладев замком (что, должно надеяться, произойдет скоро), король впервые вкусит плоды своей победы; если же он не овладеет замком, то потеряет их, так как все замки и города, признавшие его власть, снова возвратятся в подчинение крестоносцам и Ордену. Когда же король Владислав стал ссылаться на недостаток денег, из-за чего наемные рыцари стали ему в тягость, и он заявил о намерении вернуться в Польшу для сбора денег, то прусские рыцари

и горожане дали ему, без сомнения, здравый совет: именно обложить все прусские города побором; тогда у него будет достаточно денег не только на расплату с наемниками, но и для войны и продолжения осады. Однако король, чтобы в самом начале своего правления не обидеть прусские города, верность и преданность которых была еще шаткой, и не нарушить их прав и тем не побудить их к отпадению, предпочел воздержаться от обложения их побором. Ему внушали также и другой, столь же отличный совет: пожаловать замки и города в Пруссии и в землях Кульмской и Померанской, которые предались его светлости, наемным рыцарям; последние со своей стороны заявили, что охотно примут этот дар взамен жалованья, которое им причитается, и во всяком случае будут упорно продолжать осаду Мариенбургского замка. Однако король не счел заслуживающим одобрения и этот, хотя и весьма здравый совет, из опасения, что наемники будут в тягость прусским горожанам и поселянам или станут грабить их имущество, или же, подкупленные деньгами, начнут сговариваться с врагами о возврате им городов и замков. Таким образом, Владислав, король польский, в заботе о чужих тяготах был вынужден впоследствии испытать на себе самом и на своих людях еще бо́льшие трудности. Из всех же королевских советников никто с таким упорством не настаивал, многократно и ясно высказывая свое мнение, на продолжении осады Мариенбургского замка, пока последний не удастся взять приступом или заставить сдаться, как Миколай, подканцлер Польского королевства; Миколай утверждал, что в случае снятия осады тотчас же наступит много тяжких и горьких невзгод и ударов для короля и королевства; не довольствуясь одними советами и настояниями, подканцлер сопровождал их слезами и вздохами. Напротив, никто из всех вельмож с большей горячностью и усердием не убеждал снять осаду и возвратиться по домам, как Енджей из Тенчина, войницкий каштелян; он и склонил в пользу своего мнения большинство рыцарей и знати, будучи увлечен любовью к Анне из Красника, дочери подскарбия Польского королевства Дмитрия,[173] которую страстно любил.

ОСАДА МАРИЕНБУРГСКОГО ЗАМКА СНИМАЕТСЯ.

Владислав, король польский, неохотно, после многократных и весьма враждебных напоминаний наемных рыцарей, а также сдавшись на настоятельные убеждения и некоторых своих вельмож, решает, не овладев Мариенбургским замком, снять осаду. И хотя король велел хранить это решение в тайне, строго о нем умалчивая, однако молва об этом тут же распространилась в войске, а осажденных ободрила, доставив великую радость. Итак, в ближайшую пятницу, перед праздником святого Матфея, девятнадцатого сентября, напрасно не послушавшись полезного и здравого совета прусских рыцарей и горожан, король предал свой стан огню. Уже на полпути к славе, он отступает, сняв осаду и возвращается на родину скорее в обличии побежденного, чем победителя. Это было явлено

и ему самому в час его отступления зловещим знамением: когда королю подвели cziszawy, его коня,[174] на котором он восседал в день великой битвы, конь громко заржал и начал рыть копытами землю; когда же король уже вкладывал ногу в стремя, конь внезапно упал, испустив дух, роковой смертью своей знаменуя, что с отказом короля от осады Мариенбургского замка радостям и удачам, до сих пор сопровождавшим короля, придет конец. Ведь было несомненно и даже совершенно несомненно, что Мариенбургский замок по прошествии одного лишь месяца перейдет под власть короля, так как осажденные из-за недостатка продовольствия (хотя оно готовилось на этот случай много лет) были вынуждены есть поджаренную пшеницу. От этой нездоровой пищи люди заболевали поносной болезнью, страшной заразой, от чего ежедневно многие погибали. Будучи не в силах сносить столь пагубный недуг, все защитники приходят к командору Генриху фон Плауэну и рассказывают о своем бедственном положении; они объявляют, что не будут терпеть тягот дальнейшей осады; ввиду неминуемой смерти, от которой они постепенно все погибнут, они покинут замок. Устрашенный этим заявлением, командор Генрих раздает осажденным несколько тысяч золотых [флоринов]; при этом он настоятельно упрашивает их продержаться только пятнадцать дней, уверяя, что по достоверным сведениям польский король вскоре снимет осаду. Просьбы и раздача денег смягчают осажденных, и они договариваются выдерживать осаду еще пятнадцать дней под тем, однако, условием, что по истечении этого срока они получат полную возможность сдать замок польскому королю. И вот, не прошло еще этих пятнадцати дней, как Владислав, король польский, отступил, хотя его отговаривали и порицали за это вернейшие советники, сопровождая уговоры стенаниями и слезами; столь легкомысленное и достойное сожаления отступление омрачило вечную славу королевских побед. Тогда впервые стало ясно, что король, разбив врагов, не сумел использовать победу и благоприятное время, и это отступление повлекло за собой много ужасных и пагубных войн. Енджея из Тенчина, каштеляна войницкого, считали главным виновником этого отступления. Пользуясь немалым влиянием среди рыцарей и простых воинов, он легко внушил стремление уйти многим из круга рыцарей, жаждавших снова увидеть своих жен, дома и детей, выставляя предлогом, будто венгерское войско выжигает и опустошает краковские и сандомежские земли.

Также и прочие польские советники (преимущественно те, которых князь Александр-Витовт, как уверяли, подкупом или обещаниями склонил к этому) приложили немало стараний убедить короля как можно скорее снять осаду Мариенбургского замка. Таким образом, польза государственная, как весьма часто бывает, была принесена в жертву личной выгоде; король же польский Владислав решал все военные и гражданские дела, по недостатку энергии и вялости ума, не своей, а чужой волей.

ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ КОРОЛЯ ВЛАДИСЛАВА ПОСЛЕ ОСАДЫ МАРИЕНБУРГСКОГО ЗАМКА ЕПИСКОП ПОМЕЗАНСКИЙ ВСТРЕЧАЕТ ЕГО ВМЕСТЕ С ДУХОВЕНСТВОМ И ГОРОЖАНАМИ.

Владислав, король польский, отступая после осады Мариенбургского замка с войском, отягощенный всевозможной добычей, в тот же день прибывает в Квидзин. Остановившись по пути в замке Штуме и прослушав там обедню, он отдает замок в держание рыцарю Енджею Брохоцкому, оставив в помощь нескольких своих придворных, опытных воителей, а именно. Ганка Хелмского, Казимира из Туховиц, Яна Голого, Пакоша Быстшановского, Петра Цебровского, Беняша Говожинского, Бартоша из Трембовли и других. После отступления короля из Пруссии они нанесли столько потерь крестоносцам в Мариенбурге в неожиданных стычках, нападениями и опустошениями не давая им покоя, что даже захватили однажды десять тысяч флоринов, отправленных крестоносцами для уплаты жалованья наемникам, перебив при этом много сопровождающих.

По прибытии короля в Квидзин, Генрих помезанский, епископ этой области, со всеми каноникам и духовенством торжественно вышел навстречу и принял короля с должным почетом. Епископ ввел короля в кафедральный собор, показал ему келью и жилище некоей благочестивой и набожной женщины Доротеи; Доротея вела суровую отшельническую жизнь и славилась многими чудесами, но еще не была канонизована. Пожаловав затем епископу, духовенству и городу просимые ими льготы,
20 IX король на следующий день выступил из Квидзина, запретив запирать город, а своим воинам вступать в него, из боязни, чтобы те не учинили насилий и грабежей имущества епископа и горожан. В стане, расположенном в полумиле от города, король провел два дня и в следующую субботу отправил в Штум много повозок с продовольствием для подкрепления. Самый же стан был помещен над городом и озером Гардзее.

ГЕНРИХ ФОН ПЛАУЭН, ИЗБРАННЫЙ МАГИСТРОМ ПРУССИИ, СОБИРАЕТ ДЕНЬГИ НА ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ ПУТЕМ РАСПРОДАЖИ ВЛАДЕНИЙ ОРДЕНА В ЧЕШСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ.

Генрих фон Плауэн, избранный на место магистра Пруссии, чтобы отомстить за поражение и вернуть прусские земли, отправил к чешскому королю Венцеславу послов и продал тому же королю Венцеславу значительное имение Ордена Хомонтово в королевстве Чешском (с доходом в четыре тысячи флоринов), за сто пятнадцать тысяч флоринов золотом наличными, с правом выкупить его впоследствии (однако оно не выкуплено и до сего дня). Набрав на эти деньги наемных рыцарей, магистр опять возобновил войну. Кроме того, он занял еще сто тысяч флоринов, охотно данных ему гданьскими горожанами, которые уже были склонны подчиниться его власти.

ЗАХВАТ ЗАМКА РАДЗИНА.

В воскресенье, в день святого Матфея, двадцать первого сентября, выступив из Квидзина, король прибыл утром к замку Радзину, который осаждался королевскими воинами со времени великой битвы; сам же

город уже состоял в верности и подчинении королю. Расположившись станом в четверти мили от замка, над озером Мельдзее, король стал обсуждать, следует ли ему снять осаду замка, или взять его приступом. Было решено, что король отнюдь не должен пытаться овладеть замком (так как последний был весьма сильно защищен своим естественным положением и укреплениями, и, кроме того, в нем находились отличные защитники), но на следующий день, однако, следует произвести ложный приступ в расчете, что страх как-то склонит осажденных к сдаче. Итак, вызвав к себе для переговоров первейших горожан Радзина, король попытался убедить их сдать ему замок без кровопролития. Так как те отказались, король отложил штурм до следующего дня. Это решение, как оказалось, было не столь умно задумано, сколь имело счастливый исход; после того как в войске распространился слух, что король назначил на следующий день приступ замка, едва кончился обед, рыцари самочинно, без повеления короля, взялись за оружие и пошли на приступ замка Радзина. Итак, никем не побуждаемое и без руководства войско с великим пылом выступило и начало со всех сторон сильнейший приступ замка. И хотя крестоносцы и прочие осажденные пять и более часов оказывали сильное сопротивление, однако польские рыцари вели приступ с такой настойчивостью и жаром, что защитники под ударами копий и стрел, столь густо и часто пускаемых, что никто не смел даже пальца высунуть, пали духом и вынуждены были прекратить защиту и сдать замок. Рыцарь Добеслав из Олесницы с людьми своей хоругви уже взломал ворота нижнего замка, и при этом, прикрывая щитом того, кто взламывал ворота, получил удар из малой бомбарды или фистулы, пробивший щит. Кроме того, уже первым взошел в верхний замок рыцарь Петр Хелмский (а за ним последовали Флориан из Корытницы, каштелян вислицкий, и другие); когда же на него напал на стене[175] вице-командор замка, человек отважный, Петр вступил с ним в поединок, обратив врага в бегство. А Петр из Олесницы, сандомежский ловчий, с другими рыцарями уже вступил на предстенную площадку замка и, раненный в ногу, защищался от ударов сверху только своим щитом. Итак, осажденные под ударами стольких бедствий, опасаясь как бы им не пришлось погибнуть от рук разъяренных рыцарей, складывают оружие и сдают замок королю. Король, вступив в замок около часа последней вечерней службы, даровал жизнь всем осажденным и пленникам, среди которых имелось пятнадцать крестоносцев, мужей пожилых и даже старых; их, однако, король велел взять под стражу. Найдя в замке, кроме того, значительные сокровища, ценные вещи и продовольствие в изобилии, король пожаловал сокровища и ценные вещи рыцарям, а продовольствие оставил замку.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ОСТАВИВ ОХРАНУ В ЗАМКЕ РАДЗИНЕ, РАСПУСТИЛ ВОЙСКО И ПЕРЕШЕЛ ПО МОСТУ ВИСЛУ, ЧТОБЫ ВОЗВРАТИТЬСЯ В ПОЛЬШУ.

Овладев замком Радзином, Владислав, король польский, во вторник после дня святого Матфея, двадцать третьего сентября, отдал замок

Радзин в держание чеху Яське Соколу, рыцарю испытанной вернос и отваги; с ним в том же замке осталось большое число поляков и чехо, среди других — чех Жижка, впоследствии знаменитый военачальник в Чехии, прославившийся многими победами,[176] а также Ангел и многие другие; затем король отбывает из Радзина и подходит к замку Рогозьно, а оттуда в среду — в Голуб; там, отобедав в замке, он переходит реку Дрвенцу и по вступлении в Добжинскую землю распускает свои войска и каждому разрешает возвратиться в свою область.

25 IX Проведя этот день и ночь под Цехоцином, король в четверг, перед праздником перенесения мощей святого Станислава, прибывает в Пшипуст, для переправы через Вислу по мосту на лодках, который туда был доставлен из Плоцка. В Пшипусте король оставался пять дней, так как из-за какого-то тайного рока с трудом удалось за этот срок собрать и установить мост, который в прошлый раз, когда король направлялся в Пруссию, был установлен за полдня. Также не без затруднения и тяжелых усилий король переправился со своими людьми через Вислу; так что даже и на этом подтвердилось, что счастье изменило королю. Тогда и все польское войско возвратилось в разные места по своим домам, с грузом золота, серебра и прочей ценной утвари; каждый уносил все это с радостью и весельем к родным очагам [. . .]

ПОСЛЕ СДАЧИ ГОРОДА ТУХОЛИ КРЕСТОНОСЦАМ КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ПОМЕЩАЕТ СТРАЖУ В КОРОНОВЕ.

29 IX Понедельник, именно день святого Михаила, также вторник и среду король пробыл в Нешаве; здесь он получил достоверное сообщение, гласившее, что замок Тухоля, которым управлял Януш Бжозогловый, обложен, а город сдан жителями крестоносцам; враги же, если не будет оказано сопротивления, вскоре совершат вторжение в Польское королевство, учиняя грабежи и пожары. Взволнованный этой новостью (как это и было естественно), король удержал просьбами и щедрыми подарками большинство рыцарей из числа своих придворных, требовавших увольнения; однако из всех придворных и королевских рыцарей можно было набрать едва сотню копий или несколько больше; король послал их для охраны королевства в город Коронов, слабо защищенный стенами и местоположением, присоединив к ним в подмогу нескольких рыцарей из областей Великой Польши. Хотя они были плохо снабжены оружием, конями, деньгами и одеждой, так как оружие у них заржавело, кони отощали, кошелек опустел на службе вдали от родины, а одежда износилась от жары и дождей, однако они охраняли упомянутое место, как надежнейшую крепость, неся там рыцарскую охрану. Королевское войско усилили также познанский воевода Сендзивой из Остророга, который, узнав о затруднениях королевства, прибыл с собственной хоругвью, и Доброгост из Шамотул, познанский каштелян, также пославший своих людей.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ БЕСПОКОИТСЯ О КОРОНОВСКОЙ ОХРАНЕ

В субботу, в день святого Франциска, Владислав, король польский, выступает из Нешавы и, прибыв в Юнивладиславию, останавливается 4 X там со своим двором. Для обеспечения же обороны земель своего королевства король отправил некоторых надежных рыцарей, одних — в Бродницы, других — в Брест, третьих — в Накло, четвертых — в Рыпин; между ними он распределил куявских и добжинских жителей для дальнейшей охраны и несения стражи против врагов; при нем в Юнивладиславии оставалось совсем немного поляков и чехов. Во время пребывания там короля принесли новое известие о том, что из-за малочисленности защитников крестоносцами захвачены замки Остерод, Нидборг и Дзялдов, которые король поручил мазовецким князьям. Также и двое рыцарей, Станислав Харбиновский, герба Сулима, и Миколай Сыновец, герба Стары-Конь, из опасения гибели, так как враги в великом множестве стояли поблизости, покинули короновскую охрану. Прибыв к королю в Юнивладиславию, в оправдание своего ухода они уверяли (как оно и было), что врагов множество, а их оборонный отряд крайне малочислен и, если его не отвести, он подвергнется великой опасности. Этим они вселили в душу короля тревогу за жизнь его людей, омрачив ее тяжкой заботой и печалью, отчего он часто проливал слезы. Король считал неосторожным отзывать их из Коронова, опасаясь вторжения врагов в глубь своего королевства; а каких-либо войск, которыми он мог бы усилить их малочисленность, не оставалось, ибо все разошлись по домам. Тогда-то стало ясно, какие затруднения и бедствия король принес себе и своему королевству преждевременным снятием осады Мариенбургского замка и насколько омрачил он добытую победой славу свою и своего войска! И стало возможно полностью оценить, какое благо принесла бы твердость, к которой призывал Миколай, подканцлер Польского королевства, и какое зло повлекло за собой отступление, которого добился Енджей из Тенчина, каштелян войницкий!

КРЕСТОНОСЦЫ ТЕРПЯТ ПОРАЖЕНИЕ ОТ ПОЛЯКОВ В ОЖЕСТОЧЕННЕЙШЕЙ БИТВЕ У ГОРОДА КОРОНОВА.

Крестоносцы, обложившие осадой замок Тухолю, узнали, что лишь немногочисленное королевское войско пришло на охрану города Коронова и что к тому же город лишен каких бы то ни было укреплений. Между тем крестоносцы собрали сильное и многочисленное войско из всех наемных рыцарей, в числе которых был главный начальник Михаэль Кухмейстер, фогт Новой марки, и много рыцарей из придворных венгерского короля Сигизмунда, которые в значительном числе явились на помощь крестоносцам. Получив от крестоносцев достаточно хорошее содержание и побуждаемые венгерским королем Сигизмундом, они выступили походом для нападения на поляков. Они рассчитывали также получить верную добычу и одержать победу, соображая, что их множество, а врагов мало. Итак, 10 X в пятницу, в день святого Гереона, королевское войско узнает, что против

него идет враг с большими силами; Томаша Шелигу из Вжесни, герба Роза, серадзского подкомория, и Миколая Дембицкого, герба Грифов, посылают разведать численность и силы врага. Продвинувшись неблагоразумно далее, чем было нужно, и задержавшись в какой-то топкой трясине, эти рыцари попадают в плен к преследовавшим их врагам; их тотчас же подвергают тщательному допросу, каково королевское войско в городе Коронове и сколько его? Рыцари хитро выдумали, что там находятся расстроенные отряды, неопытные, которых легко победить, если решительно на них напасть. В уверенности, что они сказали правду, враги весьма поспешно направляются к Коронову, где, подойдя вплотную, все слезают с коней, чтобы ворваться в город в пешем строю. Королевские же рыцари, заметив появление врагов, бросили начатый обед, и, подняв тревогу, все собираются в монастырь, расположенный под горой у вод реки Брды; затем, стремительно облачившись в доспехи, выбираются тайными и неизвестными врагам выходами, чтобы вступить в бой тесным строем. В сильном испуге от их появления враги быстро снова садятся на коней и уходят назад насколько могут поспешно, пока их не захватили поляки; причем обратный путь на расстоянии целой мили они проделали так искусно и хитро, что королевский отряд, находясь далеко от города Коронова, не мог бы получить поддержки от пеших рыцарей из города в случае необходимости. Однако при этом отступлении стрелки из королевского войска осыпают врагов множеством стрел, теснят, ранят и, налетая на вражеское войско, частыми нападениями повергают многих из них; если же враги пытались обрушиться на стрелков, то последние, вернувшись под защиту своих клиньев, сводили вражеский натиск на нет и опять теснили их новыми нападениями. Такого рода предварительные схватки между вражескими и королевскими войсками разыгрывались на протяжении целой мили. Когда же врагам надоело отступать далее, они заняли холм, возвышавшийся над другими, близ селения Короновского монастыря, под названием Лонцко; и стали, готовые к бою, ждать там приближения королевского войска, полагая, что благодаря выгодному местоположению они получат наилучшие условия для победы. Но королевское войско, не желая сражаться с врагом в невыгодных для себя условиях местности, уклоняется от прямого пути и отходит к более отлогой стороне холма. В обоих войсках силы по числу и качеству людей и по опыту в военном деле были, по-видимому, таковы, что с ними надо было считаться, и они с величайшим мужеством шли в бой. Однако, прежде чем войска сошлись, Конрад Немпч, силезец, рыцарь венгерского короля Сигизмунда, выступил из строя, вызывая охотника на поединок, и был побежден, повержен и сброшен с коня Яном Щицким, польским рыцарем герба Долива, который принял на себя эту честь; он показал этим, в какую сторону обратится счастье того и другого войска. После этого войска сходятся, подняв с той и другой стороны громкий крик; обе стороны мужественно встречают и отражают натиск, сражаясь с величайшей храбростью. Обе стороны бились с равным пылом и с равным

ожесточением несколько часов, так что довольно долго исход сражения был сомнителен; борьба отрядов становилась равной благодаря качеству людей, равных вооружением, стойкостью и подготовкой; ведь каждый на своем месте, тесня противника, сражался без передышки. И так как между ними кипел ожесточеннейший бой и ни та, ни другая сторона не поддавалась и не отступала, то все настолько устали от великих усилий в борьбе, что как бы по уговору в битве наступает перерыв. И вот в обоих отрядах раздаются крики о приостановке ненадолго сражения. Оба войска принимают это, и ряды расходятся; они отдыхают, переводя дух, отирая пот, и рассказывают друг другу о некоторых деяниях и рыцарских подвигах, как будто связанные общением и дружбой. После отдыха и некоторого перерыва перемирие прекращается, и оба строя снова сходятся; с обеих сторон держится тот же пыл, что и раньше, и много людей у тех и у других падает или попадает в плен. Когда усталость опять овладевает противниками, а судьба все еще не обнаруживает, на чью сторону падет перевес, снова в обоих войсках стали просить о возобновлении перемирия. Перемирие принимают, войска расходятся, и сильнейшие воители предаются новому покою, отирают пот с себя и с коней, перевязывают раны, отдыхают, беседуют между собой, обменивают пленных, возвращают друг другу захваченных той или другой стороной коней; для опознания последних можно было подходить к вражескому войску. Из обоих отрядов посылают друг другу вино для утоления жажды и увозят с места боя сброшенных в сражении с коней и тяжелораненых, которые были не в силах подняться и могли быть растоптаны; так что не знающему дела они могли показаться не враждебными, а самыми дружественными войсками. После этого, прекратив отдых и перерыв, они в третий раз вступают в сражение с безмерным мужеством. Память не сохранила сведений ни о каком другом более яростном сражении между двумя славнейшими войсками, где, по нашим сведениям, сошлись бы столь опытные и заслуженные рыцари и с величайшим напряжением сил добивались бы победы, пока не были ранены или взяты в плен. Вплоть до третьего столкновения борьба между ними шла с переменным успехом, и ход битвы был одинаков для обеих сторон. Но вот королевский рыцарь Ян Пашан из Островиц, герба Топор, ниспровергает с коня вражеского начальника и, отняв вражеское знамя, свертывает его и приторачивает к седлу; тотчас же польское войско стало брать верх, а вражеское, охваченное страхом, с потерей знамени начинает уступать. Тут польские рыцари, решительнее ринувшись на устрашенных и помышляющих уже о бегстве врагов, теснят их в тяжкой сече; когда же все вражеские части показали тыл, поляки одолевают вражеское войско, в котором с божьей помощью страх взял верх над стыдом, и одерживают полную победу над врагом, повергнув, убив, взяв в плен или обратив его в бегство. Ибо враг под усиливающимся натиском поляков подался назад, а затем показал тыл. А так как победители продолжали теснить бегущих и преследовали на сколько было сил преследовать, а руки были способны разить, то было убито восемь тысяч врагов. Без сомнения,

если бы возможно было продлить на некоторое время день, то редко какое-либо сражение блистало бы более славной красой; но наступившая ночь укрыла бегущих, помешав захватить их в плен полностью. Враги были рассеяны, обращены в бегство или перебиты; везде на полях слышалось погребальное пение победителей. Это сражение и победа из-за решительного упорства, проявленного с обеих сторон, считались среди опытных
15 VII в военном деле людей более замечательными, более славными и великолепными, чем великая битва под Грюнвальдом в том же году в день рассеяния апостолов. Ведь это сражение было более ожесточенным, учитывая число сражавшихся; настолько оба отряда упорно стремились к победе; сердца тех и других были полны одинаковой решимости умереть, встретив смерть лучше в бою, чем в бегстве. И это мнение вполне основательно, ибо на стороне тех и других были знаменитейшие рыцари, испытанные во многих сражениях, сильные телом и крепкие духом; трудно было бы найти в каком-либо другом сражении равных им доблестью, настолько все они горели решимостью биться до последней крайности. Оба войска сражались каждое под одной хоругвью. Что касается королевского войска, то оно имело на знамени двойной пурпурный крест, вышитый на белом шелке; носителем знамени был Петр Ритерский, рыцарь герба Топор. Орденское же войско имело на своем знамени белое и красное поля, соприкасающиеся из угла в угол; знаменосцем его был Генрих, родом франконец, взятый в плен во время бегства, за что впоследствии его много раз попрекали соратники; он считался бы опозоренным, если бы от этого укора не получил оправдания королевским письмом, за которым лично явился к королю. Редко на памяти нашего века, даже между католиками и варварами, происходило столь славное сражение, где бы с таким мужеством и стойкостью бойцы обеих сторон боролись за победу. И хотя упомянутая короновская победа на деле была меньше, чем грюнвальдская, но по степени опасности, которой подвергались бойцы, по пылу и упорству сражения ее следует предпочесть даже грюнвальдским лаврам.

БЛАГОСКЛОННОСТЬ ВЛАДИСЛАВА, КОРОЛЯ ПОЛЬСКОГО, К ПЛЕННЫМ И ОБХОДИТЕЛЬНОСТЬ ЕГО СО СВОИМИ РЫЦАРЯМИ.

Взяты были в плен при этом поражении и бегстве Михаэль Кухмейстер, фогт Новой марки, главный начальник крестоносного войска, Конрад Немпч из Силезии и много придворных Сигизмунда, короля венгерского: Конрад Элькингер, Конрад Трукльшеш, впоследствии возведенный в звание магистра святого Иоанна в Лагове, Балтазар из Гловна, Гануш Лебель и много других франконцев, силезцев, саксонцев и швабов; королевское войско сильно обогатилось также конями, оружием, деньгами и прочей добычей. О столь блестящем и счастливом успехе королевское войско озаботилось как можно скорее дать знать Владиславу, королю польскому, через рыцаря Заклику из Кожкви. Получив эту, столь замечательную новость, король с рыданием, вздохами и слезами возносит великую благодарность богу, а упомянутого Заклику из Кожкви, как

принесшего добрые и счастливые вести, награждает пятьюстами марками. В субботу, на следующий день после сражения, польские рыцари, взяв с собой знатнейших пленных, прибывают на место сражения и, подобрав тела своих и врагов и возложив их на повозки, отвозят в Короновский монастырь; затем, справив торжественно похоронную службу в присутствии всех пленных, которые с великим воплем оплакивали гибель соратников и свое поражение, предают трупы почетному погребению. Среди погибших был знатный юноша Ульрих Элькингер,[177] настолько богатый, что за его выкуп мало было бы заплатить шестьдесят тысяч флоринов. Смерть его пленные оплакивали с особенной скорбью и добились разрешения похоронить его в отдельной могиле.

В воскресенье, перед праздником святой Ядвиги, двенадцатого октября, королевское войско ушло из Коронова, везя с собой пленных и добычу. По прибытии в Быдгощь, после трехдневного отдыха там, стали делить поровну военную добычу по обычаю ратных людей. После того, *15 X* в среду, в день святой Ядвиги, войско прибыло к королю в Юнивладиславию с великим множеством коней и повозок; за ними следовала длинная вереница пленных, которые ехали на шестидесяти подводах, высланных для этого королем, или на конях, или шли пешком, как за победителями в состязаниях. Король же Владислав велел приготовить для пленных великолепный обед, лечить и перевязать их раны и приставил определенных рыцарей для обслуживания сидящих за столом. В ту же ночь король Владислав собственной персоной, со светильниками, пришел навестить всех своих раненых рыцарей в домах, где им дали приют; никого из них он не оставил без внимания, оделяя всех лекарствами, ободряя словами. Можно было подумать, что это не король, а простой человек, который по обычаю частного лица ничего не упускает, чтобы снискать расположение к себе. И всем своим рыцарям он с королевской щедростью пожаловал дары за их мужественные подвиги в упомянутом сражении. Кроме того, в тот же день после обеда Владислав, король польский, в длинной речи подробно изложил пленным, сколь велика и очевидна справедливость и правда на стороне его дела и сколь велики несправедливость и неправда дела крестоносцев. На упрек его после этого, что они поступили неправильно, подняв оружие за неправое дело крестоносцев, он получил от пленных ответ: если бы они могли знать о неправоте Ордена и о правоте короля, то никогда не выступили бы в этот несчастный поход и не подняли бы оружия за Орден против короля.

16 X В четверг, на следующий день после праздника святой Ядвиги, произведя перепись имен, положения и званий пленных и назначив, когда и куда они должны явиться, Владислав, король польский, по благочестивой милости своей отпустил всех. Исключение он сделал для одного только фогта Новой марки, Михаэля Кухмейстера, которого отослал в оковах в Хенцинский замок. Рыцари же, одержавшие над врагами столь славную победу, были, как известно, следующие: Сендзивой из Остророга, воевода познанский, герба Наленч; Мацей из Лабышина, воевода брестский,

герба Топор; Петр из Медведзя, староста и начальник королевского войска, герба Стары-Конь; Мщуй из Скшинна, герба Лебедь; Якуб Кобылянский, герба Гжималя; Миколай из Повалы, славный многими ранами; Гневош из Далевиц, герба Стшегомя; Ян Фарурей из Гарбова, герба Сулима; Миколай Хшонстовский, герба Стшегомя; Петр Ритерский, Ян Нашан из Островиц, Ян Нос из Добркова, все трое герба Топор; Скарбек из Гур, герба Габданк; Дзик из Кадлуба, Миколай Белявский, герба Козлероги; Станислав Елитко, герба Долива; Бартоломей Пломиковский герба Венява; Заклика Кожеквицкий, герба Серокомля; Кристин Магеро из Говожиц, герба Рава; Ян Щицкий, герба Долива; Добеслав Олевинский, герба Остоя; Добеслав Оквя, герба Венява; Ян Рей из Нагловиц, герба Окша; Домарат Кобыленский, герба Гжималя; Альберт Мальский, герба Наленч; Добеслав Пухала из Венгров, герба Венява; Томаш Кальский, герба Роза; Дерслав Влостовский, герба Окша; Александр Горайский, герба Гриф; Канимир из Туховец, иначе из Кунрациц, герба Зграя; Гжималя Зерницкии, Ян Челюстка, Марцин из Вроцимовиц, герба Полукозы, краковский хорунжий; Енджей Брохоцкий, герба Озорня; Святополк из Завады, герба Лис; Ян Гжималка; Будек из Забожа; Слапка из Рудки; Миколай Боровец, Ян Лион. Я называю их всех по именам ради достоинства и чести и за их геройскую доблесть и мужественные подвиги чтобы о всех и о каждом из них сохранить известность, славу, выдающееся отличие и неувядаемую хвалу у современников и потомков и в сердцах всех, кто прочтет настоящее наше сочинение. Эта битва, наконец сломила и притупила гордыню крестоносцев; возроптали на них их же собственные рыцари и горожане за то, что они ведут беззаконные войны, вопреки заключенному договору, говоря, что не будут крестоносцы иметь успеха, если не вернут королевству Польскому отнятых областей и имущества. О величии и славе этой битвы можно в особенности судить по тому, что после упомянутой битвы крестоносцы и их предводители никогда уже не решались в течение многих лет завязывать с поляками открытого сражения, или становиться в боевой строй, довольствуясь только беспорядочными стычками.

ЯНУШ БЖОЗОГЛОВЫЙ, ОБМАНУТЫЙ ХИТРОСТЯМИ ВРАГОВ, ВОЙДЯ С НИМИ В СОГЛАШЕНИЕ, СДАЕТ ИМ ЗАМОК ТУХОЛЮ.

За успехом под Короновым последовало несчастье. В субботу, на сле-
11 X дующий день после святого Гереона, то есть на второй день после сражения, крестоносцы, осаждавшие замок Тухолю, приводят и показывают Янушу Бжозогловому и прочим осажденным в замке Тухоле много людей, одетых в польские доспехи и умевших говорить по-польски, и среди них некоего добжинского рыцаря Навира, который, покинув своего короля, перебежал к крестоносцам. По словам крестоносцев, они одержали под Короновым блестящую победу над королевским войском, и в доказательство победы они привели упомянутых одетых в польские доспехи людей, якобы взятых там в плен. Кроме того, чтобы придать больше веры своему хитрому

сообщению, они украсили упомянутого Навира, добжинского рыцаря, круглой сеткой для волос, сплетенной из жемчужин, какую поляки называют panthlik.[178] Эту сетку во время боя под Короновым будто бы сорвал с Миколая Повалы какой-то немец, свалив его с коня и едва не захватив в плен. Итак, крестоносцы показывают Янушу Бжозогловому упомянутого Навира, украшенного этой сеткой и облаченного в доспехи, и выдают его за Миколая Повалу. Но хотя Януш Бжозогловый признал сетку, которую ему показывали, по метке на ней, как принадлежавшую Миколаю Повале, королевскому рыцарю, однако он требует от Навира, чтобы тот объявил, кто он и какой был исход сражения. Тот ложно утверждает, что он Миколай Повала и что королевское войско разбито крестоносцами и внушает Янушу Бжозогловому доверие ко всей выдумке крестоносцев и великий страх. Потрясенный этим сообщением и не зная о поражении крестоносцев (так как королевскому начальнику, ввиду наступления ночи и озабоченности другими делами, было трудно ему об этом сообщить), Януш, вступив в переговоры, договаривается с врагами о сдаче замка Тухоли. Затем, выполняя договор, Януш оставляет замок и со всеми своими людьми, которые вместе с ним терпели осаду, прибывает к королю в Юнивладиславию. Когда же Януш узнал, что королевское войско одержало над врагом блестящую победу, а он обманут хитростями врагов, он разразился плачем и рыданиями и начал рвать волосы на голове; так сильно он мучился стыдом и болью, что, будучи мужем опытным в войне и сведущим в ратном деле, позволил себя обойти такой гнусной и ловкой хитростью и отнять благодаря подставному лицу и обману крепчайший замок. За всю прежнюю и последующую жизнь судьба, которая щедро дарила его успехами, не повергала его в такое гнусное и позорное положение.

ПОЛЯКИ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ПЕТРА ШАФРАНЦА РАЗБИВАЮТ И ОБРАЩАЮТ В БЕГСТВО ОХРАНУ ТУХОЛЬСКОГО ЗАМКА

После этого прусский магистр Генрих фон Плауэн набрал большое число новых наемных рыцарей, разноплеменных и разноязычных. Между ними главными были Эбергард, епископ вюрцбургский,[179] и Иоганн, князь мюнстербергский, иначе замбицкий, из Силезии. Они прибыли по распоряжению прусского магистра и крестоносцев в Тухольский замок и, располагая множеством повозок, бомбард и прочего военного снаряжения, пытались вторгнуться через лишенные охраны области в Польское королевство. Узнав от разведчиков об этом новом обстоятельстве, Владислав, король польский, двинул в поход рыцарей земель Великой Польши, а также Велюньской, Познанской, Ленчицкой, Куявской, Серадзской и Добжинской земель, сам же, выступив из Юнивладиславии в воскресенье, перед праздником святых Симеона и Иуды, остановился на ночлег. 26 X
В понедельник же, накануне праздника святых Симеона и Иуды, он прибыл в Быдгощь, куда уже раньше собрались отряды его рыцарей из упомянутых земель. После обсуждения предстоящих действий, король, оставаясь 27 X

в Быдгощи, отправляет собравшееся войско, присоединив к нему рыцарей своего двора, во вражеские земли. Начальником и предводителем войска, стоявшего под двенадцатью знаменами, король назначает Петра Шафранца,
28 X краковского подкомория. Итак, во вторник, в день святых Симеона и Иуды, королевское войско, значительный отряд всадников и пеших, более внушительный на вид, чем по численности, сопровождаемое на расстоянии полумили, со вздохами и слезами, Владиславом, королем польским, выступает из Быдгощи, оставив там все телеги и снаряжение, чтобы удобнее было действовать при случае; быстрым ходом, опустошая и выжигая вражеские земли, в тот же день оно достигло Тухоли. Петр Шафранец, расположив войско в месте, удобном для засады, высылает шестьсот балистариев, чтобы раздразнить врагов, находящихся в Тухоле. Когда балистарии с этой целью вели захваченный в качестве добычи скот, враги, полагая, что тех не более, чем их было на виду, поддаются на эту приманку; выйдя из Тухоли быстрым ходом, они настигают шестьсот польских наемников, которые делают вид, что испуганы и обращаются в бегство до самого места засады; тогда королевское войско, выскочив из засады, с распущенными знаменами спешит в бой против врагов. Враги же, хотя и превышали их числом, словно устрашенные появлением королевского войска, стремглав обращаются в бегство; однако Петр Шафранец, предводитель королевского войска, несмотря на многократные просьбы рыцарей, долгое время не позволял преследовать бегущих, опасаясь и сам засады, подобной устроенной им; и только видя, что враги слишком беспорядочно бегут в город, отбросил опасения и дал знак королевскому войску преследовать бегущих. Хотя и с опозданием, но, пылко ведя преследование до самых ворот города Тухоли, поляки многих перебили и взяли в плен, в том числе даже пять вражеских начальников, а именно: Яна Коловрота из Черногуса, Яна Заеца и Генрика Маловца, чехов, Гедварта Рейдбурга, силезца, и Генриха фон Забена из Лузации. Королевское войско, кроме того, завладело вражеским лагерем и всем его обозом, который стоял перед городом и никак не мог быть введен в город вследствие царившего там смятения и спешки, а также потому, что мешал напор бегущих; найденное там большое количество добычи войско разграбило. Многие люди опытные в военном деле, считали, что если бы предводитель Петр Шафранец вовремя дал позволение преследовать бегущих, то все вражеское войско было бы уничтожено в тяжкой сече и спаслись бы немногие. На это зрелище смотрели со стены Тухольского замка Конрад Немпч, королевский рыцарь, и Ян Повала младший, крестоносец, пленные и некоторые другие, и Конрад Немпч, говорят, увидев королевское знамя с двойным желтым крестом на небесно-голубом поле, сказал окружающим: «Лишь только покажется это знамя и это полотнище,[180] не ведающее, что такое бегство, тотчас же мы видим и славную завязку боя». Увидев, однако, что крестоносцы бегут, не вступив в бой, прибавил: «На нас негодуют за то, что в битве под Короновым мы, будучи в конце концов побеждены, попали в руки победителей; насколько же

более следует негодовать на тех, кто, устрашившись одного вида врагов, без всякой необходимости показал тыл. Мы-то бились под Короновым как подобает мужам, и дали достойное доказательство нашей доблести, раз, и другой, и третий сходясь в бою; эти же даже не отведали начала битвы. И те, кто испытал это на себе, могут открыто объявить, чего стоит меч и рука поляков». Среди прочих обратились тогда в бегство князь Иоганн Мюнстербергский и все знатнейшие рыцари. Некоторые же, отчаявшись попасть в город, оставили коней и вверились волнам, где множество их, захлебнувшись, погибло; больше погибло их в волнах, чем от меча. Многие, наконец, не считая себя в безопасности даже в Тухоле, бежали в Хойницы, как в более укрепленное место; но и при этом бегстве попадали в плен к преследовавшим их полякам.

ПОЛЬСКОЕ ВОЙСКО ОТХОДИТ ОТ ТУХОЛИ, И КОРОЛЬ ОТПУСКАЕТ ПЛЕННЫХ ПОД РЫЦАРСКОЕ СЛОВО.

С наступлением ночи королевское войско, не имевшее отдыха в течение целого дня, усталое и голодное, начало отходить от Тухоли, чтобы найти где-либо продовольствие для себя и для коней. Но, обремененное добычей и телегами и не направляемое проводником (а ночь была очень темной, так как луны всю ночь не было и звезды не светили), войско кружило, блуждая из стороны в сторону. На рассвете же, обнаружив, что за всю эту ночь прошли только полмили и еще не ушли из вида Тухольского замка, они были охвачены сильным страхом, как бы враги не решились предпринять что-либо против них, усталых, измученных и голодных, и стали отступать к Быдгощи. Однако туман, длившийся до позднего дня, был до того густым, что и зрение стало бесполезным. Туман рассеял, однако, какие-либо опасения, и под покровом его королевское войско невредимым добралось в Быдгощь. Между тем Владислав, король польский, узнал от рыцаря Гневоша из Далевиц, посланного к нему от войска, что его войско после славной победы, вследствие которой враги в страхе бежали, собирается возвратиться домой ввиду приближения зимнего времени и ради добычи, взятой во вражеском лагере. Сев на коня, король быстро отправился из Юнивладиславии к Лабышину и Шубину, чтобы удержать войско от возвращения и направить на осаду врагов, бежавших в Тухолю. Но, хотя король спешил, он немного запоздал; войско уже разошлось в разные стороны и никак нельзя было собрать его, так как оно слишком рассеялось. Поэтому король решил возвратиться туда,
откуда прибыл и, отобедав в день всех святых в Шубине и остановившись 1 XI
на ночлег в Лабышине, возвратился в Юнивладиславию на другой день, 2 XI
в воскресенье, на следующий день после дня всех святых. В понедельник,
после праздника всех святых, к нему привели для обозрения все множе- 3 XI
ство пленных, взятых под Тухолей; им король также изложил, что всегда защищает дело самое справедливое, противная же сторона крестоносцев является неправой; и после переписи имен и званий пленных, он отпустил их всех под простое рыцарское слово, назначив день и место явки. Одному

из них, Яну Заецу, чеху, он сказал: «Так как ты не можешь отрицать, что был моим придворным и приближенным, то объясни, как же ты поднял оружие против меня за моих врагов, крестоносцев, и опровергни преступление, которое ты совершил против нас». На это Заец ответил: «Не отрицаю, благочестивейший король, что я придворный и слуга твоего величества. Но если я, не заботясь о тебе, перешел на сторону твоих врагов крестоносцев, то причиной тому — моя отвага, ибо будучи мужем смелым и бесстрашным, иначе rabk,[181] и слывя таковым, я счел более достойным перейти на сторону павших и поверженных, ведь я слышал о твоих славных победах, много раз одержанных над Орденом крестоносцев. Так что, если бы я пришел к тебе на помощь, то моя утешительница (он имел в виду королеву Софию, супругу чешского короля Венцеслава) осыпала бы меня упреками за то, что я, опасаясь исхода битвы, склонился к тебе, которого до сих пор сопровождала удача. Итак, я пошел к тем, у кого дела были плохи, чтобы выказать свою отвагу, каков бы ни был исход; а так как тевтонцы бежали, то я, считая бегство постыдным, отдался в руки твоих рыцарей. Итак, поступай со мной как тебе угодно». Спрошенный затем королем, как он считал бы достойным победителя поступить с ним, пленным, который был придворным и приближенным короля, Заец ответил: «Поступай так, как внушает тебе твое милосердие, проявляя которое к побежденным, ты, видимо, обязываешь победу быть благосклонной к тебе». Польщенный таким остроумным ответом, король отпустил Заеца под рыцарское обещание, как и других рыцарей.

ПОЛЬСКИЕ РЫЦАРИ И ТУХОЛЬСКАЯ СТРАЖА ОБМЕНИВАЮТСЯ ПОСЛАНИЯМИ.

Между тем королевские придворные рыцари, нанесшие поражение врагам под Тухолей, шлют князю Иоганну Мюнстербергскому и всем наемникам крестоносцев, действовавшим в Тухоле, послание, украшенное сильными и красноречивыми выражениями; затем они передают его через герольда, предъявляя суровое требование выдать, согласно рыцарскому праву и обычаю, все доспехи, коней и военные знаки отличия, и в частности плащи, носимые поверх доспехов, которые называются wappenrokkyn,[182] с которыми они выступили в бой, так как это полагается им, как победителям; ведь с того времени, как они вышли на поле сражения и без боя обратились в бегство, они должны признаваться больше, чем побежденными. И не беглецу подобает носить оружие, а мужу; кто решился выступить в бой вооруженным, тот обязан по рыцарскому закону, в случае бегства, отдать оружие победителю. От крестоносцев же они получили ответ: они всегда заботились о своей чести и не считают, что когда-либо замарали ее позором какого-либо бегства; они будут по рыцарскому обычаю защищать свою честь при дворах королей и князей и очистятся от обвинений и хулы вооруженной рукой; и предлагали во свидетельство своей невиновности бой и поединки в отдаленнейших местах. Это естественно было ожидать от тех, которые могли оправдывать свое

бегство только дерзкими и голословными заявлениями, тогда как польские рыцари вызывали их ко дворам Александра, великого князя литовского, а также князей Мазовии — Земовита, Януша и Болеслава,[183] обещая им полную безопасность; те же, наоборот, называли польским рыцарям дворы королей Франции, Англии, обеих Испаний[184] и Неаполя, чтобы какими-нибудь прикрасами прикрыть свой стыд. Однако если бы и случилось, что польские рыцари приняли эти предложения, то наемники крестоносцев не сдержали бы обещания, а нарушили бы их, выставив в свое оправдание новый обман.

ПОЛЯКИ СДАЮТ КРЕСТОНОСЦАМ ЗАМКИ ШТУМ И МОРОНГ

Генрих фон Плауэн, магистр Пруссии, видя, что попытки его нападения с войском наемных и своих воинов на земли Польского королевства остались тщетными из-за мужественного и стойкого сопротивления поляков, выводит войско из Померании и направляется в Пруссию. Там он осаждает замок Штум, управляемый Енджеем Брохоцким, чтобы пресечь великое и постоянное разорение, которое причиняли оттуда Мариенбургскому замку, пользуясь его близостью, королевские войска своими нападениями и враждебными действиями. Между тем как магистр тревожит замок непрерывными приступами в течение шести недель (а надежды никак не соответствуют его усилиям), вдруг (неизвестно — случайно или вследствие измены) сгорает башня большего замка, находившаяся над воротами, с запасами пороха, метательного оружия, боевых снарядов и продовольствия. От этого среди осажденных день ото дня растет отчаяние; не имея возможности иным путем избежать угрожающей гибели, они вступают с магистром в соглашение о сдаче замка, с тем, однако, что выполнят его не иначе, как с согласия и по повелению короля. Итак, с разрешения и под охраной магистра Пруссии они отправляют королю в Юнивладиславию двух рыцарей: Канимира и Голы-Яна, которые рассказали, какой несчастный случай произошел с пожаром башни и снаряжения и какая угрожает им опасность, если они будут упорно сопротивляться. По разрешению же и приказанию короля они сначала заключают соглашение о безопасном выходе из замка с конями, оружием и всяким добром, а затем передают магистру и Ордену не только замок Штум, но и замок Моронг, которому грозила подобная же опасность.

ОТРАЗИВ ПРУССКОГО МАГИСТРА, ОСАЖДАВШЕГО ЗАМОК РАДЗИН, ПОЛЯКИ БЕРУТ И СЖИГАЮТ ГОРОД

Овладев двумя замками и обретя от этого новую и великую решимость, прусский магистр Генрих фон Плауэн теснит подобной же осадой третий замок, именно Радзин; в течение шести недель он громит замок непрерывной стрельбой из бомбард. Но так как королевские войска хорошо защищали этот замок, то магистр был вынужден со стыдом поспешно бросить осаду, оставив в городе Радзине большое количество раненых

на излечение. Это не могло остаться неизвестным королевским рыцарям, оберегавшим замок Радзин. Поэтому в следующую же ночь они направляют быстрого гонца к другим королевским отрядам, которые несли защиту замка Бродницы с просьбой скорее прийти им на подмогу; тогда, сделав набег, они легко овладеют городом Радзином с его имуществом и людьми, оставленными в нем крестоносцами для защиты и на излечение. Исполняя их просьбу, рыцари Бродницкого замка, а именно Альберт Мальский, Добеслав Пухала и много других, прибывают в условленный день и час. Узнав об их прибытии, рыцари, поспешно выйдя из замка Радзина, нападают на город Радзин через ворота, обращенные к замку; и, соединившись с бродницкими рыцарями, чередуя усилия, разбивают и проламывают ворота города при тщетном сопротивлении горожан и орденских воинов. В проходе же ворот поставлена была большая бомбарда, из которой выпалил какой-то священник, взявшийся не за свое дело, чтобы помочь своим согражданам, сбежавшимся во множестве к воротам для отражения угрожающей опасности; бомбарда своим напором, отпрянув в толпу горожан, задавила двадцать четыре из них; из королевских же воинов поразила только троих. Устрашенные таким несчастьем, горожане и воины крестоносцев прекращают защиту, и королевские воины занимают город и, разграбив, обращают его в пепел. Взяв в плен много людей из числа радзинских горожан и наемников крестоносцев, довольные и невредимые они возвращаются в свои замки.

ТОРУНЬ И ГДАНЬСК, НАРУШИВ ВЕРНОСТЬ КОРОЛЮ, ПРЕДАЮТСЯ ГОРОЖАНАМИ ДОБРОВОЛЬНО МАГИСТРУ ПРУССИИ ПО ЗАКЛЮЧЕННОМУ С НИМ РАНЬШЕ СОГЛАШЕНИЮ.

В то время, когда магистр прусский Генрих фон Плауэн стоял в осаде замка Радзина, он заключил с горожанами Торуня и Гданьска (хотя те дали заверение в повиновении и верности королю) тайное соглашение о сдаче ему упомянутых городов и убедил их (а они и сами были склонны к этому) передать ему упомянутые города. Итак, сняв осаду замка Радзина, он ведет войско на Торунь, чтобы овладеть обоими городами, как было условлено. Между тем торуньские и гданьские горожане, чтобы прикрыть свои хитрости и вероломство, отправляют донесение к Владиславу, королю польскому: торуньцы — через бургомистра Альбрехта Рота и Петра Шелигу, горожане же гданьские — письмом, сообщая, что прусский магистр Генрих скоро прибудет для осады их города и прося оказать защиту им и городам. Владислав, король польский, милостиво им отвечая, повелел им сохранять бодрость и стойкий дух и вполне надеяться на него, отбросив всякий страх, обещая своевременно оказать надежную помощь и защиту обоим городам. «Оставайтесь, — говорил он, — спокойно в ваших домах; мне и моим рыцарям оставьте только башни и стены; завтра я выступлю отсюда к вам с пятью, восемью, даже десятью тысячами, сколько я сочту нужным, всадников и спешно на-

правлюсь к вам. Позаботьтесь тем временем о судах для переправы моей через Вислу». Получив такой ответ, торуньцы уходят от короля и, возвратясь к своим, докладывают о наилучших намерениях короля по отношению к ним. Король же, выполняя обещание, на следующий день прибывает со всем своим двором в Гневков, куда к нему равным образом являются прежние торуньские послы. Увидев их, король тревожно стал их расспрашивать, готовы ли корабли для него и для его войска. Обойдя молчанием этот вопрос, они заявляют, что пришли к нему с новым докладом. Когда им предоставляется слово, они говорят: «Мы приходим к тебе, светлейший король, сообщить от имени нашего города, что мы находимся в такой крайности, что если ты завтра к заходу солнца не принесешь помощи нашему бедствующему городу, то знай, что мы передадим город магистру». В ответ на это заявление король говорит: «Прежде чем завтра зайдет солнце, я обещаю, что приду на помощь вам, если только вы предоставите корабли». Тогда они, понимая, что больше не могут скрывать своего вероломства, говорят: «Мы уже вошли с магистром в твердое соглашение (которое непозволительно нарушить), что завтра передадим ему город».

Столь открытое вероломство воспламенило бы в другом сильнейший гнев, но король Владислав, нисколько им не задетый, с благой кротостью довольствуясь только порицанием, упрекает послов: «Такова-то ваша верность? — говорит он, — такова ваша присяга, таковы обещания, которыми вы отдались под мою власть? Забыв их все, вы не постыдились заключить соглашение с моим врагом?» Сознавая свое преступление и не смея ни ответить что-либо, ни роптать, уже своим видом и опущенными в землю глазами они признают свое преступление. И советники уговаривают короля казнить смертью торуньских послов, как изменников и нарушителей договора, чтобы они стали свидетельством вероломства, не оставшегося безнаказанным; однако король, милостивый и кроткий, отвечает, что не должно казнить послов, доверившихся ему, и заявляет, что лучше пусть торуньцы и гданьцы не будут верны ему, чем он им.

С возвращением послов Торунь и Гданьск передаются под власть магистра, хотя никакая необходимость не вынуждала к этому горожан, магистр немедленно облагает осадой Торуньский замок, занятый королевским отрядом. Но так как королевские рыцари с мужественной стойкостью защищали его, производя частые вылазки и резню среди осаждающих, магистр никак не мог овладеть им.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ПОСЕЩАЕТ ЦЕРКВИ ГНЕЗНЕНСКУЮ И ТЕЛА ХРИСТОВА ПОД ПОЗНАНЬЮ И, ВНОВЬ СОБРАВ ВОЙСКО, ОПУСТОШАЕТ ПОМЕРАНИЮ.

Обманутый вероломством горожан Торуня и Гданьска, Владислав, король польский, возвратился из Гневкова в Юнивладиславию. Во исполнение же обета, которым он перед великой битвой обязался посетить познанский монастырь в честь святейшего таинства, король прибыл

из Юнивладиславии через Стшельно и Квецишов в Тшемешно; оттуда, идя уже пешком из благоговения к богу и святому Адальберту, прибыл в Гнезно. Из Гнезно он прибыл в Победиски, а отсюда опять пешком совершил путь до Познани в монастырь Тела Христова. Прибыв туда
24 XI в понедельник, накануне дня святой Екатерины, и проведя там три дня, король выполнил обряды и обет с великим благочестием; затем он возвратился теми же местами, как и пришел в Юнивладиславию, чтобы своим присутствием защищать Польское королевство от врагов, и новым призывом поднял на прусский поход земли Великой Польши, а также Серадзскую, Ленчицкую, Куявскую и Добжинскую. Когда по его повелению собралось в Юнивладиславии войско названных земель, король отправляет его в Померанию, поставив во главе Сендзивоя из Остророга, познанского воеводу. Вступив в нее, войско завоевывает город Нове опустошает и сжигает его; затем проходит вдоль и поперек всю Померанию, овладевая вражескими, а также отпавшими замками и городами опустошая ее пожарами и грабежами, и, прежде чем враги собрали силы для сражения, нагруженное взятой у врагов добычей, невредимым возвращается домой. Но так как обе стороны, утомленные ведением войны зимой, жаждали отдыха, то решено было заключить перемирие. Хотя посланный для заключения перемирия в Торунь Петр Шафранец, краковский подкоморий, не мог его осуществить, однако он назначает и определяет свидание короля и магистра для установления перемирия в городе Ра-
7 XII цёнже в день зачатия пресвятой девы Марии.

СЦИБОРИЙ ИЗ СЦИБОЖИЦ, СОВЕРШИВ ВТОРЖЕНИЕ В ПОЛЬШУ ПО ПРИКАЗАНИЮ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЯ, СЖЕГ ГОРОД СТАРЫЙ САНДЕЦ, ПРЕДМЕСТЬЕ НОВОГО САНДЕЦА И НЕСКОЛЬКО СЕЛЕНИЙ. ПОТЕРЯВ БО́ЛЬШУЮ ЧАСТЬ СВОЕГО ВОЙСКА, ОН ЕДВА УСПЕВАЕТ БЕЖАТЬ В ВЕНГРИЮ.

В это же время Сциборий из Сцибожиц, семиградский воевода, с двенадцатью хоругвями войск Сигизмунда, короля Венгрии, собранных из чехов, моравов и австрийцев (венгры же, памятуя о союзе с поляками, который для них был как бы священным и вечным,[185] не давали ни понудить, ни уговорить себя взяться за оружие), вступает в пределы королевства Польского через Срамовицы, так как королевские отряды, охранявшие Новый Сандец, наскучив долгим бездействием, разошлись по своим домам. Предав огню и разграбив город Старый Сандец, а также предместье Нового Сандеца с несколькими селениями, он быстрым ходом идет обратно в Венгрию через реку Попрот на Мушину по гористой и трудной дороге. Сигизмунд же, король венгерский, поручил Сциборию сделать вторжение в королевство Польское, чтобы иметь возможность заявить, что за сорок тысяч флоринов, полученных от магистра и Ордена, он выполнил свое обязательство об объявлении войны королю и Польскому королевству, а также чтобы показать магистру и Ордену, которые усиленно подстрекали его к защите их и к враждебным действиям против

Польского королевства, что он исполнил обещание, отправив против Польского королевства двенадцать хоругвей. Королевское же войско, оставленное оберегать границы королевства, не стерпело этого оскорбления и обиды; собравшись, оно стало стремительно преследовать Сцибория и его войско. В венгерском войске были следующие начальники: Сциборий, епископ агриенский, и его брат;[186] в королевском же: Спытек Ярославский с хоругвью собственных рыцарей, Ян Щекоцкий, каштелян люблинский,[187] Ян Валах из Хмельника и другие. Настигнув Сцибория, когда он уже перешел Альпы,[188] около Бардзейова, поляки нападают на него и на его войско, хотя намного их сильнейшее. Некоторое время велась ожесточенная битва, и так как множество имело перевес над малочисленностью, то поляки стали уже помышлять о бегстве, однако Каспар Бохунек и Далибор, стоявшие во главе отрядов, возобновив сражение в нескольких местах, удержали их от постыдного бегства. Итак, после возобновления битвы Сциборий, несмотря на то, что превосходил поляков численностью и силой, был, в конце концов, разбит и разгромлен и бежал в Бардзеюв, а войско его большей частью было взято в плен или перебито.

ДОСТОПАМЯТНОЕ ПОРАЖЕНИЕ ЛИВОНСКИХ РЫЦАРЕЙ, ПРИШЕДШИХ НА ПОМОЩЬ МАГИСТРУ ПРУССИИ

В субботу, накануне праздника святого апостола Андрея, Владислав, *9 XI*
король польский, покинув Юнивладиславию, в воскресенье прибыл *10 XI*
в Брест.[189] В то время, как он там находился, произошла вторая славная для него и знаменитая победа над крестоносцами. Магистр Ливонии Герман фон Виткиншенк с сильным и многочисленным войском, набранным из различных народностей, прибыл в Пруссию на помощь магистру прусскому. Послав всю силу своего войска в Голуб, чтобы легче было с близкого расстояния нападать на Добжинскую землю, сам магистр с немногими прибыл в Мариенбург. Узнав об этом, начальники королевских отрядов, помещенных для охраны в Бобровниках и Рыпине, выводят рыцарей из обоих замков и собирают незначительный отряд; предводительство и распоряжение им принимает на себя Добеслав Пухала, знатный рыцарь герба Венява, и неустрашимо ведет его на Голуб, зная, что там стоит много врагов. По прибытии туда Добеслав Пухала, расположив засаду в подходящем месте, посылает отряд рыцарей к городским воротам, чтобы причинить врагам урон и угнать скот. В то время как поляки угоняли все вышедшее из города на пастбище стадо, производя при этом опустошения и поджоги, сильное числом и доблестью войско ливонских рыцарей в блестящих доспехах, выскочив из города, стало преследовать польский отряд, сделавший вид, что он испуган и бежит, пока не достиг самого места засады. Королевское же войско, немедленно выступив из засады и ринувшись с тыла, убивает, теснит и опрокидывает врагов. Ибо вражеское войско, охваченное сильным страхом, не оказывает никакого сопротивления а немедленно обращается в беспорядочное бегство, спеша

возвратиться в город, преследуемое по пятам королевским войском. Не меньший трепет царит в городе и на стенах, так что горожане запирают ворота из опасения, как бы вместе с побежденными не ворвались в город и победители, хотя из защитников и половина еще не успела войти в город. Многие из врагов падают, теснимые в бегстве поляками, и сталкиваются друг с другом. В самих воротах, наконец, поднялась еще более сильная давка, и так как люди теснили друг друга, стараясь пройти раньше, то бегство врагов задерживалось и упавших гибло все больше; поэтому бо́льшая половина ливонского войска, отрезанная от входа в город, охотно сдалась в плен королевским отрядам, даже умоляя об этом, хотя по численности вчетверо превосходила поляков.

Таким образом попадает в плен много братьев Ордена и знатных рыцарей, и королевские рыцари связанными уводят их, сняв с них доспехи. Едва можно поверить, что пленных было вчетверо больше, чем взявших их в плен; несчастье до такой степени лишило пораженных страхом всякого соображения, что они не смогли как следует распознать ни малочисленности врагов, ни своей многочисленности.

Ведь враги и до и после поражения были во власти заблуждения, будто в лесах и рощах скрывается другое, главное королевское войско, сопровождающее тот отряд, который взял их в плен; обманутые этим, они и обратились в бегство и сдавались по собственному побуждению в плен. Поэтому, когда королевские воины вели их в Рыпин, они настойчиво допытывались у ведших их, где находится главное королевское войско и следует ли оно за ними. Королевские же воины, помня об опасности со стороны пленных, если скажут правду, утверждали, что сильное главное войско все время сопровождало и сопровождает их на близком расстоянии, но по некоторым основаниям еще не показывается; держа пленных в страхе такими выдумками, поляки приводят их в Рыпин. И только тогда, заключив пленников в оковы, они признаются, что бо́льшего королевского войска, чем то, которое нанесло им поражение и привело их связанными, не было. Услышав это, пленные разражаются жалобными рыданиями и слезами, громко заявляя, что только из-за неправой войны, на которую они пошли, их постигла столь жалкая участь и что меч божьей кары за нечестивые войны поразил их, раз такая ничтожная малость взяла верх над таким их множеством; ведь можно было еще и у ворот города Голуба и после, когда их вели, распознав свою многочисленность и малое количество врагов, перебить их. Затем из Рыпина всех пленных привели в Брест на показ королю Владиславу. Последний, по совершении благодарений богу за дарованную столь великую милость, заключил в башни всех рыцарей и братьев Ордена, а также всех куршей,[186] которые считались людьми ненадежными; прочих же военных людей, обязав их клятвой, отпустил под простое обещание явиться в срок.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ПОСЛЕ ПЕРЕГОВОРОВ С МАГИСТРОМ ПРУССИИ В РАЦЁНЖЕ, ЗАКЛЮЧИВ С ПРУССАКАМИ ПЕРЕМИРИЕ НА ОДИН МЕСЯЦ, ПОКИДАЕТ ПРУССИЮ

Выехав из Бреста в день зачатия пресвятой девы Марии, Владислав, *19 XII*
король польский, прибыл в Рацёнж для свидания с магистром Пруссии.[191] Когда и магистр Пруссии Генрих фон Плауэн прибыл туда в сопровождении Эбергарда, епископа вюрцбургского, и большой свиты графов и рыцарей, то был любезно принят Владиславом, королем польским, приглашен со всей своей свитой на обед и почтен великолепным угощением. Во время обеда упомянутый магистр Генрих, перейдя с королем Владиславом на более откровенную речь, имел с ним следующую беседу: «Сиятельнейший король, — сказал он, — бог и судьба трижды подряд предоставляли тебе удобнейший случай, но ты не сумел им воспользоваться, когда ты легко мог бы захватить замок Мариенбург и овладеть навсегда землями Ордена. Первый был тогда, когда ты в великой сече разбил моего предшественника, магистра Пруссии Ульриха, и истребил все его войско; ведь если бы на другой день ты послал на осаду Мариенбургского замка несколько хоругвей, то он сразу подчинился бы твоей власти, так как в нем стояло весьма малое, слабое и ненадежное войско. Второй случай был, если бы, взяв город Мариенбург, ты предпринял приступ замка: ведь через пролом со стороны Вислы и замка, вследствие смятения еще не заделанный нами, твои воины могли бы ворваться в замок. Третий мог бы иметь место, если бы ты продолжил осаду замка еще только на пятнадцать дней; ибо мы до такой степени страдали от недостатка пищи и от голода, что у нас на все множество воинов, защитников замка, было только два живых барана и три окорока свинины; сверх того, из-за отсутствия хлеба мы сильно страдали от поносной болезни, так что были бы не в состоянии вынести осады, если бы ты упорно ее продолжал».

Король же Владислав ответил: «Ничего не может случиться с людьми без соизволения бога, правящего миром по своему промыслу», — и обед кончился. Затем на следующий день велись различные переговоры об установлении перемирия. Но так как заключить его не смогли, то, прекратив свидание король Владислав вернулся в Брест, а магистр Пруссии Генрих — в Торунь; однако после новых переговоров при посредстве краковского подкомория Петра Шафранца было установлено перемирие сроком только на один месяц.[192] По заключении его Владислав, король польский, уехал из Бреста и через Пшедец, Ленчицу и Лович прибыл в Выскитки, где его встретили и приняли с большой любовью и почетом князь Мазовии Земовит, его супруга Александра, сестра короля, с пятью сыновьями: Земовитом, Владиславом, Александром, Тройденом и Казимиром.

Через четыре дня, которые он посвятил охоте на зверей, король, выехав из Выскиток через Осухов, Бендков и Стромец, прибыл в Едльню и справил там праздник рождества Христова.

Этот год был достопамятен великим поражением крестоносцев не только для поляков, но и для соседей их, как друзей, так и врагов, так как была укрощена и доблесть их и гордыня. И день славы ежегодно празднуется еще и по причине многих других побед, одержанных поляками над ними же под Короновым, Тухолей и Голубом, и над войском Сигизмунда, короля Венгрии, под Бардзейовом.

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1411

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ВСТРЕЧЕННЫЙ В ОПАТОВЕ КОРОЛЕВОЙ, СВОЕЙ СУПРУГОЙ, И БОЛЬШИМ ЧИСЛОМ ПЛЕННЫХ, ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ВОЙСКОМ В ПРУССИЮ.

Справив праздник рождества Христова в Едльне, Владислав, король
26 XII польский, в субботу, в день святого евангелиста Иоанна, выехал оттуда и, направив свой путь через Ильжу и Кунов, прибыл в Опатов; сюда уже ранее приехала королева Анна, чтобы первой встретить своего господина, короля и победителя по его возвращении, сопровождаемая большим числом
11 XI пленных; последние, явившись в Краков в день святого Мартина, теперь были отосланы к королю. Назначив им другой срок явки, король выехал из Опатова и через Лагов и Кельцы прибыл в Радошицы. Отпраздновав
6 I там день богоявления, он отправил королеву Анну в Краков, сам же, намереваясь снова выступить в прусский поход, через Сулейов, Пабианицы
16 I и Ленчицу приехал в день святого Марцелла в Брест, куда уже стеклось по его повелению войско с земель всего королевства Польского. Позднее прибыл сюда со своим литовским войском и великий князь Литвы Але-
25 I ксандр, с которым король Владислав в день обращения святого Павла соединил войска у Старой Владиславии. Следуя мнению своих советников, Владислав, король польский, перешел реку Вислу, которая от сильного мороза стала и не требовала переправы и которую перешло уже много сотен польских повозок; затем король решил было опустошить прусские земли грабежами и пожарами и обложить город Торунь, где заперся магистр Пруссии со своим войском. Оставив, однако, это решение, хотя и здравое, король по настоянию великого князя Александра, более склонного к миру, чем к войне, принял взамен другое. Двинувшись из Владиславии на Пшипуст, а оттуда, построив войско в боевом порядке и заведя его в бор, отстоявший в одной миле от Рацёнжа, король расположил стан в упомянутом бору у протекавшей там реки, чтобы у войска
2 II было достаточно дров для костров; на этом месте стояли до дня очищения. Тем временем, однако, на острове близ Торуня по установлении перемирия советники обеих сторон начали переговоры о вечном мире.

ВО ВРЕМЯ ПЕРЕГОВОРОВ О МИРЕ ЯНУШ БЖОЗОГЛОВЫЙ УГОНЯЕТ БОЛЬШОЕ ЧИСЛО ВРАЖЕСКИХ КОНЕЙ В БЫДГОЩЬ

Случилось так, что пока на Торуньском острове велись переговоры о вечном мире, срок установленного перемирия кончился и был продлен советниками обеих сторон еще до его истечения.[1]

Между тем Януш Бжозоголовый, полагая, что прежнее перемирие окончилось, а новое еще не заключено, и узнав от разведчиков, что породистые кони магистра Пруссии и его наемных рыцарей заперты в предстенном строении замка Папова, отправляется туда из Быдгощи всего с сорока рыцарями; переправившись у Сольца через реку Вислу, которая уже вскрылась, и прибыв туда, он взламывает предстенное помещение, которое во время перемирия охранялось менее тщательно, захватывает и уводит большое множество породистых коней, принадлежавших магистру и его наемным рыцарям; затем, поджегши строение, гонит табун благородных коней к Висле. Наемные рыцари из Торуня, узнав об ущербе, нанесенном магистру и им, собравшись большой толпой, стали его преследовать. Тот, чтобы ускользнуть от погони преследователей, велит своим идти вперед с табуном коней и переправиться через Вислу; сам же всего с двенадцатью воинами, то оказывая сопротивление, то притворяясь бегущим, долго обманывал врагов, которые опасались, что он ведет их в засаду, пока не достиг лодок, ожидавших его прибытия. Только, когда они уселись в лодки, преследователи впервые освободились от страха и всячески старались на него напасть, но он, оторвавшись от них, невредимым ускользнул в Быдгощь, нагруженный добычей, ибо завладел целиком всеми захваченными у Папова конями магистра и его наемных рыцарей. Это причинило большое огорчение магистру Пруссии Генриху фон Плауэну, так как он подвергся столь постыдному и нашумевшему нападению и от такого слабого врага получил столь сильный ущерб.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ПО СОВЕТУ АЛЕКСАНДРА, ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКОГО, ЗАКЛЮЧАЕТ ПОЗОРНЫЙ И ПАГУБНЫЙ ДЛЯ ПОЛЯКОВ ВЕЧНЫЙ МИР С ПРУССАКАМИ.

После различных переговоров о вечном мире, которые велись через советников той и другой стороны на Торуньском острове, стараниями Александра, великого князя Литовского (князь больше всего стремился только к воссоединению своего Литовского княжества и к возвращению себе Самагитской земли, которой лишили его крестоносцы), был заключен, утвержден и подписан мир на условиях, для Польского королевства несправедливых и невыгодных. Главные условия этого мира состояли в следующем: король польский возвращает магистру и Ордену все захваченные по праву войны замки на землях Пруссии и покидает их; король освобождает также и отпускает на волю всех людей магистра и Ордена, захваченных в каких бы то ни было сражениях; магистр и Орден выплачивают Владиславу, королю польскому, и его королевству в текущем году в три срока, а именно к празднику святого Иоанна Крестителя, *24 VI*
к празднику святого Михаила, к празднику святого Мартина, сто тысяч *29 IX*
коп больших пражских грошей, хотя король Владислав мог бы потребо- *11 XI*
вать сто тысяч только за одних пленных; Самагитская земля должна оставаться за великим княжеством Литовским, но после смерти польского короля Владислава и великого князя литовского Александра подлежит возвращению

магистру прусскому и Ордену крестоносцев; все это пространно излагается в статьях заключенного тогда договора о вечном мире.[2] Удивительно, однако, что при самом заключении тогда этого вечного мира ни Владислав, король польский, ни Витовт, великий князь литовский, ни кто-либо иной не счел обидой Польскому королевству отторжение его земель, возвращение которых тогда же могло бы воспоследовать; кроме самого королевства, скорбевшего об утрате своих исконных земель, возвращение которых предлагалось во время осады замка Мариенбурга, никто не почувствовал этого. Ведь Владислав, король польский, вовсе не был одушевлен заботой о возвращении земель своего королевства Польского, именно Померанской, Кульмской и Михаловской, и пренебрег предложением, добровольно сделанным ему во время осады замка Мариенбурга, а при заключении этого мирного договора упустил его из виду: король считал заодно с Александром, великим князем литовским, достаточным, если великое княжество Литовское достигнет воссоединения, хотя бы Польское королевство, о котором следовало подумать в первую очередь и больше всего, и было бы при этом урезано. И хотя польские советники понимали, что это усечение огромно, однако они не осмеливались высказаться против этого условия мира, чтобы не оскорбить короля и великого князя. Итак, вследствие исключительно неразумного решения как короля, так и князя и советников, великолепная и достопамятная грюнвальдская победа сошла на нет и обратилась почти что в насмешку; ведь она не принесла никакой выгоды королевству Польскому, но больше пользы великому княжеству Литовскому.

ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРНОГО ДОГОВОРА МЕЖДУ ПОЛЯКАМИ И ПРУССАКАМИ КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ОТПУСКАЕТ ПЛЕННЫХ ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО ГЕНРИХ, МАГИСТР ПРУССКИЙ, ВЫПЛАТИТ ЕМУ СТО ТЫСЯЧ КОП БОЛЬШИХ ПРАЖСКИХ ГРОШЕЙ; А ТАКЖЕ ВЫНОСИТСЯ РЕШЕНИЕ РЫЦАРСКОГО СУДА О СПОРЕ МЕЖДУ ПОЛЬСКИМИ И ПРУССКИМИ РЫЦАРЯМИ

После того, как между Владиславом, королем Польши, Александром, великим князем Литвы, и их государствами и владениями, с одной стороны, и магистром и Орденом прусским — с другой, был заключен и письменно скреплен договор о вечном мире, Генрих фон Плауэн, магистр прусский, прибыл лично в сопровождении пышной и избранной свиты к Владиславу, королю польскому; магистр встретился с названным польским королем Владиславом и братом его Александром, великим князем литовским, имевшими при себе большие отряды рыцарей, на равнине, где был поставлен королевский шатер, напротив Злоторыи. Здесь статьи о вечном мире были определены, приняты и утверждены и заверены приложением рук. Итак, Владислав, король Польши, обещает магистру Пруссии, что возвратит в определенные сроки занятые именем его светлости замки и города в Пруссии; он отпустит также из плена всех пленных, при условии, однако, если магистром и Орденом уплачено

будет ему сто тысяч коп пражских грошей. Генрих же, магистр прусский, обязуется в свою очередь уплатить королю Владиславу и его Польскому королевству сто тысяч коп грошей, в чем поручительство берут на себя знатнейшие из пленных, обязываясь возвратиться в плен. если случится небрежность в выплате. По выполнении законным порядком этого и многих других дел магистр Пруссии Генрих предложил в личный дар королю польскому Владиславу двенадцать серебряных кубков, все позолоченные, прекрасной работы; Владислав же, польский король, отвечая взаимностью, вручил ему несколько шуб[3] на собольем меху. На этом собрании выступил некий немецкий наемный рыцарь крестоносцев с обвинением против Миколая Повалы из Тенчова, утверждая, будто в битве под Короновым он одолел и взял его в плен, но что тот, не слишком памятуя о своей чести, пренебрег явиться к нему, согласно данному им обязательству. Так как Миколай Повала отрицал это и предлагал представить свои оправдания, дело было передано рыцарскому суду. Когда суд, избранный из многих рыцарей того и другого стана, открыл заседание, немец-истец, повторив свою жалобу и настойчиво утверждая, что он одолел и пленил Миколая Повалу, требовал, чтобы судьи отдали его ему и вынудили признаться в своем пленении. Миколай же Повала, чтобы одолеть своего противника-немца его же оружием и словами, спрашивает у него, есть ли у него какое-либо доказательство или вещь, украшение, которым он мог бы убедить, что его дерзкое утверждение истинно. «Да, есть», — говорит истец и, не медля, предъявляет судьям жемчужную повязку, которую, как было известно, во время битвы Миколай Повала носил на голове. «Вот, — сказал немец, — то украшение, которое я с тебя сорвал, одолев и пленив тебя». Тогда Миколай Повала, сильно обрадованный, что его противник попался туда, куда он желал, говорит «У народов, судьи, был и есть обычай, соблюдающийся издавна и до наших времен, а именно, что когда сражающиеся во время рыцарских действий, состязаний, сражений роняют повязки, украшения и подобные знаки благородства, их имеют обыкновение хватать и красть не люди рыцарского звания и занятые сражением, каким хочет казаться этот вот, но грабители, негодяи и подлейшие люди. Следовательно, предъявленное моим противником украшение не только не подтверждает, что я был побежден, но изобличает противника в том, что, оставив бои, он вместе с другими того же рода людьми, которым корысть, а не рыцарство в заботу, занялся собиранием оброненных знаков отличия. Ибо если бы он одолел и пленил меня, он представил бы на ваш суд другие доказательства победы, подобающие рыцарям, а не грабителям». Судьи, тщательно рассмотрев заявление истца и возражение ответчика, согласным приговором объявляют, что Миколай Повала, королевский рыцарь, не был захвачен в плен и не был обязан явиться, и освобождают его от притязаний истца. И даже прусские судьи преследуют последнего такими упреками: «Если бы ты послушался наших советов, когда мы отговаривали тебя от этого спорного суда, то ты избавился бы от оскорблений, во всеуслыша-

ние излитых на тебя противником. Понимаешь ли ты теперь, куда завело тебя твое легкомыслие, когда ты пренебрег нашими советами? Ведь противник с великой для себя честью вверг тебя в тяжкий позор и, поразив тебя твоим же мечом, оставил тебя поверженным и опозоренным».

Затем, с отъездом Владислава, короля польского, и Александра-Витовта, великого князя литовского, в станы своих войск, а магистра прусского в Торунь, собрание было распущено.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ОТДАВ ПОДОЛИЮ В ПОЖИЗНЕННОЕ ВЛАДЕНИЕ АЛЕКСАНДРУ, ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ЛИТОВСКОМУ, РАСПОЛАГАЕТ ВОЙСКА НА ГРАНИЦАХ С ВЕНГРИЕЙ И, ЗАКЛЮЧИВ ДОГОВОР С ВЕНГРАМИ, ОБЪЕЗЖАЕТ РУССКИЕ И ЛИТОВСКИЕ ЗЕМЛИ

Когда воссиял следующий день после этой встречи короля с прусским магистром, Владислав, король польский, отдает в держание Александру, великому князю литовскому, Подолию, эту важную землю и часть Польского королевства. Король отнял ее у рыцаря Петра Влодковица из Харбиновиц, подстолия сандомежского, который многие годы был ее правителем и старостой. Эта передача была произведена без ведома и согласия епископов и вельмож Польского королевства, что вызвало с их стороны сильное раздражение и недовольство, так как король недостаточно взвесил будущие распри, которые могут произойти из-за этого в Польском королевстве. Распустив в тот же день все свое войско, как польское, так и литовское, король Владислав покидает свой стан и ночует в Юнивладиславии; отсюда же через Ленчицу, Петрков и Опатов прибыл в Сандомеж; день мясопуста он проводит в Сандомеже вместе со своею супругою, королевою Анной, которая прибыла туда по его вызову. Стремясь, однако, чтобы границы его королевства, Польши, были обеспечены со стороны Венгерского королевства, он посылает туда охранные отряды, которые, не довольствуясь оберeганием границ Польского королевства, вторглись в пределы Венгерского королевства, терзая города, деревни и села многочисленными грабежами и пожарами. Но рыцарь Завиша Черный из Гарбова, который был придворным приближенным как польского, так и венгерского королей, выступил посредником между недовольными королями и, совершив несколько поездок туда и сюда, примирил и привел к согласию благодаря своему исключительному уму враждебные сердца королей.

Проведя масленую неделю в Сандомеже, королева Анна возвращается в Краков. Владислав же, король польский, отправляется в Холмскую землю и, пребывая близ Любомли и Любохни вплоть до средопостной недели, предается усердно охоте.

Между тем Завиша Черный после разных переговоров добивается заключения между обоими королями договора о перемирии сроком до
11 XI дня святого Мартина. Получив подтверждение перемирия, король польский Владислав, всегда подозревавший венгерского короля Сигизмунда во враждебных намерениях и считавший опасным отлучаться надолго,

впервые со спокойной от опасений душой, покинув по истечении средопостной недели Холмскую землю, отправился в Литву, которую уже давно горел желанием повидать; там король провел все время весны и лета, объезжая земли Литвы и Руси, везде сопровождаемый великим князем Александром. Взойдя затем на корабль в Вильно, он прибыл в Ковно, и оттуда проехав в Юдборг, с увлечением предавался там некоторое время охоте.

ЗНАМЕНА КРЕСТОНОСЦЕВ ВЫВЕШИВАЮТСЯ В КРАКОВСКОМ КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ

Прибыв из Леополя ко дню святого Мартина в Неполомицы и проведя *11 XI*
здесь пятнадцать суток, Владислав, король польский, в день святой *25 XI*
Екатерины отправился пешком в Краков поклониться гробам святых Станислава, Венцеслава и Флориана; сопровождаемый множеством епископов и вельмож, несущих развернутые знамена, захваченные у крестоносцев в великой битве, он вступил сперва в город Казимеж и пришел на Скалку.[4] Поклонившись там останкам святых, он поднялся далее в Краковский замок к кафедральному собору, предшествуемый знаменами крестоносцев, и в кафедральном соборе святого Станислава краковского возложил в знак великолепной победы все знамена крестоносцев. Эти знамена висят и по сей день по правую и по левую руку от входа, являя как местным жителям, так и приезжим великолепное зрелище, знаменующее вечное торжество короля и поражение крестоносцев.

Пятьдесят одно знамя врагов-крестоносцев, внесенные тогда в краковский храм, славнее и краше которого нет в Польше, придали храму блеск и благолепие, и поляки должны оберегать их и хранить навеки как памятник и отличие и взамен обветшалых ткать новые, чтобы ради безмерного и невероятного боя и торжества, одержанного над ними, пребывало перед глазами свидетельство столь великой победы и всегда представали бы частью те же самые знамена, частью же как будто те же самые.[5]

Тогда же было постановлено общим указом Владислава, короля польского, и всеми церковными и светскими сословиями учреждено по единодушному желанию и согласию отмечать день рассеяния апостолов во всем *15 VII*
королевстве Польском как великий и торжественный праздник. И пусть отцы научают детей своих и внуков и правнуков и всех последующих потомков соблюдать и хранить вечную память об этом дне, в который милость божия явила в славе милосердие свое к народу и племени польскому; и пусть все церкви как городские, так и сельские, существующие в Польском королевстве, отмечают с особой торжественностью богослужениями и обеднями и крестными ходами и вместе с прихожанами славят день столь великого торжества и возносят богу безмерные благодарения за благодеяние, дарованное им польскому племени.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЯН ДЛУГОШ И ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА

Борьба Польши и Литвы с Тевтонским орденом, решающим этапом которой явилась Грюнвальдская битва, наиболее подробно описана в труде польского историка Длугоша «История Польши».

Раньше чем перейти к изложению этой многовековой упорной борьбы мы разрешим себе познакомить читателя с жизнью и деятельностью Длугоша, выдержки из труда которого представлены в нашем издании.

О жизни и деятельности Длугоша мы узнаем из его собственного предисловия к его «Истории» и из биографии, написанной, как предполагается, Филиппом Каллимахом, современником Длугоша, одним из первых гуманистов в Польше.[1]

Ян Длугош родился в 1415 г. в г. Бжезнице, где отец его, участник Грюнвальдской битвы, занимал должность бурграфа, т. е. помощника старосты в местном замке. С назначением отца в г. Новый Корчин шестилетний Длугош стал посещать тут школу. Любовь к книге и способности, проявленные мальчиком, стремление обеспечить сыну наилучшее будущее побудили родителей направить его по духовной дороге. В таком именно определении жизненного пути Длугоша большую роль сыграл, вероятно, и дядя его, Бартош, капеллан Владислава-Ягайлы во время Грюнвальдского боя, затем священник богатого прихода в Клобуцке, недалеко от Кракова. В 1428 г. тринадцатилетний Длугош поступил

---

[1] J. Długosz, Opera omnia, t. I, Cracoviae 1863, стр. III–XVI.

в Краковский университет на философский факультет, окончание которого давало учащимся право поступать на любой из других факультетов. Однако Длугош его не окончил. По неясной причине, то ли потому, что обремененный большой семьей отец не мог вносить плату за ученье, то ли потому, что практический ум Длугоша не находил удовлетворения в господствовавшей тогда и преподававшейся в университете, оторванной от жизни философии, но в 1431 г. Длугош покинул университет.

Почти сразу после этого ему удалось получить место писаря в канцелярии краковского епископа Збигнева Олесницкого. Вероятно, этому помогло старое знакомство отца и дяди Длугоша с епископом, некогда секретарем Владислава-Ягайлы, тоже участником Грюнвальдского боя. Незаурядные качества Длугоша вскоре обратили на него внимание епископа, и тот делает его своим секретарем, а затем управляющим всеми громадными земельными владениями епископства. Одновременно при содействии епископа устроилась и духовная карьера Длугоша. В 1434 г Длугоша посвящают в духовный сан. Дядя Длугоша отказывается от своего прихода в Клобуцке и передает его племяннику. В 1436 г. епископ ставит Длугоша краковским каноником.

Заняв все эти посты и должности, Длугош оставался на них бессменно вплоть до самой смерти епископа в 1455 г., неизменно пользуясь расположением и доверием своего патрона и платя ему искренней преданностью

Длугош появился при дворе Збигнева Олесницкого в период высшего расцвета его могущества. Получив в 1423 г. от Владислава-Ягайлы краковское епископство, Олесницкий, человек сильной воли и неукротимой энергии, сумел в короткий срок вознести авторитет церкви на большую высоту и добиться для нее господствующего положения в стране. Борьба духовных и светских магнатов за ограничение королевской власти достигла под руководством Олесницкого значительных успехов уже при жизни Владислава-Ягайлы, а при его преемнике и сыне, Владиславе III (1434—1444), Олесницкий стал фактическим правителем государства. Двор епископа был политическим центром, местом, где сходились нити управления страной, где встречались виднейшие политические деятели, где обсуждались и разрешались основные вопросы внутренней и внешней политики.

Секретарь епископа, Длугош, не принимал активного участия в этой жизни епископского двора, но все, чему он был свидетелем, не могло, конечно, пройти мимо него бесследно. Двор епископа стал его школой, где он с успехом пополнял пробелы своего образования и приобретал жизненный опыт. Самым большим авторитетом здесь был для Длугоша сам епископ. Многие взгляды и убеждения своего высокого покровителя Длугош принял и разделил безоговорочно. Как и епископ, он являлся сторонником господства церковной власти над светской. Подобно епископу, ожесточенно боровшемуся со всеми проявлениями гусизма в Польше, Длугош с осуждением относился к представителям «виклефовой секты» Полностью перенял Длугош у Олесницкого и нерасположение, неприяз-

ненное отношение ко всем королям Ягеллонской династии, для чего епископ имел свои основания, особенно в последнее десятилетие своей жизни.

Двор Збигнева Олесницкого был не только политическим центром, но и центром культуры. Здесь бывали несомненно представители тогдашней польской науки, пышным цветом расцветшей в стенах Краковского университета. Сюда проникали и находили приют начатки польского гуманизма. Но ни здесь, при дворе епископа, ни при посещениях родины гуманизма, Италии, и неоднократных встречах с выдающимися его представителями гуманизм не оказал заметного воздействия на Длугоша. Подобно многим, он охотно воспринял внешнюю сторону гуманизма — любовь к классической латыни, увлечение классической литературой, и из своих поездок в Италию привез на родину изрядное количество трудов древних авторов. Но дальше этого не пошло. Мировоззрение Длугоша осталось типично средневековым.[2]

В 1448 г. Длугош был отправлен Олесницким в Рим к папе Мартину V с поручением добиться для епископа кардинальской шляпы. Олесницкий не поколебался доверить столь ответственное поручение Длугошу. В течение долголетней службы Длугоша у него епископ успел убедиться в практическом, трезвом направлении его ума, умении разбираться в самых сложных положениях и находить из них выход. И действительно, Длугош блестяще справился со своей задачей. Это еще более подняло его в глазах епископа, и в следующем году он отправил его с новым поручением в Венгрию. Длугошу надлежало отстоять личные владения Олесницкого в пограничной с Венгрией области, находившиеся под угрозой вследствие происходившей в Венгрии гражданской войны. При выполнении этого поручения Длугош проявил подлинный дипломатический талант, добившись в результате переговоров с враждующими сторонами заключения между ними перемирия, чем гарантировал безопасность епископских владений.

Успехи, достигнутые Длугошем, навлекли на него недовольство короля. После гибели Владислава III с 1447 г. королем польским стал второй сын Владислава-Ягайлы, Казимир Ягеллончик. Его вступление на престол открыло новую страницу в истории страны. Казимир положил конец почти неограниченному господству церкви и, утвердив за собой право назначения епископов, поставил церковь в зависимость от себя. Звезда Збигнева Олесницкого начала закатываться, его могущество поколебалось. Отношения его с молодым королем все более обострялись. Естественно, что получение Олесницким кардинальского звания, как и вмешательство его в польско-венгерские пограничные дела, не могли

---

[2] В последнее время эта точка зрения подвергнута в Польше пересмотру. По [мне]нию некоторых историков гуманизм оказал на Длугоша гораздо более глуб[окое] воздействие, чем до сих пор считалось. См., например J. Zaręb s k i. Proble[my] wczesnego Odrodzenia w Polsce. Odrodzenie i reformacja w Polsce, t. II. Warszawa, 19[..] стр. 42—52

понравиться Казимиру, а свое недовольство епископом он перенес и на счастливого исполнителя епископских поручений.

Сохраняя преданность своему покровителю, Длугош принимал искреннее участие в оппозиции, во главе которой стоял Олесницкий, и в ее борьбе с королем.

В 1455 г. Збигнев Олесницкий скончался. Его смерть явилась тяжелым ударом для Длугоша. Он потерял свою многолетнюю службу в канцелярии епископа, оставшись только краковским каноником, членом Краковского капитула, а самое главное он потерял человека, которому в течение проведенных с ним 25 лет привык во всем верить, человека, многие мысли и убеждения которого были его мыслями и убеждениями, чьим указаниям он всегда неуклонно следовал.

Поддержку в своем положении Длугош нашел в работе, которой он уже несколько лет занимался. Это была «История Польши».

Заняться этой работой его давно уговаривал Олесницкий, но он долго не решался взять на себя такой большой и ответственный труд. С другой стороны, подобная работа чрезвычайно его привлекала. Еще около 1440 г. Длугошу пришлось по обязанности управляющего владениями епископства заняться кропотливейшим делом — составлением описи всех городов, деревень, угодий и доходов, принадлежавших епископству.[3] Эта работа заставила Длугоша часто обращаться к древним документам, соприкасаться с сокровищами краковских архивохранилищ. Очевидно, уже тогда выработался у Длугоша вкус к изучению прошлого, и, вероятно, с тех пор он часто находил время для чтения старых рукописей.

Доказательством этого является небольшой труд Длугоша под названием «Знаки и гербы королевства Польского»,[4] представляющий собой описание гербов отдельных польских земель, капитулов, а также более чем ста шляхетских гербов с краткими характеристиками последних. Работа эта относится приблизительно к 1448 г.

Одновременно с ней из-под пера Длугоша вышел другой труд — «Прусские знамена»,[5] описание стоявших в соборе на Вавеле (Краков) трофейных знамен, захваченных в Грюнвальдском бою. Длугош описал их, чтобы, как он пишет, они остались на вечную память об этих победах. По его поручению краковский художник Станислав Дуринк сделал точные изображения знамен, а Длугош снабдил их указаниями, кому принадлежало данное знамя, кто стоял во главе несшего его отряда, каковы были размеры знамени и другими сведениями.

Кончина Олесницкого застала Длугоша вполне готовым для осуществления завещанного ему его наставником дела. К этому времени ему, вероятно, удалось уже собрать большой материал по историческому

---

[3] Этот инвентарь лег в основу труда Длугоша «Опись доходов Краковского диоцэза» (см. ниже, стр. 164).

[4] J. Długosz. Insignia seu clenodia Regni Poloniae. Opera omnia, t. I.

[5] J. Długosz. Banderia Pruthenorum. Opera omnia, t. I.

прошлому своей родины. Встречи и беседы с видными гуманистами того времени помогли ему найти классические образцы для его работы, в которых он нуждался, не удовлетворенный трудами своих предшественников. Из поездок в Италию в 1449 и 1450 гг. Длугош вывез сочинения Саллюстия, Плутарха и, самое важное, долго им разыскивавшееся и наконец обретенное сочинение Тита Ливия «Ab urbe condita».

После кончины Олесницкого Длугош сразу берется за свой монументальный труд, чтобы закончить его в последние дни своей жизни.

Ученые занятия Длугоша не были, конечно, тайной для окружающих. Еще при жизни епископа он зарекомендовал себя глубоким знатоком отечественной истории, не раз, вероятно, участвуя в беседах, касавшихся тех или иных событий прошлого. А теперь всем было известно, что Длугош пишет ученый труд, историю своего отечества. Долго остававшийся в тени скромный краковский каноник стал весьма заметной и авторитетной фигурой в обществе.

Незаурядные его качества и достоинства нашли признание даже у короля. Подавив старую неприязнь к Длугошу, он привлекает его к участию в разрешении ряда проблем международного значения. В 1457 и 1459 гг. Длугош входит в состав польской делегации при переговорах с Орденом, во время войны с ним, в 1460 г. участвует в переговорах с Чехией, тогдашний король которой Иржи Подебрад искал союза с Казимиром Ягеллончиком.

В 1461 г. Длугоша постигла опала. Когда после смерти краковского епископа, преемника Олесницкого, разгорелась борьба между капитулом и королем из-за выдвинутых кандидатов, Длугош в числе весьма немногих нашел в себе мужество поддержать неугодного королю кандидата. В результате ему пришлось искать спасения от королевского гнева у друзей за пределами Кракова, дом его и владения по приказу короля были разграблены. Король амнистировал его лишь в 1463 г.

С этого года начинается сближение между королем и Длугошем. Король опять привлекает Длугоша к дипломатической деятельности. Война с Орденом, начавшаяся в 1454 г., приближалась к концу. В 1464 г. начались мирные переговоры. Длугош вошел в состав делегации с польской стороны и бессменно работал в ней вплоть до успешного заключения в 1466 г. Торуньского мира. И если по его условиям Восточное (Гданьское) Поморье вернулось к Польше, то в этом немалая заслуга Длугоша, великолепного знатока прошлого Польши, ее отношений с Орденом, сумевшего отстоять права Польши на ее исконные земли.

В 1467 г. король поручил Длугошу воспитание своих сыновей, и на этом новом посту он оставался до самой своей смерти, не прекращая и дипломатической деятельности, неизменно имевшей успех. В 1471 г. ему пришлось сопровождать своего старшего воспитанника, Владислава, избранного чешским королем, на коронацию в Прагу. Каким авторитетом пользовался Длугош и за пределами родины, показывает тот факт, что ему было предложено занять пустовавшую тогда кафедру пражского

архиепископства. Однако Длугош отклонил предложение, предпочтя, очевидно, отдать остаток своих сил служению родине, а может быть, и из-за своей неприязни к чехам-гуситам.

Последним выступлением Длугоша на международной арене было его участие в мирных переговорах с венгерским королем Матиасом Корвином в 1478 г.

Перед самой смертью Длугош был поставлен в львовские архиепископы. Но папская булла с утверждением его в этом сане не застала уже Длугоша в живых. В мае 1480 г. он скончался.[6]

При всей своей занятости Длугош отдавал много времени научной, литературной деятельности. Не так много трудов осталось после Длугоша, но все они поражают своей необыкновенной трудоемкостью, богатством и глубоким знанием привлеченного к изучению материала и сохраняют значение до наших дней.

Кроме указанных выше «Прусских знамен» и написанных в последние годы жизни житий ряда святых и биографии возлюбленного наставника, епископа Збигнева Олесницкого, Длугошу принадлежат еще «Жития епископов польских» [7] и «Опись доходов краковского диоцэза».[8] Последняя работа — бесценный источник для каждого исследователя, работающего в области экономической истории Польши.

Но коронным трудом Длугоша является его «История Польши».[9] В этом своем многотомном (оно состоит из 12 книг) сочинении Длугош изложил всю историю своей родины от древнейших времен и кончая первыми месяцами 1480 г.

Правда, изрядное место, как это характерно для исторических трудов средневековья, отведено в нем истории других стран, а также истории церкви, в частности папства. Как и для авторов этих трудов, так и для Длугоша движущей силой истории является божья воля. Отсюда известная двуплановость изображения событий. Зачастую они подаются в двух планах — земном и небесном, чтобы показать, что исход их заранее предопределен на небесах. Так, например, описанию победы польско-литовско-русского войска над крестоносцами под Грюнвальдом предшествует рассказ о знамении на небесах, — сражении патрона Польши, св. Станислава, с монахом и победе его над последним.

Однако «История» Длугоша выгодно отличается от исторических трудов его предшественников Галла, Кадлубка и др. Это — первый в Польше научный исторический труд, основанный на изучении конкретного ма-

---

[6] Сведения для биографии Длугоша заимствованы из труда: M. Bobrzyński, S. Smolka. Jan Długosz, jego zycie i stanowisko w piśmiennictwie Kraków, 1893.

[7] J. Długosz. Vitae episcoporum Poloniae. Opera omnia, t. I.

[8] J. Długosz. Liber beneficiorum dioecesis Cracoviensis Opera omnia, tt. VII—IX, Cracoviae, 1863—1864.

[9] J Długosz Historiae polonicae libri XII. Opera omnia, tt. X—XIV, Cracoviae 1867.

териала источников. Для написания ее Длугош разыскал и исследовал громадное количество документов, как польских, так и иноземных. Многие из них он поместил целиком в своей «Истории» и этим оказал неоценимую услугу позднейшим историкам потому, что некоторые документы до наших дней не сохранились. Между прочим, Длугош привлек и русские летописи, для чего изучил на старости лет русский язык.

Для написания публикуемых нами здесь разделов «Истории Польши» Длугош использовал большое количество документов подлинных, иллюстрирующих отношения между Польшей и Орденом, «Хронику войны короля польского Владислава с крестоносцами»,[10] составленную кем-то из поляков, участников событий, как предполагается, непосредственно сразу после Грюнвальдской битвы или в 1411 г. после заключения мира, а возможно и хронику, вышедшую из орденских кругов и известную под названием «Торуньский летописец».[11]

Помимо документов, Длугош для описания битвы и вообще событий 1409—1411 гг. имел возможность использовать и устную традицию в виде воспоминаний живых еще участников и свидетелей войны с Орденом, как своих отца и дяди, своего покровителя, епископа Збигнева Олесницкого, и др. Существует версия, что в распоряжении Длугоша имелись записи о событиях современных Олесницкому, составленные им под диктовку последнего.

При всех своих понятных и простительных для того времени недостатках — некоторой наивности изложения древнейшей истории страны, засорении характерными для средневековых авторов описаниями знамений и чудес — наконец, при свойственной Длугошу тенденциозности в изображении событий, труд его, построенный на громадном фактическом материале документов, проникнутый глубоким патриотизмом, является выдающимся сочинением в средневековой польской историографии.

Одновременно «История Польши» Длугоша является крупным литературным памятником своего времени.

В XV в., особенно во второй его половине, обнаруживается определенный перелом в развитии польской литературы.

Характер литературы изменяется. Преобладавшие до сих пор произведения религиозного содержания начинают постепенно уступать место произведениям светского характера. Наряду с псалтырями, проповедями и песнями, связанными с культом того или другого святого, появляются такие жанры светской поэзии, как исторические песни, панегирики в честь вельмож, надгробные эпитафии, лирические стихи и сатирические поэмы.

Авторы этих поэтических произведений ищут вдохновения не в подвигах святых и не в библейских сюжетах, а в окружающей реальной жизни. Они воспевают красоты родной природы, откликаются на исторические

---

[10] Cronica conflictus Vladislai regni Poloniae cum Cruciferis. Scriptores rerum Prussicarum, t. III, Leipzig, 1866.

[11] Annalista Thorunensis. Scriptores rerum Prussicarum, t. III.

события (были, между прочим, созданы две песни о Грюнвальдской битве, одна на латинском языке, другая — на польском, обе не дошли до нас), разоблачают недостатки современного им общества.

Все эти произведения написаны еще грубоватым неотделанным языком (это одинаково касается как написанных на латинском, так и на польском языках), форма их далеко не совершенна, но в них нашла яркое воплощение та свежая струя, которая проникла в польскую культуру в XV в.

Этим изменением своего характера польская литература была в значительной мере обязана начавшему распространяться в Польше со второй половины XV в. гуманизму. Подлинный расцвет гуманизма в Польше — XVI в., эпоха Возрождения, давшая миру таких корифеев, как Николай Рей и Ян Кохановский. Вторая половина XV в. — ее преддверие.

Труд Длугоша — один из немногих памятников польской светской прозы (на латинском языке), дошедших до нас от XV в.

Он не представляет собой нового, неизвестного до сих пор в польской литературе жанра прозаических произведений. Хроники существовали и до Длугоша. Но если, как мы говорили, труд Длугоша резко отличается от хроник Галла, Кадлубка и других, как труд исторический, то новым по сравнению с ними является он и с литературной стороны.

Труд Длугоша в полной мере отражает переломный характер литературы второй половины XV в.

По своему содержанию он еще во многом связан с предшествующим периодом. Длугош начинает свою «Историю Польши» с библейской родословной народов, описывает знамения и чудеса, в повествование об исторических событиях вводит для разнообразия наивные рассказы, как например, под 1416 г. рассказ о растущих в земле, «созданных рукой самой природы», горшках (первое историческое свидетельство об археологических находках в Польше) и т. п.

Латинский язык «Истории» Длугоша еще громоздок и неуклюж, в лексике встречаются польские слова в латинизированной форме, нередки образцы и собственного словотворчества. Длинные тяжелые периоды, подчас запутанные и усложненные различными вставками (так называемое «обилие речи»), затрудняют чтение.

Но в то же время труд Длугоша, особенно в последней своей части, обнаруживает уже характерные для литературы второй половины XV в новые веяния, воздействие гуманизма.

Оно проявилось в широком использовании исторических трудов классических и средневековых авторов. Длугош очень начитан в них, он отлично знает не только Цезаря, Саллюстия, Тита Ливия, Боккаччо, но и многих других, известных в его время исторических писателей.

Подобно Цезарю, писавшему о нравах и обычаях галлов и германцев, Длугош вводит в свою «Историю» экскурсы в этнографию и мифическую историю народов (см., например, главы о происхождении и обычаях литовцев).

Стиль и художественные приемы, применяемые Длугошем в его труде, даже его лексика, носят на себе сильное влияние использованных им классических образцов. Длугош зачастую употребляет редкие слова и словосочетания, встречающиеся только у этих авторов. У них же он заимствует стилистические обороты и литературные образы. Следуя Цезарю и Титу Ливию, Длугош вкладывает в уста своих героев — польского короля Ягайлы, великого маршала Ордена, Ульриха фон Юнгингена, послов, отдельных крестоносцев, — длинные речи, которые служат для характеристики исторических персонажей, для разъяснения существующих среди поляков или крестоносцев точек зрения, для освещения политической ситуации.

Ульрих фон Юнгинген, гордый и заносчивый тиран в его изображении, сильно напоминает Катилину Саллюстия.

У Тита Ливия взял Длугош поэтический образ благоприятствующих победе польского короля ветров (см. стр. 87).

«История» Длугоша обнаруживает и сильное воздействие классической поэзии, часто встречаются цитаты из Овидия, Вергилия, Клавдиана и других, образцы чего можно найти и в публикуемых здесь выдержках из труда Длугоша.

Но Длугош не только заимствует чужое и готовое. Он творит и сам, создавая собственные сравнения и поэтические образы. Кровь павших в Грюнвальдском бою, смешавшись с вином из найденных во вражеском лагере и разбитых бочек, по его словам, «образует своим течением русло и берега наподобие потока». Накануне Грюнвальдской битвы «ночь была в королевском лагере тихой и спокойной, — пишет он, — в войске же крестоносцев сильный ветер, налетев, свалил все палатки наземь». В этих строках нельзя, разумеется, видеть описание действительной погоды, это только поэтический образ природы, с одной стороны, союзника будущих победителей, с другой — враждебно настроенной в отношении агрессора.

Подлинной поэзией дышат строки, посвященные Длугошем королеве Ядвиге в главе, описывающей ее кончину. Между прочим, эта глава содержит две больших, как он называет, «эпитафии», по существу же две исторических песни, посвященные жизни и деятельности Ядвиги. Обе представляют, очевидно, плод творчества польских поэтов XV в. При скудости дошедших до нас литературных произведений того времени сохранение этих песен путем включения их в свой труд — большая заслуга Длугоша перед польской литературой.

Настоящей жемчужиной поэтического творчества Длугоша является принадлежащее ему замечательное описание Грюнвальдской битвы. Даже перевод, как известно, редко воссоздающий в полной мере особенности оригинала, позволяет судить о высоких художественных достоинствах этих страниц «Истории» Длугоша. Сравнение шума битвы с шумом от рушащегося огромного здания или с грохотом от ударов молотами по наковальням — поистине великолепно. Одно только это описание Грюнвальд-

ской битвы дает право причислить «Историю» Длугоша к крупным литературным памятникам XV в.

К сожалению, тема — «История» Длугоша как литературный памятник — еще не разработана в литературе и ждет своего исследователя.

События, впервые и с такой подробностью освещенные Длугошем в его «Истории», неоднократно вдохновляли польских писателей. Не без его влияния Немцевич создал свои «Исторические песни». В труде Длугоша, возможно, почерпал Крашевский сюжеты своих исторических повестей, среди которых есть и повесть «Крестоносцы». Роман под таким же названием вышел из-под пера Сенкевича, вдохновленного художественным описанием Грюнвальдской битвы у Длугоша.

До наших дней в Кракове, в библиотеке Чарторыйских, сохранился рукописный оригинал «Истории Польши», правда, неполный: текст кончается 1406 г. В этой же библиотеке находится список «Истории» за 1409—1444 гг., некогда собственность Станислава Костки, воеводы куявского. В Кракове же, в библиотеке Ягеллонского университета, хранятся еще два списка: один — конца XVI в., принадлежавший в свое время епископу влоцлавскому, Иерониму Розражевскому, другой от первой половины XVII в., охватывающий период 1435—1480 гг., подаренный библиотеке Александром Пшездзецким.

Самым лучшим списком считается так называемый Свентокшизский, по названию монастыря, где он одно время находился. Одновременно он самый древний — от конца XV—начала XVI в., и самый полный (находится в архиве Потоцких в Вилянове, под Варшавой). Вторая полная копия (список Лисецкого, по имени первого владельца), относящаяся к началу XVII в., принадлежала библиотеке Гнезненского капитула.

«История» Длугоша впервые была издана Иоганном Гербуртом в Добромиле в 1615 г. Вышел только первый том, содержавший первые 6 книг, и тотчас же издание было запрещено указом короля Сигизмунда III потому, что далеко не все, что повествует Длугош в своем труде о представителях крупных шляхетских родов, пришлось по вкусу их потомкам.

Следующее издание было выпущено Генрихом Гуйссеном в Лейпциге в 1711—1712 гг. По нему было подготовлено издание, вышедшее в Варшаве в 1761—1772 гг.

Полное собрание всех сочинений Длугоша увидело свет только через 400 лет после его смерти. Его опубликовал известный меценат Александр Пшездзецкий. Первые тома вышли в 1863—1864 гг. Позднее издание было повторено. Первый том нового полного собрания вышел в 1887 г.

Свою «Историю Польши», как и все другие свои труды, Длугош написал на латинском языке. Еще в XVIII в. И. Ковнацкий перевел на польский язык четвертую книгу «Истории», в 40-х годах прошлого столетия в Гнезно вышли в польском переводе три первые книги. Первый и пока единственный полный перевод «Истории» на польский язык был сделан

К. Мехежинским (по Лейпцигскому изданию) и опубликован в полном собрании сочинений Длугоша.[12]

В настоящее время в Польше (в Краковском университете) предпринято новое научно-критическое издание «Истории» Длугоша с одновременным переводом на польский язык и обширным комментарием. Первый том уже вышел.

На русский язык «История Польши» Длугоша до сих пор не переводилась, если не считать отрывков в хрестоматиях. Предлагаемый перевод выполнен по последнему изданию А. Пшездзецкого.

* * *

Борьба Польши с Тевтонским орденом, решающим этапом которой явилась Грюнвальдская битва, началась более чем за сотню лет до нее.

Подобно другим рыцарско-монашеским орденам, и Тевтонский орден, или точнее Орден рыцарей черного креста девы Марии, был обязан своим возникновением эпохе крестовых походов.

Он образовался в конце XII в. в Палестине, на территории пришедшего уже в упадок Иерусалимского королевства, и оставшись не у дел, как и другие ордены, переселился в Европу. Первоначально Орден крестоносцев нашел приют в Венгрии, куда был приглашен в 1211 г. ее королем для охраны границ от набегов кочевников. Однако венгерский король скоро понял, насколько опасна для его страны далеко не бескорыстная помощь монахов-рыцарей, и в 1224—1225 гг. изгнал их из Венгрии.

Вскоре Орден получил новое приглашение. На этот раз оно исходило из Польши, от мазовецкого князя Конрада. Его владения подвергались частым нападениям соседнего литовского племени прусов, мстивших за неоднократные попытки польских князей подчинить их своей власти, и Конрад пригласил крестоносцев, рассчитывая с их помощью усмирить мятежников-прусов и подчинить себе их земли.

Обращение князя Конрада к помощи крестоносцев отнюдь не означало, что он потерял надежду справиться с прусами собственными силами. Обращаясь к ним, князь следовал уже укоренившемуся среди европейских государств обычаю использовать оставшиеся без дела ордены для своих целей.[13]

Переговоры Конрада с главой Ордена Германом фон Зальца начались в 1225 г. В результате этих переговоров князь выдал Ордену в 1228 г. грамоту, в силу которой отказывался в его пользу от пограничной с прусами Хелминской земли и от всех своих доходов от нее как в настоящем,

---

[12] Все сведения о рукописях, изданиях и переводах «Истории» взяты из предисловия к «Opera omnia», t. I; см. также: K. Pieradzka, W. Semkowicz-Zarembina. Komunikat o reedycji Annales Poloniae Jana Długosza. Kwartalnik historyczny, r. LXVI, № 3, Warszawa, 1959.

[13] Z. Wojciechowski. Polska—Niemcy. Poznań, 1945, стр. 48.

так и в будущем.[14] Однако это вовсе не означало, что Хелминская земля переходила в полное владение Ордена. Часть ее уже раньше была пожалована князем епископу Христиану, в 1215 г. направленному папой с миссионерской целью к прусам. Из остальной части Хелминской земли крестоносцы получили только личные княжеские владения. Находившиеся же здесь владения рядовых польских феодалов остались за последними. Разумеется, что князь сохранил в своих руках верховную власть над всей Хелминской землей.

Обосновавшись на польской земле, крестоносцы начали наступление на земли прусов. Прикрываясь высокими целями приобщения этих темных языческих племен к христианской вере, монахи-рыцари силой оружия захватывали одну за другой земли прусов, строили здесь свои замки и, опираясь на них, подавляли сопротивление населения и порабощали его, облагая поборами и повинностями в свою пользу. Одновременно они развили широкую колонизационную деятельность в захватываемой стране, льготными условиями привлекая немецких горожан и крестьян в города и деревни.

С самого начала не собираясь делить захваченные земли с мазовецким князем, Орден не преминул позаботиться об юридическом оформлении своих прав на них.

Согласно господствовавшему в средневековом христианском обществе убеждению, земли, населенные язычниками, считались ничьими. На право распоряжения ими претендовали император (глава Священной Римской империи германской нации) и папа, и вели борьбу за него. Поэтому Орден уже в 1226 г. выхлопотал себе у императора Фридриха II буллу, признавшую все территориальные приобретения, которые Ордену удастся сделать в прусских землях, его собственностью. Получить подобное же признание своих прав и от второго претендента на распоряжение этими землями, папы, Ордену удалось не сразу, так как у него имелся соперник в лице упомянутого выше епископа Христиана. Насаждая по поручению папы христианство среди прусов, епископ присваивал себе земли обращенных. Но тут Ордену необыкновенно повезло. В 1233 г. епископ Христиан во время очередного путешествия в глубь страны попал в плен к прусам и был ими задержан на несколько лет. Орден немедленно использовал его отсутствие и добился в 1234 г. от папы Григория IX буллы, на основании которой прусские земли принимались под покровительство папы и передавались им в собственность Ордена.[15]

Так было оформлено возникновение Орденского государства. Оно непосредственно зависело от папы. Каково было отношение этого государ-

---

[14] G. Labuda. Stanowisko ziemi chełmińskiej w państwie Krzyzackim w latach 1228—1454. Przegląd historyczny, t. XLV, zesz. 2—3, Warszawa, 1954, стр. 282

[15] Там же, стр. 296.

ства к Священной Римской империи, в достаточной мере пока еще не выяснено.[16]

К этому времени крестоносцы заняли уже всю Хелминскую землю, выкупив у польских феодалов их земельные владения и принудив еще в 1231 г. епископа Христиана отказаться от своих прав, владений и доходов.

В 1237 г. Тевтонский орден соединился с Орденом меченосцев, обосновавшимся в Ливонии. Это объединение создало мощный форпост для нового германского феодального наступления на славян.[17] Правда, первые шаги не были успешны. Дерзкая попытка Ордена протянуть свою руку к русским землям потерпела неудачу. Сокрушительное поражение, которое нанес немецким агрессорам в 1242 г. Александр Невский, заставило их отказаться от наступления на русские земли.

В большой опасности оказались теперь литовские земли, особенно же одна из них — Жмудь (Жемайте). Она врезалась клином между прусскими и ливонскими владениями Ордена, и с этих пор Орден всячески старается ее себе присвоить.

Орденское государство росло и расширялось. К 1260 г. в состав его входили уже все западнопрусские земли, а к 1283 г. — и вся Пруссия. Владения Ордена простирались широкой полосой по побережью Балтийского моря от Немана (заходя немного к северу от него) до Вислы. Прусы с большим ожесточением боролись против рыцарей-захватчиков. С 1242 до 1253 г., а затем с 1260 до 1283 г. длились всеобщие восстания прусов, но были жестоко подавлены.[18]

Умело воспользовавшись слабостью молодого сложившегося на рубеже XIII и XIV вв. в результате ликвидации феодальной раздробленности единого Польского государства, Орден отнял у него Поморье.[19] На Поморье давно уже покушался Бранденбург, другой представитель феодальной германской агрессии, обосновавшийся у западных границ Польши. В 1308 г. он совершил нападение на Гданьск. Король Владислав Локоток не смог оказать поддержки. Зато «помощь» пришла со стороны крестоносцев. Они отбили бранденбургцев и сами захватили Гданьск, зверски

---

[16] Автор последней по времени статьи, посвященной этому вопросу, полагает, что Орден сохранил независимость от Империи и по своему положению не отличался от других суверенных государств Европы (G. Labuda. Stosunek prawnopubliczny Zakona Krzyzackiego do Rzeszy Niemieckiej w świetle Złotej bulli Fryderyka II z 1226 r. Czasopismo prawno-historyczne, t. III, 1951, стр. 291).

[17] Первый этап этого наступления завершился в XII в. почти полным истреблением прибалтийских и полабских славян.

[18] Я. Зутис. Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена. Исторический журнал, 1941, № 9, стр. 76—77.

[19] Речь идет о так называемом Восточном, или Гданьском, Поморье. Некогда, еще при первом исторически засвидетельствованном польском князе Мешко (ум. в 992 г.), все Поморье входило в состав Польши. В период феодальной раздробленности отложилось Западное (Щецинское) Поморье, признав себя вассалом Германской империи. Тогда же отошло и Восточное Поморье, но в конце XIII в., согласно завещанию последнего из представителей местной княжеской династии, вернулось к Польше.

расправившись с местным населением. Затем, двигаясь к югу от Гданьска, они в течение 1308—1309 гг. целиком овладели Поморьем.[20]

Захват Орденом Поморья тяжким ударом обрушился на Польшу. Она потеряла нижнее течение Вислы и была полностью отрезана от моря. Это создало угрозу для успешного развития ее производительных сил.

Владислав Локоток не решался один выступить против могущественного Ордена. В 1325 г. он заключил союз с великим князем литовским Гедимином, скрепленный женитьбой сына Локотка, Казимира, на литовской княжне. Но и Орден тоже нашел себе союзника в лице чешского короля Яна Люксембургского. Война началась в 1326 г. и хотя развивалась не очень успешно для Польши, так как крестоносцы сумели глубоко проникнуть на ее территорию, а чешский король осадил Познань, Владиславу Локотку удалось все же нанести Ордену жестокое поражение под Пловцами в 1331 г. Удачный исход этого сражения имел громадное моральное значение для польского народа, доказав ему, что он может справиться с Орденом.

Однако Поморье осталось за крестоносцами, а некоторое время спустя они отняли у Польши новую территорию, пограничную с Хелминской Куявскую землю. Во время войны Польша лишилась и Добжинской земли. Чешский король занял ее и продал своему союзнику Ордену.

В 1343 г. по договору, заключенному между Казимиром III и Орденом в Калише, обе эти земли вернулись к Польше обратно, но Хелминскую землю, Михаловскую (уступленную крестоносцам еще в 1317 г.) и Поморье пришлось оставить Ордену.

Такие слабые успехи переговоров Казимира III с Орденом компенсировались рядом мер, принятых им в целях ослабления опасного соседа. В том же 1343 г. Казимир вошел в соглашение с князьями Западного Поморья. Князья обязались оказывать военную помощь польскому королю в случае войны с крестоносцами и не пропускать через свои земли никого, направляющегося в сторону Орденского государства, т. е. никаких военных сил с запада.[21] В 1365 г. король добился перехода в ленники к нему немецких феодалов фон Ост, державших пограничные замки Санток и Дрезденко и до тех пор находившихся в ленной зависимости от Бранденбурга. Наконец, в 1368 г. Казимир захватил узкое пространство между реками Дравой и Нотецью и таким образом вбил клин между владениями обоих немецких агрессоров — Бранденбурга и Ордена.[22]

Но, разумеется, эти шаги не могли изменить трудное положение Польши. Отрезанность Поморья с его богатыми торговыми городами, потеря нижнего течения и устья Вислы создали большую угрозу для экономики Польского государства. Раньше польские купцы принимали активное участие в транзитной торговле. Товары, доставлявшиеся в Краков из Венгрии,

[20] Z. Wojciechowski. Polska—Niemcy, стр. 59—60.

[21] J. Mitkowski. Pomorze zachodnie w stosunku do Polski Poznan, 1946, стр. 97.

[22] Z. Wojciechowski Polska—Niemcy, стр 98

они везли по Висле в Гданьск, а оттуда морем во Фландрию и другие заморские страны. Обратно польские купцы привозили сукна, вина, южные фрукты и переправляли их в Венгрию. Теперь они лишились возможности вести такие широкие торговые операции. Орден стал на их пути и тем нанес большой ущерб внешней торговле Польши.

Очень страдала из-за соседства Ордена и Литва. К этому времени Литовское государство достигло большого могущества, подчинив себе соседние белорусские, украинские и некоторые русские земли. Разными способами, путем насильственного захвата или брачных союзов, литовские князья завладели еще в XIII в. так называемой Черной Русью (с городами Гродно, Слоним, Волковысск и др.) и Полоцкой землей, в начале XIV в. землей Витебской и Волынью. При князе Ольгерде (1345—1377 гг.) в состав Литовского государства вошли Киевское и Чернигово-Северское княжество, Подолия, а в результате упорного наступления на соседние русские земли Ольгерду удалось подчинить себе и Смоленское княжество.[23]

Хотя в связи с подчинением Литовскому государству белорусских, украинских и части русских земель христианство начало понемногу распространяться среди литовского населения, хотя литовские князья неоднократно вступали в соглашение с папами насчет крещения,[24] все же Литва еще не рассталась с язычеством. Поэтому захватнические выступления Ордена против Литвы неизменно мотивировались миссионерскими целями. Для чего же и существовал здесь Орден, как не для борьбы с неверными, не для обращения их в лоно христианской церкви? Прикрываясь этими целями, а на самом деле стремясь расширить свои владения, братья-рыцари организовывали против литовцев один поход за другим, грабя и разоряя их земли, уничтожая и уводя население в плен. В период с 1345 по 1377 г., т. е. в правление Ольгерда, было совершено целых сто таких походов, причем иногда приходилось до восьми в год. От разбойничьих набегов крестоносцев, естественно, больше всех страдала ближайшая к Ордену земля — Жмудь (Жемайте). Литовцы не оставались в долгу и на нападения отвечали контрударами. Сорок два раза вступали они в пределы Ордена и наносили ущерб его владениям.[25] Упорную борьбу с Орденом вели и Ольгерд и его брат, Кейстут. Соседство Ордена мешало успешному экономическому развитию Литовского государства, постоянные нападения крестоносцев разрушали его производительные силы и тем подтачивали достигнутое им политическое могущество. Поэтому при переговорах с папой о крещенье Литвы литовские князья ставили условием переселение Ордена с занимаемой им территории в степи, пограничные с Золотой Ордой.[26]

---

[23] В. В. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского, вып. 1. Киев, 1878, стр. 49—65.

[24] А. Барбашев. Витовт. СПб., 1891, стр. 19—20.

[25] Я. Зутис. Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена, стр 77.

[26] А. Барбашев. Витовт, стр. 20.

В этом свете совершенно естественным представляется возникновение в 80-х годах XIV столетия проекта польско-литовской унии. Идея объединения усилий для совместной борьбы против общего врага не была новой. Как указано выше, попытки ее реализации были сделаны еще при Владиславе Локотке и принесли известный успех. Вероятно, и в дальнейшем мысль о союзе не исчезала и находила поддержку с обеих сторон, но осуществлению ее мешала борьба между Литвой и Польшей, разыгравшаяся вокруг Волыни. В 1366 г. борьба эта закончилась соглашением о разделе волынских земель. Уния с Литвой представляла в глазах польских феодалов еще и те выгоды, что благодаря ей можно было рассчитывать завладеть украинскими и белорусскими землями, входившими в состав Литовского государства, и таким образом компенсировать недавнюю утерю Галицкой Руси, занятой Венгрией.

Благоприятный момент для заключения унии создался со смертью в 1382 г. короля Польши Людовика (одновременно короля венгерского) и возведением на престол его дочери Ядвиги. Польско-литовская уния была заключена в 1385 г. и скреплена браком Ядвиги с великим князем литовским Ягайлой. Польские феодалы отдавали великому князю литовскому Ягайлу руку своей королевы и признавали его своим королем. Взамен Ягайло обязывался, во-первых, креститься сам со всеми своими многочисленными братьями и всем своим народом, а во-вторых — возвратить Польше все отторгнутые от нее земли. Имелись в виду прежде всего земли, отторгнутые Орденом.

За выполнение первого обязательства Ягайло взялся тотчас же, еще до бракосочетания своего с Ядвигой, приняв с братьями католичество, а затем насаждая его в литовских землях. Обращение Литвы в христианство было весьма важным условием. Выполнение его отняло бы у Ордена предлог для нападений на литовские земли и вскрыло бы исключительно захватническую цель их.

Второе обязательство легло в основу внешней политики Ягайлы и привело в конечном счете к войне с Орденом, закончившейся Грюнвальдской битвой и великим поражением Ордена.

Заключение унии между Польшей и Литвой Орден воспринял как неожиданный и тяжкий удар для себя.

Нападения его на Литву и по-прежнему особенно на Жмудь не прекратились. О них рассказывает и Длугош и орденская хроника Поссильге.[27] Но главные усилия Ордена были направлены теперь на разрушение нежелательной, мешающей ему польско-литовской унии. Поэтому он с великой готовностью принимает в 1389 г. и поддерживает задетого в своих властолюбивых помыслах Витовта и оказывает ему широкую военную

---

[27] J. Possilge. Chronik des Landes Preussen. Scriptores rerum Prussicarum, B. III, Leipzig, 1866, стр. 154, 157.

помощь в его войне с королем Владиславом-Ягайлом в 1390—1391 гг.[28] А когда в 1392 г. Владислав-Ягайло, стремясь ликвидировать ослаблявшие государство внутренние неурядицы, пошел на уступки в пользу оппозиции и заключил с Витовтом соглашение, сделав его своим наместником в Литве, Орден сейчас же взял под свое покровительство другого литовского князя, Свидригайло, недовольного соглашением.

Как было отмечено выше, все свои нападения на Литву крестоносцы продолжали проводить под прикрытием якобы борьбы с язычниками, придавая им характер крестовых походов, привлекая к участию в них иностранное рыцарство. Одновременно в своей дипломатической переписке, посланиях к папе, к европейским государствам Орден старался убедить их в том, что обращение литовцев в христианство является фикцией.

Отражая нападения Ордена на литовские земли, Владислав-Ягайло не забывал основной задачи, взятой им на себя, — активной борьбы с Орденом за возвращение захваченных им польских земель. Но если король помнил о ней и готов был приступить к ее выполнению, то совершенно другие настроения царили в окружавшей его придворной среде, в королевском совете. Эгоистические интересы малопольских[29] панов, устремлявших свои взоры на восток, отвлекли их от борьбы с Орденом, ради которой в свое время была заключена уния. Эта настроенная против войны группа сумела подчинить себе большинство в совете и привить свои взгляды и королеве.

В 1397 г. Владислав-Ягайло уж совсем было, как пишет Длугош, «устремил все свои помыслы на войну» с Орденом, после того как в руки последнего попала Добжинская земля. Но члены королевского совета отговорили его от такого шага, предлагая договориться с Орденом дипломатическим путем, и выдвинули для этой цели королеву. Ядвига провела несколько встреч с крестоносцами,[30] одна из которых, видимо последняя, описана Длугошем. Переговоры не дали результатов.

Очевидно, мысль о необходимости войны с Орденом твердо завладела Владиславом-Ягайлом после заключения Раценжского мира (1404).

Подобно Витовту, он вовсе не собирался выполнять пункт этого мирного договора, касавшийся Жмуди, и когда возмущенные крестоносцы напали на Литву, король, по рассказу Длугоша, прислал в подмогу Витовту свои отряды. С 1407 г. с ведома Владислава-Ягайлы и Витовта на Жмуди, формально уже отданной Ордену, начались волнения. Также

---

[28] О ней, кроме Длугоша, очень подробно рассказывает Поссильге (там же, стр. 162—168, 172—175). В этой войне Витовт находил активную поддержку и со стороны некоторых групп литовско-русской знати, недовольных унией. Рассказывая о подобных случаях, Длугош естественно расценивает их как измену польскому королю.

[29] Малая Польша — историческая область на юго-востоке Польши.

[30] E. Maleczyńska. Społeczeństwo polskie pierwszej połowy XV w. wobec zagadnień zachodnich. Wrocław, 1947, стр. 33.

с ведома их жмудины направили европейским государям послания с жалобами на жестокое обращение с ними крестоносцев. В декабре 1408 г. на тайном совещании в Новогрудке Владислав-Ягайло с Витовтом приняли решение о начале войны против Ордена в следующем, 1409, году.[31]

Надо думать, что в этот период изменились настроения и в королевском совете. Очевидно, группировка, до тех пор удерживавшая короля от решительных действий против Ордена, теперь составляла меньшинство, поскольку устремления малопольских феодалов на восток были частично удовлетворены возвращением Польше Галицкой Руси (1387). Верх теперь взяли великопольские[32] феодалы, более других ощущавшие последствия опасного соседства Ордена, и та часть малопольских феодалов, которая ставила интересы родины выше собственных. Среди них несомненно с полным правом можно назвать архиепископа гнезненского Миколая Куровского, епископа познанского Войцеха Ястшембца, подканцлера Миколая Тромбу, маршалка Збигнева из Бжезя, Винцента Грановского, каштеляна накловского, Януша из Тулискова, каштеляна калишского, Мацея из Лабышина, воеводу калишского и других, чьи имена часто встречаются на страницах «Истории» Длугоша.

Причиной для изменения в настроениях королевского совета могли послужить такие последние действия Ордена, как приобретение им в 1402 г. Новой марки, соединившей орденские владения с бранденбургскими, отрезавшее для Польши сообщение с Западным Поморьем, а также присвоение Орденом пограничных замков Сантока и Дрезденко.[33] Еще больше должен был задеть польских феодалов возникший на Западе проект раздела Польши между Орденом, германским императором и бранденбургским маркграфом (он же венгерский король).[34]

Предательское нападение Ордена в августе 1409 г. на пограничную, недавно выкупленную у него Добжинскую землю вызвало патриотический подъем во всех слоях польского народа. Весьма показателен в этом смысле рассказ Длугоша о том, что когда после военных действий 1409 г. решено было согласиться на предложенное противником перемирие то члены королевского совета подвергались оскорблениям со стороны простого народа за то, что допустили до перемирия.

Военные действия 1409 г. имели большое значение. Правда, Польша опять потеряла Добжинскую землю, но важно было, что война с Орденом началась и стала популярной в польском обществе.

Немедленно после заключения перемирия Польша начала серьезно готовиться к войне.

В начале декабря уже в Бресте-Литовском состоялось тайное совещание Владислава-Ягайлы с Витовтом при участии подканцлера Тромбы.

---

[31] S. Kuczyński. Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim. Wyd. nowe, Warszawa, 1960, стр. 111.

[32] Великая Польша — историческая область на северо-западе Польши.

[33] А. Барбашев. Витовт, стр. 41—43.

[34] Я. Зутис. Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена, стр 78

страсти, не отказывались испробовать любые средства примирения. Однако магистр и командоры, возбужденные неразумным пылом гнева и гордости, продолжали настаивать на данном ими, хотя и резком и противном всякой справедливости ответе; один только граф фон Венде, командор мевенский, среди стольких ненавистников мира, убеждая заключить мир, сказал: «Давно испытал я на опыте, что несет с собой мир и что — война, и мне кажется лучшим и более здравым, какие бы обиды и ущерб, причиненные как-либо королем Польши, ни остались невозмещенными, отбросив желание победы и мщения, прийти к мирным переговорам. Ибо часто, даже когда войска сходятся и готовы вступить в бой, бывает, что начинаются переговоры и заключают мир. И так как исход войны сомнителен и может даже все перевернуть стремительным наплывом опасностей, то я полагаю, что верный мир лучше надежды на победу». Недовольный этими словами и не будучи в силах сдержать порыв души, Вернер Тетингер, командор эльбингский, стал нападать на графа фон Венде, командора мевенского. «С таким расположением души, какое ты здесь выказываешь, командор мевенский, — сказал он, — тебе пристало бы оставаться дома под крышей, так как ты более пригоден для ухода за больными братьями Ордена, чем для военных дел». Мало задетый такой насмешкой, граф Венде возразил: «Что касается меня, то я не поколебался честно и с пользой высказаться за мир и в своей речи признать, что мир лучше всякой войны, так как я считаю отвратительным, чтобы в наши дни проливалась кровь католическая, когда не испытаны мирные средства, которые предлагаются. И хотя я стою за мир и больше всего желаю мира, но если по божьему попущению придется вступить в бой при враждебном нам Марсе, то я буду сражаться отважно, как подобает человеку благородной крови; ты же относись предусмотрительнее к тому, что и как ты советуешь и больше всего смотри, как бы ты, так грозно рассуждающий о войне в этих стенах, не пустился бежать из предстоящего сражения, подобно зайцу, напялившему на себя шлем». Затем один из баронов Венгрии, Сциборий из Сцибожиц, прервав ссору командоров, начал разными способами снова и снова склонять к миру, говоря, что он старый воин, бывалый в сражениях, испытавший много превратностей и случайностей войны, и что он полагается на себя, но, во всяком случае, пока возможно, не отвергает мира. Но он получил на это от магистра Пруссии Ульриха такой ответ: «Ты говоришь, Сциборий, — сказал он, — как поляк: ибо мы знаем, что ты родом из Польши, именно из Куявской земли, поэтому-то ты на благо и пользу твоего народа убеждаешь и советуешь принять мир, а мне и Ордену никоим образом принять его нельзя».

В этом деле воочию виден большой порок крестоносцев: они превозносились высокомерием и хвастались обладанием столь великими силами и средствами, что считали, будто не найдется на свете среди королей такого, который мог бы равняться в войне и мире с ними; и они полагали, что и все другие должны признавать за ними столько же, сколько они самонадеянно возомнили о себе сами в сердцах и мыслях; в таком своем ослеп-

лении они забывали, что еще не бывало человека, всеми признанного безупречным и могучим, которому бы не угрожала опасность даже от слабого.

Бароны венгерские, понимая, что магистр и его командоры по натуре не склонны принять мир даже на справедливых условиях, отсылают обратно королевского гонца Петра Корцбога; они сообщают Владиславу, королю польскому, что они с своей стороны приложили все свои старания, способности и труды и будут и еще прилагать их, насколько будет возможно; но они, однако, еще не получили согласия магистра и его командоров на мир, хотя еще не оставили надежды его устроить; и обещают послать завтра через их собственного гонца извещение королю об окончательном намерении магистра и крестоносцев. Когда Петр Корцбог возвратился к королю с ответом венгерских баронов, а также объявил все то, что сам он, Петр Корцбог, увидел и угадал в войске крестоносцев, то Владислав, король польский, понял, что у него не остается больше никакой надежды на мир. Ведь до этого дня как Владислав, король польский, и Александр, князь литовский, так и их приближенные и советники еще желали мира и надеялись на него; сохраняя эту надежду, королевское войско приближалось к берегам реки Дрвенцы и к лагерю крестоносцев, чтобы, если еще удастся, вступить в переговоры о мире, считая, что легче будет договориться о средствах к миру, когда войска той и другой стороны будут расположены на противоположных берегах. Но король, благодаря сообщению Петра Корцбога, был предупрежден и осведомлен, что магистр Пруссии, упорно стоя на своем и не терпя ничьего здравого совета, отвергает все возможности заключить мир; а также, что река Дрвенца по обоим берегам ее укреплена высоким частоколом, так что без боя ее нельзя перейти; а так как сильное вражеское войско обороняло бы столь укрепленные берега бомбардами, стрелами и любыми средствами, то возникало сомнение, следует ли королю идти тем путем, которым он начал идти, и надо ли переправляться, построив мосты, через реку Дрвенцу, или лучше, взяв немножко наискось, пойти назад; наконец король последовал лучшему и более здравому совету: решил идти назад и переправиться через реку посуху у ее истока, рассудив, что более выгодно (как это и оказалось) перенести небольшое промедление и тягость отступления, чем подвергнуть войско и рыцарей опасности вести бой на следующий день в открытом сражении, переправляясь через реку; идя же назад, вверх по реке, войско будет избавлено также от ненужного труда по наведению мостов. Разумность столь здравого совета была легко признана, и наконец он был приведен в исполнение.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ ПОЛУЧАЕТ ПОСЛАНИЕ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА О РАЗРЫВЕ МИРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В пятницу перед праздником святой Маргариты, одиннадцатого июля, королевское войско, выступив по звуку трубы на рассвете, идет назад той же дорогой, по которой пришло, и прибывает на место своей стоянки

По мнению П. А. Гейсмана, армия Ордена 13 июля перешла в Любаву, а в ночь с 14 на 15 июля двинулась к Танненбергу.[42] С. Куйот полагал, что из Кужентника орденское войско выступило 12-го, в тот же день пришло в Братиан и, начав переправу через Дрвенцу, занято было ею весь день 13-го, в ночь же с 14-го на 15-е было под Любавой, откуда двинулось на Танненберг.[43] Наконец, С. Кучинский считает, что, выйдя 11-го из Кужентника и прибыв в тот же день в Братиан, 12-го крестоносцы переправились через Дрвенцу и пришли в Любаву, а 13-го были в 10 км от Домбровно, где находились союзные войска,[44] и отсюда двинулись к Танненбергу.

В каждом из этих мнений имеются свои слабые стороны. У Гейсмана неясно, почему так поздно вышел Орден из Кужентника, как успел за один день совершить 15-километровый путь до Любавы и на что потратил он целый день 14-го числа. В мнении С. Куйота сомнение вызывает слишком поздний приход орденского войска в Любаву, только в ночь с 14-го на 15-е. Переход от Любавы до Танненберга очень велик, и если бы Орден действительно только к этому времени подошел к Любаве, 15-го битва под Грюнвальдом едва ли бы состоялась. В предположениях С. Кучинского не учтены трудности переправы. Пусть даже переправа проходила не по одному, а по 12 мостам, пусть эти мосты были уже готовы к приходу войска (как считает С. Куйот, предполагая, что магистр за сутки до своего выступления отправил с особым отрядом приказ в Братиан поставить мосты),[45] все равно, едва ли можно было в течение одного дня и переправить всю армию и обоз, и еще совершить переход до Любавы. Вопрос о маршруте орденских войск до Танненберга остается открытым.

Когда прибыло орденское войско к Танненбергу, опять-таки не совсем ясно. На основе рассказа Длугоша создается впечатление, что оно пришло позже, чем польско-литовское. Такое же впечатление производит рассказ второго польского источника.[46] П. Гейсман и С. Куйот в своих мнениях о времени прихода крестоносцев следуют этим показаниям источников.[47] В отличие от других, С. Кучинский, исходя из предполагаемых им сроков продвижения орденского войска от Кужентника до Фрегново, считает, что под Грюнвальд оно пришло самое меньшее за день до прихода польско-литовско-русского войска.[48] Как и предполагаемые им сроки продвижения Ордена, так и время его прихода к Грюнвальду вызывают сомнение.

---

[42] П. А. Гейсман. Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию. Киев, 1910, стр. 23.

[43] S. Kujot. Rok 1410. Wojna. Roczniki Tow. Nauk. w Toruniu, t. 17, Toruń, 1910, стр. 117—120.

[44] S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 325—326

[45] S. Kujot. Rok 1410, стр. 119.

[46] Cronica conflictus, стр. 436.

[47] П. А. Гейсман. Польско-литовско-русский поход, стр. 24—25; S. Kujot. Rok 1410, стр. 130—131. Что крестоносцы подошли позже, считал и Г. Дельбрюк (История военного искусства, т. 3, стр. 384).

[4 . Kuczyński. Wielka wojna, стр. 328.

Мы не станем излагать здесь ход самой битвы под Грюнвальдом. Это сделано Длугошем и повторять его нет смысла. Но предвидя вопросы, которые могут возникнуть у читателя при чтении Длугоша, мы считаем не лишним привести здесь некоторые общие сведения, касающиеся военных сил обеих воюющих сторон, их организации, численности, расстановки на поле боя и т. д.

Вооруженные силы Польши были представлены посполитым рушением, т. е. феодальным ополчением, созывавшимся только в случае войны. Основу его составляло рыцарство — шляхта (дворянство), обязанное к конной службе. Пехота комплектовалась из крестьян.

Конница составляла основу вооруженных сил и на Литве. Конное войско формировалось из высшего слоя литовско-русского феодального общества, бояр. Пехота, как и в Польше, состояла из крестьян.

Орден представлял собой постоянную и прочную военную организацию. Во главе его стоял великий магистр, он же — главнокомандующий военными силами во время войны. Власть его ограничивалась советом (капитулом) высших братьев в числе пяти. В совет входили великий комтур, великий маршал (полководец Ордена), великий интендант, великий госпитальер (начальник госпиталей) и великий казначей. Рядовая масса Ордена состояла из братьев-рыцарей и полубратьев, или орденских слуг. Они составляли постоянное конное войско Ордена, рыцари — тяжеловооруженное, орденские слуги — легковооруженное. Кроме того, в случае войны комтурства, т. е. округа, на которые делилась территория Ордена, должны были выставлять каждое от себя вооруженные отряды, во главе которых стояли правители этих округов, комтуры. Пехота формировалась из крестьян и ремесленников.[49]

Главную роль в войске того времени играла конница, особенно тяжелая. Пехота в основном охраняла обоз, хотя в Грюнвальдском бою, в частности в последней и решающей стадии сражения, она принимала весьма активное участие. Вооружение рыцарской конницы состояло из копий, мечей, боевых молотов и топоров, луков со стрелами. Пехота была вооружена луками, топорами, пиками, мечами.[50]

Артиллерия в то время только появлялась и была представлена примитивными пушками (бомбардами), которые стреляли каменными или свинцовыми ядрами, были малоподвижны и в полевом бою значения почти не имели, бомбарды применялись главным образом как осадные орудия.[51] Они были трех родов: легкие, стрелявшие ядрами величиной с кулак, весом от 200 г до $2^1/_2$ кг, средние, стрелявшие ядрами весом от 4 до 10 кг, и тяжелые, выбрасывавшие ядра в 10 кг и больше.[52]

Самой меньшей боевой единицей было так называемое «копье». Оно состояло из трех всадников. В состав его входили закованный в латы,

---

[49] А. Барбашев. Витовт, стр. 73—82; П. С. Гейсман. Польско-литовско-русский поход, стр. 11—12.
[50] S. Kuczynski. Wielka wojna, стр. 245.
[51] П. А. Гейсман. Польско-литовско-русский поход, стр. 13.
[52] S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 245—246.

тяжеловооруженный рыцарь с длинным (до 6 м) копьем, мечом и топором, затем легковооруженный оруженосец рыцаря и лучник, т. е. стрелок с луком. В «копье» имелся еще четвертый конь, свободный или с поклажей. Оруженосцев и лучников могло быть больше, поэтому число конных могло доходить до семи человек.[53]

Из «копий» образовывались «знамена», хоругви (отряды). В хоругвь входило от 20 до 100 копий. Хоругви объединялись в «клинья» — колонны, суживавшиеся вперед.[54]

Численность войска как с польско-литовской, так и с орденской стороны точно не известна. Важнейший источник, Длугош, приводит лишь количество отрядов — хоругвей с каждой стороны: 51 хоругвь у крестоносцев, 90 хоругвей в польско-литовском войске (из них 50 у поляков, 40 у литовцев и русских). Отсюда можно только сделать вывод, что силы союзников значительно превосходили силы Ордена, но установить, сколько же сражалось на каждой стороне, — невозможно потому, что количественный состав хоругви колебался. В своем другом труде — «Прусские знамена» — Длугош приводит данные о составе некоторых орденских хоругвей.[55] Из них следует, что в хоругви, считая по 3 вооруженных в «копье», могло быть от 180 до 300 человек.[56] Единственно твердая цифра, которую находим у Длугоша, это число татарских конников на стороне литовцев: по данным Длугоша их было триста.

Отсутствие сведений в современных событиям источниках дало широкое поле для произвольного исчисления военных сил каждой из сторон, причем и указанное Длугошем число татар тоже подверглось изменениям. Поэтому в литературе высказывались самые разнообразные мнения о численности войск. А. Барбашев считал, что польско-литовско-русское войско составляло не более 100 тысяч человек (из них 30 тысяч он отводит на татар), а орденское — около 30 тысяч.[57]

Тоже в 100 тысяч приблизительно исчислял союзные войска П. А. Гейсман (причем конницу в 25 тысяч), зато на стороне Ордена предполагал до 60 тысяч (из них в коннице 14—15 тысяч).[58] Оба автора исходили из среднего количественного состава хоругви. Руководствуясь этим же критерием, почти к таким же результатам пришли и некоторые польские авторы, исчисляя польско-литовско-русскую конницу в 23 с лишним тысячи, орденскую в 16 с лишним тысяч человек. В польской историографии вообще заметно стремление по возможности не завышать пред-

[53] S. Kujot. Rok 1410, стр. 78—79; S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 232.

[54] S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 333.

[55] J. Długosz. Banderia Pruthenorum. Wyd. K. Górski. Warszawa, 1958, стр. 207, 219, 259.

[56] S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 221. Но в «копья» богатых крестоносцев и иностранных гостей могло входить и больше вооруженных людей, отсюда число людей в хоругви могло быть и выше (там же).

[57] А. Барбашев. Витовт, стр. 60—62.

[58] П. А. Гейсман. Польско-литовско-русский поход, стр. 13—14.

полагаемых цифр. Не так еще давно общая численность орденского войска считалась в 31 тысячу человек (25 тысяч всадников и 6 тысяч пехоты) и даже 20—22 тысячи (при 15 тысячах всадников), а численность польско-литовско-русского войска в 41—46 тысяч в первом случае и 18—23 тысяч во втором.[59] К таким же невысоким цифрам пришел в последнее время и С. Кучинский. Положив в основу своих вычислений совершенно новый критерий — мобилизационные возможности каждой из сражавшихся сторон, он пришел к выводу, что войско крестоносцев, набранное с территории Ордена, составляло 33 500 человек, из которых в битве участвовало 27 500 человек (часть была поставлена на охрану замков), да иностранных гостей было больше 4000 человек. Таким образом, всего 32 тысячи, из них конница составляла 21 тысячу, пехота 11 тысяч. Союзное же войско исчислялось в 31 с половиной тысячу, из них 29 тысяч приходилось на конницу, остальные на пехоту. Кроме того, в состав союзных войск входило 1000—2000 татар.[60]

Трудно, конечно, судить, кто прав. Но все-таки Длугош ясно указывает и подробно описывает 51 хоругвь в орденском войске и 90 в польско литовско-русском. Из этого следует, что независимо от числа людей в хоругви (оно колебалось и на той и на другой стороне) союзное (конное) войско приблизительно в два раза превосходило орденское. А это соотношение сил в приведенных выше расчетах не соблюдено, и поэтому эти цифры внушают сомнение.

Самой громоздкой частью войска был обоз. Предполагая, что общая численность польско-литовско-русского войска составляла 39 тысяч, С. Кучинский считает, что в обоз его входило самое меньшее 10 тысяч телег с продовольствием и еще телег пятьсот с орудиями, запасным оружием, ядрами, канцеляриями короля и Витовта и т. д.[61]

Главнокомандующим военных сил Ордена в Грюнвальдской битве был великий магистр Ульрих фон Юнгинген, командование непосредственно осуществляли великий комтур Фридрих фон Валленрод и великий маршал Конрад фон Лихтенштейн.

Вопрос о том, кто осуществлял верховное командование в польско-литовско-русском войске, вызвал большие споры в литературе. Надо сказать, что под воздействием Длугоша, изобразившего Владислава-Ягайлу человеком кротким и мягким по натуре, нерешительным и слабовольным, предпочитающим мир войне, имя польского короля в этих спорах называлось редко. Одни шли за Длугошем, который под 9 июля рассказывает, что первоначально верховное командование над королевским и великокняжеским войском предлагалось опытным в военном искусстве чехам, а после их отказа было возложено на краковского мечника Зиндрама из Машковиц. Поэтому они именно Зиндрама из Машковиц счи-

[59] Пользуюсь обзором мнений, приведенных у С. Кучинского (S. Kuczyński Wielka wojna, стр. 212—215).
[60] Там же, стр. 224—225, 235, 238.
[61] Там же, стр. 312.

тали (некоторые и теперь считают) главнокомандующим союзными войсками в Грюнвальдской битве.[62] Другие, причем главным образом старые историки — К. Шайноха, М. Бобжинский, С. Смолька и другие, связывали этот пост с именем Витовта.[63] Вероятно, в этом случае немалую роль сыграла характеристика, данная Длугошем великому князю литовскому. Витовт в изображении Длугоша — воинственный, стремительный, полный энергии и инициативы — весьма подходил для поста главнокомандующего. Однако в последнее время, в результате критического изучения «Истории» Длугоша, восторжествовало мнение (имевшее последователей и раньше в лице А. Прохаски, С. Куйота, С. Кутшебы), что главнокомандующим польско-литовско-русскими войсками был король Владислав-Ягайло. В наши дни его придерживается С. Кучинский.[64] Очевидно, это мнение является наиболее правильным. Аргументы, приводимые в его защиту, заставляют его принять. Самый важный из них — чрезвычайная активность короля, проявляющаяся с самых первых дней войны 1410 г. и отнюдь не снижающаяся после избрания Зиндрама. В тот же самый день, когда в командующие был выбран, по Длугошу, Зиндрам из Машковиц, все же Владислав-Ягайло, а не он, руководит всем походом союзного войска после вступления на вражескую территорию. Владислав-Ягайло, а не Зиндрам, убедившись, что р. Дрвенца сильно укреплена, принимает решение идти в обход. Его распоряжений ждут войска в день битвы, и Витовт без него не может начать боя. Именно Владислав-Ягайло, а никто другой, осматривает орденское войско перед началом битвы и взвешивает силы неприятеля. И он же, по свидетельству «Хроники войны», отдает приказ своему рыцарству надеть всем соломенные повязки, чтобы отличаться чем-нибудь от одинаково закованных в латы крестоносцев, и устанавливает боевой клич для всего своего войска: «Краков! Вильно! »[65] И хотя, по словам Длугоша, во время боя король якобы стоял в стороне и пассивно наблюдал сражение, однако сам же Длугош рассказывает, что к вечеру король совсем охрип от сильных криков, которые издавал во время боя, поощряя и возбуждая своих рыцарей.

Выполняя верховное руководство над всем союзным войском, Владислав-Ягайло, очевидно, непосредственно командовал, кроме того, польскими силами, как Витовт литовскими. Это видно из того, что, по словам Длугоша, без его распоряжения поляки считали недостойным начать бой. Правда, согласно Длугошу же, не король, а Зиндрам из Машковиц расставляет польские хоругви в боевой порядок, что как будто опровергает вышесказанное. Но более ранний источник, «Хроника войны»,

---

[62] См. об этом там же, стр. 170—181. Такого же мнения держался А Барбашев (Витовт, стр. 63)

[63] См. S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 162—170. Из русских историков считал Витовта главнокомандующим Н. А. Гейсман (Польско литовско-русский поход, стр. 16—17).

[64] S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 200

[65] Cronica conflictus, стр. 436

сообщает, что расстановку польского войска производил Владислав-Ягайло.

Что касается Зиндрама из Машковиц, упоминаемого Длугошем, то на него, как думает С. Кучинский, были возложены чисто технические вспомогательные обязанности, близкие к обязанностям заведующего обозом.[66] Это весьма правдоподобно. Тогда становится понятен рассказ Длугоша о том, что обязанности, возложенные на Зиндрама, сначала были предложены чехам-наемникам. Едва ли бы им, чужеземцам, да еще наемникам, могло быть предложено верховное командование всем союзным войском.

Во время боя войска враждующих сторон разместились на пространстве, ограниченном деревнями Грюнвальд, Танненберг и Людвиково. Местность здесь была неровная, холмистая, изрезанная неглубокими оврагами, тут и там поросшая лесом и кустарником.[67]

Союзные войска расположились «на полях Танненберга и Людвикова».[68] Крестоносцы заняли пространство перед Грюнвальдом, лицом к Людвикову. Каждое из войск (конница) было выстроено, как тогда было принято, в три линии.

На основе сообщения Длугоша о том, что перед боем магистр предложил королю отвести свое войско с занятых им позиций и освободить таким образом место для его войск, некоторые историки выдвинули предположение о перестройке боевого порядка орденского войска. А именно, якобы магистр, заметив в два раза меньшую по сравнению с союзными войсками протяженность своего фронта, приказал второй линии своих войск пристроиться слева к первой линии, напротив правого фланга союзного войска.[69]

Как предполагается, артиллерия у крестоносцев помещалась перед боевыми линиями.[70] Где стояли орудия польско-литовско-русского войска — неизвестно. Часть пехоты находилась при орудиях, остальная охраняла обозы, располагавшиеся далеко позади боевых линий.

Главнокомандующие военными силами вначале битвы находились каждый на левом фланге своих войск, позади боевых линий.

Весьма как будто подробный рассказ Длугоша о Грюнвальдской битве не дает, однако, полного и точного представления о ней, так по крайней мере можно думать, поскольку при описании битвы Длугош исходил из весьма краткой и сжатой «Хроники войны» и воспоминаний участников. А каждый из последних мог рассказывать ему только о том, что видел с места, где находился во время боя.[71]

---

[66] S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 181.
[67] П. А. Гейсман. Польско-литовско-русский поход, стр. 24; S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 331.
[68] Scriptores rerum Prussicarum, t. III, стр. 404.
[69] П. А. Гейсман. Польско-литовско-русский поход, стр. 27.
[70] S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 344.
[71] Там же, стр. 339.

Но надо сказать, что и другие источники (а они в основном сводятся к той же «Хронике войны», некоторые сообщения которой Длугош почему-то не использовал, и орденской хронике Поссильге) добавляют к рассказу Длугоша весьма немного и не делают наше представление о Грюнвальдской битве более полным.

Самое существенное, что можно из них извлечь, касается последней стадии битвы. Длугош, посвятив много места изложению того, как польские хоругви долго не могли распознать приближавшихся к ним неприятельских отрядов с великим магистром во главе, самое столкновение этих отрядов с союзным войском описывает чрезвычайно кратко. Поляки, пишет он, несколькими хоругвями набросились на эти 16 отрядов и вступили с ними в кровавый бой. И хотя крестоносцы в течение какого-то времени выдерживали натиск, в конце концов, однако, окруженные со всех сторон превосходящим их по численности королевским войском, были разбиты наголову. Из орденской хроники Поссильге мы узнаем, что во время этого последнего боя «великий магистр трижды пробивался со своими силами»,[72] очевидно, на соединение со своими, продолжавшими биться боевыми линиями сквозь польские ряды, которые старались окружить неприятеля. И крестоносцам даже почудилось, что они одерживают верх над поляками, они даже запели свою победную песню «Христос воскрес».[73] Но ликование их оказалось преждевременным. «И пришли тогда гости и наемники его (т. е. короля, — *Л. Р.*) и напали на крестоносцев с одной стороны, а язычники — с другой, и окружили их, и умертвили магистра и великих советников, и всех почти братьев Ордена. И пали знамена магистра и знамена Ордена».[74] Из этой записи Поссильге следует, что в этом последнем сражении приняли участие все находившиеся на поле битвы союзные войска — и польские, и литовские («язычники» по орденской хронике), и русские отряды. Предполагается, что при этом, кроме конницы, широкое участие принимала и крестьянская пехота.[75] Все они плотным кольцом окружили крестоносцев и нанесли им окончательное поражение.

Всего в Грюнвальдской битве, по словам Длугоша, пало 50 тысяч крестоносцев и взято в плен 40 тысяч. Цифры эти настолько же преувеличены, насколько обычно преувеличивалась численность войск каждой из враждующих сторон до битвы. В литературе нет единого мнения по этому вопросу. Одни считают, что убитых было 18—20 тысяч, а раненых и пленных до 30 тысяч,[76] другие — что погибло около 18 тысяч, а взято в плен около 14 тысяч.[77]

---

[72] J. Possilge. Chronik, стр. 316.

[73] Там же.

[74] Там же.

[75] S. Inglot. Udział chłopów w obronie Polski. Łódź, 1946, стр. 21; S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 364—365.

[76] П. А. Гейсман. Польско-литовско-русский поход, стр. 30.

[77] S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 366.

Каковы бы ни были действительные цифры, союзные войска при незначительных собственных потерях нанесли сокрушительный удар Ордену, уничтожили его военные силы и артиллерию и этим подорвали его боевую мощь.

Подвергая анализу бой под Грюнвальдом, современный польский исследователь отмечает, как важнейшую ошибку орденского командования, применение им для защиты своей страны в войне 1410 г. системы пассивной обороны, что обусловило переход инициативы в руки союзного командования и вторжение союзного войска в пределы Орденского государства, а это последнее принудило магистра дать как можно скорее, в невыгодных для себя условиях, бой противнику. Ошибкой также была недостаточная боевая подготовленность. Орден не сумел вовремя обеспечить себя достаточным числом наемников, а кроме того, оставив большие гарнизоны в пограничных замках для защиты страны от вражеского продвижения, лишил себя нескольких тысяч рыцарей в бою под Грюнвальдом. Польское же командование с самого вступления в войну взяло инициативу в свои руки, стремилось к одной определенной цели, действовало твердо и решительно в сответствии с заранее выработанным планом.[78]

Орденское войско технически было несколько лучше оснащено, чем союзное, превосходило его дисциплиной и боевой подготовкой, но оно значительно уступало ему «в отношении воодушевления».[79] Да и трудно было ждать воодушевления от этого весьма разнородного войска, в котором многие сражались ради добычи и рыцарской славы, а другие — прусы и поляки из орденских владений — во имя чуждых им интересов своих поработителей.

Польско-литовско-русское войско обладало большим преимуществом. Входившие в его состав народности — поляки, литовцы, русские — стремились к единой цели: разделаться с общим всем им ненавистным врагом, защитить свои земли от его вторжения, возвратить уже захваченные. Высокий моральный уровень союзного войска нашел самое яркое проявление в выступлении смоленских полков, в решительный момент принявших на себя натиск врага и тем спасших положение, как это красочно и с полной объективностью описывает Длугош.

Высокий патриотический подъем, непоколебимая вера в правоту своего дела, мужество и стойкость, проявленные союзным войском, в сочетании с высокими достоинствами его руководства решили успех Грюнвальдской битвы в его пользу.

Разгромив врага под Грюнвальдом, польско-литовско-русское войско двинулось, как это было предусмотрено в плане кампании, дальше, на Мариенбург. Этот поход был поистине победоносным. Все замки и города сдавались один за другим, как рассказывает Длугош. Орденская хроника тоже вынуждена констатировать, что и рыцари, и слуги, и самые крупные

---

[78] Там же, стр. 373—375.

[79] П. А. Гейсман. Польско-литовско-русский поход, стр. 18.

города страны — все перешли на сторону короля, и все присягали ему на верность.[80]

25 июля союзные войска стояли под Мариенбургом. Началась осада замка. Она носила столь стремительный и угрожающий характер, что уже в начале августа избранный наместником Ордена Генрих фон Плауэн обратился с просьбой к Владиславу-Ягайле начать мирные переговоры. Переговоры эти ни к чему, однако, не привели.

Последовавшие дальше события — снятие осады и уход польско-литовско-русского войска из-под Мариенбурга, потеря всех занятых раньше замков и городов, наконец условия мира, — все это вызвало упреки и нарекания в адрес Владислава-Ягайлы со стороны Длугоша, а затем под воздействием его и в последующей польской историографии. Причины всех этих неудач видели в том, что король не использовал выгодного момента после блестящей победы под Грюнвальдом, когда уничтожены были все военные силы Ордена, и не поспешил немедленно завладеть Мариенбургом.

Польские историки последнего времени стараются снять это обвинение с короля, выдвигая, на наш взгляд, весьма убедительные объяснения тех или иных его действий, и дают новую оценку последовавшим за Грюнвальдом событиям, с которой, нам кажется, можно согласиться.

Как поясняет С. Кучинский, король не мог выступить с войсками сразу же в ночь с 15 на 16 июля. Войско было измучено и еще не вполне были известны результаты боя. 16-го обстановка разъяснилась, и хотя королевский совет настаивал на трехдневном отдыхе, по настоянию короля войско выступило все-таки в дальнейший путь после однодневного отдыха, 17-го числа. И идя медленно, занимая по дороге орденские замки, что отнимало много времени, только 25 июля подошло к Мариенбургу, когда там уже целую неделю находился Генрих фон Плауэн, прибывший 18 июля.

Король мог бы выслать вперед несколько отрядов, чтобы они захватили Мариенбург врасплох и овладели им. Но чтобы осуществить это, им надо было прибыть к Мариенбургу до того, как там появился Генрих фон Плауэн, т. е. не позже вечера 17 июля. При стокилометровом же расстоянии между Грюнвальдом и Мариенбургом это было невозможно. Для этого таким отрядам надо было бы выступить из Грюнвальда самое позднее 16-го утром, т. е. тогда, когда обстановка еще была неясна.[81]

Самый Мариенбург оказался весьма твердым орешком. Построенный наподобие других орденских крепостей, он отличался от них величиной и большей мощностью укреплений. При уровне военной техники н[illegible]а XV в. взять его было почти невозможно. Кроме того, к приходу сою[illegible]о войска гарнизон крепости представлял уже достаточно большую [illegible], насчитывая до 4 тысяч хорошо вооруженных человек.[82] Единствен[illegible]а что можно было рассчитывать, это на капитуляцию самих защит[illegible]в крепости, вызванную голодом или эпидемиями, или на измену с их сто[illegible].

[80] J. Possilge. Chronik, стр. 318.
[81] S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 382—383.
[82] J. Possilge. Chronik, стр. 320.

Польско-литовско-русское войско, представленное феодальным ополчением, не было способно ни для штурмов таких мощных крепостей, ни для многомесячного стояния под их стенами в ожидании добровольной сдачи. Наемных же войск у короля было немного, да и удержать их на длительное время нельзя было из-за истощения средств и невозможности расплаты с ними. Кроме того, приходили к концу запасы пороха и ядер,[83] создавалась угроза, что в скором будущем отпадет возможность производить обстрел крепости. Но, очевидно, самой главной причиной было, как это указывает и Длугош, начавшееся разложение в рядах войск. Одни стремились домой отдохнуть, другие грозились уйти, если им не будут аккуратно платить.

Все эти обстоятельства могли побудить короля снять осаду, не добившись победного конца, и дать приказ об отходе.

В этом решении Владислава-Ягайлы могли сыграть роль и распространившиеся слухи о вторжении войск Сигизмунда, короля венгерского, в южные районы Польши. Владиславу-Ягайле хорошо было известно о существовавшем между Сигизмундом и Орденом договоре. И если сейчас он мог расценить это известие как простой слух, то имел все основания опасаться такого вторжения в ближайшее время. Король знал, вероятно, и о том, что Сигизмунд, в это время особенно заинтересованный в поддержке Ордена,[84] уже прислал ему ободряющее письмо, в котором обещал свою помощь.[85]

Уход из-под Мариенбурга и вообще с территории Орденского государства рассматривался польско-литовским командованием как временный отход, но ни в коем случае не как отступление перед неприятелем и отказ от занятой неприятельской территории. Это доказывает весь обратный путь польского войска. Хотя Длугош и говорит, что Владислав-Ягайло возвращался как побежденный, а не как победитель, однако рассказ Длугоша о возвращении противоречит этому. Владислав-Ягайло шествовал со всеми своими военными силами как хозяин страны, одаряя города и епископов привилегиями, оставляя гарнизоны в занятых орденских замках, снабжая их продовольствием и оружием.

Что, действительно, Владислав-Ягайло не считал войну оконченной, а лишь временно прекращенной, показывают его действия после возвращения в Польшу. Едва перейдя границу и распустив войско по домам, он начинает собирать новые силы, призывая под оружие пограничные с Орденом земли — великопольскую, серадзскую, ленчицкую, куявскую и добжинскую, и в то время, когда уже многие захваченные им орденские замки перешли обратно под власть Ордена, когда крестоносцы приободрились и начали чувствовать себя хозяевами положения, наносит им второе сокрушительное поражение под Короновым.

---

[83] S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 435.

[84] В сентябре была официально выдвинута его кандидатура на опустевший германский императорский престол.

[85] S Kuczynski. Wielka wojna, стр. 417.

Битва под Короповым явилась блестящим завершением кампании, начатой победой под Грюнвальдом. Успех битвы был теснейшим образом связан с Грюнвальдским боем. Твердая уверенность в своих силах, в возможности победы над орденским войском, вынесенная из Грюнвальдской битвы, высокий патриотический подъем и боевой дух, порожденные ею, помогли польскому рыцарству одолеть в два почти раза превосходившие силы противника.

Победа под Короновым, можно сказать, компенсировала уход из-под Мариенбурга. Несмотря на то, что столица Ордена не была захвачена, и все ранее занятые замки вернулись обратно к Ордену, плоды победы под Грюнвальдом не были потеряны. В конечном счете Польша выиграла войну.

Условия заключенного в феврале 1411 г. Торуньского мира были вовсе не так незначительны для Польши и Литвы, как это расценивалось до сих пор в исторической науке.

Торуньский мир на самом деле был большим достижением Польского государства. Правда, Польша на основе его вернула себе только Добжинскую землю, остальные польские земли остались за Орденом, но фактом чрезвычайной важности было то, что Орден согласился отменить решение третейского суда, состоявшегося в начале 1410 г., ставившее возвращение Добжинской земли в зависимость от возвращения ему Жмуди. А отказываясь по Торуньскому договору от Жмуди, пусть даже временно, крестоносцы этим самым отказывались от территориального объединения с Ливонским орденом, за что вели борьбу почти два столетия.

Большим достижением было то, что Орден обязывался не выступать в будущем против Польши и Литвы, и не объединяться с их врагами, из чего вытекало, что в случае войны Польши с Сигизмундом, союзником Ордена, после 1 февраля 1411 г. крестоносцы лишались права выступить на стороне последнего.[86] Нельзя забывать и о громадной контрибуции, которую обязался выплатить Орден (6 миллионов пражских грошей).

В общем итоге при кажущейся своей незначительности Торуньский мир не ликвидировал вовсе результатов Грюнвальдской победы, а был достойным их выражением.

Грюнвальдская битва сыграла огромную роль в истории славянских и прибалтийских народов, показав им, что только совместная борьба против общего врага — залог победы над ним.

В результате объединенного выступления поляков, литовцев, русских и чехов могущество Ордена было подорвано и восстановить его ему больше не удалось.

Грюнвальдская битва рассеяла господствовавшее до тех пор в Европе убеждение в непоколебимой военной мощи крестоносцев. Поколебался авторитет Ордена в Европе и поднялся авторитет Польши и Литвы. Это

---

[86] Там же, стр. 482: см. также E. Maleczyńska. Społeczeństwo, стр. 70.

почувствовалось особенно на Констанцском соборе в 1414—1418 гг., на который Польша и Орден представили свои пограничные споры и требования друг к другу. Собор не поддержал жалоб Ордена на Польшу. После него крестоносцы уже потеряли надежды на поддержку извне в случае своего выступления против Польши и Литвы. Им приходилось надеяться с тех пор только на свои силы, а уверенность в них была утеряна после Грюнвальда.

Поражение Ордена в войне 1410 г. обострило противоречия внутри Орденского государства. Прусское дворянство и прусские поморские города начали борьбу против своих поработителей. В 1416 г. она вылилась в большое восстание в Гданьске.

Война 1409—1410 гг. подготовила окончательное падение Ордена. Польша не успокоилась на условиях Торуньского мира 1411 г. Мысль о возвращении отторгнутых Орденом польских земель не покидала Владислава-Ягайлу. В 1414 г. он объявляет войну Ордену, требуя от него вернуть Поморье и другие земли. Война эта кончилась ничем. Зато в результате другой войны (1422 г.) Ордену пришлось в изменение условий Торуньского мира навечно отказаться от Жмуди.

В 1454 г. Польша начала новую войну с Орденом. В это время Орденское государство переживало глубокий внутренний кризис. Вся его территория была охвачена восстанием. Инициатором был «Прусский союз», представлявший интересы прусского дворянства и прусских поморских городов, не желавших больше терпеть ига рыцарей. Союз обратился к польскому королю Казимиру Ягеллончику с просьбой принять страну под свою руку. В этих условиях война Польши с Орденом протекала успешно для первой. Она продолжалась тринадцать лет и закончилась Торуньским миром в 1466 г. По этому миру Хелминская земля и Восточное Поморье воссоединились с Польшей. Кроме того, в состав Польши вошла и часть Пруссии с Мариенбургом.

Орден, правда, и тогда не был еще окончательно уничтожен, но он признал себя вассалом Польши, что было фактом знаменательным, и исконные земли Польши, находившиеся под его властью около двухсот лет, вернулись обратно к ней.

Основы этой победы над Орденом были заложены в Грюнвальдской битве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1386 г.

[1] Конрад Цолльнер фон Роттенштейн (1382—1390).[1] Основу владений Ордена составляли земли прусов (одно из литовских племен, населявшее побережье Балтийского моря между Вислой и Неманом) Отсюда — Пруссия, прусский магистр, Прусский орден, пруссаки. Историю появления крестоносцев на землях прусов см. выше, в статье Л. В. Разумовской.

[2] Дмитрий из Горая — один из инициаторов Польско-Литовской унии, подскарбий Польского королевства.

[3] Ягайло (по-польски Ягелло) — сын великого князя литовского Ольгерда (1345—1377) и Юлиании, княжны тверской, великий князь литовский. После смерти короля польского Людовика Венгерского (1370—1382) и возведения на престол юной дочери последнего Ядвиги (род. в 1371 г. — ум. в 1399 г.) часть польских сановников выдвинула Ягайлу как наиболее выгодного кандидата на ее руку, рассчитывая благодаря этому браку присоединить к Польше литовские и особенно входившие тогда в состав Литвы многие русские земли, а также обеспечить себе союзника в борьбе против общего врага — Тевтонского ордена крестоносцев. Польско-Литовская уния была оформлена в августе 1385 г. в г. Крево (совр. Креве в Литовской ССР), откуда получила название Кревской. В феврале 1386 г. Ягайло принял крещение по католическому обряду, получив имя Владислава, был обвенчан с Ядвигой и коронован польской короной под именем Владислава II (1386—1434).

[4] Т. е. собрал рыцарство Тевтонского ордена крестоносцев и рыцарство Ливонского ордена, раньше Ордена меченосцев. См. выше статью Л. В. Разумовской.

[5] Андрей — князь полоцкий. После смерти Ольгерда принял активное участие в борьбе за великокняжеский престол. С приходом к власти Ягайлы (1382) бежал к крестоносцам. В 1386 г., опираясь на военную помощь Ордена, возглавил движение в Полоцкой земле против Польско-Литовского государства.

[6] Скиргайло — князь трокский.

[7] Витовт — Витаутас (лит.), сын Кейстута, двоюродный брат Владислава-Ягайлы. В разгоревшейся после смерти Ольгерда борьбе за престол между Ягайлой и Кейстутом, братом Ольгерда, верх одержал в 1382 г. Ягайло. Кейстут погиб в заключении, Витовт бежал к крестоносцам, откуда вернулся в 1384 г. и, примирившись с Ягайлой, получил от него Гродно, Брест и Луцк. В 1389 г., неудовлетворенный своим положением, опять бежал к крестоносцам и при их поддержке совершал нападения в 1390—1391 гг. на Литву. В 1392 г. наступило примирение между Витовтом и Владиславом-Ягайлой, скрепленное Островской унией, в силу которой Витовт стал наместником

---

[1] Годы в скобках без разъяснений означают годы правления.

Владислава-Ягайлы в литовских и русских землях. В 1401 г. Витовт получил титул великого князя литовского, причем великокняжеская власть была передана ему пожизненно. Поддерживаемый то Орденом, то императором германским, заинтересованными в разрушении Польско-Литовской унии, он неоднократно делал попытки отложиться от Польши. Последняя была совершена им в 1429—1430 гг., и только неожиданная смерть Витовта в 1430 г. помешала ее осуществлению.

1387 г.

[1] Бодзанта — архиепископ в 1386—1389 гг.

[2] Земовит IV — старший из трех правивших тогда в Мазовии князей (род ок. 1357 г. — ум. в 1426 г.). Исконная область Польши Мазовия не вошла в состав сложившегося на рубеже XIII—XIV вв. после ликвидации периода феодальной раздробленности единого Польского государства, но считалась леном польского короля. Воссоединение ее с Польшей состоялось в 1526 г.

[3] Ян, чаще Януш (ум в 1429 г.), — брат Земовита.

[4] Конрад Белый — один из силезских князей. Силезия, исконная область Польши, входила в то время в состав Чехии, уступленная ей польским королем Казимиром III (1333—1370) по Вышеградскому миру 1335 г.

[5] Кристин из Козеглов — каштелян сандецкий в 1386—1417 гг.

[6] Миколай из Оссолина — каштелян вислицкий в 1377—1387 гг.

[7] Заклика из Мендзыгожа — в 1386—1409 гг. одновременно староста куявский. Один из ближайших сподвижников Владислава-Ягайлы.

[8] Имя подканцлера было Клеменс. Дальше Длугош называет его правильно. Должность эту занимал в 1389—1402 гг.

[9] Влодек из Харбиновиц — чашник в 1375—1391 гг.

[10] Спытко из Тарнова — подкоморий в 1385—1395 гг.

[11] Томек — Томаш из Венглешина (1386—1403), с 1401 г. староста Великой Польши, потом каштелян сандомежский.

[12] День пепла — день покаяния, среда на первой неделе великого поста.

[13] Корибут-Дмитрий — князь новгород-северский.

[14] Культ огня, лесов и ужей существовал и в древней Индии и в Греции. Сохранился в Литве до XV в.

[15] Такой неугасимый огонь поддерживался не только в Вильно, но и в других городах. Литовский термин zincz (или žinўš) по справке, данной проф. Б. А. Лариным, означал «жрец», в современном литовском языке — «знахарь», «знаток».

[16] Под «рощами» (luci) в лесах следует понимать скорее всего, как полагает проф. Б. А. Ларин, огороженные участки и полянки, где стояли жертвенники и кострища.

[17] Идолов, т. е. изваяний, литовцы своим богам не воздвигали. Здесь слово «идолы» надо понимать, по-видимому, в смысле «ложные боги».

[18] Война между римскими полководцами Марием, представлявшим интересы демократических слоев римского общества, и Суллой, выразителем интересов рабовладельческой аристократии, велась в 89—87 гг. до н. э. и закончилась победой второго Борьба за власть между Гаем Юлием Цезарем и Помпеем происходила в 49—48 гг. до н. э. и продолжалась некоторое время после гибели Помпея между их последователями.

[19] Пущи (indagines) здесь следует понимать не как лесные массивы, а как пустынные, ненаселенные пространства.

[20] Длугош излагает теорию о римском происхождении литовцев, возникшую в его время на основе сходства литовского словаря с латинским и долго пользовавшуюся признанием. Известный польский историк, одновременно историк Литвы, Г. Ловмянский, подвергая критическому пересмотру все существующие гипотезы о происхождении литовцев, эту теорию называет пустым вымыслом XV в. (H Łowmiański Początki. . . , стр. 2—12, 232).

[21] Представление, будто неугасимый огонь, хранимый весталками (жрицами Весты, богини очага), был как бы воплощением Юпитера-громовержца, основано у Длугоша на каком-то недоразумении.

[22] В древних культах часто запрещалось употребление железных орудий (вместо первоначальных бронзовых или даже каменных), но тут речь идет вообще о неприкосновенности священных лесов. Любопытно упоминание вслед за языческими богами христианского сатаны.

[23] При обычных жертвоприношениях божеству отдавались только некоторые части животных, другие оставлялись для пиршества.

[24] Сильван (или Фавн) — римское божество вроде русского лешего. Цитата взята из второй книги «Эклог» Вергилия, стр. 60.

[25] Лат. Эскулапий, греч. Асклепий — бог-целитель, почитавшийся особенно в Эпидавре. О перевозе его в Рим в 293 г. до н. з. рассказывают Тит Ливий (кн. 10, ст. 47, 7) и Овидий (Метаморфозы, XV, ст. 622 сл.).

[26] Название этого леса связывается с распространенным у литовцев культом лесных божков, кауков, своего рода гномов, обитавших якобы под землей между корнями деревьев.

[27] Ольгерд, сын Гедимина, правил в 1316—1341 гг.

[28] У Длугоша: colore. Очевидно, описка или неверное чтение вместо calore, так как разумеются, очевидно, овины.

[29] Наши летописи сохранили сведения о ряде походов Владимира, Ярослава и других князей против отдельных литовских племен. Возможно, что эти князья потом получали с литовцев дань.

[30] О борьбе брата Гедимина, князя Витеня (1293—1316), с Русью ничего неизвестно. Походы на Русь литовцы начали совершать задолго до Витеня, еще с конца XII в.

[31] В описываемое Длугошем время рабство у литовцев, вообще им известное (в патриархальной форме), уже не существовало.

[32] Ятьвинги (ятвяги) — одно из литовских племен, населявшее территорию к северу от Беловежской пущи.

[33] По преданию, Рим был основан в 754 г. до н. з.

[34] Перкун — бог грома и молнии, соответствующий славянскому божеству Перуну, был, видимо, главным божеством у литовцев. Длугош наивно объясняет это имя как соответствие лат. percussor (от percutere — пробивать, поражать).

[35] Вилий — имя легендарного литовского князя.

[36] Речь здесь идет о земле ятвягов. Брюкнер считает, что название Ятроцоны, которым наделил здесь Длугош это литовское племя и его землю, основано на ошибочной транскрипции польского названия племени (ятьвинги) в одной из папских грамот (A. Brückner. Starożytna Litwa, стр. 23).

[37] Cibus pascedis et ollis ex farina formatis coctus. Pasceda или pascedum — слово неизвестное; судя по тому, что оно стоит наряду с «горшками», по-видимому, употреблено Длугошем для обозначения какого-то вида посуды. Удивляет указание, что она и горшки сделаны из муки. Вероятно, имеется в виду какой-то литовский способ изготовления, чуждый полякам (как изготовление окорока, запеченного в тесте, и т. п.). Правильность текста едва ли может быть заподозрена, так как по проверке, любезно произведенной проф. М. Плезя (Краков), то же чтение дает наиболее авторитетная (краковская) рукопись «Истории» Длугоша, выполненная его секретарем с собственноручными поправками автора.

[38] Будучи образованным человеком и духовным лицом, Длугош относится к литовцам свысока как к малокультурному народу, лишь недавно принявшему крещение. Все же он отмечает их горячий патриотизм и преданность родине.

[39] Александр — имя, принятое Витовтом при крещенье.

[40] «Литовские племена» в тексте отсутствуют, вместо этого стоит «has», как будто относясь к женщинам, о которых перед этим шла речь. Очевидно, обмолвка Длугоша.

1388 г.

[1] Очевидно, отзвуки начавшихся здесь в 1387 г. волнений.

[2] Языческое имя Александры пропущено.

[3] Длугош имеет в виду, что, с одной стороны, Земовит, как и другие мазовецкие князья, был представителем старой, правившей в Польше до Владислава-Ягайлы

династии Пястов, с другой — после смерти Людовика Венгерского и вступления на престол Ядвиги он был среди других выдвинут в качестве претендента на ее руку.

[4] Белзская земля, как и другие части Волыни, была присоединена к Польше королем Казимиром III в 1349 г. Вместе с Холмской землей она осталась за Польшей и после того, как в 1366 г. остальная Волынь отошла к Литве.

1389

[1] Скиргайло первым из братьев Владислава-Ягайлы крестился в 1383 или 1384 г. — и при этом под влиянием матери, княжны тверской Юлиании, — в православную веру, приняв имя Иван.

[2] Анна (ум. в 1418 г.) — вторая жена Витовта, дочь князя смоленского, Святослава Ивановича.

[3] Виганд фон Бальдерсгейм был комтуром Рагнеты в 1380—1384 гг. После крещения в 1383 г. Витовт еще два раза менял веру: в 1384 г. в Литве он принял православие с именем Александр, в 1386 г. крестился вместе с Ягайлой в католичество, сохранив то же имя.

[4] Мергембург, правильно Мариенбург, — замок, выстроенный крестоносцами на Немане. Не следует смешивать с одноименным замком, столицей Ордена, резиденцией великого магистра (на р. Ногате, притоке Вислы).

[5] В вышеизложенном рассказе Длугош как будто объединил события, относящиеся к разным годам, а именно бегство Витовта к крестоносцам после смерти Кейстута в 1382 г., попытку захвата верховной власти в Литве и новое бегство в Пруссию в 1389 г. Любопытно, что, рассказывая под 1382 г. о бегстве Витовта к крестоносцам и о предварительном посещении им князя мазовецкого Януша (о посещении Земовита он там не говорит), Длугош называет Януша и тогда мужем сестры Витовта, Дануты, о браке которой сообщает правильно под 1388 г. Следовательно, и в своем рассказе под 1382 г. Длугош не вполне точен. Что действительно на страницах 19—20 речь идет о бегстве Витовта не в 1389 г., а в 1382 г., это видно из собственной ссылки Длугоша («как мы указали выше») и из сообщения, что «в течение нескольких лет своего пребывания» у крестоносцев Витовт научился немецкому языку, и т. д. На это же указывает сообщение о крещенье Витовта, которое в других источниках датируется 1383 г.

1390 г.

[1] Имеются в виду будущие Брест-Литовский и Каменец-Литовский.

[2] Зиндрам из Машковиц — мечник краковский в 1389—1412 гг.

[3] Корибут — см. 1387 г., прим. 13.

[4] Завиша из Рушкова, или Завиша из Олесницы, — один из приближенных королевы Ядвиги.

[5] Речь идет о сыне Джона, герцога ланкастерского, будущем короле английском, Генрихе IV (1399—1413). О нем же упоминает в этом году и немецкий хронист Посильге (J. Possilge. Chronik, стр. 164, 182).

[6] Фридрих — маркграф Мишны.

[7] В это время магистром Ордена был еще Конрад Цолльнер (ум. в августе 1390 г.).

[8] Ливонским магистром был Веннемар фон Брюггеней.

[9] Под этими литовцами и русскими Длугош здесь и дальше имеет в виду те группы литовско-русской знати, которые, будучи недовольны унией, поддерживали Витовта в его войне с Ягайлой

[10] Коригал — князь мстиславльский.

[11] Трудно установить, из какого Виленского замка производились вылазки, — из нижнего, как говорит Длугош здесь, или из верхнего, как он указывает в заголовке раздела.

[12] На дереве вязе. В оригинале Wyansz (wiąz), польск., — вяз.

[13] Юлиания (ум. в 1448 г.) была не родной, а двоюродной сестрой Анны, жены Витовта.

[14] Может быть, это тот Монивид, который потом был старостой виленским в 1396—1412 гг., потом воеводой там же.

[15] Religiosi perversi — букв. «извращенные».

[16] Венцеслав — Вацлав IV, король чешский (1378—1419), император германский (Священной Римской империи германской нации) в 1378—1400 гг.; в терминологии, принятой у Длугоша и в последующей польской историографии, — «король римлян», «король римский».

[17] По рыцарским обычаям поединки между рыцарями разных стран производились при иностранном нейтральном дворе.

[18] Йодок-Йошт — дядя короля Вацлава IV.

[19] Т. е. «Еретики! сюда! еретики!» (совр. нем. Ketzer — еретик, неверный).

[20] Иоганн фон Румпенгейм — комтур Рагнеты в 1384—1392 гг., в 1404г. — комтур в Эльблонге.

[21] В 1389—1392 гг. Лихтенштейн был правителем (фогтом) всей области Самбия, а не только выстроенного крестоносцами на ее территории замка Инстербурга. В 1404—1410 гг. — великий комтур Ордена.

[22] Ясько из Олесницы — отец известного впоследствии епископа краковского Збигнева Олесницкого.

1391 г.

[1] Магистром Пруссии в эти годы (1391—1393) был Конрад фон Валленрод.

[2] Circulationes — собственно «круговые ходы», «обходы». Польск. szranki, kobylenie означает «ограды», «перегородки».

[3] Марквард фон Зальцбах — в 1396—1401 гг. комтур Рагнеты, затем в 1402—1410 гг., — Бранденбурга.

[4] Переводы немецких названий этих замков очень неточны.

[5] Вигунт — князь керновский.

1392 г.

[1] Вигунт умер в начале года, отравленный своими домочадцами. Некоторые подозревали причастность к этому Витовта.

[2] Генрик — брат Земовита и Януша, епископ плоцкий в 1391—1392 гг.

[3] Рингала (ум. в 1434 г.) — дочь Кейстута, христианское имя ее было Елизавета.

[4] Очевидно, командором Бальги был Конрад фон Кибург (1392—1396).

[5] Т. е. княжество трокское, отданное в свое время Ягайлой брату Скиргайле.

[6] Об условиях Островского соглашения см. 1386 г., прим. 7.

[7] Включенный Длугошем в число братьев Владислава-Ягайлы Любарт, князь владимирский, на самом деле был его дядей, младшим сыном Гедимина. При крещении принял имя Дмитрий. Ум. около 1384 г. Вместо же Любарта здесь должен был быть упомянут Лингвен-Семен, «служилый князь», т. е. начальник военных сил, «опекалник» (как называет его летопись) Великого Новгорода, неоднократно возглавлявший оборону его от шведских и немецких интервентов. Позднее — князь мстиславльский

[8] Эягельгард Рабе был маршалом в 1387—1392 гг.

[9] У Длугоша «faciunt et aliam Reszam», т. е. «совершают и вторую рейзу». Рейзами поляки и литовцы называли наезды крестоносцев (от нем. Reise).

1393 г.

[1] Под названием Мемель известен был Неман в своем нижнем течении, проходившем по прусским землям.

[2] Конрад фон Юнинген — великий магистр Ордена в 1393—1407 **гг.**

1394 г.

[1] Kaloyri — от греч. kalogeros (почтительное именование старцев), русск. калугер, у Пушкина калоер («Песни западных славян»). По Длугошу — особая секта, но вернее — православное духовенство в Литве.

[2] Брат магистра — Ульрих фон Юнгинген, фогт Самбии в 1393—1396 гг., великий маршал в 1397—1407 гг., великий магистр Ордена в 1407—1410 гг.

[3] Длугош спутал здесь двух братьев, Конрада и Рудольфа фон Кибургов Первый был комтуром в Бальге (см. выше, 1392 г., прим 4), второй в 1391—1402 гг. — комтуром в замке Редене. Полное имя комтура в Рейно было Фридрих фон Валленрод (1394—1396), впоследствии он был великим маршалом Ордена (1407—1410).

[4] Под основателем Ордена имеется в виду князь мазовецкий Конрад (род. в 1187 г.— ум. в 1247 г.), пригласивший в 1225 г. крестоносцев для обороны границ своего княжества со стороны прусов, в результате чего возникло Орденское государство (см. выше статью Л. В. Разумовской).

[5] Т. е. мира, заключенного королем Казимиром III с Орденом в 1343 г. в Калише.

1396 г.

[1] Владислав, князь опольский (Силезия), получил в 1372—1379 гг. от короля польского и венгерского Людовика ряд польских земель в ленное владение, в том числе и Добжинскую. Пытаясь вернуть эти земли Польше, Владислав-Ягайло начал в 1396 г. войну против князя опольского. Уступка Владиславом опольским Добжинской земли крестоносцам была вызвана успехами Владислава-Ягайлы в этой войне

[2] См. выше, 1394 г., прим. 5.

1397 г.

[1] Велюньская и Остжешовская земли были в 1372 г. отданы Людовиком, королем польским, в ленное владение Владиславу Опольскому

1401 г.

[1] По унии 1401 г. Витовт получил титул великого князя литовского. См. 1386 г, прим. 7.

[2] Магистром ливонским в 1401—1413 гг. был Конрад фон Витингоф.

[3] Возможно, что это тот Петр Ритерский, который в 1420—1434 гг. занимал пост подкомория при королевском дворе

1403 г.

[1] Спытко из Мельштына — воевода краковский, один из инициаторов Кревской унии, погиб в походе, предпринятом Витовтом в 1399 г. против татар.

[2] У Длугоша «in zuppis regiis» — «с королевских жуп». Жупы (польск.) — соляные копи в Величке и Бохне. Все доходы с них шли в королевскую казну, составляя один из важнейших источников ее средств.

1404 г

[1] Рацёнж входил во владения епископства Плоцкого

[2] Миколай Куровский — архиепископ гнезненский в 1402—1411 гг.

[3] Петр Выш — епископ краковский в 1392—1412 гг.

[4] Альберт (Войцех) Ястшембец — епископ познанский в 1399—1412 гг., канцлер Польского королевства в 1411—1423 гг.

[5] Ясько из Тенчина — каштелян и староста краковский в 1398—1405 гг.

[6] Длугош ошибается, называя Яна из Тарнова воеводой краковским. Этот пост он занимал в 1410—1432 гг. До того, в годы 1406—1409 был каштеляном краковским.

[7] Михаил из Богумиловиц в должности каштеляна люблинского по другим источникам известен в 1406—1410 гг.

[8] Гневош из Далевиц был подкоморием в 1397—1405 гг, в 1410—1426 гг. — подстолием.

[9] Миколай Тромба — подканцлер Польского королевства с 1403 по 1413 или 1414 г. Один из наиболее приближенных к Владиславу-Ягайле государственных деятелей. С 1410 г. — архиепископ галицкий, в 1412—1422 гг. — гнезненский.

[10] Арнольд был епископом хелминским в 1402—1418 гг., Иоанн — помезанским в 1378—1409 гг.

[11] Фридрих фон Венде был комтуром торуньским в 1397—1407 гг.

[12] На Рацёнжском съезде, происходившем 23 мая 1404 г., кроме вопросов о Жмуди и Добжинской земле, стоял еще вопрос о Поморье. В отношении Жмуди были подтверждены условия Салинского мира, заключенного в 1398 г. между Орденом и Витовтом и не упомянутого Длугошем в его «Истории», в отношении Поморья — условия Калишского мира 1343 г., оставившего Поморье за Орденом.

[13] Длугош неудачно выразился. Князь Януш основателем Ордена не был, но он являлся правнуком князя Конрада Мазовецкого, сыгравшего известную роль в образовании Орденского государства (см. 1394 г., прим. 4).

[14] Местные съезды (сеймики) — съезды в отдельных землях страны. На них собиралась местная шляхта (дворянство) для разрешения вопросов, касавшихся данной земли.

[15] Лан — участок земли, единица обложения. Согласно Кошицкой привилегии выданной королем Людовиком в 1374 г., шляхта была освобождена от всех налогов в пользу государства, кроме двух грошей с лана, причем этим последним налогом облагалась не личная земля шляхтича, а земельные участки его крестьян.

1405 г.

[1] У Длугоша «praeceptores» — «наставники»; очевидно, члены совета Ордена. См. выше статью Л. В. Разумовской.

[2] Называя здесь и дальше короля Казимира III Казимиром вторым, Длугош видимо, не принимает во внимание Казимира II Справедливого (1177—1194), как государя не всей Польши, а только князя сандомирского и краковского (великого князя в период феодальной раздробленности).

[3] Речь идет об акте мирного договора, заключенного в Калише в 1343 г. между Казимиром III и Орденом.

[4] Поляки непреклонно держались того взгляда, что все польские земли, отошедшие от «единого тела Польского государства» вследствие захвата соседями или дарения польских королей, принадлежат по существу Польше и должны быть раньше или позже воссоединены с Польшей.

[5] Имя маршалка было не Миколай, а Збигнев. Занимал этот пост в 1399—1425 гг.

[6] Шимборг (Шенбург, Шаумбург) — фогт Ордена в Самбии.

[7] Мать Витовта, Бирута, жена Кейстута.

[8] «Vakkis Ahridlis» — искаженные древнелитовские слова. Согласно справке проф. Б. А. Ларина, означают, видимо, «немцы крестоносцы».

1406 г.

[1] Иоанниты — один из древнейших рыцарско-монашеских орденов, возникших в эпоху крестовых походов.

[2] Санток — древний польский замок у впадения р. Нотеци в Варту (приток Одры), на границе между Великой Польшей и Новой маркой. В 1365 г. вместе с другими пограничными замками был отдан Казимиром III в ленное владение Ордену иоаннитов в лице рыцарского рода фон дер Ост. Когда Тевтонский орден в 1402 г. получил Новую марку в залог от короля венгерского Сигизмунда, которому она принадлежала, он стал рассматривать Санток как свою собственность, в чем Сигизмунд его поддерживал.

1408 г.

[1] Миколай из Михалова каштеляном сандомежским никогда не был. В 1399—1410 гг. занимал пост каштеляна войницкого, а с 1410 по 1430 г. — воеводы сандомежского.

[2] Януш из Тулискова был каштеляном калишскми в 1408—1426 гг.

[3] Винцент из Гранова — каштелян накловский в 1398—1408 гг., затем староста Великой Польши.

[4] Румбольд известен в должности маршалка литовского только с 1412 г

1409 г.

[1] Комтуром в Торуне был в это время Альбрехт Шварцбург (1407—1410), в Старгарде — Эбергард фон Ипинбург (1409—1410).

[2] Имеется в виду Калишский мир 1343 г.

[3] По другим источникам в состав посольства вошли вышеупомянутый архиепископ гнезненский Миколай Куровский, а кроме него, воевода калишский Мацей из Лабышина (см. ниже, прим. 13) и каштелян накловский Винцент из Гранова.

[4] «Хроника» Поссильге датирует отправку магистром послания Владиславу о разрыве отношений днем 6 августа, а переход границы — днем 16 августа (Possilge Chronik, стр. 301).

[5] Другие источники иначе излагают историю сдачи замка Бобровники. Согласно «Хронике» Поссильге, крестоносцы настолько разрушили замок своими орудиями что он был вынужден на четвертый день осады сдаться. «Pamiętnik» Ордена рассказывает, что во время осады Бобровников к великому магистру прибыл с предложением о перемирии архиепископ гнезненский Миколай Куровский. Магистр согласился на перемирие под условием отдать ему замки Бобровники и Злоторыю. Архиепископ просил его о перемирии на сутки, пока он снесется с гарнизоном замка и королевским советом и даст ему ответ на его условия. Магистр прервал военные действия, но когда по истечении суток ответа от архиепископа не последовало, он предложил гарнизону замка Бобровники сдаться, угрожая в противном случае разрушить замок. Не дождавшись обещанной архиепископом помощи, гарнизон, выговорив себе право свободного ухода в Польшу, сдал замок. Между прочим, об участии архиепископа куровского в деле со сдачей замка Бобровники говорит и Длугош (см. стр. 56).

[6] Т. е. в Грюнвальдской битве.

[7] В средневековых городах улицы на ночь запирались на цепь.

[8] Перечисленные Длугошем земли представляли собой не все королевство, как он пишет, а лишь южную часть его.

[9] У Длугоша «in gaiis» (польск.) — «в гаях».

[10] Как рассказывает Поссильге (Possilge. Chronik, стр. 304), Конрад Белый прибыл в лагерь Владислава Ягайлы в составе посольства, направленного Вацлавом IV. королем чешским, с предложением передать весь польско-тевтонский конфликт на разрешение третейского судьи в лице самого Вацлава. Предварительно послы встретились с магистром Ордена.

[11] У Длугоша «in borra». Borra — славянское заимствование, принятое в польско латинской средневековой литературе для обозначения хвойного леса.

[12] Мацей из Лабышина занимал должность брестско-куявского воеводы между 1409 и 1424 гг. Некоторые источники знают его одновременно, в 1408—1421 гг., как воеводу калишского.

[13] Это послание датировано днем св. Лаврентия (10 августа) и, следовательно было написано и разослано до нападения крестоносцев на польские земли.

[14] В описываемое время Венцеслав — чешский король Вацлав IV — уже не был германским императором (королем римлян), будучи отстранен в 1400 г. от престола Однако он продолжал считать себя императором, в чем находил поддержку у некоторых государей (как Владислава-Ягайлы) и у одного из пап. (В период так называемого великого раскола, в котором находилась римско-католическая церковь в 1378—1417 гг.

пребывание двух пап на престоле было явлением нормальным. Каждый из претендентов на папский престол выдвигался различными государями Европы, составлявшими в дальнейшем опору его престола и пользовавшимися взамен покровительством папы).

[15] Конрад Белый называется здесь Старым в противопоставление брату своему, тоже Конраду, князю контскому (Силезия).

[16] Свидница, Вратиславия (Вроцлав) — города в Чехии, точнее в Силезии, входившей тогда в состав Чехии.

[17] «Хроника» Поссильге датирует заключение этого перемирия днем 8 октября и подробно излагает его условия. Все города, деревни и земли, завоеванные той и другой стороной в этой войне, оставались за ними; король польский обязывался не помогать Жмуди и тем, кто ее поддерживает, ни советом, ни делом; в случае, если бы которая-нибудь из сторон нарушила какое-либо из условий, король чешский получал право взять пострадавшую сторону под свою защиту и помогать ей против другой стороны (Possilge. Chronik, стр. 305).

[18] Называя себя государем и наследственным владетелем Руси, Владислав-Ягайло имел в виду Галицкую Русь, отнятую Польшей у Венгрии в 1387 г.

[19] Дрезденко, как и Санток, — древний польский замок на границе Великой Польши и Новой марки. В 1365 г. вместе с Сантоком был уступлен Казимиром III в ленное владение немецкому рыцарскому роду фон дер Ост, а тот отдал его в залог Ордену в 1402 г. Когда в 1408 г. Владислав-Ягайло стал добиваться у Ордена возвращения Дрезденко, крестоносцы купили его у рыцарей фон дер Ост.

[20] Языческое имя Сигизмунда, не в пример именам других литовских князей, до нас не дошло.

[21] В этом отрывке от слов «Итак, тайно собрав» до конца его Длугош излагает события, имевшие место уже весной 1410 г.

[22] Брест-Русский — позднее Брест-Литовский.

[23] У Длугоша: императора. Речь идет о Джелал-ад-дине, сыне Тохтамыша В судьбе последнего Витовт принимал активное участие. Вытесненный из Золотой Орды своим соперником Тимур-Кутлугом, Тохтамыш бежал в Литву, и Витовт совершил два похода (в 1397 и в 1399 гг.) против татар, пытаясь вернуть ему престол, — оба безрезультатно. После смерти Тохтамыша в 1406 г. сыновья его остались у Витовта. Джелал-ад-дин принимал участие в Грюнвальдской битве. В 1411 г. Витовту удалось посадить Джелал-ад-дина на престол в Золотой Орде (С. Лэн-Пуль. Мусульманские династии. СПб., 1899, стр. 189—193; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 318—385, 400).

[24] Каменец-Русский — позднее Каменец-Литовский.

[25] Григорий был епископом в 1413—1425 гг.; до него, в 1404—1413 гг., епископом луцким был Сварослав

1410 г.

[1] После смерти Ядвиги в 1399 г. Владислав-Ягайло женился на Анне (ум. в 1416 г.), дочери Вильгельма, графа килийского, и Анны, дочери польского короля Казимира III.

[2] Килия — теперь город на юге Молдавской ССР. Герман был двоюродным братом не Анны, а ее отца.

[3] Сигизмунд, король Венгрии, правил в 1378—1437 гг.

[4] Нотарий (секретарь) Дунин — Енджей Дунин (Донин), впоследствии подканцлер Польского королевства.

[5] Миколай Цебулка занимал должность великокняжеского нотария в 1409—1429 гг.

[6] Унаследовав маркграфство моравское после смерти своего отца в 1375 г., Йодок (см. 1390 г., прим. 18) младшим братьям своим, Прокопу и Яну-Собеславу, выделил только отдельные города в Моравии. Прокоп до самой смерти (1405 г.) вел с ним борьбу за маркграфство. Владислав-Ягайло действительно оказал Прокопу помощь в 1394 г.

[7] Йодок состоял членом королевского совета при Вацлаве IV, и последние годы своей жизни пользовался большим влиянием на короля.

[8] Срок вынесения третейского приговора был намечен при заключении перемирия в октябре 1409 г. на 9 февраля 1410 г. Вацлав огласил его 15 февраля.

[9] Содержание третейского приговора подробнее изложено в других источниках. Кроме пункта о Добжинской земле, в них записано, что каждая из сторон сохраняет за собой право на владения, принадлежавшие ей до войны, что ни одной из сторон нельзя пользоваться помощью неверных, ни помогать им против другой стороны (под «неверными» понималось население Жмуди и Литвы). «Хроника» Поссильге добавляет еще пункты, касающиеся замка Дрезденко и упоминания Поморья в титуле польского короля (Possilge. Chronik, стр. 312). Пункт о Добжинской земле изложен в этих источниках иначе, чем у Длугоша: Орден должен вернуть Добжинскую землю, но зато Польша (т. е. Польско-Литовское государство) лишается на вечные времена права на Жмудь. Установить точно содержание приговора не представляется возможным потому, что оригинал его уже в 1412 г. был утерян, и утерян, как не без оснований полагает С. Кучинский, намеренно (S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 284).

[10] У Длугоша· «Onagrinas et zubrinas, quae in Polonico Loszy vocantur». Польск. «лоси», очевидно, относится к «onagrinas».

[11] Имеется в виду договор между Владиславом-Ягайлой и Сигизмундом Люксембургским, заключенный в 1397 г.

[12] Тайные переговоры с Орденом Сигизмунд начал вести еще весной 1409 г. Соглашение между ними было заключено в октябре того же года. Сигизмунд обязался совершить нападение на южные районы Польши, за что Орден обещал ему выплатить 40 тысяч флоринов.

[13] Длугош несколько забегает вперед. Свидание Витовта с Сигизмундом происходило в середине апреля 1410 г., а Роберт Клем, избранный в германские императоры после низложения Вацлава Чешского в 1400 г., умер в мае. Выборы нового императора состоялись в сентябре 1410 г., но не привели к окончательному результату. Часть курфюрстов избрала Сигизмунда, остальные поддержали второго претендента — маркграфа моравского Йодока.

[14] Озабоченный усилением мощи Польско-Литовского государства, Сигизмунд возобновлял свои попытки отделить Литву от Польши в 1411 и 1412 гг., после разгрома крестоносцев под Грюнвальдом. Проекты его чуть не увенчались успехом в 1429—1430 гг., когда при активном участии Сигизмунда все уже было подготовлено для провозглашения Витовта королем Литвы, и только внезапная смерть Витовта сорвала эти планы.

[15] В тексте «In Podvodis» (польск.). Имеется в виду одна из самых тяжелых крестьянских повинностей, заключавшаяся в том, что при проездах короля (князя) или его сановников крестьяне каждой из деревень, лежавших на пути следования, обязаны были в ущерб своему хозяйству поставлять свежих лошадей и транспорт.

[16] Брест — позднее Брест-Литовский.

[17] В оригинале «restibus» — «веревками». Этим латинским термином Длугош передал польский термин „вици" — королевские указы о сборе ополчения. Вицями они назывались потому, что вначале их привязывали к шестам, палкам (по-польски wić, множ. число wici) и так носили для всеобщего ознакомления. При подборе подходящего для передачи польского «вици» латинского слова Длугош, очевидно, исходил из значения польского глагола wić — «вить», «плести».

[18] Томас — епископ агриенский (эгерский; Венгрия) в 1400—1410 гг. был с братом изгнан королем Сигизмундом за поддержку Владислава, короля сицилийского, предъявившего претензии на венгерский престол.

[19] В это время Сигизмунд еще не был германским императором (королем римским) Был окончательно избран в 1411 г., после смерти в январе второго претендента, Йодока.

[20] Станислав Цолек был секретарем Владислава Ягайлы в 1410—1421 гг.

[21] Спиборий из Спибожиц в ранней юности покинул родину, и с тех пор бессменно находился при венгерском дворе. Принимал самое активное участие во всех военных операциях и дипломатических переговорах, предпринимавшихся Сигизмундом. За

свои услуги многократно награждался крупными земельными владениями, почему и был одним из богатейших венгерских магнатов.

[22] Длугош неверно записал имя третьего члена венгерского посольства. На самом деле — это известный по другим источникам Кристоф фон Гересдорф, не силезец, а венгерский дворянин. Длугош называет его правильно один только раз, в списке пленных, взятых поляками в Грюнвальдской битве.

[23] «Восьмидневное отдание» — церковная служба в течение восьми дней после больших праздников.

[24] Завиша Черный — знаменитый польский рыцарь, снискавший себе славу необыкновенной отвагой и мужеством, воспетый в стихах и песнях. Свое прозвище получил якобы потому, что носил всегда черное вооружение. Погиб в 1428 г., участвуя вместе с другими европейскими рыцарями в войне Венгрии против турок.

[25] Альберт Мальский — позднее староста ленчицкий и генеральный староста Великой Польши

[26] Добеслав Пухала из Венгров — впоследствии каштелян шрементский (Великая Польша). Один из видных приверженцев учения Яна Гуса в Польше.

[27] Брест — позднее Брест-Куявский.

[28] Речь идет о перемирии. заключенном с Орденом 8 октября 1409 г. (см. выше, стр. 52).

[29] В тексте «in borra» — см. 1409 г., прим. 11.

[30] Столпенское (Слупское) и Щецинское княжества входили в состав Западного Поморья. Магнопольское (Мекленбургское) славянское княжество возникло на захваченных немецкими феодалами в конце XII в. землях прибалтийских славянских племен, как лен Германской империи. Западнопоморские князья, учитывая надвигавшуюся угрозу войны между Польшей и Орденом и возможное нападение на них со стороны Ордена, поспешили заключить с последним в 1409 г. союз против Польши, обещая свою помощь. Богуслав VIII, князь слупский, обещания своего не сдержал, князь же щецинский Казимир V со своими рыцарями сражался под Грюнвальдом на стороне Ордена.

[31] Джелал-ад-дином — см. 1409 г., прим. 23.

[32] Кобылене — см. 1391 г., прим. 2.

[33] Иаков — епископ плоцкий в 1396—1425 гг.

[34] Длугош отмечает этот факт потому, что, как правило, в католической церкви богослужение велось и проповедь произносилась на латинском языке.

[35] Генрих фон Плауэн был комтуром в Свеце с 1407 г. до ноября 1410 г., потом — магистром Ордена.

[36] Какое-то недоразумение. Ниже Длугош сам перечисляет 51 польское знамя и указывает число 40 для литовских знамен.

[37] Одно из древнейших поэтических религиозных произведений на польском языке. Самая ранняя из сохранившихся копий датируется 1407 г., но возникла песня, очевидно, в XIII в. «История» Длугоша — единственный источник, из которого стало известным, что «Богородица», по-видимому, играла в свое время роль польского военного гимна.

[38] Кристин из Острова был каштеляном краковским в 1410—1430 гг.

[39] Сендзивой из Остророга — воевода познанский в 1401—1432 гг.

[40] Петр Шафранец — подкоморий в 1406—1430 гг.

[41] Польск. prороrzес означает «знамя».

[42] Здесь и в некоторых других местах Длугош пользуется риторически именем римского бога войны Марса для выражения идеи военного счастья и бранного пыла.

[43] Фридрих Вальрат — Фридрих фон Валленрод (см. 1394 г., прим. 3).

[44] Лихтерштен — Конрад Лихтенштейн (см. 1390 г., прим. 21).

[45] Шворцборг — Альбрехт фон Шварцбург, в июле 1410 г. комтуром Торуня уже не был, а занимал пост интенданта Ордена. Комтуром Торуня был Иоганн фон Зейн, которого Длугош называет ниже.

[46] Комтуром в Меве был не Фридрих фон Венден, а Сигизмунд фон Рамунген (1407—1410).

[47] Готфрид Гоцфельд — комтур нешавский в 1407—1410 гг.
[48] Генрих — Генрих фон Швельборн, комтур тухольский в 1404—1410 гг.
[49] Не Вильгельм, а Эбергард фон Иппинбург (см. 1409 г., прим. 1).
[50] Николай Вильц — комтур шонзеевский в 1399—1410 гг.
[51] На самом деле Эльфенштейн. Был комтуром в 1404—1410 гг.
[52] Балдуин Штольм — Балдуин фон Шталь, комтур бродницкий в 1409—1410 гг.
[53] Печенгайн — Гамрат фон Пиценау, комтур остродский в 1410 г.
[54] Альберт фон Эчбор — это имя и комтурство щитновское неизвестны.
[55] В тексте «викарием». Звание викария, т. е. наместника, временного правителя, Сигизмунд носил с 1396 г., получив его еще при императоре Вацлаве.
[56] Это послание Сигизмунда являлось результатом его соглашения с Орденом (см. выше, прим. 12). Оно было датировано 21 июня 1410 г., т. е. днем выезда послов Сигизмунда из Венгрии, а передано ими Владиславу-Ягайле только теперь.
[57] Сигизмунд первым браком был женат на Марии, сестре первой жены Владислава-Ягайлы, Ядвиги, вторым — на Барбаре, сестре Анны, второй его жены. Вспоминая о договоре, Владислав имеет в виду договор, заключенный в 1397 г. на 16 лет.
[58] Владислав-Ягайло вспоминает крестовый поход европейского рыцарства с Сигизмундом во главе против турок в 1396 г. Поход был вызван успехами турецкого завоевания и завершился жестоким поражением под Никополем.
[59] Неудачный поход против турок и другие военные предприятия Сигизмунда, поглотившие громадные средства и нанесшие сильный ущерб стране, вызвали в 1401 г. возмущение Сигизмундом в Венгрии. Создалась оппозиция, Сигизмунд был арестован, были выдвинуты новые кандидатуры на престол. Среди кандидатов фигурировал и Владислав-Ягайло. Воспользовавшись возникшей вокруг престола борьбой, сторонники Сигизмунда, в том числе Николай де Гара и Сциборий из Сцибожиц, при поддержке Владислава-Ягайлы добились освобождения и восстановления его на престоле.
[60] У Длугоша — «Dambrowskye ieszyoro» (польск.)
[61] Мацей из Вонсоша — то же, что Мацей из Лабышина (см. 1409 г., прим. 12).
[62] Известный испанский рыцарь — очевидно, Ярослав Ивинский, как многие другие европейские рыцари, принимал участие в так называемой «реконкисте», борьбе, которую вели окрепшие христианские государства Испании с арабами, ее завоевателями, за независимость. Самая борьба почти закончилась в конце XIII в. (до 1429 г. под властью арабов оставался только Гренадский эмират), но необходимость закрепить за собой отвоеванные у арабов территории, охранять границы от вражеских набегов еще долго вынуждала Испанию прибегать к помощи иноземных рыцарей.
[63] Бартоломей Клобуцкий — дядя Яна Длугоша.
[64] Длугош имеет в виду св. Станислава, одного из национальных святых Польши. При жизни — епископ краковский, он принимал участие в оппозиции феодалов, недовольных политикой короля Болеслава II Смелого (1058—1075), и был последним казнен. Впоследствии канонизован.
[65] У Длугоша «inter arbusta et gaiios» (см. 1409 г., прим. 9).
[66] Клавдиан — латинский поэт греческого происхождения. Умер в 404 г. Цитата взята из произведения Клавдиана «На третье консульство Гонория Августа» (ст. 96—98).
[67] Трудно сказать, как было в действительности. Изображая Владислава-Ягайлу погруженным накануне боя в бесконечные молитвы, Длугош, как полагает С. Кучинский, мог следовать традиции своих польских источников. В своей дипломатической переписке поляки всегда старались изображать короля ревностным христианином, стремясь опровергнуть заявления Ордена, утверждавшего, что Владислав-Ягайло и Витовт приняли христианство только притворно (S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 197). Не исключено и другое. Длугош мог намеренно изобразить Владислава-Ягайлу усердно молящимся перед боем, чтобы обосновать изложенное ниже свое положение: Грюнвальдская победа была дарована польскому королю богом в награду за его благочестие и набожность.
[68] Очевидно, ошибка Длугоша, ниже он перечисляет только восемь рыцарей.
[69] Польск. gończa означает «преследующая». Лат. caeruleus — «синий», переведено здесь и всюду дальше как «желтый». Почему-то именно этот термин Длугош

употребляет для обозначения желтого цвета. На это указывает польский историк К. Гурский (J. Długosz. Banderia Pruthenorum. Wydał K. Górski, стр. 292—293, прим. 11).

[70] Название герба у Длугоша пропущено.

[71] В тексте «cubicularium» — собственно «спальников».

[72] Польск. ciołek означает «телец».

[73] Шахматная доска состояла из белых и красных клеток, венец был золотой (поправки к гербам даны по B. Paprocki. Herby rycerstwa polskiego).

[74] Орел был черным, лев был изображен на желтом поле, оба были объединены одной короной.

[75] Олень на знамени имел рога и, кроме того, корону на шее.

[76] На самом деле: половину белого орла на красном поле и половину красного льва на белом поле под одной короной.

[77] Правильно: половину черного льва на желтом поле.

[78] Папроцкий описывает этот герб иначе: агнец божий на белом поле.

[79] Надо: среди трех зеленых деревьев на зеленом поле.

[80] Правильно: на белом поле.

[81] По Папроцкому: черного медведя, на желтом поле.

[82] Якуб из Конецполя — воевода серадзский в 1394—1430 гг.

[83] На самом деле: на лазурном поле.

[84] Ян Лигенза — воевода ленчицкий в 1384—1419 гг.

[85] Львиная голова на знамени была серой.

[86] На самом деле: на лазурном поле.

[87] На самом деле: каштеляна накловского (см 1408 г., прим. 3).

[88] Черный лев на коричневом поле, как бы поднявшийся из-за белой стены. На стене — три желтых камня.

[89] Кристин из Козеглув — каштелян сандецкий в 1386—1417 гг.

[90] Ян Менжик — в 1405—1423 гг. чашник королевства.

[91] Были изображены три черных трубы, на каждой по четыре золотых полоски

[92] Гриф с золотым клювом и лапами.

[93] На самом деле Сигизмунд из Бобова был краковским подсудком в 1431—1436 гг.

[94] Три желтых копья.

[95] Флориан из Корытниц указан Длугошем уже в первой хоругви.

[96] Гневош из Далениц был подстолием в 1410—1426 гг.

[97] Не в середине, а в конце.

[98] Сигизмунд Корибут — племянник Владислава-Ягайлы, сын Карибута-Дмитрия (см. 1387 г., прим. 13).

[99] Так называемые «Гедиминовы столпы» (три белых столпа на красном поле). Знак описывается по Папроцкому, так как в издании Длугоша передан очень приблизительно типографским знаком.

[100] Так Длугош записал здесь имя брата Владислава-Ягайлы, Семена-Лингвена (см. 1392 г., прим. 7).

[101] Трудно сказать, кого следует видеть под именем Георгия. Обычно принято считать, что это — Юрий, сын Семена-Лингвена. В последнее время высказано мнение, что Длугош имел в виду или Юрия Владимировича, князя пинского, или Юрия Михайловича, двоюродного племянника Ягайлы и Витовта (S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 349).

[102] Описание хоругвей Ордена, захваченных победителями в Грюнвальдском бою и во времена Длугоша стоявших еще в кафедральном соборе на Вавеле (Краков), впервые было сделано Длугошем в 1448 г. в особом труде его «Banderia Pruthenorum» («Прусские знамена») и снабжено выполненными по его заказу рисунками (в красках) знамен. Описания орденских знамен в этом первом труде Длугоша и в его «Истории» далеко не совпадают. Все расхождения, а также все неточности, допущенные Длугошем в описании знамен, отмечены в примечаниях, сопровождающих новейшее издание «Прусских знамен», опубликованное К. Гурским (J. Długosz. Banderia Pruthenorum). Эти примечания использованы ниже.

[103] На рисунках в «Прусских знаменах» — черный с золотом крест, в центре — золотой щит с черным орлом.

[104] Длугош ошибочно отождествляет здесь Конрада Белого, князя олесницкого, с его братом Конрадом Контнером, т. е. князем контским (Силезия). См. 1409 г., прим. 15.

[105] На рисунке в «Прусских знаменах» наоборот: белый крест на красном поле.

[106] Епископом помезанским в 1409—1418 гг. был Иоанн Рейман.

[107] Епископом самбийским был Генрих фон Зеефельд в 1395—1414 гг.

[108] Называя эту хоругвь еще ризенбургской, Длугош впадает в ошибку, потому что г. Ризенбург находился на территории не Хелминского епископства, а Помезанского. Фамилия предводителя была, видимо, Зонненбург.

[109] Епископом вармийским был в 1401—1417 гг. Генрих фон Фогельзанг.

[110] Николай Никш — Миколай Рыньский, поляк по происхождению. Был одним из основателей и вождем возникшего в 1397 г. в Хелминской земле «Общества ящериц», которое ставило себе целью освобождение хелминской земли из-под власти Ордена и воссоединение ее с Польшей. В 1411 г. казнен магистром Ордена, о чем ниже расскажывает сам Длугош.

[111] Морейн — Томас фон Мергейм, казначей Ордена в 1407—1410 гг

[112] Комтуром Бальги был Фридрих фон Цоллерн в 1410—1412 гг.

[113] Вильгельм Ниппен — см. выше, прим. 49.

[114] Генрих фон Швельборн — см. выше, прим. 48.

[115] На самом деле Готфрид фон Гоцфельд — см. выше, прим. 47.

[116] Настоящее имя предводителя хоругви было Фридрих фон Венден, фогт в Рогозьно в 1407—1410 гг.

[117] В «Прусских знаменах» это знамя приписано Эльблонгу. Фамилия начальника хоругви была Шенфельд, был комтуром в Гданьске в 1407—1410 гг.

[118] Балдуин Штолл — см. выше, прим. 52.

[119] Правильное имя фогта было Конрад фон Кунсек. Длугош неверно приводит название города, отождествляя Лешкен (Ляски) на Жулавах, где именно была резиденция этого фогта, и Ласин, город, относившийся к комтурству Рогозьна.

[120] Пенченгаун — см. выше, прим 53.

[121] В «Прусских знаменах» это знамя приписано отряду города Гданьска с бургомистром во главе, в «Истории» не упоминающемуся.

[122] Имя графа фон Вендена было Фридрих. Как выше указано (см. прим. 46), комтуром в Меве он не был.

[123] Города и комтурства такого в Прусской земле не было. Кому в действительности принадлежало это знамя, не установлено.

[124] В «Прусских знаменах» это знамя приписано Эльблонгу.

[125] Фридрих фон Цоллерн был комтуром Рагнеты в 1402—1407 гг. В 1410 г. комтуром в ней был Гельфрих фон Драге.

[126] В «Прусских знаменах» это знамя отнесено к городу Кенигсбергу, иначе Крулевцу, а знамя отряда города Кнейпгофа (Книпавы) вообще не отмечено.

[127] Матиас фон Беберах — точнее Матиас фон Беберн, был фогтом в Тчеве в 1402—1410 гг.

[128] Длугош ошибочно объединяет два разных города: Ольштын (у крестоносцев Алленштейн), названный им Большим в отличие от меньшего, Ольштынка, и Мельзак (польск. Пененжно). Описанное здесь Длугошем знамя ни одному из этих городов не принадлежало.

[129] Выработанный в течение ряда столетий ритуал, которым сопровождалось посвящение в рыцари, был очень сложным. Кандидату в рыцари вручали оружие, затем его опоясывали мечом, подвязывали ему шпоры, наносили легкий удар и т. д. В походной обстановке король ограничил обряд посвящения основным только его элементом — опоясыванием, причем только перевязью, без меча.

[130] Подканцлер Миколай Тромба был духовным лицом, краковским каноником (см. 1404 г., прим. 9).

[131] Польск. czisawy (cisawy) означает «рыжеватый», «гнедой».

132 Земовит — сын Земовита IV (см. 1387 г., прим. 2) и сестры Владислава-Ягайлы, Александры.

133 Збигнев из Олесницы — в 1423—1455 гг. епископ краковский, кардинал. См. о нем выше, в статье Л. В. Разумовской.

134 Несколько иначе эпизод с присылкой Владиславу-Ягайле мечей от магистра Ордена излагается в другом источнике, известном под названием «Хроника войны Владислава, короля польского, с крестоносцами». По ее рассказу, герольды вручают один меч королю, а второй — Витовту и обращаются с речью к обоим. В речи этой ничего не говорится о предложении магистра отвести свои войска, чтобы освободить часть равнины для польского войска. Магистр только призывает поляков не скрываться в лесу, а выходить на равнину и начать бой.

135 Станислав, Адальберт, Венцеслав, Флориан, Ядвига — национальные святые, покровители Польского королевства.

136 Т. е. рыцарей, возглавлявших «копья», самые малые боевые единицы в войске того времени (см. выше статью Л. В. Разумовской).

137 Федушко был сыном Любарта, дяди Владислава-Ягайлы, — следовательно, не племянником, а двоюродным братом короля.

138 Генрих из Рогова был подскарбием в 1421—1423 гг.

139 Название этого герба, пропущенное Длугошем, было Ларисса.

140 Югер, польск. морг, составлял немного больше половины гектара. Неясно, почему Длугош для измерения расстояния употребил меру площади, а не длины.

141 На основе рассказа Длугоша о бегстве литовского войска создается впечатление, якобы бежало все литовско-русское войско в целом, кроме трех русских полков. Между тем в «Хронике» Поссильге сообщается об участии литовцев в окончательном разгроме орденского войска в тот же день (Possilge. Chronik, стр. 316). Да и сам Длугош в дальнейшем говорит о литовском войске под Мариенбургом и о возвращении его в Литву. Поэтому проф. Кучинский полагает, что бо́льшая часть литовско-русского войска никуда не бежала с поля битвы (S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 253).

142 Предполагается, что смоленскими полками командовал талантливый полководец, брат Владислава-Ягайлы, Лингвен-Семен (S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 349).

143 Почти такой же рассказ об уходе чешского отряда с поля боя Длугош поместил выше (стр. 95—96). Там не указан только инициатор ухода, Ян Сарновский. Видимо, в обоих случаях речь идет об одном и том же эпизоде.

144 Польск. jakka вообще означает «кафтан».

145 Подтверждая в 1423 г. избрание Збигнева Олесницкого в епископы, папа Мартин (1417—1431) предварительно отпустил ему совершенный им, с точки зрения церкви, во время Грюнвальдской битвы грех, а именно участие в вышеописанном убийстве немецкого рыцаря.

146 Выше Длугош указывает, что рыцарь Кикериц был из Лужиц. Это по соседству, но не одно и то же.

147 Немецк. herum означает «кругом», «назад».

148 Польск. kropyerz означает «покров».

149 С. Кучинский склонен рассматривать выступление Добеслава Олесницкого как ответ на такое же выступление рыцаря со стороны Ордена, что, очевидно, было принято в рыцарской среде. (S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 360).

150 Т. е. Танненберг.

151 Слово multicoraces, очевидно, связано с cortex — «кора». По любезному разъяснению проф. М. Плези, этот термин Длугоша, встречающийся и в других его сочинениях, служит для обозначения берез.

152 Генрих фон Плауэн доносил папе римскому, что в битве пало 13 тысяч «христиан», имея в виду крестоносцев, братьев Ордена. Если даже допустить, что магистр для умаления понесенного поражения уменьшил цифру убитых, и учесть, что, кроме крестоносцев, убито было ведь много и других рыцарей, то и то круглая цифра Длугоша пятьдесят тысяч — несомненное преувеличение. Также преувеличено им, конечно, и число взятых в плен.

[153] «Хроника» Поссильге рассказывает, что Владислав-Ягайло велел положить тело покойного магистра перед своей палаткой всему народу на посмеяние (Possilge. Chronik, стр. 317), что, конечно, следует рассматривать как явную клевету.

[154] Т. е. в Танненберге.

[155] Поморяне, щецинцы, кашубы — славянское население побережья Балтийского моря. Под поморянами, название которых было некогда общим для всех племен этой области, Длугош здесь понимает население Восточного (Гданьского) Поморья, под щецинцами — население Западного Поморья. Кашубы жили к западу от нижнего течения Вислы, т. е. тоже на территории Западного Поморья. Они единственные представители прибалтийских, как лужичане — полабских славян, покоренных немецкими феодалами, дожившие до наших дней. Кашубы входят сейчас в состав Польской Народной Республики.

[156] Т. е. бургграфам Краковского замка.

[157] Университет в Кракове был основан Казимиром III в 1364 г., но после его смерти, при Людовике, а тем более в период внутренних неурядиц, сопровождавших вступление на престол Ядвиги, захирел. Мысль о необходимости восстановления высшей школы в Польше не оставляла, видимо, Ядвигу, высоко образованную для того времени женщину. Она сумела внушить ее и своему мужу Университет был вновь открыт в 1400 г. и скоро стал центром просвещения и национальной науки. Одновременно он принимал активное участие в политической жизни страны.

[158] Начиная с XIII в. польские города пользовались самоуправлением, представительством которого был городской совет.

[159] На самом деле епископа вармийского звали Генрих (см. выше, прим. 109).

[160] Очевидно, недоданных Орденом Сигизмунду, венгерскому королю, по договору, заключенному в 1409 г. (см. выше, прим. 12).

[161] Якуб Кобылянский — каштелян гнезненский и староста брестско-куявский в 1407—1454 гг.

[162] Мариенбург был опоясан тремя стенами. Первая стена окружала «подзамок», где помещались конюшни, амбары и прочие хозяйственные постройки. Между ним и так называемым «средним замком», резиденции великого магистра, высилась отделенная рвом вторая стена. Третья стена шла вокруг «верхнего замка» — основной части Мариенбурга, где находился монастырь Ордена, хранилась его казна, жили рыцари-монахи и т. д; перед ней тоже был глубокий ров. С Кучинский считает, что пролом, о котором говорит Длугош, имелся в первой стене, окружавшей замок, а крестоносцы бежали в верхний замок (S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 395—397).

[163] Правильно Длугош называет только епископа кульмского, в именах остальных он ошибается (см. выше, прим. 106, 107, 109).

[164] Полное заглавие этого труда: «Speculum majus doctrinale, historiale, naturale et speculum minus vel imago mundi». Автор этой своего рода энциклопедии, Винцентий из Бовэ, умер в 1264 г Впервые «Зерцало» было издано в XV в. Подробные сведения о нем см.: А. И. Малеин. Энциклопедия Винцентия из Бовэ. Труды Института книги, документа и письма АН СССР, т. 2, Л., 1932, стр. 23—41.

[165] У Длугоша пропущено имя рыцаря, которому король передал замки Вещлав и Старгард.

[166] Мосьциций из Стеншева был познанским каштеляном в 1401—1429 гг

[167] По поводу предложении Генриха фон Плауэна, приведенных Длугошем, в литературе существуют разные мнения. Большинство не сомневается в их достоверности. Некоторые считают их вымыслом Длугоша, полагая, что если бы магистр действительно предложил отдать Польше Хелминскую (Кульмскую) и Михаловскую земли с Поморьем, мир немедленно был бы заключен.

[168] Т. е. королевскому совету в его обычном широком составе, а не тому, из 8 человек, который был избран королем в начале войны.

[169] По сведениям «Хроники» Поссильге, ливонский отряд прибыл под начальством не магистра, а маршала ливонского (Possilge. Chronik, стр. 321), Бернда фон Гевельмана. Магистр был в это время болен.

[170] Судавской земли, т. е. земли ятвягов (см. 1387 г., прим. 32), которые у прусов и литовцев именовались «судавы».

[171] Польский историк С. Кучинский по поводу последних слов Длугоша замечает, что соблюдение со стороны Витовта своих интересов было совершенно естественным, но отнюдь не означало, что ради них он собирался предать интересы Польши, как изображает Длугош (S. Kuczyński. Wielka wojna, стр. 431).

[172] Своим сообщением о том, что Витовт не решился идти без охраны, Длугош сам опровергает выдвинутое им выше обвинение Витовта в измене и заключении тайного соглашения с крестоносцами. Видимо, Витовт отверг сделанные ему предложения, и на этом основании опасался нападения на свое войско и на себя лично со стороны крестоносцев.

[173] Дмитрий из Красника — то же, что Дмитрий из Горая (см. 1386 г., прим. 2).

[174] «Czisawy», его коня, т. е. гнедого его коня (см. выше, прим. 131).

[175] В тексте: «in Parkani muro». Польск. parkan означает «стена». Длугош употребляет рядом два однозначных слова, латинское и польское.

[176] Ян Жижка — выдающийся деятель гуситского движения, один из вождей таборитов, революционного крыла движения. Замечательный полководец, отразил три «крестовых похода», предпринятых европейскими католическими государствами против «еретической» Чехии (1420—1422). В борьбе между таборитами и чашниками (бюргерско-дворянским лагерем движения) одержал блестящую победу над последними в 1424 г.

[177] Ульрих Элькингер — брат упомянутого Длугошем Конрада Элькингера (см. стр. 138).

[178] Польск. panthlik (pętlik) от pętla — «петля».

[179] Епископа вюрцбургского звали не Эбергард, а Иоанн. Был епископом вюрцбургским в 1402—1412 гг.

[180] У Длугоша «plachta» (польск., означает «платок», «кусок полотна»).

[181] «Rabk» — искаженное чешское слово rabiják (от латинского rabies — «бешенство», «ярость», «неистовство») — «грубый, суровый человек». Здесь, очевидно, «неистовый».

[182] «Wappenrokkyn» — немецк., совр. Waffenrock.

[183] Болеслав — князь мазовецкий, брат Земовита и Януша.

[184] Под «обеими Испаниями» Длугош подразумевает, очевидно, так называемые «дальнюю» (к северу от р. Эбро) и «ближнюю» (к югу от р. Эбро) Испании, различавшиеся в средние века.

[185] Длугош имеет в виду договор, заключенный в 1397 г., срок которого истекал в 1413 г.

[186] Т. е. Сциборий из Сцибожиц и Томас, епископ эгерский, со своим братом (см. выше, прим. 18).

[187] Ян из Щекоцин занимал эту должность в 1410—1432 гг.

[188] Точнее— Карпаты.

[189] Брест — позднее Брест-Куявский.

[190] Курши — в оригинале «cursones», одно из латышских племен, население позднейшей Курляндии (совр. Курземе в Латвийской ССР).

[191] Длугош ошибается в дате съезда. Съезд состоялся, очевидно, между 10 и 13 декабря.

[192] По другим источникам переговоры о перемирии начались еще в ноябре (Possilge. Chronik, стр. 324), а заключено оно было 7 декабря. По условиям перемирия военные действия прекращались на срок с 14 декабря 1410 по 11 января 1411 г.

1411 г.

[1] Срок перемирия (см. 1410 г., прим. 192) истек 11 января, и оно было тотчас же продлено до захода солнца 14 января.

[2] Из других условий мирного договора следует отметить, что Добжинская земля оставлялась за Польшей, но Поморье, земли Хелминская и Михаловская — за Орде-

ном, а вопрос о спорных пограничных замках Сантоке и Дрезденко передавался на рассмотрение комиссии из 12 человек, выдвигаемых королем и магистром, а если она не сумеет разрешить его, то на суд папы.

[3] Длугош употребил здесь польское слово schubas.

[4] Казимеж — город недалеко от Кракова, теперь район Кракова. Скалка — древнее поселение выше Казимежа, теперь тоже в черте Кракова. По преданию, в костеле на Скалке был убит королем Болеславом II краковский епископ Станислав (см. 1410 г., прим. 64). В часовне костела среди гробниц других крупнейших деятелей польской культуры находится гробница Длугоша.

[5] Вывешенные в соборе на Вавеле в Кракове трофейные знамена крестоносцев хранились здесь до конца XVI в. Часть их сохранялась еще и в XVIII в., потому что несколько знамен демонстрировалось на выставке сокровищ Польского королевства, устроенной в Кракове в 1789 г. Имеются сведения, что какие-то из грюнвальдских хоругвей находились в 1797 г. в Военно-историческом музее в Вене, занесенные туда, возможно, участниками восстания в 1794 г. под руководством Косцюшко. В настоящее время в тронном зале бывшего королевского дворца на Вавеле висят копии грюнвальдских знамен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ПРИМЕЧАНИЙ

Барбашев А. Витовт. СПб., 1891.
Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1910.
Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895.
Brückner A. Starozytna Litwa. Warszawa, 1904.
Cronica conflictus Vladislai regis Poloniae cum Cruciferis (Scriptores rerum Prussicarum, B. III, Leipzig, 1866).
Długosz J. Banderia Prutbenorum. Wyd. K. Górski, Warszawa, 1958.
Długosz J. Vitae episcoporum Poloniae. Opera omnia, t. I, Cracoviae, 1863.
Eubel C. Hierarchia catholica medii aevi. Monasterii, 1898.
Fedorowicz K. Dostojnicy i urzędnicy świeccy województwa Krakowskiego w latach 1374—1506. Kraków, 1896.
Kuczyński S. Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409—1411. Wyd. nowe, Warszawa, 1960.
Lelewel J. Polska, jej dzieje i rzeczy jej, t. IV Poznań, 1856.
Łowmiański H. Początki społeczeństwa i państwa litewskiego, tt. 1—2. Wilno, 1931—1932.
Maurer R. Urzędnicy kancelaryjni Władysława Jagiełły. Warszawa, 1877.
Pamiętnik Zakonu Krzyżackiego o wypadkach zaszłych na Zmudzi w 1409 r. Monumenta medii aevi historica, t. VI, Cracoviae, 1882.
Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego. Kraków, 1858.
Piotrowski T. Dostojnicy województwa łęczyckiego za pierwszych Jagiellonów. Warszawa, 1935.
Possilge J. Chronik des Landes Preussen. Scriptores rerum Prussicarum, B. III, Leipzig. 1866.
Voigt J. Namencodex der deutschen Ordens-Beamten. Königsberg, 1843.
Wolff J. Ród Gedymina. Kraków, 1886.
Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386—1795. Kraków, 1885.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ [1]

Б а л и с т а — метательное орудие типа пращи.

Б а л и с т а р и й — стрелок из балисты.

Б а л ь г а — от этого замка крестоносцев сохранились только развалины к северу от г. Мамонова Калининградской области (РСФСР).

Б а р о н — представитель верхушки феодального общества.

Б а р т е ш т е й н — г. Бартошице в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.

Б з у р а — приток Вислы.

Б о м б а р д а — примитивная пушка.

Б о я р е — высший слой феодального общества на Руси и Литве.

Б р а н д е н б у р г — г. Ушаков Калининградской области (РСФСР).

Б р а т и а н — г. Барцяны в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.

Б р д а — левый приток Вислы.

Б р у н с б е р г — г. Бранево в Гданьском воеводстве Польской Народной Республики.

Б у р г о м и с т р (magister civium) — глава городского совета, органа городского самоуправления.

Б у р г р а ф — помощник правителя замка (старосты). В Краковском замке (резиденции короля) было 10 бургграфов, и они не имели над собой старосты.

Б я л а — г. Бела в Венгрии, теперь в Чехословацкой Социалистической Республике (с XII в. до 1918 г. Словакия входила в состав Венгрии, Австро-Венгрии).

В а р м и я — одна из прусских земель. Северная часть Ольштынского воеводства Польской Народной Республики.

Великая Польша — северо-западная область Польши (центр Познань).

В е л н а — правый приток Варты, притока Одры.

В е л ь г н о в о — Фалькново в Быдгощском воеводстве Польской Народной Республики.

В е л ю н ь с к а я з е м л я — южная часть современного Лодзинского воеводства в Польской Народной Республике.

В и л и я — теперь р. Нерис, правый приток Немана.

В и л ь н а — теперь р. Вильня, приток р. Нерис.

В к р а — правый приток Нарева.

В л а д и с л а в и я с т а р а я — г. Влоцлавек в Быдгощском воеводстве Польской Народной Республики.

В о е в о д а (p a l a t i n u s) — высокий сановник; основной обязанностью его было в случае созыва ополчения собирать рыцарство своего воевод-

[1] В словарь внесены только названия сохранившихся до наших дней городов — бывших замков Ордена, малоизвестных рек и земель, а также латинизированные названия городов и областей.

ства и приводить в назначенное королем место сбора.

Гаммерштейн — г. Чарнэ в Кошалинском воеводстве Польской Народной Республики.
Геилигенбейль — см. Свента Секирка.
Гейльсберг — г. Лидзбарк Вармийский в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.
Гогенштеин — г. Ольштынек в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.
Грош — мелкая серебряная монета в Польше.
Грош широкий чешский — чешская серебряная монета, имевшая хождение в Польше.
Грюнвальд — г. Грунвальд в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.

Двина — позднее г. Двинск, теперь г. Даугавпилс в Латвийской ССР.
Драхим — г. Дравско в Кошалинском воеводстве Польской Народной Республики.
Дрвенца — правый приток Вислы.
Дубеша — Дубисса, правый приток Немана.

Жмудь — лит. Жемайте, современная область Жемайте в Литовской ССР, расположенная по правому берегу Немана, в его нижнем течении.
Жулавы — остров в дельте Вислы.

Инстербург — теперь г. Черняховск Калининградской области (РСФСР).
Иоанна св. замок — г. Иоганнисбург, теперь г. Пиш в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.

Канцлер (cancellarius) — правитель королевской канцелярии. Канцелярия, орган центральной власти, вела всю дипломатическую переписку и ведала делопроизводством по внутреннему управлению страной.
Каштелян (castellanus) — второй по значению после воеводы высокий сановник. Только в Кракове был по положению старше воеводы. Некогда облеченный многими судебными и другими обязанностями, в XIV—XV вв. выполнял лишь одну: при созыве ополчения собирал под своим командованием рыцарство своего повета (уезда) и приводил его к воеводе.
Кежмарк — город в Венгрии, теперь г. Кежмарок в Чехословацкой Социалистической Республике.
Кинсберг — нем. Кенигсберг, польск. Крулевец, теперь г. Калининград (РСФСР).
Командор (commendator) — правитель крупного замка-города на территории Ордена и округа, прилегающего к нему.
Командор великий — заместитель великого магистра (см.) Ордена, правитель Мариенбурга (см.).
Комтур — см. командор.
Копа (sexagena) — мера, содержавшая 60 предметов (копа грошей, копа яиц).
Кристбург — г. Дзежгонь в Гданьском воеводстве Польской Народной Республики.
Кульм, Кульмская земля — г. Хелмно; Хелминская земля.

Леополь — г. Львов (Украинская ССР).
Ловчий (venator) — первоначально придворная должность (заведующий королевской охотой), потом — почетное звание.
Лузация — Лужицы, область по среднему течению р. Шпревы (Шпрее), населенная сербо-лужичанами (остатки покоренных в XII в. немецкими феодалами полабских славян). С конца XIV в. принадлежала Чехии. Теперь входит в состав Германской Демократической Республики.
Лісна — правый приток Буга.
Лютерберг — г. Лидзбарк в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.

Магистр (magister) — глава Ордена (Ливонского, бывшего Меченосцев).
Магистр, великий магистр (magister, magister generalis) — глава Тевтонского ордена крестоносцев.

Мазовия — северо-восточная область Польши (центр Варшава).
Малая Польша — юго-восточная область Польши (центр Краков).
Мариенбург — столица Тевтонского ордена, теперь г. Мальборк в Гданьском воеводстве Польской Народной Республики.
Марка — гривна, серебряная польская монета, содержала 48 грошей (см.).
Маркграф (marchio) — правитель марки (военно-пограничной области).
Маршал (marsalcus) — командующий военными силами Ордена.
Маршал великий — командующий военными силами Ордена, заместитель великого магистра (см.).
Маршалок (marsalcus) — правитель королевского двора в Польше, церемониймейстер при выходах короля, приемах королем иностранных послов и т. д.
Меве — г. Гнев в Гданьском воеводстве Польской Народной Республики.
Мечник (gladifer) — первоначально придворное звание (носитель королевского меча), затем — почетное звание.
Мижехола — г. Майшегала (Литовская ССР).
Мисния — см. Мишна.
Мишна — марка (военно-пограничная область), образованная в X в. на землях покоренных немецкими феодалами полабских славян на границе с Чехией. Впоследствии вошла в состав Саксонии, теперь — на территории Германской Демократической Республики.

Нарев — правый приток Вислы.
Невяжа — правый приток Немана.
Нетупа — левый приток Свислочи, притока Березины.
Нидборг — г. Нидзица в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.
Новая марка — военно-пограничная область, основанная немецкими феодалами в бассейне нижней Варты (притока Одры) и ее притока, Нотеци.
Нове място, Нове — город в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.
Нотарий (notarius) — писарь, секретарь.

Остероде — г. Оструда в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.
Остжешовская земля — южная часть современного Познанского воеводства Польской Народной Республики.

Палатин (palatinus) — высокий сановник (в Венгрии).
Папов — деревня Папово-Бискупе в Торуньском повете современного Быдгощского воеводства Польской Народной Республики.
Пассария — р. Пассарга, польск. Пасленка, впадает в Вислинский залив Балтийского моря.
Подканцлер (vice-cancellarius) — выполнял те же обязанности, что и канцлер (см.), разница между обоими заключалась лишь в том, что канцлер скреплял документы большой государственной печатью, подканцлер — малой.
Подкомории (succamerarius) — на его обязанности лежало судебное разбирательство межевых споров.
Подстароста (subcapitaneus) — помощник старосты (см.).
Подстолий (subdapifer) — некогда придворная должность, связанная с выполнением определенных обязанностей за королевским столом, с конца XIV в. — почетное звание.
Подсудок (subjudex) — помощник судьи.
Подчаший (subpincerna) — помощник чашника (см.).
Помезания — самая западная из всех прусских земель, к северу от Хелминской земли.
Померания, Померанская земля — так Длугош называет Восточное (Гданьское) Поморье.
Попрот — р. Попрад, приток Дунайца, притока Вислы.

Рагнета — теперь г. Неман Калининградской области (РСФСР).
Реден — г. Радзин в Быдгощском воеводстве Польской Народной Республики.

Рейно — г. Рын в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.

Ризенбург — г. Прабуты в Ольштынском воеводстве Польской Народной Республики.

Росситен — г. Рассейняй в Литовской ССР.

Самагиттия — латинизированная форма литовского Жемайте (см. Жмудь).

Самагитты — жмудины, население области Жемайте (см. Жмудь.)

Самбия — одна из прусских земель, расположенная на острове, омываемом р. Преголой и Балтийским морем.

Сандец — г. Сонч (Новый Сонч) в Краковском воеводстве Польской Народной Республики.

Свента Секирка — г. Мамоново Калининградской области (РСФСР).

Сейм — у Длугоша съезд высших духовных и светских сановников страны.

Силезия — юго-западная область Польши (центр Вроцлав).

Совет (consilium) — королевский совет (рада), орган центральной государственной власти.

Советник (consiliarius) — член королевского совета.

Спальник (camerarius, cubicularius) — некогда придворная должность, связанная с обслуживанием королевских покоев, затем — почетное звание.

Староста (capitaneus) — в Великой Польше — наместник короля, назывался здесь генеральным старостой. В других частях страны — правитель отдельной земли, иногда и управляющий королевскими имениями на ее территории. Чаще же всего — правитель замка.

Стольник (dapifer) — первоначально придворное звание, связанное с известными обязанностями за королевским столом, потом — почетное звание.

Страва — приток Немана.

Тапеево — теперь г. Гвардейск Калининградской области (РСФСР).

Тройпеда — г. Клайпеда (Литовская ССР).

Троки — г. Тракай (Литовская ССР).

Флорин — венгерская золотая монета, имевшая хождение в Польше.

Фогт (advocatus, capitaneus) — правитель маленького города-замка на территории Ордена, иногда целой области.

Хенцины — город в Келецком воеводстве Польской Народной Республики.

Хомантово — г. Хомутов в северной Чехии.

Хоругвь — знамя, отряд (полк).

Хорунжий (vexillifer) — некогда должность (знаменосец), в описываемое время — почетное звание.

Чашник (pincerna) — первоначально придворная должность (виночерпий за королевским столом), потом почетное звание.

Шонзее — г. Ковалево в Быдгощском воеводстве Польской Народной Республики.

Энгельсберг — потом деревня Копшивно (Покшивно) в Грудзендзском повете Быдгощского воеводства Польской Народной Республики.

Юнивладиславия — г. Иновроцлав в Быдгощском воеводстве Польской Народной Республики.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЯН ДЛУГОШ. ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА

Печатается по постановлению Редакционной коллегии Серии «Литературные памятники» Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. Г. Дагин*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Р. Г. Гершинская, Г. А. Мошкина* и *З. В. Типикина*

Сдано в набор 5/II 1962 г Подписано к печати 25/IV 1962 г. РИСО АН СССР № 10—133В. Формат бумаги 70×90$^{1}/_{16}$. Бум. л 6$^{3}/_{4}$. Печ. л. 13$^{1}/_{2}$=15 79 усл. печ. л. + 2 вкл. Уч.-изд. л 16 2+2 вкл. (0.32). Изд. № 1486 Тип. зак. № 543. Тираж 8000.

Цена 1 р. 20 к.

Ленинградское отделение Издательства АН СССР Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства АН СССР Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12